

АБДУЛЛА КАХХАР

Избранные
произведения
в 3-х томах

ТОМ I

Рассказы и пьесы

Издательство литературы и искусств»
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1972

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**С. Бородин, Н. Владимирова, К. Каххарова, Л. Каюмов, С. Лн-
ходзневский, А. Удалов, А. Шарафутдинов**

Составитель кандидат филологических наук Н. В. ВЛАДИМИРОВА

Художник В. ШТИН

РАССКАЗЫ

Прозрение слепых

Не вы ли это, мулла Умар?
Не вас ли ждет кабанья стрела?

Песня

• так, Ахмад-палван ждал смерти. Правильней было бы сказать, что смерть ждала Ахмад-палвана... Сам-то он не имел ни малейшей охоты к переселению в иной мир, но, связанный, как баран, и поставленный бок о бок с десятником, которому па этот раз поручили исполнять обязанности палача, мог ли он крикнуть «да» в одну сторону и «нет» в другую?

Палач был парень маленького роста, но крепкого сложения. Когда он подтолкнул Палвана, тот качнулся, как слабая тростинка, и упал навзничь, придавив спиной связанные крест-накрест руки.

Увесистым пинком палач заставил Ахмада подняться. Встав на ноги, Палван осторожно пошевелил плечами, пробуя, нет ли где-нибудь перелома или вывиха, но тут же с горькой покорностью подумал, что переломы и вывихи теперь уже не имеют значения.

Палач опять подтолкнул Палвана — на этот раз полегче, — и тот, пробежав иль, вернее, проковыляв несколько шажков, оказался прямо перед супой, па которой, опираясь на подушки, возлежал одноглазый курбаши в поло-

сатом, сильно засаленном халате. Справа от курбаши сидел горбатый улем, слева примостился желтолицый индусский таиб, за спиной же пристроился хозяин дома — маленький вертлявый старикашка, похожий на летучую мышь.

С трудом разлепив зрячий, но в эту минуту почти ничего не видящий глаз, курбаши набрал в легкие воздуха и во всю силу крикнул:

— Отродье дьявола! Скоро ль услышим мы гнусные имена твоих пособников?

Ахмад-палван по-прежнему храпал молчание. Мог ли он прибавить самую ничтожную малость к тому, что было сказано раньше? Да, он убил эффендн Исмаилп, но пособников, если не считать пособником простого топора, у него не было.

Курбашп считал эффендн своим главным помощником, и эффендн действительно был правым крылом стервятника. Когда под Алкармазаром пуля красной звезды конника пробила грудь эффендн Мсмаила, курбашп выхватил его из самой гуши боя и, поддерживая в седле, ускакал с ним в горы. Если б погоня не была такой неотступной, курбашп перевязал бы рану своего первого помощника, но конники с красными звездами на остроконечных шлемах так упорно преследовали беглецов, что остановиться — даже на одно мгновение! — было просто невыносимо.

Только ночью, потеряв половину своих всадников, курбашп достиг того кишлака, в котором жил Ахмад-палван. Истекающий кровью эффендн попросил, чтобы его не везли дальше, а оставили в доме какого-нибудь надежного человека.

Курбаши имел в этом кишлаке сторонников, которым он верил безоговорочно. Но ни в одном из двух или трех преданных басмачам домов нельзя было поместить эффендн, потому что эти дома принадлежали баям, а курбаши отлично знал, что именно к богатым и почтенным баям красные звезды относятся с настороженной враждебностью. Справедливо рассудив, что самым надежным убежищем для эффендн будет в этих условиях жилище бедняка, курбашп решил оставить умирающего в жалком домишке Палвана.

Ахмад-палван с рук на руки принял эффенди и в ответ на приказ курбаши пообещался обеспечить не только уход за раненым, но и ничем не нарушаемый покой. Свое обещание Палван выполнил еще до того, как в непроглядной тьме ночи затих дробный топот коней, уносивших курбаши и его джигитов в более безопасные места.

Ахмад-палван не стал ждать выздоровления или смерти эффендн: опасаясь, что курбаши вернется и заберет своего помощника, он успокоил рапеного ударом тяжелого топора, и притом успокоил навек.

Через тридцать семь дней после того, как тело аффенди было схоронено в глубокой яме, курбаши, узнавший от одного из кишлачных баев о поступке Палвана, схватил и связал Ахмада и бросил поклажей на копя. Палван два дня трясся на этом коне, чтобы ровно на сороковой день после смерти аффенди получить возмездие за кровь верного помощника курбаши.

Теперь он стоял перед лицом врага и ждал его слова.

Но курбаши безмолвствовал, потому что то напряжение, которое ему понадобилось, чтобы разжечь в себе мстительную ярость, окончательно истощило его силы.

Сидя на супе, улем, табноб и вертлявый старикашка растерянно переглядывались, по старались не смотреть на палача и на спешных джигитов, которые томились в невеселом ожидании.

Но вот улем набрался храбрости и легонько подтолкнул курбаши. Тот вздрогнул, вскинул голову и, глянув на небо, сразу же вспомнил, что на закате ему надо вывести джигитов для набега на соседний кишлак, где у него остались незаконченными кое-какие затянувшиеся счета с враждебными ему дехканами. Так как солнце склонилось низко и до заката оставалось не более двух-трех часов, то курбаши решил: «Надо кончить с этим негодяем...» Единственное око его, горевшее волчьим огнем, устремилось прямо на Палвана.

Палван перенял этот, полный угрозы, взгляд и не опустил перед ним своих усталых, но очень твердых глаз.

Стремительно качнувшись вперед, курбаши заорал во всю глотку:

— Грязный отступник! Неужто ты думаешь, что за спиной твоей не палач стоит, а жизнь иль даже — две жизни?

Палван пошевелил за спиной затекшими пальцами и заговорил, глядя прямо в лицо курбаши:

— Бек мой! Я сказал все и больше мне нечего сказать... Аффенди убивал дехкан, я убил его, а теперь вы собираетесь убить меня... Но перед концом жизни я хотел бы сделать угодное аллаху дело, чтобы аллах...

— Вшивый дурак! — закричал курбаши, — Не смей оскорблять священное имя!

— Могу ли я о кощунстве помышлять? — печально усмехнулся Палван. — Нет, бек, мне надо в мой последний час о другом помыслить. Смиренно молю вас, бек, доз-

вольте совершить угодное аллаху дело, от которого и вы, мудрый бек, получите пользу!

— Какую же пользу могу я получить от тебя? — свирепо закричал курбашп.

— Бек мой, — сказал Палван, — вы сильны, как лев, а я слаб, как пчела. Но ведь вам известно, что лев едва не погиб, когда пренебрег пчелой? Не пренебрегайте мной, могучий бек, и я открою вам одну тайну.

Судорога не то злобы, не то смеха прошла по лицу курбашп, но он подавил ее и тут же превратил в зевок. Показав полную неохоту к дальнейшему разговору, курбашп сердито сказал:

— Я вижу тебя насквозь, собака!

— Вы видите меня одним глазом, а можете увидеть двумя! — твердо возразил Палван п, заметив недоумение и гнев на лице курбаши, неторопливо прибавил: — Бек мой, ваш левый глаз лишен света, потому что темная вода залила его. Но я могу вернуть свет вашему незрячему глазу, потому что мне известна тайна исцеления слепых.

При слове «исцеление» индусский табиб, не вполне понимавший узбекскую речь, вдруг встрепенулся и стал спрашивать улема, что сказал этот обреченный на смерть человек.

Улем растолковал смысл сказанного, и табиб уже не безучастно, а очень внимательно глянул на Палвапа.

«Он, конечно, говорит ложь», — подумал табиб и тут же усомнился в своем сомнении и строго спросил себя: «А что, если в большой лжи этого человека таится зернышко правды?»

Курбашп вдруг обернулся к табибу и сказал:

— Табиб, я дарю вам тайну этого паршивца. Вы мало что смыслите в искусстве врачевания, потому что даже из своего тела не можете изгнать болезнь, которая три раза в неделю трясет вас, как дьявол трясет одержимого. Возьмите тайну исцеления слепых, и пусть она умножит ваше искусство!

Курбаши расхохотался и откинулся на подушки, которые успел подсунуть вертлявый хозяин дома. Если бы не эти подушки, курбаши, наверное, расколосся бы от хохота: так расколыхалось его тучное чрево. Внезапное веселье курбаши передалось другим. Даже строгий улем не смог удержаться от улыбки, а старикашка, похожий на

летучую мышь, весь изошел смехом. Табиб один остался в стороне от этого непристойного веселья.

По пот курбаши успокоился и, переведя дух, сказал:

— Мне надоело слушать сказки этого дурака! Поговорите вы с ним, табиб, а я помолчу и послушаю.

Табиб молча кивнул и повернулся к Палвану.

— Удалось ли тебе исцелить хоть одного слепца? — строго спросил оп.

— Нет,— просто ответил Ахмад-палван.— Сам я еще никого не исцелял, но старик — мой учитель — • возвратил одпажды свет слепцу. Слепой стал видеть, а старик ослеп сам и умер.

— Отчего же он умер?

— Оттого, что отдал свой свет другому.

Палвап опять пошевелил затекшими пальцами и спокойно прибавил:

— Я ведь тоже ослепну, когда отдам свой свет темному глазу бека.

Табиб принял такой вид, как будто ответ несколько не удивил его, и еще строже спросил:

— А как звали твоего учителя?

Палван ответил, что имя учителя он назовет позднее, когда все увидят, что оп, Ахмад-палван, действительно имеет власть исцелять.

Табиб еще раз кивнул головой и погрузился в раздумье. Суеверия в нем было больше, нежели знаний, однако в искусстве врачевания оп кое-что понимал. То, о чем говорил Палван, казалось ему невозможным и даже чудовищным, но он помнил давние наставления своих учителей, которые настойчиво утверждали, что в природе нельзя провести грань между невозможным и возможным. Только такой невежда, как этот безмозглый курбаши, может смеяться над табибом, который не имеет силы излечить себя от малярии. Самые великие хакиды покорно склоняются перед болезнями, но то, что скрыто от посвященных... разве оно не может открыться непосвященному?

Табиб глянул на Ахмад-палвана и вдруг решился: будь что будет, а пройти мимо этого случая нельзя.

Путаясь в словах чуждого для него языка, табиб обратился к Палвану и спросил, какие снадобья или травы понадобятся для лечения курбаши.

Палван ответил, что ему будут нужны пять незабудок, пара плодов хурмы, одно яйцо, одна ложка меда и ползолотника тмина. В хозяйстве вертлявого старикашки — домовитого бая — пашлось все перечисленное, за исключением незабудок, за которыми послали одного джигита.

— Нужно тебе еще что-нибудь? — спросил таиб.

— Да, — ответил Палван, — понадобится модный котел и свеча.

Похожий на летучую мышь старикашка принес и эти предметы, и Палван попросил прилепить свечку так, чтобы она пришлась как раз против мертвого глаза курбаши, а котел велел поставить на огонь и налить в него две пиалы воды.

Все это было исполнено.

Когда вода закипела в котле, Палван велел растворить в ней мед, вылить туда же содержимое яйца и опустить хурму и тмин.

Одни из джигитов, спя у котла, все время перемешивал варево, и Палван потребовал, чтобы этому джигиту отдали незабудки, за которыми сходил посланный. Когда это было исполнено, Палван велел отделить пять незабудок и тоже бросить их в котел.

Таиб не спускал с Палвана внимательно настороженных глаз. Стараясь запомнить последовательность его действий, таиб в то же время терзался сомнениями.

«Ах, если бы оказалось, что этот человек действительно владеет тайной», — раздумывал он и тут же начинал прикидывать и подсчитывать те выгоды, какие открылись бы перед ним, когда великая тайна сделалась бы его достоянием. Прежде всего он перестал бы нуждаться в покровительстве хозяина. Пожалуй, тогда можно будет вернуться и в родной город, из которого он, таиб, по низким проискам других таибов был изгнан как признанный мошенник и невежда. Что скажут тогда все эти гнусные и завистливые таибы, что скажут высокоумные хакимы и куда спрячут они свои бесстыжие глаза, когда увидят его возвращение в могуществе и славе самого великого из всех самых великих таибов, которых когда-нибудь знал подлунный мир?

Так или примерно так размышлял индусский таиб, глядя на синий дымок пара, который струился и восходил над котлом.

ГТалпап тол,о смотрел нл котел.

Когда парок стал курчавиться и *m* синего сделался полым, Палван велел снять котел п принести таких камней, которых никогда не касалась вода.

— Пусть принесут камни! — приказал курбаши, вдруг сообразивший, что перед набегом на соседний кишлак надо расшевелить джигитов зрелищем, которое он, курбаши, сумеет увенчать одпой потешной, хотя и очень кровавой выдумкой.

Три джигита принесли в полах своих халатов три груды камней и свалили их у ног Ахмад-палвана.

Тот попросил, чтобы ему показали каждый камень в отдельности, и в конце концов остановил свой выбор на одном камне весом в семь или восемь фунтов.

— Я не уверен, что вода не касалась этого камня,— сказал Палван и велел обтесать камень так, чтобы он стал похож на железный сошник омача.

— Сделайте ото! — приказал курбаши, и здоровенный верзила-джигит тотчас же вооружился насечкой, какой мельники вырубают рубцы на жернове, и принялся обте^сывать камень.

Палван повернулся к табибу и сказал:

— Хаким, мне нужна теперь кровь человека!

— Где же ее взять? — озадаченпо отозвался табиб и покосился на курбаши. Тот пристально взглянул на Палвана.

— Я дам кровь! — сказал Палван и, обращаясь к курбаши, прибавил: — Бек, прикажите палачу отсечь мне палец!

Смутный гул восклицаний прокатился по обширному двору и тут же затих.

Курбаши запустил пятерню в свою курчавую бороду и, как бы раздумывая вслух, вяло проговорил:

— Но тогда придется развязывать руки!

— А вы что же... боитесь меня, бек? —* спросил Палван и дерзко посмотрел прямо в лицо курбаши.

Пятерня, сжимавшая бороду, дернулась, а щеки курбаши, изрытые оспой, густо побагровели, отчего рябины проступили отчетливее.

— Развяжите этого кабана! — заорал курбаши.— Развяжите этого кабана, и пусть два джигита обнажат сабли и встанут справа и слева от него! А ты, палач, также обнажи саблю и смотри в оба!

Три человека с саблями наголо окружили Палвана, а веревка, разрезанная ножом, упала налечь. Палван вскпнул освобожденные руки и помахал ими над головой:

— Принесите толстый пенек и небольшую пиалу! — приказал он, растирая багровые рубцы у кистей.

Пенек и пиалу принесли, и Палван знаками показал, куда их следует поставить.

— Приготовься, палач! — негромко сказал он. — Когда я крикну — руби! — ты должен рубить!

Палач пробормотал что-то невнятное.

— Хакпм! — позвал табиба Палван. — Встаньте здесь и держите пиалу!

Табиб сошел с супы, взял пиалу и встал на указанное место. Палван опустил на колени, прижал к ладони левой руки четыре пальца, и, выставив наружу мизинец, положил его на пенек.

Во всем домовладении вертлявого старикашки стало так тихо, что можно было отчетливо услышать шелест крыльев пролетающей бабочки.

Горбатому улему стало вдруг дурно, и он, побледнев, закрыл лицо руками. Должно быть, улем не слышал ни возгласа «руби», ни свиста сабли.

Когда он открыл глаза, Палван выпрямился уже во весь рост, выше головы подняв изувеченную руку, которую табиб, чтобы остановить кровотечение, присыпал на месте отрубленного мизинца каким-то порошком. Лицо Палвана блестело от крупного пота, и дышал он тяжело и сипло.

Увидев уголком глаза пиалу, теперь уже не пустую, а наполненную, улем быстро отвернулся. Как раз в это мгновенье полуопущенные веки Палвана дрогнули. Взглянув на свою руку и заметив, что кровотечение прекращается, он спросил:

— Готов ли камень?

Курбаши, как эхо, повторил:

— Готов ли камень? — И, взмахнув рукой, нетерпеливо прибавил: — Несите его сюда!

До этой минуты курбаши не сомневался, что Палван дурачит его, стараясь увернуться от смерти, теперь же он почти безоговорочно поверил, что этот непонятный человек способен возратить зрение невидящему глазу. Смутное сожаление или, вернее, тень сожаления шевель-

нулась в одичавшем сердце курбаши, и оп с меньшей свирепостью поглядывал теперь па Палваиа.

А Палван продолжал распоряжаться, и приказы его выполнялись так, как если бы это были приказы самого курбаши.

Верзила-джигит принес камень, обтесанный в форме сошника, и таиб, следуя указаниям Палвана, начал смазывать камень тем снадобьем, которое было сварено и котле. Важная медлительность оставила таиба, и он двигался и действовал с необыкновенной бойкостью, так каг не сомневался теперь в Палване и верил, что великая тайна достается ему, таибу, утомленному нелегкой и опасной службой в отряде курбаши.

Подняв камень, таиб пошел с ним к месту, открытому для ветра, так как Палвал сказал, что камню надо дать обсохнуть. Именно в эту минуту таибу вдруг вспомнились слова Палвана о том, что человек, владеющий тайной исцеления слепых, потеряет свет своих глаз после того, как он вернет зрение слепцу. Одна мысль об этом так испугала таиба, что он споткнулся и едва не выронил камень. Но на смену этой мысли тут же пришла другая:

«Я буду исцелять только богатых, и сам буду богат, и, значит, у меня найдутся деньги, за которые любой нищий согласится ослепнуть вместо меня...»

Обрадованный этой мыслью, таиб положил камень на место, открытое ветру, и вопросительно посмотрел на Палвана.

— Все остальное я сделаю сам,— сказал Ахмад-палван, и таиб с видом человека, выполнившего пелегкш долг, поднялся на супу. Палван проводил его глазами и, опустив на уровень плеч руку, рана которой уже не кро воточила, медленно обернулся к курбаши.

— Если позволит бек,— почтительно сказал он,— я, пока сохнет камень, отдохну немного!

— Отдыхай, отдыхай!—поспешно отозвался курбаши, и окружающие услышали бы ласку в его голосе, если б только этот хриплый голос способен был звучать мягко.

Палван, носреди трех стражей, опустился на корточки и устало поник головой. Если б изувеченная рука не лежала сейчас на его колене, то со стороны можно было б подумать, что это крестьянин прпсел для короткого отды-

ха, после которого он опять примется за работу в своем саду или же на своем поле. Непонятное спокойствие обреченного на смерть удивляло и, пожалуй, даже тревожило курбашн.

Видя, как спокойно наслаждается отдыхом этот непонятный человек, курбашн перебирал в памяти все известные ему пытки, но не находил такой, которая могла бы сломить необыкновенное спокойствие Палвапа.

«Если бы этот бесчувственный дьявол согласился стать моим джигитом, он один заменил бы десятерых!» — думал курбашн, и злость, смешанная с восхищением, точила его сердце, так как он знал, что разбить камень можно, но согнуть нельзя.

Поглаживая свою бороду, курбашн до тех пор ворочал тяжелые жернова дум, пока улем не склонился к его плечу.

— Время идет, мой бек! — прошептал улем, и курбашн встрепенулся, как задремавший мельник, и грозно окликнул:

— Эй, ты! Не пора ли приступить к делу?

— Да, мой бек! — поднимая голову, спокойно отозвался Палван.— Камень, наверное, обсох,.. Пусть принесут его.

Верзила-джигит поспешно выполнил приказание, Палван принял от него ношу и не спеша ощупал трехгранное острие камня.

— Бек мой! — сказал он, кладя камень у своих ног.— Перед тем, как начать лечение, я хотел бы попросить...

— ...Чтобы я оставил тебе жизнь? — прервал Палвана курбашн, и недоброе торжество заглохло в его зрячем глазу.— Но это невозможно, мой шутник! Это невозможно, потому что на тебе кровь эффенди...

— Вы правы, бек! — сокрушенно и как бы сознавая правоту курбашн, проговорил Палван.— Но скажите мне, кем был эффенди до того, как он стал вашей правой рукой?

— Он был правоверный мусульманин! — важно и даже торжественно ответил курбашн.

— Я слышал об этом,— простодушно признался Палван.— Но я также слышал, что когда падишаха чужеземной страны изгнали из его белого дворца, стоящего на берегу моря, то эффенди не пожелал вернуться на свою родину.

Курбашн кпвпул головой п насторожился.

— Стало быть, так...— все с тем же простодушием проговорил Палваи.— Эффепп, стало быть, бросил свою родину и остался на чужбине, то есть па пашей зехмле? Что же он делал на пашей земле? Ие трудитесь отвечать, бек, я сам скажу. Эффеиди скакал рядом с вами, бек, и вместе с вами поджигал наши селения и убивал, и грабил...

Палваи быстро и дерзко глянул на курбашп и выкрикнул:

— За это я п убил его!

— Собака! Грязная свинья! — прохрипел курбаши, и рука его, ища рукоятку кинжала, судорожно зашарила по халату.

— Лечение!.. Вы забыли о лечении! — завопил слева табиб, и ему откликнулся сирава улем, который, тыча желтой ручонкой в сторону Палвапа, тоненько заверещал:

— Не поддавайтесь обману, бек! Разве вы не видите?.. Негодяй ищет быстрой смерти!..

— Вы правы, мой улем... И вы тоже, табиб!..— тяжело отдуваясь, прорычал курбаши,— Но пусть эта собака остережется играть с ножом! Ты слышишь, паршивец?

— Слышу, мой бек! — с прежней, а может быть, еще большей почтительностью отозвался Палван.— Простите, бек, я только хотел узнать, все ли еще горяч ваш гнев...

— А зачем тебе знать? — не удержался от вопроса курбаши.

— А затем, что гнева вашего я не так страшусь, как страшусь вашей доброты...

И опять курбаши не удержался и удивленно проговорил:

— Мне непонятно...

— Сейчас будет понятно! — возразил Палван.— Я хочу исцелить вас — не так ли? Стало быть, я должен опасаться, что, когда в вашем темном глазу просверкает искра, вы из благодарности оставите мне жизнь.

— Ты, как я погляжу, все со своими шутками...— сердито проворчал курбаши.

— Подождите, бек, я еще не все сказал.

— Говори! Только покороче!

— Хорошо, мой бек! Вот мол пзувечепная рука, а вот глаза мои. Когда я отдам их свет...

— Понятно! — прервал Палвана курбаши.— Что жо дальше?

— А дальше, мой бек... Я не хочу, чтобы вы дарили мне жизнь... На что мне жизнь ппщего-слепца, которому надо выпрашивать подаяние на базаре.

— Слова твои, пожалуй, разумны,— сказал курбаши и вдруг коротко хохотнул: — Но откуда ты взял, что я собираюсь подарить тебе жизнь?

Палван, до сих пор сидевший на корточках, поднялся, выпрямился и, глядя в усмехающееся лицо курбаши, сказал:

— Я сомневаюсь, мой бек!

— Нет, ты не сомневайся! — со зловещей уверенностью возразил курбаши.— Ты знаешь, что я убью тебя, как только окончится лечение... Поэтому ты и не торопись с лечением... Не так ли?

— Нет, не так, мой бек! Я готов приступить к лечению, по раньше должен увериться...

— В чем увериться?

— В том, что вы убьете меня.

— Но я ведь сказал...

— Я слышал, мой бек...

— Чего же ты хочешь?

— Хочу сказать несколько слов джигитам.

— Зачем?

— Чтобы вы рассердились.

— Но я и без того сердит.

— Нужно, чтобы вы рассердились еще больше...

— А если я не позволю тебе говорить глупые слова джигитам?

Палван усмехнулся и дерзко ответил вопросом:

— Вы, стало быть, боитесь моих глупых слов?

Курбаши побагровел и, кивнув в сторону сторожей, пробормотал, как будто спрашивая самого себя:

— А что, если я скажу, чтобы они поточили сабли на одной глупой башке?

— А что, если один темный глаз останется темным? — проговорил Палван.

Курбаши подскочил па подушках и на весь двор заревел:

— Дьявол! Выплевывай поскорее свои глупые слова!

— Хорошо, мой иск! — сказал Ахмад-ггалван и, с не-
уловимо!! быстротой переходя от дерзости к смирепию,
почтительно потупился перед курбаши.

— Не мне, не мне говори! — завопил курбаши и взма-
хом руки указал на джигитов, которые с жадным внима-
нием смотрели на то, что сейчас происходило перед ними.

Палван повернулся к джигитам, плечом к плечу сидев-
шим на земле, п они увидели лицо его, освещенное ко-
сыми лучами солнца.

— Люди! — сильным п чистым голосом воскликнул
он.— Вот вы глядите па мепя и думаете: «Этот глупец от-
дал палец, а теперь хочет отдать свет своих глаз своему
злейшему врагу—беку!» Не удивляйтесь этому, люди, по-
тому что я отдаю только палец и глаза, а вы отдаете па
растерзание врагу самих себя. Вы сами расстреливаете
себя, потому что убиваете своих братьев и отцов и преда-
'сто огню своп же селения. Не думайте, что от страха я
лишился рассудка! Пусть тело мое соскоблят с костей,
пусть кости мои перемелют под железным жерновом, я
готов на все, чтобы только правда моих слов дошла до
вас, люди! Не пройдет и четверти часа — и я умру... Но
перед смертью я хотел бы знать, ради кого вы с оружием
в руках скитаетесь по горам и ущельям и наносите кро-
вавые раны братьям вашим, таким же, как вы, беднякам?
Скажите же мне, ради кого вы променяли честный омач
пахаря па бесчестное английское ружье?..

— Замолчи, замолчи, негодяй! — вскричал разъярен-
ный курбаши, но Палван даже не оглянулся на него и
воскликнул еще более громким и смелым голосом:

— Когда народ наш истребит всех басмачей, это до
смерти перепугает богатеев, разжиревших баев... Но вам,
вам, неимущим... Чего вам бояться?..

Курбаши, почернив от гнева, дал знак, чтобы палач
ударил ослушника саблей, по не острием, а плашмя. Па-
лач тупо выполнил приказание, и Ахмап-иалван пошат-
нулся от удара, но все-таки устоял па ногах.

Тогда курбаши одним движением стряхнул со своих
плеч и руки табиба, и слабые руки улема, подвинулся к
краю супы п прохрипел прямо в лицо Палвану:

— Я долго терпел твою болтовню, теперь ты послушан
мой слова. Шутник мой, ты умрешь не от сабли палача,
как я думал раньше, а от пожа, крепкого, как клык каба-
на. Но раньше, чем ты умрешь, табиб остороженько сде-

рет с тебя кожу, и я прикажу натянуть ее на барабан, и ты сначала услышишь, как под молотом ударом загремит барабан, а уж потом увидишь нож, которым палач разорвет твою поганую глотку. Я сказал все и больше ничего не скажу. И ты перестань без толку лаять, а приступай к делу!..

Палван почтительно поклонился и знаком показал, чтобы ему подали пиалу. Знак был понят, и Палван обмазал камень содержимым пиалы. Но следующие знаки, как ни старался Палван, остались неугаданными, и курбаши, проворчав ругательство, велел ему объясниться словами.

Палван распорядился принести соломы и накрутить из нее жгутов. Затем, подозвав табиба и хозяина, он попросил их:

— Возьмите жгут, хозяин, а вы, хаким, возьмите камень!

Когда это было исполнено, Палван велел старикашке зажечь жгут и поднести его к лицу курбаши.

— Но это может повредить здоровому глазу бека! — усомнился старикашка.

— Пусть здоровый глаз завяжут платком! — распорядился Палван и, когда это было исполнено, заставил табиба и вертлявого старикашку опуститься перед курбаши на колени.

— Теперь зажгите свечу и следите, чтобы она горела, на угасая, — сказал он.

Свечу зажгли, и Палван, глянув на трепетный язычок пламени, проговорил, обращаясь к табибу:

— Хаким, направьте камень острием прямо на больной глаз и покачивайте его вот так!..

Палван жестами показал, что нужно делать, и табиб, несколько раз подкинув камень, начал его покачивать.

— Плавнее, плавнее! — покрикнул на него Палван. — вспомните, как мягко покачивает ребенка мать.

Табиб, должно быть, никогда не приглядывался к тому, как мать покачивает ребенка, потому что Палван еще и еще раз крикнул:

— Плавнее, плавнее!

Сколько ни старался табиб, а Палван кричал свое:

— Не так, не так, хаким! Начинайте снова!

Между тем вертлявый старикашка зажег уже четвер-

тый жгут, и дым от горящей соломы душил жаждущего излечения курбаши.

В конце концов оп не выдержал и, раздраженный бес-толковостью табиба, приказал:

— Отдайте камень, таиб! Пусть он сам справляется, как ему надо.

Улем опять припал к плечу курбаши и опять стал шептать на ухо. Должно быть, оп предостерегал повелителя против неосторожного поступка, потому что курбаши выругался и сердито прохрипел:

— Мпе бояться этого ублюдка?.. А на что палач и два джигита с саблями! Пусть они подвинутся ближе, а его поставьте сюда!

Палвана ввели на супу, а джигиты и палач придвинулись вплотную.

Палвап опустился перед курбаши на колени и сказал:

— Бек мой! Чтоб не сомневался ваш мудрый улем. пусть мне тоже завяжут глаза.

— Пусть завяжут! — кашляя от дыма, прохрипел курбаши.

Когда это было исполнено, Палван приказал:

— Теперь, хаким, дайте мне камень!

Таиб всунул в протянутые руки камень и смущенно отступил в сторону.

— Следите за свечой, хакпм! — проговорил Палван.— И следите, чтобы острие камня все время приходилось прямо против больного глаза. Я начинаю, мой бек!

...Медленно и плавно покачивался камень в руках Палвана, и от этих покачиваний сильнее разгоралось пламя жгута, и все гуще и гуще валил дым, обволакивающий голову Ахмад-палвана и голову курбаши. Пламя свечи трепетало и билось за спиной исцелителя и табиба, а за ним и все присутствующие поглядывали на это пламя, следя в то же время за руками Палвана.

Движения этих рук, не управляемых зрением, были столь верны, что острие камня все время было направлено против больного глаза. Но когда острие чуть уклонилось, таиб не успел предупредить об этом, потому что исцелитель крикнул: «Свеча!» — и па одно мгновение все, и таиб в том числе, оглянулись на свечу.

Именно в это мгновение камень с трехгранным острием пробил висок курбаши.

В следующее мгновение сабля палача со свистом рас-

секла воздух, п на мертвого курбашп упал мертвый ППалван.

Но палач не успел вытереть саблю, как пуля одного из джигитов сразила его.

За первым выстрелом послышался п второй и третий: джигиты мертвого курбаши начали убивать друг друга, и ожесточенная схватка затянулась до полуночи.

А в полночь загорелся дом старикашки, похожего на летучую мышь, п высокий факел пожара взметнулся в небо, оповестив соседние кишлаки о смерти свирепого курбаши, который многим и многим известен был под кличкой «Одноглазый тигр».

1934

М а с т о н

Лошадь вдруг споткнулась, повалилась на бок и испустила дух. Что случилось, отчего пала лошадь — раздумывать над этим нет надобности; причины смерти выясняют для того, чтобы сохранить жизнь, а здесь, в бескрайней пустыне, спасти уже некого — других лошадей нет.

Молодая женщина, лицо которой не утратило свежести от тягот долгой дороги, попыталась было вытащить гаогу из-под крупа павшей лошади, но вдруг вскрикнула, заметив ящерицу, что выскочила из-под ее паранджи, отлетевшей на несколько шагов. Второй седок, девушка без паранджи, при падении с лошади скатилась кубарем, по тотчас вскочила на ноги и поспешила на помощь спутнице. Та, опершись одной ногой о круп, потянула вторую ногу, вытащила ее, но лакированный ичиг остался под лошадью.

— А, пропади все пропадом! — сквозь слезы проговорила женщина. — Чтобы тебе пусто было с этой учебой, Мастон! Лучше бы я не расставалась с мужем!

Не обращая внимания на ее слова, Мастон приподнял морду лошади и заглянула в ее едва прикрытые глаза; их уже заволокло мутновато-серой пеленой. Мастон выпрямилась и посмотрела вдаль. Степь, необозримая степь! Все вокруг колыхалось в знойном мареве. Жаркий ветер трепал подол ее платья, выпущенного из-под синею жакета, шевелил пряди полюс, налипших на загорелую шею в виски. Мастон, словно только сейчас вспомнив о своей спутнице, резко обернулась к ней.

— Что ты сказала, Тургуной? — спросила опа и при^ села перед женщиной на корточки.— Разве муж не доводил тебя до слез, и сколько раз? Разве он не издевался над тобой?.. А лошадь пала...

Тургуной вздрогнула, позабыв о боли в руке.

— Пала?!

— Да.

Мастон вытащила из-под лошади сумку и проверила провизию: еды хватит лишь па день, да и то если ехать верхом. Воды и вовсе нет, глиняный кувшинчик с водой разбился при падении.

Уложив на голове две короткие, но толстые косы, девушка оглядела свои крепкие яловые сапоги, словно собиралась идти вброд через реку. Продукты из сумки она переложила в скатерть, обвязала ее поясом вокруг талии.

Мастон знала, сколько примерно километров они проехали и сколько еще им предстоит пройти. Оазисов поблизости не было. Идти вперед не опаснее, чем повернуть обратно. Позади — кочующие пески и заросли иргая. А заблудишься в песках или в зарослях, и будешь там бродить до конца своих дней... Ну, а если еще ветер поднимется, заживо погребут тебя пески.

Мастон решила все забыть — и гибель лошади, и разбитый кувшин с водой, и то, что еды в обрез. Она взяла себя в руки. Надо идти, дорога дальняя. Обхватив плечи Тургуной, которая плакала, уткнувшись в скрещенные локти, она заставила ее подняться.

— Не плачь, Тургуной, не плачь. От слез голова разболится... Обуй ичиги, кавуши. Уложи косы на голове и повяжи платком. До темноты надо выбраться из степи, а то, видишь, здесь ящерицы, их тут много. Ну, скорей!

Тургуной рыдала.

Солнце стояло в зените. Короткие тени двух женщин неровно скользили по камням и травам степи. Жег знойный ветер. Юркие ящерицы, увидев людей, стрелой исчезали в норах, в щелях под камнями; те, что похрабрее, отскочив в сторону, задирали головы и с любопытством глядели на путниц выпуклыми глазками, словно вопрошая: «Кто вы такие?» Мастон пыталась как-нибудь отвлечь Тургуной,— только бы она не замечала ящериц.

— Спой что-нибудь, Тургуной!

Мастон тряхнула плечом, поправляя ношу.

— Лошадь околела... А сколько там вещей осталось... а самп... п степи, и неизвестно, что с нами будет. Как ты можешь спокойно идти?..

— Что осталось, того не вернешь. Сколько ни горюй, вещи не побегут за нами. А что с нами будет — это от нас самих зависит.

Солнце склонялось на запад, когда путницы выбрались из степи и стали подниматься на холм. Но взойти на холм куда трудней, чем идти степью. Мاستон, словно лошадь с тяжелым возом, шагала, упираясь ногами в землю; Тургуной же еле шла, пригнувшись и нажимая ладонями на колени.

— Ой, Мاستон, как хорошо было дома... И пусть бы муж измывался надо мной,— простонала Тургуной.

Мастон, шедшая впереди на шаг-другой, остановилась. Выйдя на вершину холма, она сняла с пояса скатерть, вынула лепешку, разломил ее, половину лепешки сунула обратно, а другую поровну разделила на двоих и протянула кусок Тургуной. Та подняла руку — потому только, что это был хлеб, ничто другое сейчас не заставило бы ее сделать это. Тургуной, не прожевав, в два приема проглотила лепешку и умоляюще взглянула на Мастон.

— Довольно. А то не хватит лепешек. Да и пить захочется... воды нет. Пока не доберемся вон до склона, воды не найдем. Без воды только верблюдов протянет...

— К этой лепешке, видно, ящерица прикоснулась. А говорят, от этого еда вкуснее бывает. Может, так оно и случилось?

Мастон рассмеялась.

— А тебе приходилось есть пищу, которой коснулась ящерица?

— Нет, слышала только. Мою двоюродную сестру выдавали за торговца тубетейками Абдуразака. Ему лет пятьдесят, а она молодая девушка... Было это лет десять назад... В ту пору только по воле родителей замуж выходили... Сестра и так и сяк, лишь бы избавиться от мужа... Вот и решила: заражусь-ка проказой... глядишь, он и прогонит меня. Слышала она, что, если съесть ящерицу, на лице белые пятна выступают, как у прокаженных. Так и сделала, сварила ящерицу...

Мастон прервала рассказ и посмотрела на склон холма. Тургуной захныкала. Но девушка, потянув ее за руку, велела встать.

— Рука у тебя, Мاستон, как у парня — такая крепкая, — пройдя немного, сказала Тургуной. — Вот выйдешь замуж, будут у тебя неприятности из-за рук.

— А я, выходя замуж, не стану скрывать свои руки, — возразила девушка. — К тому же я не выйду за такого, которому не поправятся мои руки. Кто сказал тебе, что хорошая жизнь мужа и жепы зависит от мягких или жестких рук... У тебя-то руки мягкие, как шелк, а вот...

— Если бы у меня отец был жив, ни одного дня бы не стала жить с этим оборотнем. Умер отец — и смелости нет. Ну, уйду от мужа, а куда? Пусть хотя бы слепым па оба глаза, хромым на обе ноги, а родись мужчиной... А уйду от мужа, некуда мне податься... В первую ночь свахи мне нашептывали: мол, не давайся, пока не пообещает золотого ожерелья. Наутро я пожалела, сижу, плакать хочется, жалко себя стало, а муж подходит: «Ха-ха-ха, обманул я тебя, не куплю золотого ожерелья!» А, пропади ты пропадом, думаю... Эх, Мастон, суждено нам маяться. Рожать — вот наша судьба, от стариков ли, от молодых, от любимых или нелюбимых — все едино. А ты еще девушка, у тебя надежда на счастье. Я тоже в девушках надеялась... А не встретишь хорошего парня — и счастья не найдешь. И будешь век вековать, охать да ахать. Станешь ждать, что завтра будет лучше, чем сегодня, и не заметишь, как старость придет...

Слезы подступили ей к горлу, она умолкла. Она шла, пошатываясь, как пьяная. Мастон подхватила ее под РУку.

— Мы рождены, чтобы видеть светлую жизнь, Тургуной, как и мужчины, — сказала Мастон. — Мы не курпцы, чтобы покорно высиживать яйца, какие ни подсунут. Человек ведь не курица, и любовь его не куриная... Почему мы должны иметь детей от старика или нелюбимого? Если ребенок не от любимого, пусть уж вовсе не рождается. Ты говоришь, что я девушка и потому надеюсь на счастье? Нет! Если бы я ждала счастья только потому, что я девушка, это было бы несчастьем. Получается, что я свою жизнь ставлю на карту: проиграла — пропала жизнь!.. Нет, Тургуной, по-моему, искать счастье у мужа — это уже начало несчастья. У нас женщины так привязываются к мужу, так ищут в нем свое счастье, что, когда умирает муж, им кажется, будто ключ от их счастья он унес с со-

бой... Вот и плачут не оттого, что муж умер, а оттого, что потеряли надежду на счастье. Если муж при жизни отвернется от жены, она будет плакать не меньше, чем по покойнику. Многие женщины живут рабынями своих мужей, только бы не терять ключа от счастья, только бы не проливать слез. Вчера одна старуха так и сказала: «Сердце мужчины — камень, его смягчают только женские слезы».

Стемнело. Вдали над горами, темной громадой закрывшими полнеба, падали звезды, оставляя за собой огненные хвосты.

У Тургупой развалились кавуши, и в гору ей пришлось взбираться в одних ичихах. Хотя тропинка вилась вверх полого, женщина еле передвигала ноги, при каждом шаге с усилием упираясь руками в колени. Мاستон взяла из рук Тургупой маленький узелок и пошла позади, потому что подруга ее каждую минуту могла упасть и скатиться вниз по склону. Но вот Тургупой совсем выбилась из сил, не смогла больше сделать ни шагу. Припав головой к плечу Мاستон, она заплакала.

— Ноги не держат... умру я здесь, в степи...— произнесла она. Колени ее подкосились, и она мешком нова лилась наземь. Упал ие просто обессиленный человек, упал человек, примирившийся со смертью.

— Тургупой, если мы останемся здесь, волки нас разорвут,— сказала Мاستон.

Жители долины называли гору Волчьей. Слышала об этом и Тургупой, но она не знала, что они находятся как раз на Волчьей горе. С трудом поднялась и побрела дальше. Мастон поддерживала ее. Они направились к гребню горы напрямик, не сворачивая на извилистые боковые тропинки.

Когда они одолели половину склона, с гребня послышалось протяжное: «Ку-ук!..» Тотчас позади спутниц раздалось в ответ: «Ку-ук!» И звук повторился еще раз где-то вдалеке. То кричали ночные «соловьи» Волчьей горы — филины. При первом вскрике Тургупой вздрогнула, а когда раздалась ответные, ее охватил ужас. Она кинулась бежать.

— Ах, проклятый филин! — задыхаясь, проговорила она.

А Мастон шла, прислушиваясь к другим звукам, несшимся издалека,— вою волков.

— Слышишь,— прошептала девушка,— волкп... Кричат филины или пе кричат, а если не доберемся вон до той вершины, погибнем. П потом — это вове пе филин, а кукушка, не пугайся. Волков надо бояться, а не птиц.

Извилистая тропа осталась позади, внизу. В темноте она смутно белела. Мاستон остановилась и, выпрямившись, поглядела вперед. До вершины оставалось несколько метров. Но Тургуной повалилась на землю п тотчас забылась тяжелым сном.

Мастон сидела возле нее, не сомкнув глаз до рассвета; лишь когда заалел горизонт, она вздремнула, но тут же проснулась от кашля Тургуной.

— Вставай, что так долго спишь? — легонько тронула Тургуной ее за плечо.— Вставай!

Мастон снова смежила веки, но Тургуной опять закашлялась. Когда Мاستон проснулась, Тургуной, припав головой к ее плечу, всхлипывала.

Мастон стала успокаивать подругу, поглаживала ее по голове.

— Не плачь, Тургуной, не плачь! Вон он, видишь? — Она показала на долину, что серела в тумане.— Мы теперь почти дома. Это наш колхоз, наш кишлак...

— Ой, ноги... Все тело болит...

— Ноги... Понимаю... Это с непривычки... Вот пойдем, и станет легче... Я спущусь вниз, погляжу, где вода, и мы позавтракаем.

Мастон стала спускаться по склону, но, дойдя до тропинки, услышала крики Тургуной и вернулась. Тургуной показывала в сторону степи и кричала что есть мочи. Мастон взглянула. В степи, возле горизонта, пауком ползла арба. Мастон вскрикнула от радости и захлопала в ладоши. Путницы стали спускаться. Тургуной, задыхаясь от кашля, останавливалась на каждом шагу. Они сели в тени уступа на камень и стали ждать арбу. Тургуной мучил кашель, но лицо ее просветлело, и она с аппетитом жевала лепешку. Вдруг она забеспокоилась: хорошо, если в арбе, кроме возницы, никого нет, а если там мужчины...

— Если там мужчины, я пропала...

— При слове «мужчина» тебе одно только на ум и приходит, — рассердилась Мастон.

— А то как же,— отозвалась Тургуной, вытирая нос подолом платья.— А что еще ожидать от них...

Мастон обычно соглашалась с Тургуной, верила ей во

мпогом, а если думала иначе, не возражала. Но сейчас она никак не могла согласиться с подругой. Тургуной пыталась доказать Масто́н, что мужчипа и женщина при первом знакомстве могут говорить лишь об одном... Они долго спорили, так что арба оказалась уже совсем близко от них. Масто́н вышла навстречу арбе. Возница, обернувшись к двум парням, сидевшим на арбе, показал кнутовищем на девушку. Парни, вытянув шеи, поглядели на Масто́н. Дорога стала неровной, арба накренилась. Все трое прыгнули.

— Это ваша лошадь пала там? — спросил один из парней, махнув рукой в степь.

Масто́н кивнула. Арба остановилась, и девушка пожала руку вознице и парням, в двух словах рассказала им о несчастье. Парни переглянулись.

— Мы выехали ночью, на рассвете проезжали там... — сказал один из них. — Лошадь изгрызли волки... А в сторонке валялась паравджа. Мы не знали, что и думать. Вам повезло... Вот молодцы!..

Тургуной, присевшая в сторонке на камень, тоскливо думала: «Вот кончат сейчас об этом, а что дальше... будут говорить?»

На арбе, поверх снопов клевера, лежала сбруя павшей лошади.

— А мы-то о чем только не думали... Вот молодчины, — удивился возница. — Ну, садитесь, садитесь на арбу, сестрицы! Каждая небось сорока мужчинами смогла бы командовать!

Тургуной села на задке арбы, на клевере, прикрыв рот, исподлбья поглядывая на попутчиков. Масто́н уступили место впереди. Повозка тронулась. Одолев подъем, арба, поскрипывая, поползла под гору. Когда спустились на ровное место, один из парней расстелил скатерть, разложил еду, другой вытащил из-под клевера две бутылки с холодным чаем и разлил по пиалам. Тургуной, как заяц, испуганно вздрагивала при каждом слове и движении мужчин и не дотрагивалась до еды, пока Масто́н что-нибудь не протягивала ей.

Арба свернула на дорогу, которая шла между двух гор, и страшная Волчья гора пропала из виду. Потекла беседа, говорили о том о сем.

Собеседники Масто́н все больше проникались уважением к ней. Сперва они называли ее попросту: сингил —

«сестрица», а погода уже почтительно: апа — «старшая сестра». А когда Мастоп сказала, что она в прошлом году получила на трудодни триста двадцать девять рублен и сто пятьдесят шесть пудов пшеницы, одни парень даже покраснел. Возница насмешливо вставил: «А наш Юлчибан тоже не сплоховал: оп один заработал восемьдесят пудов пшеницы и сто девяносто рублей деньгами», — так что парня пот прошиб, и он стал оправдываться:

— Да нет... это наш... наш такбнрчи...¹

— Не такбнрчи, а табельщик, — поправила его Мастоп.

— Да, да, табельщик. Табельщик у нас негодный... Я всего заработал... хотя и были прогули... а этот бездельник чуждый элемент... — пробормотал парень.

Арба ползла, поскрипывая, разговор шел, перескакивая с одного на другое. Тургуной не вступала в беседу, она сидела, покачиваясь, в снопах клевера и скоро уснула, убедившись, что молодые люди не замышляют ничего предосудительного.

1934

Игра слов: такбнрчи - воздающий хвалу богу.

Городской сад

О погибшая, опустошенная родина...
О погнОшаи родина, каждый
уголок которой в темницу превращен

«Рамузат»

"адакчи Хамракул занемог. Может быть, причиной тому был вчерашний поминальный плов пли в жевательный табак дехканина, которому он чинил сегодня чайник, было что-нибудь подмешано... Хотя нет, ведь еще утром ему было как-то не по себе: неспроста же показалось, что чай отдает кукурузой.

Старого Хамракула знобило, даже поднять руку не было сил. Блюдце, в котором не хватало всего лишь одной скрепки, так и осталось испочиненным. Кое-как прибрав инструменты, Хамракул вышел на улицу. Голова была тяжелая, ноги не слушались — он весь горел. Хамракул никак не мог собраться с мыслями; как ни пытался сосредоточиться, перед глазами всякий раз вставало видение: пьет он горячий-прегорячий чай, потом, закутавшись в одеяло, взлетает под потолок. Зовет имама своего квартала, чтобы тот прочел молитву, но вместо имама в комнату, покачиваясь, всплывает гроб.

Испуганный видением, Хамракул пошел быстрее, только бы поскорей нопасть домой. Вдруг кто-то окликнул его с противоположной стороны улицы. Хамракул хотел обернуться, но пошатнулся и едва устоял на ногах.

Человек, окликнувший Хамракула, был старый Устакулол — сторож Романовского сада. Собственно, фамилия его была Стукалов, но Хамракул не мог выговорить эту трудную русскую фамилию и звал друга на свой манер: Уста-кулол.

Хамракул познакомился с ним прошлой весной, когда старик принес ему починить цветочную вазу — память о погибшем сыне. Раньше они жили в Сибири. Сын рабо-

тал на Ленских приисках и был расстрелян со многими другими рабочими. Почему это произошло, Хамракулу так и не удалось узнать,— едва Уста-кулол, бывало, заговорит об этом, как затрясется весь, начнет ругаться на чем свет стоит, и толку от него не добьешься.

Увидев, что приятель еле-еле стоит на ногах, Уста-кулол отвел его к себе в сад. Усадил старика на голубую скамью с чугунными ножками и иринес воды. Выпив воды, Хамракул как будто немножко пришел в себя, но ему почему-то невыносимо было слышать воробьев, чирикающих в ветвях карагача. Он заткнул уши пальцами и закрыл глаза. Посидев немного, он приоткрыл глаза в предчувствии, что увидит что-то страшное...

Он увидел своего друга. Уста-кулол кричал и ругался, как кричал, когда рассказывал о смерти сына. Увидел он также, как юный офицерик, похожий на девушку, подпрыгнул и ударил Уста-кулола в грудь. Старик упал. Еще не пришедшего в себя Хамракула тоже ударили. Он упал со скамейки, поднялся. Второй удар пришелся ему по шее, Пронзительный свисток...

— Городовой!!!

Откуда-то появилась жена Уста-кулола и упала офицеру в ноги.

Потом двое городских повели Хамракула и Уста-кулола из парка в околоток, находившийся напротив церкви, Собралась толпа. Старуха Уста-кулола шла за ними и голосила. Уста-кулол обернулся к жене.

— Не плачь, старая! Чего убиваешься. Всего и делов-то: из одной тюрьмы в другую переводят...

Двери околотка затворились.

Призывая православных к вечерне, тяжело и протяжно гудели церковные колокола. Волны этого звона плыли над домами. Город был погружен в дремоту, хотя солнце еще не село.

Через неделю в газете «Туркестанский край» появилось следующее сообщение: «23 сентября в Романовском саду, находящемся в русской части города, имел место следующий безобразный случай. Один из сартов, нарушив установленный порядок, осмелился войти в парк, являющийся местом отдыха господ чиновников, и учинил беспорядок...»

1935

Неудача Баки - Мирзы

Пройдоха даже с луж снимает
жи и густой...

Турви

Приходилось ли вам претерпевать те испытания, какие выпадают на горькую долю человека, переступившего порог чужого дома в качестве незваного гостя?

Мы спрашиваем об этом не из простого любопытства и не из желания вызвать краску стыда на вашем лице, а по той единственной причине, что хотим избежать ненужного многословия. Этого легко будет достигнуть, когда мы узнаем, что печальный удел незваного гостя был хоть однажды и вашим уделом. В этом случае нам не придется докучливо и пространно объяснять всю затруднительность положения почтенного Баки-Мирзы, который после довольно длительного путешествия неожиданно-негаданно заявился к своим дальним родственникам и сразу же нарвался (простите за грубое словечко!) на самый заурядный скандал.

Когда Баки-Мирза отворил калитку садика, то взорам его прежде всего представился айван, на котором в это время находились все хозяева дома, а именно: двое молодых мужчин — в них почтенный Баки сразу признал своих троюродных племянников — и одна молоденькая женщина, сидевшая в плетеной качалке. Женщину Мирза видел впервые, но так как он знал, что прошлой осенью племянник Рахим, старший из двух братьев, женился, то почтенному дяде вышеупомянутых племянников не столь уж долго пришлось раздумывать, чтобы прийти к совершенно правильному заключению, которое он, если б только ему вручили бойкое его перо, выразил бы примерно га кой фразой:

«Бесконечно счастлив приветствовать в вашем привлекательном облике новую, но уже близкую моему сердцу родственницу...»

Ни на одно мгновение не сомневаясь в том, что предстоящая встреча дает ему возможность еще и еще раз блеснуть великолепным пониманием тончайшего обращения, Бакп-Мирза бодро двинулся вперед. Так как невысокие кусты, зеленым бордюром обрамлявшие тропинку, оставляли его фигуру открытой для взоров хозяев, он шел особенно щеголеватой походкой, и каждый шаг его, прилично неторопливый, был отмечен размеренным взмахом трости.

Здесь мы должны будем сказать, что тростью своей, богато украшенной серебряными инкрустациями, почтенный Мирза весьма дорожил: до сих пор не было еще случая, чтобы изящная эта вещица, которая являлась единственным доказательством былого великолепия ее обладателя, осталась бы незамеченной окружающими. Но — странное дело! — сейчас ни эта красивая тросточка, ни сам Мирза с его величественной осанкой почему-то не привлекали к себе внимания находившихся на айване людей.

Будь на месте почтенного Баки другой человек, он непременно бы решил, что его просто-напросто не желают замечать. К счастью, у нашего героя завидная быстрота соображения соединялась с осторожностью, и он, чуть замедлив шаг и тщательно приглядевшись к тому, что сейчас происходило у хозяев, безошибочно понял, что невежливость их не была преднамеренной.

Братья, племянники Мирзы, имели вид людей, разозленных до последней крайности. Сидя с угрюмо опущенными лицами, они не глядели друг на друга, и в то время, когда один нервно крутил в руках шахматную фигурку, другой барабанил по столу пальцами, сердито отстукивая какой-то воинственный мотив.

Баки-Мирза решил, что племянники его поссорились, и женщина, сидевшая в качалке, тут же подтвердила эту догадку. Соскочив со своего места и подбежав к патефону, стоявшему на углу стола, она потрогала пальчиком мембрану и укоризненно сказала братьям:

— Вы можете спорить сколько угодно, но зачем же срывать злобу на беззащитном патефоне? Видите, мембрана испорчена!..

«Ссора зашла слишком далеко!..» — подумал Баки-Мирза и, справедливо рассудив, что в этих условиях благоразумнее всего осведомить хозяев о появлении постороннего человека, кашлянул раза два или три.

Хозяева, как по команде, обернулись на звук, и одинаковое движение досады и обидного недовольства отразилось на их лицах. Эта мгновенная мина столь сильно смутила почтенного Мирзу, что тросточка, взнесенная для изящного взмаха, дрогнула в его руках.

В следующее мгновение хозяева опомнились и принялись всеми способами заглаживать допущенную ИМИ неучтивость: братья сошли вниз и, подхватив гостя под руки, почтительно ввели на айван, молодая хозяйка подарила ему одну из наиболее привлекательных улыбок, но Баки-Мирза растерялся настолько, что едва смог пробормотать какое-то нескладное приветствие.

До сих пор не было еще случая, чтобы человек, прославленный своим красноречием, до такой степени затруднялся в выборе слов. На самые обычные вопросы о здоровье, о состоянии дел и о том, благополучна ли была дорога, почтенный Мирза отвечал так, как будто он вдруг стал косноязычным.

Видя замешательство гостя, хозяева засуетились вокруг него с еще большим усердием. Младший из братьев взял у Баки-Мирзы его чемодан и отнес в кобгаату, старший помог ему почиститься после дороги, молодая же хозяйка принялась накрывать на стол.

Когда все приготовления были окончены и гость, по настоянию хозяев, занял за столом почетное место, расположение его духа улучшилось, но улучшилось не настолько, чтобы он почувствовал себя легко и непринужденно.

Ему, правда, удалось, сказать несколько приятных слов хозяйке, однако и она сама, и муж ее, и брат мужа *це* могли не заметить явной настороженности гостя. Объяснение сделалось необходимым, и Рахим, старший из племянников, понял это первым...

— Уважаемый дядюшка,— сказал он, виновато потупив глаза.— Перед тем как вы осчастливили наш дом своим приятным посещением, мы поспорили с братом об одном предмете. Не можете ли вы оказать нам милость быть судьей в нашем споре?

— О чем же был спор? — спросил Баки-Мирза, при-
3 Л. Каххар, т. 1.

осаниваясь в плетеном кресле, спдению которого заботливая хозяйка прикрыла мягким тюфячком.

Рахим чуть приметно покосился на брата и, сделай ему потаенный знак, почтительно стал излагать суть дела.

— Мы поспорили из-за обучения неграмотных,— говорил он.— Брат Сабпр защищает тот метод обучения неграмотных, который был иредложен одним научным сотрудником Самаркандской педагогической академии, а я являюсь сторонником метода, предложенного Ташкентским педагогическим институтом.

— И вы делаете ошибку! — воскликнул младший брат и с горячностью, которая Бакп-Мирзе показалась несколько чрезмерной, стал доказывать неправильность ташкентского метода. Старший брат прервал его речь, твердо заявив, что он, Рахим, берется по ташкентскому способу обучить любого неграмотного в месячный или даже в трехнедельный срок.

— Мне достаточно и двух недель! — с вызывающим видом сказал Сабир, и гость, который по неторопливому жесту старшего племянника совершенно правильно заключил, что в следующее мгновение ссора может возобновиться с новой силой, поторопился вмешаться в разговор.

— Ваш спор можно решить очень просто,— сказал он, глубокомысленно оглаживая свою седеющую бородку.— Надо только найти двух неграмотных и испытать на одном ташкентский способ обучения, а на другом — самаркандский.

— Это так, уважаемый дядюшка,— возразил старший племянник.— Но вы забыли о том, что у нас в городе так же легко найти неграмотных, как купить на базаре топор времен каменного века.

— Никогда не поверю этому! — сказал Баки-Мирза, глядя прямо в глаза племянника.— Хотите, я найду вам не двух, а целый десяток неграмотных?

Племянник сдержанно улыбнулся и сказал, что ему и его брату Сабпру достаточно и двух неграмотных, и если уважаемый дядюшка действительно разыщет таких людей, то и он, и брат Сабир будут считать себя настоящими счастливцами.

— Завтра же приведу двух неграмотных! — с жаркой готовностью проговорил Баки-Мирза, но тут же вспомнил о правилах тонкого обращения и с вежливым поклоном

прпоанпл: — ГСслн, конечно, пы позволите привести их в ваш почтенный дом.

На :>ю обращение братья отозвались с приятным еди-
нодушием: пусть только дядюшка разыщет двух негра-
мотных, а за приемом дело не станет.

Баки-Мнрза еще раз заверил, что это дело не кажется
ему трудным, а хозяева еще раз подтвердили, что когда
дядюшка приведет пеграмотиых, то опи будут встречены
так, как встречают самых дорогих гостей.

Разговор принял совершенно спокойное и благожела-
тельно-веселое направление. Баки-Мирзо удалось сказать
несколько удачных шуток, что привело его в самое доброе
расположение духа.

Наконец, настало время расходиться на покой.

Братья проводили Баки-Мирзу до той комнаты, где
ому была устроена постель и, произнеся надлежащее по-
желание, удалились. Баки-Мирза остался один, но за-
стольное оживление еще шумело в нем, и, раздеваясь, он
потихоньку напевал ту песню, которую совсем недавно
спела на айване молодая веселая хозяйка.

Только постепенно почтенный Мирза успокоился и
стал размышлять здраво. Обязательство, которое он взял
перед племянниками, вдруг вспомнилось ему, он перестал
напевать и с беспокойством подумал, что если родствен-
ники его правы, и в этом городе, в который он только что
приехал, действительно не осталось неграмотных, то по-
ложение его становится весьма сомнительным.

Вопрос о количестве неграмотных в городе тревожил
почтенного Мирзу не только в связи с тем обещанием
которое он так неосторожно высказал перёд родственни-
ками,— этот вопрос имел для нашего героя столь немало-
важное значение, что от решения его... Но мы не считаем
возможным мучить вас сомнительными догадками и по-
этому расскажем о почтенном Мирзе все, что знаем сами.

Дело в том, что в своем городе Баки-Мирза был
довольно-таки известным человеком. В старое время, ког-
да существовали частные банки и фирмы, он служил
в различных конторах и служил не без успеха, потому
перед первой мировой войной ему удалось стать пайщи-
ком одного из акционерных обществ. Капитал у Мирзы
был небольшой, но в годы войны дела его пошли так
хорошо, что он начал уже подумывать об основании соб-
ственной фирмы.

Революция помешала этим замыслам, отняв у Мирзы не только горделивые его упования, но также акции и вклады. Тогда Мирза весь ушел в обиду и принял твердое решение ни при каких условиях не служить Советской власти. К сожалению, в этом суетном мире человек не может обойтись без хлеба насущного, и Мирзе пришлось изыскивать занятие, которое могло дать ему хотя бы самое скудное пропитание. Приглядевшись к тому, что происходит вокруг, почтенный Баки быстро нашел применение для своего бойкого пера: он начал строчить заявления и жалобы, с которыми простые люди — пахари, батраки и всякие ремесленники — усердно обращались к новой власти.

Скажем прямо: на свое вынужденное занятие Баки-Мирза смотрел только как на средство пропитания. Но заказчиков, которые нуждались в услугах умелого пера, нашлось столько, что, с утра до вечера сидя над бумагой, Мирза едва успевал справляться с работой. Пахари, батраки, ремесленники и всякие иные люди, пострадавшие от несправедливости старой власти, твердо уразумев справедливость законов новой жизни, толпами приходили к Баки-Мирзе, и он, излагая на бумаге их старые обиды и новые светлые ожидания, получал за свой труд такую плату, которой хватало не только на черствый кусок хлеба, но и на довольно-таки жирный плов.

Бумаги, написанные Баки-Мирзой, почти всегда достигали цели. Заказчики Мирзы наивно объясняли успех сочиненных им жалоб и заявлений искусством изложения, вследствие чего наш герой получил широкую известность под именем Обройли-Мирза, то есть «авторитетный писарь».

Так прошли годы, и люди уже забыли, почему Мирзе было дано это прозвище, но упорно продолжали называть его «авторитетным писарем». Между тем «авторитет» Мирзы был уже не прежний: людей, овладевших грамотой, стало так много, что наш герой постепенно растерял свою клиентуру, вследствие чего доходы его резко сократились. В конце концов, дело дошло до того, что «авторитетный писарь» сделался ежедневным посетителем одного из почтовых отделений, где, смиренно сидя на подоконнике, предлагал нуждающимся свои скромные услуги.

За день ему удавалось заполнить несколько бланков и надписать несколько адресов, но, отлично помня те счастливые времена, когда доходами одного дня покрывались его десятидневные расходы, он не мог удовлетвориться создавшимся положением, при котором десятидневных доходов едва хватало на покрытие потребностей только одного дня.

Отлично понимая, к чему в конечном счете приведет нарушение равновесия между доходами и расходами, Баки-Мирза, после долгих раздумий, пришел к решению, что ему необходимо переехать из маленького города, в котором он жил, в тот большой город, где жили троюродные племянники. Суждения Мирзы были просты, но по своему вески и основательны: «В большом городе,— справедливо заключил он,— живет больше людей, чем в маленьком, и, следовательно, в большом городе я ёкорее найду заказчиков, нуждающихся в моих услугах».

Так как под именем «заказчиков» Баки-Мирза разумел неграмотных, то читатель без труда поймет, насколько сильно поразило его утверждение старшего племянника, что в городе, на который он возлагал такие большие надежды, ему трудно будет найти даже двух неграмотных... Сон Мирзы в ту ночь был, конечно, тяжелым, но утром наш почтенный герой все же проснулся бодрым и совершенно готовым к действию.

Торопливо позавтракав с хозяевами, он немедленно отправился в город и сразу же начал поиски тех двух неграмотных, которых обещал вчера доставить в распоряжение племянников.

Первым делом Баки-Мирза вашел в парикмахерскую. Мастер, искусству которого наш герой вверил свою бородку, оказался чрезвычайно любезным человеком. Изящно и ловко орудуя ножницами, он в самое короткое время успел узнать все, что ему хотелось знать, а именно: из какого города приехал уважаемый клиент, которого он имеет честь обслуживать впервые, и как ему понравился здешний город?

Разговор завязался вполне приятный, и все шло хорошо, пока Баки-Мирза не спросил, знает ли парикмахер грамоту.

Вопрос произвел действие совершенно неожиданное: мастер как-то особенно неуклюже лязгнул ножницами и, оскорбленно ответив, что он грамотеи, сделался сух

и непроницаемо холоден. Все попытки Баки-Мирзы продолжить приятный разговор были отвергнуты, и ему ничего больше не оставалось, как возможно скорее покинуть парикмахерскую, что он, конечно, и сделал.

Следующий свой опыт почтенный Мирза пропел в чайхане. Но он кончился еще более печально, потому что после вопроса о том, грамотен ли он или нет, чайханщик с оскорбительной невежливостью сунул странному посетителю чайник и с едкой насмешкой в голосе ответил:

— Могу обучать вас три, а то и четыре года!

Баки-Мирза ушел из чайханы, не понимая причины внезапного раздражения чайханщика, так как ему, приезжему человеку, неизвестен был одиозный случай, а именно: полгода тому назад в стенгазете этой чайханы была помещена остроумная статья, в которой подвергся беспощадному осмеянию уклонявшийся от обучения единственный неграмотный житель квартала. Вопрос «грамотны ли вы?» с тех пор стал восприниматься жителями квартала так, как если бы человека ни с того ни с сего вдруг спросили: «А в своем ли вы уме?»

Баки-Мирза, повторяем, не знал случая с последним неграмотным и потому, раздумывая о странном поведении парикмахера и чайханщика, пришел к печальному выводу, что жители этого большого города перестали считаться не только с правилами тонкого обращения, но и с правилами простой вежливости.

«Надо быть настороже», — решил Баки-Мирза и, в согласии с этим решением, стал избегать разговоров с первым встречным.

«Первые встречные», разумеется, попадались ему на бульваре, по которому он прошелся, и в магазинах, в которые он заглядывал, и в городском саду, в котором он с полчаса посидел на скамеечке.

Прелестная тросточка Баки и весь «иногородний», если можно так выразиться, облик его привлекали к нему внимание людей. Некоторые из них обращались к нему с вопросами, и он вежливо отвечал, но уклонялся от дальнейшего сближения.

Так было до тех пор, пока внезапная прихоть не привела его в городскую баню. Здесь почтенный Баки обратился к услугам банщика-массажиста, и он, молодой и здоровый парень, с таким усердием промял его усталое тело, что все косточки в нем сладко заныли.

Взбодренный массажем, герой пат почувствовал такое расположение к парию, что вопреки доводам осторожного ума, вдруг решился сделать третью попытку и спросил, знает ли грамоту уважаемый мастер бапиого дела? В это время к банщику подошел его товарищ. Они лукаво переглянулись и в свою очередь спросили, с какой целью задают им подобный вопрос.

Бакн-Мирза преодолел мгновенное колебание и пошел папролом.

— Мпе поручено найти двух неграмотных и пригласить их па обед! — объявил он, с опаской глядя на банщиков.

Они засмеялись так громко, как если б им сказали самую забористую шутку.

Баки-Мирза жестом прекратил этот неуместный смех и с горделиво-важным видом стал объяснять сокровенную суть дела. Дар красноречия и па этот раз выручил его. Банщики быстро угомонились и выслушали его с полным вниманием.

К сожалению, увлеченный своей речью, Бакн-Мирза не заметил, как переглянулись его слушатели, и поэтому, когда они сказали, что несчастливое стечение обстоятельств не позволило им насладиться светом грамотности, то он безоговорочно им поверил и стал просить, чтобы они немедленно отправились с ним на обед.

Банщики приняли приглашение, но попросили, чтобы им позволено было дожждаться смены. Баки-Мирза с присущей ему вежливостью объявил, что он отдает себя в полное распоряжение гостей и поэтому готов ждаться их хотя бы целую вечность.

К счастью, ждаться пришлось недолго, потому что сменщики явились аккуратно.

О дальнейшем мы скажем коротко: когда Баки-Мирза, в сопровождении двух неграмотных, появился в доме своих родственников, изумлению их не было предела. По счастливому стечению обстоятельств, стол был уже накрыт, и хозяева сидели за ним не одни, а с двумя гостями — с приятелем старшего брата, учителем средней школы, и подругой хозяйки дома — женой этого учителя. Новых гостей, то есть двух банщиков, усадили как раз между учителем и его женой. Хозяева принялись потчевать их с особым усердием, и все шло хорошо, пока учителю не вздумалось учинить маленькую проверку:

Ёнпмательно посмотрев на банщиков, учитель написал что-то крупными буквами на клочке бумаги и хотел передать записку одному из братьев. Банщики вдруг побледнели и разом, будто сговорившись, отодвинули стулья и вскочили. Хозяева, Баки-Мирза и молодая гостья растерялись и переменились в лице. Только один учитель остался спокоен и, как ни в чем не бывало, спросил банщиков, что с ними приключилось.

Банщики растерянно смотрели на него, и один из них, задыхаясь от ярости, проговорил:

— Вы написали тут: «Эти негодяи обокрали меня в бане!..»

— Дорогие мои, я пошутил,— начал оправдываться учитель.— Я хотел...

— Мы знаем, чего вы хотели! — прервал его второй банщик и, повернувшись к своему товарищу, коротко добавил:

— Уйдем отсюда, друг!

Учитель поспешил успокоить банщиков и разъяснил, что случилось. Все от души посмеялись.

Больше всех, конечно, был смущен Баки-Мирза.

Он уехал в тот же вечер.

1935

Воры

(Из прошлого)

Смерть коня — радость для собаки.

Пословица

Бтаруха, поднявшись чуть свет замесить тесто, решила первым делом заглянуть в хлев и проведать вола. Хлев был пуст. В стене, выходящей на улицу, зиял пролом.

Для дехканина пусть уж лучше дом сгорит, только бы не потерять вола. Одна-две копны соломы, десяток-полтора жердей, арба камыша — дом сложен, а чтобы купить вола — сколько долгих лет надо жить впроголодь!

В кишлаке привыкли к женским воплям: одну бьет муж, у другой дом идет с молотка. Все же на крики старухи народ сбежался довольно быстро.

Старик Кабылбобо — босой, полуодетый, с обнаженной головой — стоял у входа в хлев и вздрагивал всем телом. Колени его подгибались, широко раскрытые глаза перебежали с предмета на предмет, но ничего не видели.

Женщины громко проклинали вора, заливались лаем собаки, кудахтали куры. Кто-то старался доказать окружающим, что через такую узкую дыру в стене вола не протащишь.

Подошел сосед Кабылбобо — безносый элликбаши. Войдя в хлев, он внимательно оглядел пролом и стою, к которому привязывали вола, зачем-то покачал его, все осмотрел и, наконец, сказал гнусавым голосом:

— Никуда ваш вол не денется, найдется!

Тщательное обследование, которое произвел в хлеву элликбаши, и особенно его слова вселили в Кабылбобо надежду.

Старик заплакал.

— Да пошлет вам аллах здоровье... Вол-то Пыл пегий...

Горячо споря о том, как, когда и каким орудием вор проломил стену, в какую сторону увел вола и на каком базаре нужно его теперь искать, люди стали расходиться. Шум утих. Жена Кабылбобо перестала плакать, п в глазах ее, устремленных на элликбаши, затеплилась надежда...

Элликбаши еще раз пошел осмотреть пролом. Сложив руки на груди, Кабылбобо, плача, последовал за ним.

— Да не плачь же ты! Говорю тебе, не плачь! — гну-савил элликбаши.— Еслп твои вол не ушел за пределы земель белого царя, он беспрременно найдетсЯ.

Элликбаши говорил так уверенно, словно стоит только лыитп на улицу — и вол тут же отыщется. «Этому чело-веку — помоги ему аллах! — ведь надо что-нибудь дать за такие труды. Даром ведь и кошка на солнце не выходит. А разве мало денег потратил он па то, чтобы стать эллик-баши? Одному только мпнгбаши он принес в дар семьсот снопов клевера и годовалого жеребенка. И к тому же он ведь не получает от казны жалованья!» Кабылбобо потряс своим кошельком и вручил элликбаши все, что там было. Приняв подношение, тот обещал немедленно доложить о случившемся амину.

Вечером Кабылбобо собрался к амину. Сухая ложка, говорят, рот дерет. Сколько же денег нести амину? Для того, кто дает, и одного много, а для того, кто берет, и десяти мало. Посоветовавшись со старухой, Кабылбобо решил: этот расход последний, притом такой расход, от которого зависит возвращение дорогой пропажи. Разве можно тут скупиться?

Когда Кабылбобо предстал перед амином, тот зычно рыгнул, а затем загоготал так, что затрясся жирный под-бородок.

— Что, корова пропала?

— Нет... не корова... вол... пегий вол...

— Вол?! Да ну?! Гм... пегий вол... так-так...

— Вол у меня единственный...

Амин воткнул в ноздрю полмизинца и снова затрясся от смеха.

— А до покражи-то был у тебя этот вол? Какой, говоришь, вол?

— Погни...

— И хороший, говоришь, вол?

— Хороший... очень хороший...

— А разве хороший пойдет, если его чужие поведут?

— Вол у меня единственный... Пегий...

— Постой, а сам он не вернется? Впрочем, ведь никто не приказывал ему возвращаться, если его уведут... А плакать-то зачем? А?! Нельзя плакать!

Кабылбобо замер, уставившись в землю.

— Объявить розыск, что ли,— сказал амин, очищая мизинец о подошву сапога,— а кто потом отблагодарит меня за это? Что я получу, если найду пропажу?

Эти слова амипа Кабылбобо воспринял так, словно тот уже нагледел его вола.

— Не обессудьте,— сказал оп, протягивая деньги.— Я перед вами в большом долгу...

— Ну что ж!.. Раз так, я тотчас доложу приставу. Он сам займется этим делом.

Прошла неделя. Старуха уже несколько раз ходила погадать к ворожке, «силой молитвы открывающей замки», снесла ей полмешка джиды, три больших чашки кукурузы и два мотка ниток.

На восьмой день Кабылбобо снова пошел к амину. У того даже волосы стали дыбом от гнева.

— Тебе что же, вола на дом доставить, что ли? Надлежит самому ходить и заявлять о себе: бедняк, приходящий с просьбой к начальству, показывает тем самым, что уважает его.

Кабылбобо посоветовался с друзьями: что же нести приставу, кроме денег? Ведь известно — пока дойдешь до него самого, спина от поклонов переломится.

Три курицы, одна из них наседка,— все скромное хозяйство Кабылбобо. Сотню яиц собрали соседи. Однако с этим подношением дальше толмача пройти не удалось. Толмач взял все, что принес старик, и обещал тотчас же «растолковать» дело приставу.

Кабылбобо стал терять надежду. Уж не напрасны ли все его хлопоты? Кто не знает, каковы эти чиновники...

Хорошо «уразумевший» дело пристав взял себе двух лучших кур и три рубля, но, к счастью для себя, Кабылбобо, не сказал, что «доложит обо всем хакиму», а велел опять обратиться к амину. Амин был краток: «Ступай к эликбаши!»

Увпдев Кабылбобо, элпкбашп вспылил:

— Скажи сам, кого подозреваешь! Я ведь не святой, откуда мне знать, кто украл твоего вола. Да и вола-то небось давным-давно уже прирезали. Чем плакаться тут, сходил бы лучше к кожевникам и поглядел на шкуры. Впрочем... если шкура вола попала к кожевникам, она уже давно стала кожей. А из этой самой кожи сделали кавуши и теперь продают их на базаре...

— О господи, горе-то какое! Бедная моя головушка,— прошептал несчастный старик.

— Да что ты в самом деле, ребенок малый, что ли? Взрослый человек, а плачешь. Есть о чем убиваться! Если бы этот вол был единственный во всем свете — дело другое. Бог даст, пропажа твоя возместится... Так уж и быть, скажу своему тестю — он одолжит тебе одного из своих волов. Разве вол — это плата за кровь человека?!

На следующий день элликбаши, позвав Кабылбобо, отправился с ним к своему тестю — торговцу хлопком Эгамберды. Купец посочувствовал старику и на время пахоты дал ему не одного, а даже двух волов, но... с одним «маленьким» условием. О том, что это за условие, Кабылбобо узнает осенью...

1936

Больная

Небо высоко, земля жестка.

Пословица

V

У Сатывалды заболела жена. Пригласили муллу прочесть над ней молитву — не помогло. Позвали знахаря; он пустил кровь. У больной потемнело в глазах и закружилась голова... Заговаривал болезнь заклинатель. Приходила какая-то женщина, стегала больную ветками тальника, смазывала кровью только что зарезанной курицы...

Все это, конечно, стоило денег. Ведь так оно всегда: где толсто — там тянется, где тонко — рвется.

В городе есть лечебница. Что знает о ней Сатывалды? В прохладном тихом парке прячется за деревьями высокое и красивое белое здание. На светло-серых дверях со стеклянными ручками — кнопка для звонка. Когда его хозяина, Абдугани-бая, торговавшего хлопковой шелухой и жмыхом, чуть не до смерти придавило в амбаре мешками, он почему-то поехал не в эту лечебницу, а в Сим. При слове «лечебница» перед глазами Сатывалды возникал извозчик и четвертной с портретом белого царя...

Больной день ото дня становилось хуже. Сам толком не зная зачем, Сатывалды пошел к хозяину и рассказал ему о своем несчастье. Абдугани-бай выслушал его и очень огорчился. Казалось, будь это в его власти, он немедленно поставил бы женщину на ноги.

— А ты что-нибудь пожертвовал блаженному Бахаутдину? А блаженному Гавсулазаму? — участливо спросил он батрака.

От больной уже нельзя было отходить, и, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами, Сатывалды обучался плести корзины.

И вот с утра до вечера сидит он на солнцепеке, окруженный ворохами прутьев, и плетет корзины. Его четырехлетняя дочка, присев подле больной матери, платком сгоняет с ее лица вялых, назойливых мух. Иногда девочка засыпает, положив головку на руки, крепко сжимающие платок. Вокруг тишина... Только жужжат мухи, стонет больная, да откуда-то издалека доносится дребезжащий голос нищего: «Подайте милостыню ради аллаха... Подаяние отвращает несчастья... Пророк божий да исцелит немощных и больных...»

Как-то ночью больная почувствовала себя особенно плохо. Каждый ее стон, точно петля, стягивал горло Сатывалды. Он позвал старуху соседку. Та пришла, поправила у больной растрепавшиеся волосы, легонько погладила ее, а потом села и... всхлинула.

— Молитва, которую прочитает на рассвете безгрешное дитя, дойдет до бога,— сказала она.— Надо разбудить вашу девочку!

Девочка спросонок было расплакалась, но, испугавшись ммура глядевшего отца и стонов матери, торопливо зашептала за старухой:

— Боже милостивый, исцеление дарующий...

Прошло несколько дней. Состояние больной стало совсем безнадежным. Чтобы в сердце умирающей не осталось неисполненных желаний, надо было совершить над ней «чилёсин». У лавочника, скупающего корзины, Сатывалды занял на расходы двадцать таньга.

После чилёсипа больной как будто полегчало. В эту ночь она даже открыла глаза, подозвала девочку и прошептала:

— Бог услышал молитву моей доченьки. Мне теперь лучше, отец, не будите девочку на рассвете...

Она снова закрыла глаза и уже больше их не открывала. На рассвете она умерла.

Когда Сатывалды взял на руки девочку, чтобы уложить ее подальше от покойной, девочка проснулась и, не раскрывая глаз, привычно залепетала:

— Боже милостивый, исцеление дарующий...

1936

Г р а н а т

Вокруг обилье плодов, а ты
голодаешь, дити!
Арыки полны воды, а ты умираешь
от жажды, дити!
(Из прошлого)

' урабджан, открывая калитку, так волновался, что зацепил рукавом яхтака за железную щеколду и разорвал рукав до самого локтя.

Жея сидела на терраске и толкла в ступе джугару. Увидев в руках мужа сверток, она бросила деревянный пестик на мешок и порывисто поднялась ему навстречу. Тяжелый пестик опрокинул мешок, джугара рассыпалась.

Турабджан спрятал сверток за спину и сказал:

— Попроси хорошенько, тогда отдам! Что ты дашь мне за это?

— Все, что хочешь, полжизни отдам!..

Турабджан передал сверток жене. Присев на ступеньке терраски, она стала вскрывать его, торопливыми пальцами разворачивая бумагу, и вдруг замерла: большие черные глаза неподвижно уставились на содержимое свертка. Потом она медленно подняла голову и посмотрела на мужа, Турабджан улыбнулся, увидев слезы в ее глазах.

— Да ты знаешь, что это такое? — весело заговорил он. — Соты! Чистый мед! Сожмешь зубами вот так — сам потечет в рот. А это — воск. Он совсем не поганный, его можно сосать, можно и жевать.

Жена, закусив зубами конец рукава, сидела молча, глядя куда-то мимо свертка, в одну точку.

— Аллах, она не верит! — воскликнул Турабджан, наклоняясь к свертку. — На вот, попробуй! Попробуй сначала, а потом скажешь...

Но жена с отвращением отвернулась, и Турабджан даже покраснел от досады. Точно в таком же положении очутился он, когда однажды, купив дыню, отправился навестить больного друга: эту дыню он увидел потом в коровой кормушке.

Бродивший по двору хромой кот медленно вошел на терраску, подошел к зернам джугары, понюхал их и, подняв желтые глаза на Турабджана, жалобно мяукнул: «Мя-а-у!»

— Встань, собери зерно,— сказал Турабджан жене.— Видишь, кот обнюхивает!

Та, поднимаясь, всхлипнула и зарыдала во весь голос.

— Провалиться бы ему сквозь землю... что это за несчастье! Почему меня не тянет на соль, на мед, как всех?

Турабджан снял с головы тюбетейку и хотел стряхнуть с нее пыль, но увидел разорванный рукав и нахмурился; яхтак был почти новый, всего несколько раз стираный.

— Если уж ты беременна, знай хоть меру,— сказал он и снова надел тюбетейку, так и забыв стряхнуть с нее пыль.— Гранат, гранат... А ты знаешь, сколько стоит фунт гранатов? С самой зари таскаешь воду, колешь дрова, мечешься по всему дому, а на руки в месяц попадает всего тридцать пять таньга. У меня братьев-благодетелей нет...

Оба умолкли. Жена натолкла в ступе джугару на кашу и, пересыпая ее в таз, проворчала:

— Будто я прошу гранат из упрямства...

— Знаю! — вскипел Турабджан.— А что мне делать? Прикажешь убить хозяина и ограбить его или заложить себя ростовщику?

Жена занялась стряпней. Ее сильно обидели слова мужа: «Если уж ты беременна, знай хоть меру». Она разводила огонь в очаге, а на глаза навертывались слезы.

Через час обед был готов. Гуджу, почерневшую от варки в старом котле, не убелило даже кислое молоко. Турабджан быстро опорожнил две миски, а жена не съела еще и половины своей. Ее медлительность почему-то напоминала Турабджану хромого кота, а вспомнив про

кота, он подумал о порванном рукаве и совсем расстроился. Его хмурый взгляд словно говорил жене: «Только напрасно переводишь джугару и кислое молоко». И потому, как ни отвратительна была ей давно опротивевшая гуджа, она сделала над собой усилие и доела ее. Но тут же, бледная, встала и выбежала за угол дома, а когда вернулась, глаза ее были красны.

— Ты назвала несчастьем еще не родившегося ребенка! — возмущенно проговорил Турабджан.

Жена молча убрала скатерть. Потом, наливая воду в котел, еле слышно сказала:

— За деньги, истраченные на мед, можно было купить не один гранат.

— Как же, как же! — язвительно отозвался Турабджан. — А я вот меду принес!

— Конечно, можно было! Вы нарочно вместо граната принесли эти поганые соты, собаки бы их лизали!

В такие минуты умолкает разум и язык отнимается. А когда язык начинает ворочаться, он бьет сильнее, чем кулаком.

— И хорошо сделал! — крикнул Турабджан, весь дрожа. — И пусть тебе все нутро сожжет! Мне-то какое дело?!

Как подействовали эти слова на жену, о том могут судить только женщины в положении. А Турабджан сказать-то сказал эти слова, но когда взглянул на жену, сам испугался. Гнев его сразу прошел, и не будь он так самолюбив, он сейчас же подошел бы к ней, погладил бы ее по голове и сказал: «Не надо, не плачь, я это со злости сказал».

— Сама доводишь до этого, — проворчал он после длительного молчания. — Зря меду купил... Да его теперь нет даже верховому, а мы с тобой пешие! Это друг хозяина привез ему в подарок немного, так я... выпросил у него чуточку. Думал, вот удача — жена обрадуется!.. Ты сколько раз в жизни ела мед?

Турабджан говорил уже в примирительном тоне, без всякого раздражения, но жена его не слышала. Вернее, слышать-то слышала, да не улавливала смысла, воспринимала его речь как обычное недовольное бурчание. И все-то три года их жизни он вот так же недовольно бурчит себе под нос, и бывает трудно его понять. Но сегодня он ясно выговорил шесть слов: «И пусть тебе все нутро сожжет!» Единственным ее желанием было — съесть гранат,

и вот муж, ее единственная опора в жп;шп, оказывается неспособным исполнить даже это ее маленькое желание.

Жена ушла в дом. Много времени спустя в окне появился мутный свет.

Вошел в дом и Турабджан. Жена сидела у окошка, облокотившись на согнутое колено, подперев рукой подбородок, и неотрывно глядела в черновато-серую мглу неба. Турабджан остановился посреди комнаты, не зная, что делать. В нише, потрескивая, горела пятILINEИЯЯ лампа, вокруг нее кружилась ночная бабочка. Что-то громко треснуло в потолке, в стене чиркнула ящерица,— и снова мертвая тишина. В ушах Турабджана даже зазвенело от нее. Он тоже присел к окну и стал смотреть в небо, на мигающие звезды.

Вдруг над высокими тонолями в саду казия взвился красный комок огня; оставляя за собой светящийся след, он полетел еще выше и, слово ударившись в небо, лопнул и рассыпался искрами.

— Фейерверк,— сказал Турабджан.— Мулладжанказпй бешик-той сегодня справляет.

Жена не промолвила ни слова, даже не пошевелилась.

— Из города много гостей понаехало,— продолжал Турабджан.

Жена опять промолчала. Она ни разу не была в саду казия, но много слышала о нем. Не сад, а сплошная гранатовая роща, на деревьях несметное количество гранатов, с чайник величиной каждый..

— Один фейерверк сколько стоит,— рассуждал как бы про себя Турабджан.— Если выпустят сто фейерверков... то по одной таньге — это будет сто танья. В десять да еще в десять раз больше того, что казий платит мне за месяц работы.

Оба молчали долго. Наконец Турабджан широко зевнул и стал снимать яхтак.

— На-ка, зашей,— сказал он, бросая яхтак жене.— Держи!

Та взяла яхтак и положила возле себя.

— Живей! — сказал Турабджан, видя, что жена вовсе не собирается сейчас же зашивать его.— Бери в руки, тебе говорю!

— Зачем кричите? Зашью... Приспичило...

*— Хочешь срывать обиду на мне? — Турабджан схва-

тнл яхтак и опять надел.— Если обижаться на каждую мелочь, лучше не жить, бедность ведь...

— Нудь она проклята эта бедность! — тихо сказала жена.

Она произнесла эти слова, сетуя на бедность, а Турабджан понял их как упрек, и у него снова закипело в груди.

^— А что,—сказал он хмурясь,—разве я скрывал от тебя свою бедность? Разве наряжался в день свадьбы в чужой халат и чужие ичиги, подобно Эркабаю?.. Еще не поздно, можешь выйти за человека с деньгами.

— Ну, что же, продайте свою жену баю... за пару гранатов.

Эти слова как ножом ударили Турабджана в сердце.

— А-а, продать?.. Баю?..— заговорил он тихим голосом, но этот голос был страшен.— Значит, я никогда не приносил тебе гранатов?

— Никогда! — зло бросила жена, отворачивая от него пылающее лицо.

— А те гранаты, которые ты ела в прошлый базарный день, любовник, что ли, тебе покупал?

— Любовник покупал!

Впоследствии Турабджан так и не мог вспомнить: то ли он толкнул жену в плечо, а потом поднялся, то ли сразу вскочил и ударил жену. Он увидел перед собой только ее побледневшее лицо и широко раскрытые, испуганные глаза.

— Не надо... не надо...— в ужасе шептала она.

Турабджан кинулся к двери, и немного спустя за ним хлопнула во дворе калитка.

Жена плакала долго и безутешно. Упрекая себя за то, что она так несправедливо обидела мужа, она даже пожелала себе смерти. Потом, устав от слез, вышла во двор.

Ночь, во тьме где-то остервенело лают собаки. Вышла за калитку, оглядела улицу. Чайханы давно закрыты. Только вдали, на гузаре, мерцает одинокий маленький огонек.

Вернулась в дом. Легла. Много ли, мало ли времени прошло,—за крышей захлопал крыльями петух и звонко прокричал: «Кук-каре-ку-у-у!»

И тотчас же вслед за тем заскрипела калитка.

Не успела жена подняться с постели, как вошел Турабджан с узлом за спиной. Он бросил его на пол, и по

всей комнате раскатились гранаты — крупные, с чайник величиной.

Жена с изумлением взглянула на мужа п. увидев его бледное лицо, страшно перепугалась.

Опустившись на кошму, Турабджан обхватил широкой ладонью лоб и закрыл глаза. Жена кинулась к нему, положила руки ему на плечи.

— Где вы были? — спросила она, задыхаясь от волнения.— Что вы сделали?

Турабджан молчал. Его трясло, как в лихорадке. Открыв глаза, он с тоской посмотрел на жену, и губы его скривила болезненная улыбка. А из груди вырвалось — мучительно, тяжело, с каким-то надрывом:

— Не я... бедность... будь она проклята!

1936

З п а м е н и е

Ворона каркает и в том обретает радость.

Пословица

В времена царя Николая кишмиш стоил бешеные деньги, зато кукиар был дешев. Нынче же дешевле кишмиша ничего нет, но за кукнар отваливай денежки. Каким же дураком надо быть, чтобы выбрасывать едва отжатый кукнар. Сколько добра пропадало даром!

С этими мыслями мулла Сайд Джалалхан откинулся к стене и утомленно прикрыл глаза. Ему на нос опустилась муха. Но поднять руку, взмахнуть платком было свыше его сил. Он вытянул верхнюю губу и слабо дупул: «Пуф!» Муха взлетела, но тут же снова села. В этот раз на губу. Сайд Джалалхан тихонько шевельнул губами и прихватил ее за лапку. Он хотел раздавить муху, приносящую человеку столько беспокойства! Но пока рука, поднимавшаяся с мстительным намерением, добиралась до рта, муха пожертвовала лапкой и была такова.

Сайда Джалалхана охватила ярость: едва им овладело блаженство, едва кукиар, добытый с таким трудом, начал действовать, тут эта проклятая муха!

Говоря по совести, нет существа зловреднее. Кто, кроме мухи, полезет в только что налитый чай, кто засиживает кишмиш! А разве редкость, когда в процеженном, прозрачном, как слеза, кукнаре плавают ненавистные крыльшко... Интересно все-таки, как она летает без одного крыла?

Мысли муллы устремились вслед за мухой, столь бесцеремонно нарушившей его блаженную расслабленность.

В комнате — вездесущие мухи. Но которая из них та?

Сайд Джалалхан полон решимости. Он плотно притворяет дверь и вооружается веником, иасажепным на длинную палку. Как только веник просвистел в воздухе, мухи с жужжанием сблизь в комок и уподобились ежу. Еж выпустил крылья и обратился в огромную муху. Муха вскинула передние лапы, поднялась на задние и, уставившись на Сайда Джалалхана, вполне отчетливо прожужжала:

— Как смеешь ты, заступник правоверных мусульман, обижать божью тварь?

— А сама ты кто такая? — прищурился Сайд Джалалхан, вскинув веник на плечо, как винтовку.

— Я — повелитель мух.

— А коль повелитель, то почему ты не показываешь своих подданных, когда они занимают разбоем средь бела дня?

— Сладких крошек, приставших к твоей бороде, достаточно для пропитания всех моих подданных, целый день они будут сыты ими. Неужто ты смеешь именовать это разбоем? Что они у тебя украли?

— Меня лишили покоя! С великим трудом раздобыл я себе чуть-чуть кукнара, и только было он начал действовать, как муха уселась мне сперва на нос, потом на губу. За это я буду мстить, я оторву у тебя крылья!

Повелитель мух сбавил тон, он смиренно молл о снисхождении. Но Сайд Джалалхан грозно стоял на своем. В конце концов они пришли к соглашению: повелитель мух даст ему крылья, и Сайд Джалалхан полетит, сам найдет преступницу и покарает ее.

Повелитель погладил задними лапками свои крылья, передние потер одна о другую, и Сайд Джалалхан ощутил вдруг, что у него выросли крылья. Сердце учащенно забилося, мулла почувствовал невесомость и — взлетел.

Долго ли, коротко ли летал Сайд Джалалхан, по миновали десятилетия, а не исключено, что и века, прежде чем он отыскал злонамеренную муху. Она как ни в чем не бывало сидела на осле, который пасся вдали от жилья. Муха потихоньку ковыляла на одной лапке вокруг болячки на ослиной спине. Сайд Джалалхан ловким зама-

хом руктг охватил се, нажал в кулак, а затем осторожно, чтоб не раздавить, ухватился за одно крыло.

Муха жалобно зажужжала:

— Мало того, что ты искалечил меня, губами оторвал мне когда-то лапку, ты продолжаешь преследовать меня. Что еще тебе надо?

— Ты — уголовница! Будь ты человеком, я отрубил бы тебе руку. И поделом. А так оторву крыло!

Мухе ничего не оставалось, как униженно просить пощады. Однако Сайд Джалалхан оставался неумолимым. Но сердце — не камень: в конце концов они договорились.

Муха привела Сайда Джалалхана в неведомую пустыню. Ничего, кроме неба, песка и черепах, в этой пустыне не было. По совету мухи, Сайд Джалалхан прихватил с собой одну черепаху и одно черепашьё яичко. В той же пустыне с помощью мухи он раздобыл котел. Опустив яичко на землю, Сайд Джалалхан накрыл его котлом, а черепаху выпустил па волю. Муха влезла на самую вершину котла, держа в лапках соломинку. Черепаха же принялась кружить вокруг котла. Кружилась она до тех пор, пока котел не разлетелся на мелкие кусочки. Но разлетелся он беззвучно. Черепаха и яичко враз исчезли. Муха, улетевшая бог весть куда при взрыве котла, возвратилась к Сайду Джалалхану и, протянув ему соломинку, напутственно прожужжала:

— Загонишь эту соломинку себе под кожу и станешь невидимкой. Будешь все видеть, тебя же никто не заметит. Теперь весь кукнар, какой обнаружишь в кишлаке, твой.

Сайд Джалалхан расцарапал палочкой себе локоть и вогнал под кожу соломинку. Тут-то и началось чудо. Сначала исчезли кавуши на ногах, затем — ноги, затем — все тело.

Растворившись целиком, Сайд Джалалхан, не мешкая, направился к своему приятелю мулле Шамситдину.

Мулла Шамситдин сидел на супе и перебирал кишмиш. Сайд Джалалхан молча подошел к нему и неслышно уселся рядом. Тот ничего не заметил. Запустив руку в решето, Сайд Джалалхан достал пригоршню кишмиша. Шамситдин опять-таки ничего не заметил.

Кто кто, а Сайд Джалалхан наверняка знал, что у муллы Шамситдина припрятано с фунт кукнара.

Намереваясь отыскать его, Саид Джалалхап вошел в дом. Какова же была его радость, когда он обнаружил не жалкий фунт, а целый мешок, под завязку набитый кукнаром, Взмахнув мешок на плечи, он понес его домой.

Потом он побывал еще во многих местах. Однажды съездил даже в город, удобно устроившись на радиаторе грузового автомобиля.

Весь кукнар, который удалось раздобыть в этих путешествиях, Саид Джалалхан ссыпал на середину своей комнаты. Он стоял перед кучей и прикидывал, насколько же времени хватит ему добра. Не менее как на полгода. Эта мысль и обрадовала и огорчила его одновременно. Оно, конечно, неплохо, целых шесть месяцев не знать заботы и не терпеть нужды. А как быть потом,— во всей округе не осталось ни грамма кукпара. Его охватил страх.

Но не такой человек Саид Джалалхан, чтобы не найти выхода. Не зря же он — невидим. Ладно так, что помещает ему явиться к председателю колхоза и потребовать: «Вдоль всего края хлопкового клина немедленно засеять для меня лично кукнар!»

Это решение успокоило Сайда Джалалхапа. Он явно осознал собственную мудрость. Тело его оставалось невесомым, но голова несколько отяжелела.

Он тут же отправился в правление колхоза. Председатель в одиночестве попивал кислое молоко. На всякий случай Саид Джалалхан еще раз испытал себя: увидит его председатель или нет. Осторожность никогда не помешает.

— Ассалом-у-aleyкум! — протянул он, остановившись перед председателем.

Услышав приветствие, председатель оглянулся по сторонам и мертвенно побледнел. Обтерев рукавом усы, он, как загипнотизированный, привстал и оторопело уставился перед собой.

— Не бойся, не бойся! — покровительственно произнес Саид Джалалхан. Он еще раз уверился в собственном могуществе.— Я пришел к тебе с нехитрым приказом. Выполнишь, и все будет в порядке. Нынче же по краю хлопковых полей посеешь кукнар.

Дрожащий, бледный председатель пробормотал:

— Надо с-с-собрать с-с-собрание, обс-с-судить...

— Можешь собирать собрание, можешь митинг, мо-

жеть сход. По если завтра не приступишь к исполнению, то я ночью явлюсь к тебе в саване. Соображаешь, с кем имеешь дело?

Председатель молча кивнул. Сайд Джалалхан прихватил горшок с кислым молоком, что стоял на столе председателя, и бросил его в арык. Работать надо, а не молоко распивать...

Но тут его осемила новая мысль, и голова его налилась повой тяжестью: «Если я могу заставить засеять край поля, то что мешает мне приказать засеять весь клин кукнаром?»

Мысль была гспиальпо проста, и Сайд Джалалхан вернулся в правление. Не церемонясь, он гаркнул во весь голос:

— Все поле засеять кукнаром! И не рассуждать!

Председатель безропотно согласился. А Сайд Джалалхап, торжествуя победу, отправился восвояси. По дороге его осемила новая великая идея: «Если меня испугался председатель колхоза, то и главная власть испугается не меньше. А раз испугается, пусть объявит меня ханом. С испуга и не такое могут объявить!»

От этой гордой идеи голова его стала еще тяжелее. «Раз от мудрых мыслей голова делается все тяжелее и тяжелее,— размышлял он,— то я не поверю, будто Афлотуи умер своей смертью. Не иначе, его раздавила собственная голова».

Едва Сайд Джалалхап переступил порог своей комнаты, началось нечто невообразимое. Улица огласилась криками охваченных паникой людей, залаяли, завыли собаки, закудахтали куры, с треском валились стены, падали деревья... Какая-то женщина в истерике вопила:

— Кто же это хочет заставить нас сеять кукнар!..

От истошного бабьего крика с потолка посыпалась пыль, зазвенело медное блюдо, висевшее в нише.

Сайд Джалалхан слишком верил в свое могущество, чтобы дать себя запугать: его криком не возьмешь. Как ни в чем не бывало, он отправился к мулле Шамситдтшу и, отломив половину соломинки, торчавшей из-под кожи, передал ему. Затем, оба невидимые, они пошли в пустыню и дружно затрубили в трубы.

Еще не затих трубный призыв, а вокруг них собралось несметное войско — пешее и конное, в сверкающих шлемах, с развевающимися знаменами. Потом появились

тысячи черепах, они покружились вокруг тысячи котлов, п воины стали невидимыми.

Дальше все шло, как по маслу: Сайд Джалалхан был провозглашен ханом, ему присвоили персональное звание «Сайд Джалалхан сахибкрон». Муллу Шамситдина назначили его визирем.

Все было готово для газавата во имя священных заповедей мусульманства. Правда, не было оружия. От имени самого Сайда Джалалхана сахибкрона тут же составили послание Куршермату, перебежавшему в Афганистан. Вскоре пришел ответ: «Я вступил в поход, со мной тысячи сипаев. Мы разгромим неверных. А тебе, великий, я отправляю в дар собственную победоносную саблю».

Итак, дело шло па лад, а голова Сайда Джалалхапа становилась все тяжелее и тяжелее...

В стародавние времена, в забытой пещере, в далеких-далеких горах бог сотворил двух чудовищ, дав им имена «Истреблю» и «Соберу». Отныне бог посвятил их Сайду Джалалхану, провозглашенному ханом.

Эти два страшилища с человеческими головами, обезьяньим туловищем и медвежьими ухватками предстали пред грозные очи хана и преклонили колени. Они не отличались красноречием. Но мудрейший Сайд Джалалхан из их косноязычного бормотания понял, что один из них готов оторвать голову любому встречному, а второй умеет мастерски переключивать в штабеля обезглавленные тела. Это были как раз те помощники, в которых нуждался Сайд Джалалхан. Несказанно обрадованный, он придал этим двум чудищам несколько тысяч суфи и повелел покарать непокорный кишлак. Когда суфи, поднимая густую пыль, отправились в поход, Сайд Джалалхан напутствовал их боевым призывом:

— Истребляйте! Истребляйте все! Из посевов оставьте только кукнар, из живых существ — черепах и мух!

Отряд ушел, но не остыл грозный пыл Сайда Джалалхана. Он выхватил саблю и, размахивая ею над головой, скомандовал остальным войскам:

— По коням! Газават! Газават! Вперед — на кишлак! Сравнием его с землей!

Вслед за невидимым ханом, невидимой, но могучей волной хлынули остальные войска.

Вдруг Сайд Джалалхан заметил вдали скачущего во

весь опор муллу Шамсптдина. Приблизившись, мулла Шамсптдип спешился, поцеловал хана в левую ногу и робко доложил:

— В кишлаке — красные. Никак не удастся подступиться.

Тем временем со стороны кишлака показалось облачко пыли, — то скакал к хану верный «Соберу». Он спешился, задыхаясь, облобызал ханскую ногу и сообщил о великом несчастье:

— «Истреблю» пал на поле брани.

Услышав о гибели своей надежды и опоры, Сайд Джалалхан застонал и свалился вниз головой с лошади. Ему сделали перевязку. Но сколько тряпок ушло на его большую, невероятно тяжелую голову!

Долго пролежал хан Сайд Джалалхап без сознания. Может быть, десятилетия, а может быть, века. Но наконец очнулся и узнал свою комнату. Над ним сидел, поджав ноги, его верный визирь мулла Шамситдии.

— Что стряслось? Где моя сабля, где мой конь? — грозно вопрошал хап, едва приподнимая над подушкой свою тяжеленную голову.

Муллу Шамситдии, горестно обмахивая его платком, со слезой в голосе спросил:

— Зачем так пугать человека, мулла Сайд Джалалхан? Какая сабля? О каком коне речь?

По плаксивому тону муллы Шамситдипа Сайд Джалалхан понял, что и другие войска, осаждавшие кишлак, пали геройской смертью на поле сражения. Но он не из тех, кто сдается.

— Все погибли? Немедленно снарядите гонца. Пусть установит, каковы потери. И вышлите второго гонца на афганскую дорогу! Да побыстрее!

Сайд Джалалхан поднялся было на ноги, но зашатался и свалился под тяжестью собственной головы. Мулла Шамситдии пытался ему втолковать, что нет никакого газавата и войска никакого нет, что он с утра лежит здесь, у себя в комнате.

— Дурак, — ответил хан, закипая яростью, — ведь я же свалился с боевого коня... До сих пор трещит голова! Разве ты не видишь, каких великих размеров достигла она?!

— Ваша голова самых нормальных размеров, несколько не больше тыквы, — прикинул мулла Шамситдии. Ему

надоели странные капризы друга.— Когда я утром пришел к вам, то увидел, что ветер загоняет дым обратно в трубу, в комнате нечем дышать от угара и дыма. Не правь аллах мои стоны к вам, быть бы вам уже на том свете.

Сайд Джалалхан все еще не верил. Очень трудно расставаться с бывлым могуществом. Даже если оно только пригрезилось. Придерживаясь за стенку, он выбрался во двор. Сделав два шага, свалился. Прошли долгие часы, прежде чем мулле Шамситдину удалось привести его в чувство.

После этого Сайд Джалалхан, поминутно прерывая рассказ стонами, поведал другу о своих невероятныхключениях.

— Это я унес ваш кукнар,— вповато признался он. Было похоже, что Сайд Джалалхан спова заговаривается.

— Какой кукнар? — переспросил мулла Шамситдин. Потребовалось еще некоторое время, и Сайд Джалалхан ойончательно пришел в себя.

Однако теперь великая мысль посетила муллу Шамситдина.

— Это — знамение,— уверенно произнес он.

На следующий день друзья отправились в степь. Они искали черепах для газавата.

1936

К

И» амалханов предупредительно изогнулся вопросительным знаком, уповая на благоприятный ответ. Но тут зазвонил телефон, и заведующий сектором Сулейманов величественно снял трубку.

— Слушаю... Да... да... Ха-ха-ха!..

Почему-то Камалханов почувствовал, что и он тоже не в силах сдерживать смех, и вопросительный знак выпрямился: превратился в восклицательный, а потом и вовсе сломался — Камалханов опустил на стул.

— Конечно, конечно,— покровительственно соглашался Сулеймапов, продолжая телефонный разговор.— Рыба — она тоже вещь отменная, в высшей степени отменная, особенно если ее умело поджарить. Но уж если дыня будет отдавать рыбой, да еще жареной, то увольте...

Камалханову в этих словах почудилась шутка, и он с готовностью открыл рот, чтобы засмеяться, но заметил, что Сулейманов сдвинул брови. В самом деле, подумал Камалханов, что тут смешного? Ничего. Рот сам собой закрылся.

— Когда? — недовольно спросил трубку Сулейманов.— Вам ведь отлично известно, мой друг, что меня не сможет провести и тысяча подхалимов. Я ихнего брата с первого взгляда распознаю. Да, да, с первого... Мой отец по коровьему мычанию определял, сколько корова дает молока, и не ошибался. А у меня нюх на подхалимов. И тоже безошибочный. Вчера пошел в баню, покупаю билет, а кассир эдак любезно: «Не угодно ли мыльца?» Каково? А? Я, друг мой, па три метра сквозь землю вижу. В душе у каждого читаю... Да, да!..

Произноси все это в трубку, Суленмليون поглядывал на Камалхапова: «Вот, мол, смотри, каков человек перед тобой, а ты!..»

Камалханову стало не по себе.

Опустив трубку, Сулеиманов передохнул и, сохраняя па лице значительность, нажал кнопку. Вошла секретарша.

— Скажите там, пусть принесут мне позавтракать! — распорядился Сулеиманов и повернулся к Камалханову.

— Ну, так что же будем делать с вами?.. Трудно, очень трудно выполнить вашу просьбу.

Камалханов улыбнулся с обезоруживающей доверчивостью:

— Знаю, товарищ Сулеиманов, знаю, что трудно, потому п пришел к вам. Вы, конечно, проявляете скромность. Но ведь за скромностью силу все равно не спрячешь... Как ни прячь осла, он выдаст себя ревом... Это я так, к примеру. Человек я откровенный, душа нараспашку. Посади вы в землю спицу от колеса — огурец вырастет... Это я что думаю, то и говорю.

Сулеиманов расплылся в улыбке, но поняв, что она неуместна, п скрывая ее, стал подкручивать ус.

Принесли завтрак — небольшой кувшин с каймаком. Сулеиманов прервал затянувшееся молчание — начал хвалить каймак. И желая подключить к разговору Камалханова, спросил:

— А вы замечали разницу между каймаком из одного города и каймаком из другого?

— Как же, как же! — обрадованно подхватил Камалханов.— Всегда разница.

— То-то же! Смогли бы вы, попробовав одну каплю каймака, определить, из какого он города? Я-то не промахнусь... Когда б прорыли канал и спустили в него весь каймак, который я съел за свою жизнь, то никакая плотина бы не выдержала! Оттого п опыт. Мне легче легкого определить качество любого каймака. Но такого, как сейчас, отродясь не едал. Попробуйте-ка!

Сулеиманов протянул Камалханову лепешку и пододвинул кувшин. Камалханов испытал затруднение: если съесть ложку каймака, да еще похвалить, не будет ли это подхалимством?

Его выручил телефонный звонок. Сулеиманов небрежно снял трубку и кивнул Камалханову на каймак. Тот улыбнулся и, деликатно обмакнув кусок лепешки в кай-

мак, стал, смакуя, жевать. Черте что! Ну и каймак, ну и сливки! Простокваша какая-то! Благо бы еще свежая. А то скисшая-перекисшая.

Сделав иад собой усилие, Камалханов проглотил лепешку и изобразил на лице полнейшее удовольствие.

— Ну, как? — поинтересовался Сулсймапов, положив трубку на рычаг,— Попадалось вам в жизни что-либо подобное?

— Нет слов. Не иначе, корова особенная. Самые лучшие сливки я однажды отведал в Маргилане, но те перед этими — тьфу! — И Камалханов деликатно сплюнул.— А какой аромат...

Сулейманов зачерпнул полную ложку и отправил ее в рот. Вдруг лицо его перекошилось. Он яростно выплюнул каймак.

— Ну и ну! — брезгливо проворчал он, вытирая рот.— Это же простокваша!

Камалханов опешил:

— Быть не может! Неужто простокваша? — переспросил он и облизал ложку, как бы сомневаясь в словах Сулейманова.— Да, в самом деле, вроде простокваша...

— Простокваша и есть! А запах? Чувствуете запах? Кислятина!

— И точно, простоквашка-то того,— подтвердил Камалханов, растерянно облизывая ложку.— Одно слово: прокисший каймак. Я, наверное, попробовал верхний слой — он вроде сливок...

В кабинет вошли сотрудники. Камалханов поднялся. Надо было как-то кончать разговор.

— Надеюсь, я могу с вашего разрешения приступить к работе?

— Пообещать и не выполнить — для меня нож острый.— Сулейманов тоже поднялся.

— А вы пообещайте...

И Камалханов, стараясь не толкнуть стул, никого не задеть, удалился из кабинета.

Спустя два дня состоялось собрание. Сулейманова критиковали вовсю. Камалханов радостно хлопал в ладоши. После каждого выступления что-то вскипало в нем, и он самозабвенно выкрикивал:

— Правильно!

1936

П онцерт, как и обычно, кончился обращенными к зрителям словами благодарности за внимание. Все, кроме известного певца, разошлись в добром настроении. Только певец был раздосадован: и'то сказать, когда во время антракта он вышел в фойе, то услышал, как какой-то тракторист уличал его в невежестве.

Певец вскипел: тракторист, видимо, забылся, забыл свое место и осмелился критиковать его, прославленного артиста, человека искусства!

Он не мог успокоиться, и по дороге домой снова и снова переживал случайно услышанный упрек: «Научись сначала петь, хоть слова произноси правильно». Это я-то неправильно произношу. Ему хотелось пожаловаться извозчику, пусть бы тот разделил его негодование. Но на всякий случай травмированный певец все же решил воздержаться. До сих пор его не критиковали ни газетные рецензенты, ни ученые музыковеды, его не обвиняли ни в формализме, ни в натурализме, он неизменно оставался «талантливым», «одаренным», «самобытным». А какой-то тракторист!..

К удивлению извозчика, седок громко разговаривал сам с собой и кому-то грозил.

Дома певец не стал ужинать,— кусок не лез в горло. Он выпил две пиалы чая, продолжая мысленно спорить с трактористом: «Если я плохой певец, почему же тогда меня записывали на пластинку?» Ишь, покритиковать захотелось! Если ты тракторист, то и не суйся в искусство!

— Вы были на занятиях? — нахмурившись, спросил он домработницу.

— Ходила.

Две недели как домработница посещала курсы ликбеза. Это было сделано по его настоянию, и он считал своим долгом время от времени повторять этот вопрос: «Вы были сегодня на занятиях?»

«У меня даже прислуга ликвидирует свою безграмотность, а он осмеливается утверждать, будто я неверно спел: «От губ твоих мне выпить бы, о сладкогубая!» Ой, видите ли, считает, что «выпить» — не то слово, надо «испить». Пожарный скажет: «Не бросайте спички на пол», а наш режиссер: «Не бросайте спичек на пол». Насколько это красивее! Кстати, как правильно — пожарный ИЛИ пожарник? Пожалуй, пожарный. Скорее всего, пожарный. Наш режиссер, слава богу, достаточно культурный человек. Если он и поругает, не обидно. У него есть любимые фразы. Вот, например: «Нужно согласовать формулировку». Интересно, этот несчастный тракторист знает, что такое «согласовать формулировку»? Ни черта он не знает!»

От такой уверенности певцу стало немного легче. Он даже пожалел, что отказался от ужина. Но вспомнил, что перед сном вредно наедаться, и успокоился.

Тут появилась домработница с тетрадкой и карандашом. Тетрадку она положила на стол перед артистом, а карандашом уперлась в щеку.

— Как пишется прописная буква «Ж»? Учитель показывал, а я не запомнила.

Певца почему-то очень рассердил этот вопрос.

— Вы только еще дошли до «Ж»? Интересно, когда вы при таких темпах дойдете до «Я»?! Кстати, буква «Ж» пишется в слове «боржом». Но если боржом оставлять откупоренным, из него выходит газ. А раз газ вышел, то грош цена боржому. Быть культурным, это значит приучиться закрывать боржом.— Певец почувствовал, что говорит что-то не то. Однако не мог остановиться:

— Вы умеете согласовывать формулировки? То-то же!

Он торжествующе поднялся и направился в спальню.

— Вы уже ложитесь? — разочарованно спросила домработница.

— А в чем дело?

— Вы так и не показали, как пишется большое «Л». А завтра учитель наверняка меня спросит.

— Напишите маленькое и произнесите погромче.

Он был доволен своим ответом, разделся и лег под одеяло. Едва закрыл глаза, перед ним появилось множество голов в полумраке зрительного зала. Среди них вьделялась громадная голова тракториста. Тракторпст нагло улыбался до ушей.

— Чтоб тебе лопнуть! — пожелал артист и повернулся на другой бок.

Через мгновение он захрапел. Храп у него был какой-то необыкновенный. Я бы сказал — музыкальный...

1936

Националисты

Р

Солнце в зените. Душно даже в тени. Город дремлет. Два человека вышли из нотариальной конторы и по дорожке, в тени могучих акаций, направились к «Русско-азиатскому банку». Один из них — редактор-издатель «Национального религиозно-нравственного литературного журнала» Мирза Бахрам, другой — поэт Тавхиди. (Собственно, Тавхиди¹ — псевдоним, который поэт взял в ознаменование своей преданности идеям единения тюркских языков.) Литераторы дружески беседовали и приветливо улыбались друг другу.

Мирза Бахрам сунул руку во внутренний карман чесучового пиджака, вытащил тетрадку, передал ее собеседнику и с видом человека, сделавшего важное и трудное дело, принялся обмахиваться китайским веером. Тавхиди открыл тетрадку и, замедлив шаги, стал читать:

«В давние времена некий бедняк поселился подле богатого человека. Однажды сын богача пришел в дом соседа своего и увидел, что вся семья его, чада и домочадцы с хозяином во главе, заняты трапезой. Они ели с большим аппетитом, а гостя не приглашали; сыну же богача захотелось отведать их пищи...»

Тавхиди полистал тетрадку и спросил:

— Это рассказ?

— Рассказ, мой друг, рассказ. Всю свою жизнь я отдаю служению нации. И вот решил писать — на этой стезе ведь тоже можно служить великой идее. Кстати, эта

¹ Тавхиди — единение (турск.).

вещица получила весьма лестную оценку муллы Кутбидина. Да вы читайте!

Тавхиди стал читать дальше:

«Мальчик заплакал и пошел домой. Отец и мать стали спрашивать ребенка о причине его слез. Тогда мальчик пожаловался родителям на бедняка. Отец велел приготовить самые изысканные яства, но дитя не захотело даже отведать их, продолжало плакать и говорило, что желает кушания соседа. Тогда богач пошел к бедняку и сказал:

— Сосед, зачем ты доставляешь мне огорчения?

— О сосед, не заставляй меня приподнимать завесу над печальной тайной.

Богач настаивал, чтобы бедняк объяснил ему, в чем дело, и тот сказал:

— Есть пища, разрешенная шариатом для неимущих, но запретная для столь благородного отрока, как ваш сын.

— Разве существует такая пища? — спросил богач.

— А разве вы не слышали в мечети, что людям, впавшим в нужду, дозволено есть падаль? Дети мои три дня не ели. И потому, увидя сегодня сдохшего ишака, я отрезал кусок падали и принес домой. Когда ваш сын пришел к нам, мы как раз вкушали эту пищу.

Богач поблагодарил соседа и обещал построить мечеть, сказав, что бедняк будет тому причиной...»

Огромная, мохнатая, как медведь, собака, растянувшаяся под большими железными воротами, приподняла голову и угрожающе зарычала.

— Бегите! — крикнул Мирза Бахрам, прячась за спину Тавхиди. Тот отпрянул и налетел на Мирзу Бахрама. Оба упали. Собака вскочила, явно намереваясь наброситься на упавших, но потом, видимо, усомнившись, стоит ли утруждать себя в такую жару, опять растянулась под воротами.

Прихрамывая и потирая ушибленное колено, Мирза Бахрам, перебрался на другую сторону арыка. Тавхиди, смущенный своей трусостью, пытался оправдаться:

— Вы сами виноваты. Так вдруг закричать... Я даже не успел сообразить, в чем дело. А собаку эту я знаю, это Касымджана-байбачи собачка, она меня знает... Ко юе, Турткуз, ко мне! Ах, негодная! А ведь какая тихая была!

Собака спова зарычала. Продолжая потирать колено, Мирза Бахрам обернулся.

— Я п сам знаю, что это собака Касымджана-байбачи. Потому ы перепугался. Злющая псина, я уже с ней намутился. Правда, ее не Турткуз зовут, а Арслан. Поди сюда, Арслан, поди, песик!

Собака лениво оскалила зубы. Приятели перешли на другую сторону улицы.

— Скверный все же нрав у этой собаки,— сказал Мирза Бахрам, шагая рядом с поэтом.— А зовут ее Арслан, именно Арслан, я ведь часто бываю в этом доме, знаю.

Стараясь не обидеть Мирзу Бахрама, Тавхиди деликатно возразил:

— Нет, все-таки не Арслан, а Турткуз. Вы, может быть, и сами часто здесь бываете, но и я не чужой в этом доме и прекрасно помню, что собаку зовут Турткуз.

— Но я все же куда чаще бываю у Касымджана-байбачи,— вежливо возразил Мирза Бахрам, выказывая выдержку и учтивость.— А вообще... это совсем не важно: Арслан, Турткуз... Собака, и все... Лишь бы истина не пострадала.

— Но ведь когда я позвал ее: «Турткуз»,— она повела ухом,— не менее учтиво заметил Тавхиди.

— Напротив, она зарычала. А вот когда я сказал: «Арслан»,— она пошевелила ушами.

— Это вам с испугу показалось.

— Нет, это вам показалось.

Приятели слегка повздорили. Дабы «не пострадала истина», они решили вернуться и испытать собаку. Ни на «Арслана», ни на «Турткуза» собака вначале не отзывалась. Но ведь надо же было приятелям доказать свою близость к Касымджану-байбаче. Наконец собаке, видимо, надоели их приставания, и она бросилась на литераторов. Тавхиди удалось удрать в соседний двор. Мирза Бахрам растерялся и просто сел на землю. К счастью, собака пронеслась мимо него. Потом она вернулась, подлезла в подворотню и скрылась.

Когда Тавхиди вышел из своего убежища, Мгрзя Бахрам сидел в пыли у арыка.

— Положим, с собаки спросить нечего,— поднимаясь, сказал Мирза Бахрам.— Но вы-то достойны удивления. Выяснять истину у собаки!

Некоторое время они шли молча. Потом Тавхидп спросил:

— А что вы, собственно, хотите этим сказать? Вы сравниваете меня с собакой?

Мирза Бахрам вовсе не ожидал такого оборота.

— Боже упаси! Если сказанное мной можно так понять, извините великодушно! Я просто думал... Не стоило возвращаться... Все равно собака не узнала.— II Мирза Бахрам, пытаясь рассеять неловкость, принялся рассказывать о чем-то забавном.

Говорить о близости к Касымджану-байбаче было уже неудобно. Поэтому они завели разговор о самом Касымджане, о его деловитости, о стремлении к прогрессу.

Тавхиди к месту вспомнил о стихах, которые байбача велел надписывать на пиалах, выпускаемых его заводом, и даже прочел особо понравившееся ему двустишие:

**Чтоб достоинства сей чаши китайской описать,
Скажу лишь: сердце пьющего ей дано увеселять.**

Мирза Бахрам в свою очередь рассказал историю написания рассказа о запретной пище. Оказывается, он недавно был с Касымджаном на принадлежащем тому кожевенном заводе. Один рабочий, очень бедный человек, сварил суп из лошадиной шкуры и накормил им детей. Многие смеялись над ним, а иные стали кричать: «Это хозяин во всем виноват!»

Мирза Бахрам обстоятельно объяснил рабочим, что ничего предосудительного в этом нет, шариат разрешает беднякам употреблять в пищу шкуру животных, а придя домой, написал сей рассказ.

Размолвки между приятелями как не бывало. Непридуманно болтая, они направились в пивную.

1937

Учитель словесности

^ Говарищ Бакиджан Бакаев — преподаватель изящной словесности, как он себя именует,— войдя в хлев, ощутил крайнее раздражение: опять клещи в ушах у коровы! Но куда больше, чем клещи, рассердила его сама корова: не дает очистить уши. Трясет головой, фыркает...

— Скотина! Скотина, а не корова! — сказал он, хлопнув дверью хлева, и пошел по двору. Супруга Бакаева Мукаррам наливала в самовар воду.

— Скотина! — снова сказал Бакаев. Мукаррам покосилась.— Животина проклятая!.. Нужно продать эту корову, а на вырученные деньги купить свинью!

— В городе свиней держать нельзя,— сказала Мукаррам, накладывая в самовар уголь.

— Почему? Разве запрещено? Кто это сказал? Разве я это говорил? Ну, правильно, нельзя... Конечно, нельзя.

— Вы в дом зайдите, там Хамида пришла.

Шестнадцатилетняя Хамида, тоненькая, жизнерадостная девушка, увидев зятя, обрадованно вскрикнула:

— Ой! Вы, оказывается, дома! Знала бы — тетрадь принесла... ой, как жаль!

Настроение товарища Бакаева несколько прояснилось. Из мыслей его ушла прочь и корова со своими зелеными-презелеными клещами в ухе, и страшноватый призрак свиньи, которая с хрюканьем разрушает мордой берег арыка.

— Я слышал, ты из техникума на рабфак перешла, это правда? — спросил он.—Гм-м... Что ж, правильно

Некоторое время они шли молча. Потом Тавхиди спросил:

— А что вы, собственно, хотите этим сказать? Вы сравниваете меня с собакой?

Мирза Бахрам вовсе не ожидал такого оборота.

— Боже упаси! Если сказанное мной можно так понять, пзвпнпте великодушно! Я просто думал... Не стоило возвращаться... Все равно собака не узнала.— И Мирза Бахрам, пытаясь рассеять неловкость, принялся рассказывать о чем-то забавном.

Говорить о близости к Касымджану-байбаче было уже неудобно. Поэтому они завели разговор о самом Касымджане, о его деловитости, о стремлении к прогрессу.

Тавхиди к месту вспомнил о стихах, которые байбача велел надписывать на пиалах, выпускаемых его заводом, и даже прочел особо понравившееся ему двустишие:

**Чтоб достоинства сей чаши китайской описать,
Скажу лишь: сердце пьющего ей дано увеселять.**

Мирза Бахрам в свою очередь рассказал историю написания рассказа о запретной пище. Оказывается, он недавно был с Касымджаном на принадлежащем тому кожевенном заводе. Один рабочий, очень бедный человек, сварил суп из лошадиной шкуры и накормил им детей. Многие смеялись над ним, а иные стали кричать: «Это хозяин во всем виноват!»

Мирза Бахрам обстоятельно объяснил рабочим, что ничего предосудительного в этом нет, шариат разрешает беднякам употреблять в пищу шкуру животных, а придя домой, написал сей рассказ.

Размолвки между приятелями как не бывало. Непридуманно болтая, они направились в пивную.

1937

поступила. По-моему, это я тебе посоветовал па рабфак идти? А? Гм-м... Уф-ф, опять изжога... На рабфаке хорошо... Я там как-то был. Там еще на дверп канцелярии написано «Практикум». Да-да. Это неправильно! Практикум, максимум, минимум — это все латинские слова. Я, по крайней мере, так полагаю.

Хамида потупилась. Помолчали немного.

— Бақпджан-ака,— смущенно сказала девушка,— я вас, знаете, о чем хотела спросить — вот мы в классе читали «Спать хочется» Чехова и хотим устроить суд над девочкой, которая задушила ребенка... Потерпевшей, ну, матерью ребенка, будет Рахима, обвинителем — Шарифджан. И судьи будут! А я хочу потребовать оправдания этой девочки! Правда же, она не виновата, это все хозяева, которые ее так эксплуатировали! Она же сама маленькая! Вот.. Так я ее и написала. Правильно, как вы думаете? Чехов так ведь и хотел сказать?

Товарищ Бакаев подумал и спросил:

— Кто вам преподает изящную словесность? Хакимов? Глупый человек! Над собой не работает. Я ему говорю, что знак вопроса ставится после частицы «ли», а оп, представь себе, смеется! Но деле даже не в этом...

Мукаррам вошла с самоваром. Хамида поспешно вскочила, взяла самовар и поставила его на стол. Она хотела было попенять зятю на то, что он позволяет беременной жене поднимать самовар, но застеснялась и промолчала. Товарищ Бакаев, оказывается, просто умирал от жажды — он тут же выпил одну за другой четыре пиалы и вспотел.

— Уф-ф, чай особенно хорошо идет после пельменей...— сказал он, вытирая пот.— О-о, опять борода выросла!.. Не будь на свете парикмахеров, люди давно уже превратились бы в обезьян. Вы знаете, как обезьяна стала человеком? Очень просто: облысела. Да, да, об этом у Энгельса сказано...

— Вы мне не ответили про девочку, Бақиджан-ака,— сказала Хамида.— Правильно я Чехова понимаю?

Товарищ Бакаев попросил еще чаю.

— Чехов? Гм-м... Видишь ли, говоря о буржуазном реализме, нужно... нужно сначала... гм-м... обратить внимание на его объект... То есть, нужно понять объективную действительность... гм... изображенную буржуазными реалистами... Гм-м, несомненно, Чехов... от начала до

конца... по сути своей, да, относится к раннему буржуазному реализму... Э, Мукаррам, ты положила подкладыш в куриное гнездо? Надо сейчас же положить, не то курица бродягой станет!.. Прости господи, да есть ли животное глупее курицы, а? Положишь подкладыш — несется! И почему она несется, если положить подкладыш? Или вот — почему петух на заре кричит? А? Кто это может понять? Интересная психология! Хамида, вы биологию изучаете?

Хамида неохотно рассказала, что они проходят по биологии, потом ей пришлось вкратце объяснить, что предстоит изучить до конца учебного года, и тут она свернула на свою речь в суде: в защиту девочки она приведет доводы из области биологии... Разговор вернулся к Чехову.

— Гм-м...— сказал Бакаев,— у меня есть свои мысли о Чехове. Пусть другие говорят, что хотят, но, по-моему, его мировоззрение... его мировоззрение отличается от мировоззрения Пушкина и Лермонтова. Да, да, отличается, хотя они писатели одной страны, одного класса, одной эпохи.

— Но Пушкин и Лермонтов не жили в одно время с Чеховым,— сказала Мукаррам,— у нас в библиотеке фотография висит, там Чехов снят с Горьким. Он, кажется, в девятьсот четвертом году умер?

Товарищ Бакаев почувствовал неловкость.

— Вы о каком Чехове говорите?.. Налей чаю!.. Об этом Чехове?.. Правильно, этот умер в первой половине девятьсот четвертого года. Дай мне другой платок, этот луком пахнет!.. Я говорю о том Чехове, который был представителем раннего гм-м... буржуазного реализма.

— «Спать хочется» какого Чехова? — спросила Хамида.

— Конечно, этого Чехова! Эта вещь была впервые напечатана в журнале «Современник»...

Тут товарищ Бакаев начал длиннейшую речь. Хамида, однако, потеряла пить на третьем слове. Какой-то знаменитый критик Дендинг писал какому-то писателю Шлеппиугу: «Когда ты станешь нуждаться в помощнике, подрастет твой сын и станет тебе помощником». А драматург по имени Стеидинг писал критику по имени Демпинг: «Если всех животных создал бог, где был его вкус,

когда он создавал барана?» Тут голова Хампды отяжелела: она дважды тихонько зевнула, почти не раскрывая рта.

Было уже темно, когда, попрощавшись с сестрой и зятем, Хампда вышла на улицу. Она подумала, что мнения зятя о девочке из «Спать хочется» она так и не узнала. Она попыталась вспомнить, что он говорил, но в голове у нее загудело: практикум, максимум, минимум... Дендинг, Шлеппинг, Стендинг, Демпинг...

1937

Бывают же огорчения...

— Почему вы чешете мне голову?
— Я подумал, будто это — моя голова.

Анекдот

"днажды недурной собой молодой человек постучал в дверь. Ему открыла женщина с сединой в волосах.

— Входите, входите... Пожалуйста!

Человек вошел, в сердцах швырнул на диван портфель, тяжело вздохнул, трагически прижал руку к груди.

— Я должен либо умереть, либо убить! — воскликнул он.

— Неужто нет иного пути? — удивилась женщина.

— Иной путь — заложить в середину земного шара бомбу эдак в миллион тонн и взорвать! Не сообразовали ли вы принести мне пиалу.

Он вынул из портфеля бутылку и, невзирая на предостережения женщины, залпом осушил две пиалы.

— Ответствуйте прямо: я ничего из себя? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Коль нужна красота, то ведь мне ее не занимать. И у такого, как я, жена пошла в баню с каким-то чужим мужчиной!.. Что мне прикажете делать?

— Когда пошла? — переспросила женщина. — Вы утверждаете, сегодня. Но ведь сегодня в шесть утра ваша жена вместе с моей невесткой улетела в Самарканд! Я сама их провожала.

Потребовались считанные минуты, дабы ревнивый молодой человек убедился, что его жена — вне подозрений, а разговор о бане — чистейшая клевета. (Если о клевете можно сказать «чистейшая».) От радости он поцеловал женщину в плечо, в голову и осушил еще пиалу.

Женщина тоже была рада, она избавила супругов от ссор и сцен. Пришелец еще раз приложился к пиале и потянулся поцеловать руку. Но женщина отстранилась.

— Выпили вы более чем достаточно,— твердо произнесла она.

— Нет, я буду пить и вы будете! Пейте!

Видя его назойливость, женщина вышла в соседнюю комнату. Гость последовал за ней. Из комнаты послышался женский голос:

— Не смейте! Уберите руки! Пустите меня! Убирайтесь вон!

Прекрасный молодой человек вернулся в столовую, придерживая пылающую щеку, взял портфель и, не прощаясь, удалился. Он был искренне раздосадован и всю дорогу думал: «Это мне урок... Нехорошо получилось. Эта ведьма может запросто все рассказать моей жене. Если п из этой беды я выберусь благополучно, никогда больше не дотронусь до женщин, знакомых с моей женой!..»

1937

""реполагалось свадьбы не устраивать — поставить перед четырьмя гостями блюдо с пловом и «объявить миру». И все. Но заведующий красной чайханой Сабирджан, —*узнав об этом, расшумелся и, несмотря на сопротивление жениха и невесты, затеял пир на весь мир. Он придавал свадьбе большое общественное значение.

И вот сейчас, как видите, двор не может вместить людей. Даже художественная самодеятельность из пошивочной артели прибыла.

Никто не знает, где жених. Невеста заперлась в комнате и не поддается ни на какие уговоры — только проклиная Сабирджана. Какая-то старуха отозвала Сабирджана в сторону:

— Это дело тебя не касалось! Что сделано, то сделано. Но зачем их обоих выводить на люди? Чтоб они стали посмешищем?

И без того раздраженный Сабирджан вспылил:

— Не жужжите, как малярийный комар! Что же, по-вашему, люди сюда собрались, чтобы посмеяться над нами? А подарки?

— Стыдно же, сынок! С какими лицами они сядут здесь? Ведь возраст у них не тот.

— Ничего особенного! Значит, это вы спрятали жениха и внушили ему дурацкую мысль, что стыдно... И невеста вас послушалась, закрылась в комнате! Немедленно ведите сюда невесту!

— Смилуйтесь, сыночек! Браните меня сколько влезет. Но их не трогайте, не вгоняйте в стыд!

— Велю вам: идите! Не пойдете? Немедленно объявлю свадьбу собранием и поставлю вопрос о вас!..

— Какой вопрос? — не поняла старуха.

— Скажу, что вы срываете мероприятие, навязываете религиозные пережитки, и потребую призвать вас к порядку.

— Да разве это религиозные? Никто вам и не поверит, будто я — верующая. Все помнят, как я разъясняла насчет поста. Даже мужчинам разъясняла...

— Тогда, тогда я скажу, что вы из зависти пытаетесь испортить чужую свадьбу. Думаете, боюсь? Да я ничего не боюсь!

— Что вы говорите!

— Товарищи! — зычно провозгласил Сабирджан. Все притихли, а старуха направилась к комнате невесты. — Товарищи! Поступило предложение, чтоб активный певец нашей махалли товарищ Шукурджанов спел песню «Наступили весенние дни». Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно... Товарищ Шукурджанов, прошу вас.

Когда «Весенние дни» подходили к концу, старуха привела невесту. Закутавшись в платок, невеста неслышно прошла вдоль стены и села среди женщин. Потом старуха привела и жениха. Под громкие аплодисменты жених сел рядом с невестой. Невеста — тетушка Хадича — надвинула платок на глаза и опустила голову. Жених — Курбан-ата — положил руки на колени и замер, словно позируя фотографу. Время от времени он незаметно касался локтем невесты и тихо говорил ей:

— Держись прямо.

— Товарищи! — ораторствовал между тем Сабирджан, — разрешите еще раз открыть нашу славную красную свадьбу, приуроченную к бракосочетанию товарища Курбана-ата и тетушки Хадичи! Объявляя об открытии свадьбы, я вместе с тем хочу сказать, товарищи, песколь-ко слов о том, кто такой Курбан-ата, кем он был и кем стал. Впрочем, об этом он сам доложит. Но если я, товарищи, хотя бы вкратце, не остановлюсь на его биографии, речь моя будет неполной.

Жизнь Курбана-ата не настолько богата событиями, чтоб оратор мог разгуляться. Юность жениха кончилась тем, что он решил: «На этом свете жизнь явно не удалась, надо хотя бы на том не попасть впросак». И в осу-

ществование этого намерения он посвятил себя службе ишау Саидахмадхану. Этот ишан, разговаривая с людьми, держался так, словно одновременно беседовал с господом богом, советуя богу, кому и где именно следует выделить местечко в раю. Когда ишан собрался в далекое путешествие и сказал Курбану-ата: «Идем», — тот даже не спросил: «Куда, зачем?» — безропотно последовал за ним.

Они приехали в незнакомую страну. Это был Афганистан. Курбан-ата и здесь служил ишану верой и правдой, но чувствовал, что силы уходят, и он подумал: «Наш пророк в шестьдесят три года сошел в могилу. Что же делаю я?» И обратился за советом к своему ишану. Тот ему ответил:

— Эти мысли вложил в твое сердце сам аллах!

Ему было безразлично, уйдет ли Курбан-ата под землю или будет ходить по ее поверхности. Ишан подумывал, как бы взять слугу помоложе.

Курбан-ата затосковал по земле, где родился и рос, по близким и знакомым. Он подумал: «Не допущу, чтобы мой прах покоился одиноко в чужой земле».

Когда этой своей мыслью он поделился с ишаном, тот ответил:

— Ее внушил тебе господь бог.

Ишан хотел отделаться от стареющего слуги. А Курбан-ата надумал остаток дней провести на родине.

Родственники обрадовались, увидев его живым, хоть и не вполне здоровым. Пасынок его давно умершей сестры — врач — настоял, чтобы Курбан-ата лег в больницу. В больнице он провел почти два месяца, пока не вылечил ноги и не окреп. После выписки доктор привел его в кружок безбожников и устроил садовником в детском саду имени Крупской. Там же работала тетушка Хадича.

Его отношения с тетушкой Хадичой, которые привели к сегодняшней свадьбе, начались с шутки. В прошлом году она, между делом, не желая его обидеть, бросила:

— Вы пришли поваром, когда плов уже готов. А мы нелегко добились этой жизни.

Произнеси эти слова кто-нибудь другой, они могли бы, конечно, задеть Курбана-ата. Но их сказала женщина, к которой он испытывал симпатию. Обида легко рассеялась, Курбан-ата ответил шуткой...

Курбан-ата п особенно тетушка Хадича всерьез забеспокоились, как бы вошедший во вкус оратор не коснулся деликатной темы. Но, похоже, оратор кончал свою речь.

— Вот так, товарищи,— витийствовал Сабирджан.— В прежние времена не только старики, молодые больше думали о смерти, чем о жизни. На сегодняшний день мы видим, товарищи, совсем другое. Курбан-ата в свои шестьдесят восемь лет строит семью — падежную ячейку нашего общества. Когда человек строит семью?.. Но об этом вас проинформирует сам Карбан-ата.

У Курбана-ата было такое ощущение, будто у него з груди что-то оборвалось. Он вытянул и без того длинную шею, сделал несколько судорожных глотков, замигал, оглянулся вокруг. Все ждали.

— Сабирджан, сынок,— произнес он тихо, вставая с места.— Вы спрашивайте, а я буду отвечать. Сам говорить я не мастер, не привык. Если говорить, то я могу рассказывать об ишанах, баях, об их лисьих повадках. Вчера я слышал по радио такие слова: «Есть еще страны, где бедные строят богатым дома, чтобы заработать себе на саван». Те бедняки — несчастные и несознательные люди... Тысяча благодарностей нашему отцу Ленину. Это он избавил нас от страданий. Да здравствует наше время! Здоровья вам всем!..

Сабирджан под дружные аплодисменты и крики одобрения поднес жениху и невесте по бокалу шампанского. Они оба отважно приняли бокалы и одновременно подняли их.

Сабирджан дал знак начинать веселье. Ни жених, ни невеста на пего теперь не сердились.

1939

D

Оы, может быть, знаете Джанфигана. Ну, тот самый, помните, все пристаивал к прохожим, просил посоветовать, о какую бы стену ему разбить голову. Он еще потом подпалил себе бороду и все ругал того, кто выдумал эти проклятые спички.

А вчера вечером слышим, у него во дворе плачет женщина.

Что бы это означало? Ведь известно, что Джанфиган давно уже не бил жену. Более того: известно, что однажды он даже высказался в чайхане следующим образом:

— Только подлец может бить женщину. Если у тебя руки чешутся, найди молодчика, который тоже не прочь подраться, и лупцуйте друг друга сколько влезет.

Войдя во двор к Джанфигану, мы увидели такую сцену: посреди двора пылает костер, а около него бегают плачущая Малохат-жена Джанфигана.

— Что случилось, Малохат? — спросили мы ее.

— Разве вы не видите? Облил керосином все мои вещи и поджег. За шесть лет хоть бы пару чулок купил! Все сама заработала. А он — вот спалил! В одном комбинезоне осталась...

Джанфиган крикнул, высунувшись в окно:

— Давай, давай рассказывай. Ты ведь всегда правду говоришь, это я вру.

Он выбежал из дома и с жаром заговорил — чувствовалось, что ему необходимо немедленно восстановить истину. Джанфиган жаловался на великую несправедливость, упоминал о какой-то статье уголовного кодекса,

рассказывал о святом, предостерегавшем своего сына против женского коварства.

Оказывается, вчера вечером жена заявила ему, что жить с ним больше не желает, и потребовала развода.

Ссоры, как известно, бывают разные. Иногда они возникают из-за такой ерунды, что ни муж, ни жена не могут потом вспомнить, с чего же все началось. Понимая, что здесь именно тот случай, мы решили примирить супругов и не допустить, чтобы они, переступив порог загса, отправились в «отдел смерти и разводов». Мы попросили их подробно рассказать о причине ссоры. Из печальной истории, которую поведал нам супруги, другой на моем месте, наверное, сделал бы целый роман, я же расскажу только самое существенное.

Лет шесть тому назад Джанфиган был кучером в каком-то учреждении. Потом его выгнали: решил подработать «налево» и попался. После этого он заведовал овощным ларьком, но бросил эту работу, слишком уж овощи дешевы: «Рубля не накинешь, а на копейке не разживешься».

Джанфиган устроился на завод, но и там ему не понравилось — никаких доходов, кроме зарплаты. Чем только он ни занимался, уйдя с завода: и цветы продавал, и мясником был, и штукатуром, даже торговал на базаре дынями, разрезанными на куски,— все ему было не по душе.

Когда Джанфигана первый раз прогнали с работы, Малохат, несмотря на возражения мужа, устроилась в райсовет уборщицей. Вскоре она научилась грамоте, а через полтора года стала уже иногда говорить на собрании докладчику: «Товарищ, у меня к вам вопрос». Шофер райсовета Мария Тищенко была прямо в восторге от ловкости и понятливости Малохат. Как-то после работы она зазвала Малохат к себе домой и уговорила ее поступить на курсы шоферов.

Джанфиган неодобрительно отнесся к затее жены, но препятствовать ей не стал: «Пусть потешится, мечтать никому не запрещено». Окончив курсы, Малохат стала водить грузовик. Муж и тут не стал возражать: «Ну ездит и пусть ездит. Не она же в конце концов автомобиль выдумала». Малохат несколько раз получала премии, Джанфиган оставался равнодушным: «Тоже мне, деньги! Коня с верблюдом не купишь!»

Так шло до того памятного вечера, когда Джанфиган подпалил себе бороду и намеревался разmozжить голову о стeпу. В тот вечер он был в парке культуры и на Доске помета увидел огромный портрет своей жeпты. Джапфиган растерялся. Противоположные чувства боролись в нем: любовь и ненависть, зависть и страх. Придя домой, Джапфиган сначала расцеловал жену, потом начал скандалить. Это была их первая крупная ссора.

— Ну, а сейчас из-за чего вы поссорились? — спросил один из нас, когда мы выслушали этот невеселый рассказ.

— Да как же с ним не ссориться? — ответила Малохат.— Не одно, так другое... Ведь чего только не выдумает! Теперь, говорит, па тебя все смотреть будут. Влюбится еще какой-нибудь. У меня и в мыслях не было...

— Конечно, у тебя и в мыслях не было!

— А то было?

— Если бы у тебя не было пикаких таких мыслен, за-Ч(м бы тебе зоб вырезать? А? Ну, скажи-ка вот при всех, скажи.

Действительно, у Малохат был раньше зоб с небольшою пиалу, и она прошлой весной вырезала его. Это послужило тогда причиной новой грандиозной ссоры, которая затянулась на целую неделю.

— А разве плохо, что я его вырезала? — смущенно спросила Малохат.— И как вам не стыдно так говорить? Все-таки я ваша жeпа.

— Да, да, а то для меня ты его вырезала! Еще чего! По мне ты п так хороша была!

— А зачем же вы тогда попрекали мeпя этим злосчастливым зобом? Сколько я пз-за него слез пролила!

Джапфиган засмеялся.

— Попрекал... Бывало, конечно... Только чего же плакать...

Оказывается, после того как Джапфиган увидел жену на Доске почета, он решил, что теперь она его все равно бросит, и совсем перестал работать.

Малохат уговаривала мужа взяться за дело, несколько раз ссорилась с ним, плакала. Наконец Джапфиган решил взяться за ум и поступил на хлебозавод. Однако и там он продержался не больше месяца — прогнали за прогулы. Некоторое время ему удавалось скрывать это от жены, потом пришлось покаяться и дать слово работать честно. А третьего дня смотрит — оиять он без дела шатается.

Малохат пошла к нему на работу, п ей рассказали там, какую штуку выкинул ее муженек. Он, оказывается, про-работал недели две, надоело ему, и отправплся Джапфиган в поликлинику за бюллетенем. А чтобы наверняка получить его, недолго думая, воды из кальяна напился. Доктор, не будь дурак, промыл ему желудок и говорит: «Ты что это? Слеп? Табак есть вздумал!»

Дошло до начальства, пришлось уйти. Ну, конечно, дома опять скандал.

— А почему же вы все-таки так поступили? — спросили мы Джанфигана.

— Нечистый попутал,— ответил он, чертя палочкой по земле.

— Сами вы любого нечистого попутаете! Ведь надо же — воды из кальяна напился! — возмущенно сказала Малохат.

Помолчали. Джанфиган все чертил по земле. Наконец перестал, поднял голову и выпрямился.

— Вот мое слово. Разводиться я не хочу. Вручишь мне бумажку о разводе — пожалеешь. При свидетелях говорю тебе — намылю веревку...

Джанфиган зарыдал. Малохат, должно быть, никогда %æ видевшая мужа в таком состоянии, смутилась.

— Поймите,— мягко сказала она,— не зарплата ваша мне нужна, я хочу, чтобы вы работали, как все люди. Ведь соседям в глаза совестно смотреть!

Джанфиган стал уверять жену, что это в последний раз, что он возьмется за ум, и призывал нас поручиться за него. Мы выполнили его просьбу, но, прямо скажем, без особой уверенности. Были все основания опасаться, что придется краснеть перед этой женщиной.

Выйдя от супругов, мы зашли в чайхану. Немного погодя туда пришел Джанфиган и спросил нас:

— Ну, как думаете, успокоилась она или опять приставать будет?

Не успели мы ответить, как в чайхану заглянула Малохат. Джанфиган весь как-то съежился и пошел ей навстречу.

На следующее утро мы узнали ошеломляющую новость: Джанфиган не пустил к себе в дом приятелей-бездельников.

1939

Годы

Годы, увы, пролетели напрасно.
Из старинной песни

В автобусе Ходжимирсирож поспорил из-за места с женщиной, державшей на руках ребенка. В спор вмешался школьник и все испортил. Мальчишка — экая дрянь! — сказал ему, что он не прав, и слова эти колом вошли Ходжимирсирожу в грудь. А постреленок еще и прибавил: мол, чего вы на меня уставились?

Ходжимирсирож постоял-постоял, молча глотая обиду, по когда мальчишка сходил с автобуса, протянул руку, схватил его за ухо и сжал, сжал изо всех сил! Мальчик, видимо, испугался, что ему оторвали ухо, схватился рукой — нет, ухо на месте. Он сошел с автобуса и, держась за пылающее ухо, бросил Ходжимирсирожу самое тяжкое оскорбление, какое только знал: «Невоспитанный!»

Довольный, что наказал мальчишку и что тот не нашелся ответить как-нибудь похлеще, Ходжимирсирож откинулся на спинку сиденья и огляделся: тут ему показалось, что пассажиры, особенно мужчина с книгой, сидящий позади водителя, еле сдерживают смех. «Этот сопляк, кажется, осрамил меня,— мелькнуло в голове Ходжимирсирожа.— Вон тот, с книгой, того гляди рассмеется: не сейчас, так потом, дома, будет смеяться со всей семьей. Эх, не оборвал я ухо этому собачьему сыну!» И Ходжимирсирож торопливо сошел с автобуса и поспешил за мальчишкой. Тот шел, держась за ухо. Оглянувшись, он заметил Ходжимирсирожа, ускорил шаг и скрылся в дверях двухэтажного дома па углу улицы. Ходжимирсирож решил, что мальчишка забежал туда, чтобы спрятаться от него, и долго поджидал его у дверей. Зашло солнце, а

мальчишка все не показывался. Ходжимирспрож отворил дверь, тихонько вошел. Внизу никого не оказалось, и он стал подниматься на цыпочках на второй этаж. Вдруг кто-то зажег свет на площадке лестницы. Ходжимирспрож вздрогнул и поднял голову. Там стоял Лрзпкул, его старый знакомый. Ходжимирспрож слышал, что Арзпкул рооотает где-то сторожем, но где именно — не знал.

— Вы — Арзпкул! Что вы тут делаете? Живете здесь?

— Да, живу, — ответил Арзикул, продевая руку в рукав халата. — Сыну здесь дали квартиру. А вы что тут делаете?

Ходжимирспрож оторопел. Говорили, правда, что сын Арзпкула человек стоящий и «один управляет тридцатью двумя машинами», но Ходжимирспрож никак не мог подумать, что он живет в таком доме.

— Вот как... — растерянно пробормотал Ходжимирспрож. — Здесь, стало быть, живет ваш сын, как* же, слышал, что вы квартиру получили... Слава богу... А я проходил мимо, дай думаю загляну и поздравлю с новосельем.

— И хорошо сделали, почтенный Ходжимирспрож. Прошу, заходите... Нет, нет, галоши снимете там, в коридоре... Очень кстати пришли. Я и сам хотел пригласить вас посидеть, поговорить часок-другон.

Не ради любезности говорил такие слова гостю Арзикул, он и в самом деле думал пригласить к себе Ходжимирспрожа. Но не беседы рады, а показать, как он теперь живет. Не то что бы похвалиться своей квартирой и обстановкой, ведь добром хвастает тот, кто ставит его выше своей чести. Арзикул хотел лишь показать Ходжимирспрожу, как изменилась жизнь тех обездоленных людей, которым в прежние времена говорили: «Если хромым станет жаловаться на хромоту, а бедняк на бедность, их бог проклянет», — показать, чего они добились своей борьбой. Арзикул вовсе не собирался упрекать Ходжимирспрожа, ведь это значило бы помянуть свои обиды. К чему обижаться на Ходжимирспрожа? Не за то ли, что, работая на заводе Ходжимирспрожа, Арзикул никогда не бывал сыт, но и с голоду не помер; что хозяин считал его рабочей скотиной, что, когда Арзикула придавило кипами хлопка, поломало ему ребра, его выхаживали жители квартала? Разве мог Ходжимирспрож, владелец завода, поступать иначе? Зато теперь Ходжимирспрож может покаяться: мол, ие стоило

бы так поступать. И ой, копечпо, так и сделает, смягчит «покаянием» сердце собеседника, а тот угостит его хотя бы пиалой чая.

Арзикул провел Ходжимирсирожа в конец коридора, к своей комнате. Они вошли. Все, кроме какого-то мешочка, висевшего на ручке балконной двери, показалось Ходжимирсирожу фальшивым; он подозрительно оглядел каждую вещь, потрогал стены, даже постукал по ним пальцами.

В комнату вошла Таджихон, невестка Арзикула. Она поздоровалась с гостем и пригласила его в другую комнату. Арзикул провел Ходжимирсирожа в комнату-столовую. За столом сидел Мурад, сын Арзикула, и рассматривал карту.

— Ты, сынок, уже вернулся,— промолвил Арзикул.— Вот к нам пожаловал почтенный Ходжимирсирож.

Мурад встал, учтиво поздоровался и предложил гостю сесть.

— Добро пожаловать, уважаемый Ходжимирсирож. Что-то вы совсем пропали...

— Спасибо, сынок, спасибо,— ответил гость, осторожно усаживаясь на стул.— Дай бог вам долгой жизни. Я давно радуюсь вашим успехам. Вот каков должен быть сын, отец на такого не нарадуется. Очень рад. Да... А ковер этот... сколько стоит?

— Не помню. Давно купили.

— На той неделе на базар привезли один ковер, всем коврам ковер. Я помог сыну Кадырали купить его за тысячу триста рублей. Кто понимает толк в коврах, без разговора даст за него две тысячи. Если вам понадобится ковер или что другое, вы скажите мне. Так... Живите себе в удовольствие, сынок, живите... Теперь Арзикул может спокойно себе полеживать на боку и не работать. Мы в прежние время столько добра имели и то не могли позволить себе этокое. Вы, Арзикул, теперь небось не работаете?

— Почему же? Сторожем работаю в сорок четвертой школе. Не могу не работать... потому — не привык.

— Вот это плохо! Не годится! Неблагодарный вы отец...

— Пусть так, да не привык я жить без работы.

Мурад рассмеялся.

— Вот видите, не привык. А я не могу лишать его права на труд.

Таджихон накрыла на стол. За едой Ходжимпрсирож, не давая никому рта раскрыть, стал поносить прошлое. Он, дескать, хоть и был заводчиком, а его тоже угнетали. Вот уездный управитель пообещал Ходжимирсирожу провести его брата в тысяцкие, взял у него три тысячи двадцать семь рублей, а на выборах прошел на эту должность перекупщик котлов Исампддин. Таджихон рассмеялась.

— Какие же это выборы? — спросила она мужа.

— Мне-то откуда знать. Расскажите, отец...

— Слышал я, что тысяцкого выбирали, но сам не видал, как оно было,—помолчав, ответил Арзпкул.—А какие это были выборы — наш дорогой гость рассказывает... экий мошенник уездный управитель, вон как надул!

Смех Таджихон, иронический тон Арзикула не понравились Ходжимирсирожу. Ковыряясь ножом в мясе, он решил перевести разговор на другое, попытался польстить хозяевам.

— Вот, сынок, вы все говорите о стахановцах,— сказал Ходжимпрспрож, отделяя мясо от косточки.— Я сперва многое не понимал в новой жизни, да вот стал разбираться. Однако ж работа стахановцев для меня и сейчас вещь непонятная. В прежние времена, как известно, один человек мог собрать за день самое большее три с половиной пуда хлопка, а теперь вроде собирает по сто двадцать пять пудов. Вот и вы, говорят, один управляетесь с тридцатью двумя машинами.

Мурад улыбнулся и взглянул на жену.

— Расскажите, Таджихон, почему нынешние люди вершат такие дела. Уважаемый Ходжимирсирож никак в толк не возьмет. Вы ведь тоже стахановка.

Таджихон не успела ответить, кто-то постучал в дверь, и она вышла. Мурад помолчал, упрекая себя, что обидел жену, и ответил:

— Стахановское движение, уважаемый Ходжимирсирож... это — знаете... есть пословица: «Не на себя работать — ив знойный день руки стынут». В том-то и дело, что тридцать две машины, на которых я работаю, и все, что они производят,— не чужое. Это во-первых. Во-вторых...

Из коридора донесся звонкий голос. Мальчик о чем-то весело рассказывал матери. Оказывается, это пришел сын Мурада Ульмас.

Улыбаясь, он торопливо вошел в комнату, спешил, видимо, поделиться своей радостью и с отцом. Вошел и...

остолоспсл: в комнате сидел тот человек, тот самый, что показал себя таким невоспитанным в автобусе! Ульмас невольно схватился за ухо и медленно повернулся, чтобы пройти в спальню, но отец остановил его:

— Ну, товарищ командир, что вы смотрели в кино?

Узнав мальчика, оторопел и Ходжимирсирож. «Ох, папаша, сейчас пожалуется,— подумал он.— Если что — скажу, лез, мол, ко мне в карман».

— Товарищ командир хочет стать танкистом,— улыбнулась Таджихон.— Оп раздумал быть летчиком... Ульмас, почему ты не поздоровался с гостем?

Мальчик протянул руку Ходжимирсирожу. Тот пожал Ульмасу руку и встал.

— Мне пора, а то уже поздно.

Зря опасался Ходжимирсирож, что мальчик пожалуется родителям и сконфузит его: Ульмас не любил ябедничать. Арзикул проводил гостя до нижней площадки лестницы. Ходжимирсирож перешел на ту сторону улицы, медленно брел и думал: «Машины и товары, которые производят эти машины, принадлежат тебе... Танкист... да, танк тоже твой... Эх, прошли годы, прошли. Все вверх дном перевернулось в жизни за эти годы».

1939

Этакий упрямец

0

^wдважды приятель-охотник подарил Кутонддинову двух фазанов.

Когда фазаны были ощипаны и посолены, когда Кутбиддинов представил себе их на столе, он понял, что еда ему будет не в радость, если рядом не окажется приятного собеседника, с которым можно отвести душу. А собеседник такой жил по соседству. Он уже месяц хранил бутылку вина на случай, коль придется зассть печенку, приготовленную на курдючном сале. Услышав о жирных фазанах, Заргаров понял, что решение можно изменить: «Когда зарежем барана, то п вино найдем».

Традиционные беседы друзей-соседей обычно ограничивались двумя темами. Первая из них касалась грандиозного будущего, которое ждет наш город. Вторая носила недоуменно-риторический характер: почему ото в последнее время наука перестала заниматься проблемой омоложения?

Сразу же после обеда сын Кутбиддинова Суяр отправился во дворец пионеров. Часовая стрелка незаметно приблизилась к шести, а его все нет. Потому ли что Кутбиддинов был этим несколько обеспокоен или по какой-то другой причине, но на этот раз обычные темы не получили своего развития. Перспективы города были едва намечены, наука, пасующая перед серьезной проблемой, подверглась лишь поверхностной критике. Беседа зашла о воспитании молодого поколения: у Заргарова тоже есть сын, и приятели обладали достаточным запасом наблюдений. Оба отца с похвалой отзывались о современной си-

стою воспитанию. Заргаров произнес длинную речь, завершив ее словами: «Получи я в детстве такое воспитание и такое образование, то сейчас я бы занимался животноводством па Луне».

— И я, и я!—подхватил Кутбиддинов,—обладал бы великой мудростью... Но, друг мой... Ну-ка, выпьем!.. Но, друг мой, даже самое дурное имеет свое «однако» и самое хорошее — свое «но». Нынешнее воспитание — куда как превосходно. Только разве у него нет минусов? Есть, увы, есть! Не сомневайся. Возьмем, к слову, обучение детей в шахматы... Детский мозг — это... Как бы сказать... На нашем финансовом языке: отдельный параграф. Вот именно, отдельный параграф!

— Лучше не скажешь! Параграф — да и только... Я это тоже имел в виду... Э-э, что это вы не допили? Так не пойдет.

Оба критика были чрезвычайно довольны совпадением мнений. Беседа принимала все более оживленный характер. Обнаружилось, что воспитание, оно, конечно, неплохое. Но вот вопрос: к чему это надо учить детей играть в шахматы?

Кутбиддинов снова наполнил рюмки и продолжал, задумчиво почесывая вилкой заросший подбородок:

— Шахматы потому еще вредны, что, если играешь с каким-нибудь шулером, начинаешь нервничать... А от этого всегда вред здоровью. Вот я как-то играл однажды с Бабаджаиовым — не помню, в каком году. Он нечестным путем забрал моего короля. Я ему говорю: верни короля, я тебе взамен дам другую фигуру. А он уперся и ни в какую, положил моего короля в карман. Я так рассвирепел, что продолжал играть без короля. И победил! С того времени больше в шахматы — ни-ни! Зачем это нужно? Ну, я его обставил или он меня, что изменится?

— Кто бы кого не обставил, обстановка в комнате не изменится!

Прятели дружно рассмеялись.

Был девятый час, когда, наконец, появился Суяр. Он торопливо вошел в комнату, но заметив отца и соседа, ступешевался.

Однако Заргаров его уже заметил:

— Э-э, молодой человек, подойди-ка сюда! О-о, молодец! Ну, ответь нам прямо: кого больше любишь — пану или маму? Или обоих?

Кутбпддипов почувствовал прилив отцовской нежности — он поцеловал Суяра в лоб, привлёк к себе.

— Не правда ли, отца?.. Наш парень что надо: не с кем не дерется, не курит, не сквернословит, любит папу и маму, в шахматы — не-не...

Суяр прервал отца:

— Сегодня я выиграл у нашего инструктора!

— Только этого не хватало!—раздосадованно воскликнул Кутбпддинов.— Разве я не велел тебе прекратить играть в шахматы! Смотри, у тебя из носа течёт,— значит, мозги разжижаются!

Расстроившись, Суяр пытался объяснить отцу:

— Это не от шахмат. Вчера вы заставили меня искать в арыке ваши очки... Я простыл и получил насморк...

— Неужели оттого, что человек ищет отцовы очки, у него начинает течь из носа? Черте что! Ступай, учи уроки!

Суяр вышел с испорченным настроением. И Кутбпддинов расстроился из-за непослушания сына: сколько раз он запрещал сыну играть в шахматы, а тот играет, да ещё выигрывает! Хвастает перед гостем...

Заргаров, желая успокоить страдающего отца, заговорил о других детях, которые не очень хорошо себя ведут, нарушают отцовские запреты. Суяр, конечно, не такой, он послушный мальчик, потому нетрудно будет исправить отдельные его недостатки.

— Мой сын не в пример хуже. Я ему вдалбливаю: будь горным инженером, а он своё: я буду учителем! Надо же... Вот сукин сын. Будто я глупее его!

Друзья согласились: самый крупный недостаток современной молодежи в том, что дети смеют возражать отцам, не всегда следуют их советам. Они даже сочли себя виновными в том, что ежедневно, ежечасно не боролась с этим недостатком, не мобилизовали против него общественность.

— Я намереваюсь написать статью по этому поводу,— признался Заргаров.— Только боюсь, не сумею складно выразиться. А написать кое-как, идти к кому-то за помощью — это увольте, это не по мне. Сказать правду, в свои пятьдесят шесть лет я не вижу никого, кто мог бы учить меня уму-разуму. Теперь нам уже пора учить других. Не так ли?

— Святые слова! Я, правда, тоже не могу сочинить статью. Чего нет, того нет. Но паши дети не будут такими. Они должны овладевать литературным слогом. А литературе их плохо учат. Из рук вон плохо. Я попробовал экзаменовать вашего сына. Маловато в пем проку! Даже не различает двух великих писателей Салтыкова и Щедрина! Считает, что это — один человек. Вот умора. Я все хотел вам рассказать, да забывал...

Заргаров удивился:

— Неужели мой так сказал? У пего ведь по всем предметам отлично. По литературе тоже.

— Небось вы хорошо знакомы с учителем литературы.

— Э-э, Салтыков и еще кого вы назвали? Щедрин, что ли? Если он этого не знает, я ему уши надеру!

— Не знает, поверьте мне, не знает. Твердит, будто оба — один человек!

Кутбиддинов рассмеялся. Этот неуместный смех стал раздражать Заргарова. У него вырвались слова такого примерно содержания: «Если мой сын не знает, то твой тем более». Но Кутбиддинов верил в своего сына и готов был доказать обоснованность этой веры.

— Суяр, эй, Суяр! — крикнул он. — Ты уже лег? Ну ничего, ляжешь еще раз. Помоги-ка нам выяснить, кто более великий писатель — Салтыков или Щедрин?

Суяр удивленно смотрел то на отца, то на Заргарова.

— Нет, неправильно поставлен вопрос, — решил уточнить Заргаров. — Кто умер раньше — Салтыков или Щедрин?

— Так это же один человек! — недоуменно воскликнул Суяр. Он не мог взять в толк, чего от него хотят.

Заргаров победно расхохотался, радостно захлопал в ладоши. Кутбиддинов возмущенно повысил голос:

— Один человек? Кто тебе сказал такую глупость?

— Об этом в книге написано.

— В книге, в книге, — передразнил Кутбиддинов. — Больше играй в шахматы и не такое в книгах вычитаешь! Паршивец!

Кутбиддинов долго ругал несчастного парня. До тех пор, пока Суяр не заплакал.

— Не настаивай, Суяр, — снисходительно посоветовал Заргаров. — Раз тебе отец что-то говорит, значит, он прав. Ты отвечай: «Хорошо, спасибо». И все.

— А если пана говорит неверно?

Приятели посмотрели друг на друга и почувствовали полное единство точек зрения: «Разве можно допустить, чтоб ребенок рос таким упрямец?» Кутбиддинов вознамерился завтра же идти к Суяру в школу и поднять настоящий скандал. Заргаров советовал также пойти во дворец ипоЕеров и там тоже устроить принципиальный скандал.

Через несколько минут в комнату робко вошел Суяр с толстой книгой в руках.

— Вот,— отсутствующим тоном сказал он, показывая на портрет.— Тут написано: Салтыков-Щедрин.

Кутбиддинов вконец разгневался: этакий упрямец, он еще хочет доказать свою правоту. Но взял себя в руки — все-таки рядом гость.

Заргаров недоверчиво прочитал подпись иод портретом п пожал плечами с таким видом, будто увпдел крылатого верблюда. Он осторожно подвинул книгу Кутбиддинову. Кутбиддинов мрачно уставился па портрет и подпись. Снимая очки, он медленно произнес, ни к кому не адресуясь:

— Гм, Салтыков тирэ Щедрин! Бывает же такое... Тогда, оказывается, писатели отпускали бороду...

Воцарилось молчание. Суяр им воспользовался, чтобы уйти.

Здесь и сказу конец. Его можно было бы продолжить, поведав о мести Суяра. Но мести не последовало. Этот упрямец Суяр от нее отказался.

1939

Г

* ремит оркестр. Сбились с йог официантки. За столом в углу за мощными рядами пивных бутылок укрылись два друга. Они сегодня гуляют. Один широким жестом разлил по стаканам пиво, со стуком поставил бутылку, огляделся вокруг, всем своим видом говоря: «Вот каков я!» — и горячо продолжил давно начатый разговор:

— На этом свете человеческому созданию ничего не нужно. Ни денег, ни барахла... Все найдется, коль у тебя имеется верный друг! Не имей сто рублей... Все найдется... Ну-ка, выпьем, пока не нагрелось пиво! Вытри бороду, дорогой Туляган!

Нагнувшись, Туляган краем скатерти вытер бороду и, вытянув шею, натужно рыгнул, будто поперхнувшийся петух. Потом, скривившись, точно он пил не пиво, а уксус, сказал:

— Не неволь, Абдуманноф, пошевельнись — разольюсь. До краев налился... Вот ведь пиво, чтоб ему высохнуть! Полно воды... Хорошо бы отжать воду и лакать чистое пиво!..

— Сейчас, мой верный друг, минуточку терпения,— успокоил его Абдуманноф и кивнул официантке. На столе появился графин с водкой.

— Вот так-то, дорогой товарищ, и среди друзей бывают разные. Бывают просто друзья, а бывают такие, что свою душу гвоздями прибивают к твоей.

— Такой друг один из тысячи! Из миллиона!

— Спасибо, милый... Ты же знаешь, каков я был в двадцать седьмом, двадцать восьмом, до двадцать девятого.

В старом городе — огромная столовая, на Пьян базаре — вполне приличная лавка... Торгуй — не хочу. Что пп день, ппрушка, попойка... Сегодня те друзья-приятели, как встретят на улице, нос воротят. Это лп дружба? В прошлом году на праздники один прежний прприятель стукнул на меня: «Пойдите к нему домой, найдете двести метров бархата». Представляешь, испоганили все праздники...

Густо пересыпая речь ругательствами, Тулягап рассказывал, как он страдал по вине своих друзей, как обижен на них, особенно на одного. Тот вызвался загнать шестьдесят метров бархата и тринадцать с половиной килограммов чая и обсчитал Тулягана — ни много ни мало — па пятьсот двадцать восемь рублей. Оказывается, и у Абдуманнофа произошел аналогичный случай. Один из приятелей провел его, сказав, что когда он обдελывал дельце, двадцать пар туфель попали в руки милиции. Тулягану тут же вспомнились происшествия с олифой и вентиляторами, Абдуманнофу — с черным перцем и цементом... Списку не было, видно, конца. Вывод напрашивался сам собой: нет в мире людей, чище этих двух, нет вернее их дружбы.

— Дай я тебя поцелую! — воскликнул Абдуманноф. — Дорогой ты мой! Я стал теперь без ошибок определять друзей. Ты всегда умел распознавать. А теперь и я научился. Вот идет твой друг Шоабдуфаттах Ходжаев. Сразу видно: настоящий мужчина! Я это знаю, хоть и не разговаривал с ним, вижу по походке!

— Легок на помине, — криво усмехнулся Туляган.

Абдуманноф вскочил с места. Шоабдуфаттах Ходжаев с тремя приятелями стоял посреди зала и смотрел по сторонам в поисках свободного места.

— Мой дорогой Туляган, — сказал Абдуманноф, не сводя глаз с «настоящего мужчины», — позови его, приведи к нашему столу.

— Зачем он тебе?

— Если ты мне верный товарищ, то послушаешься, исполнишь мою просьбу. Иди!

Шоабдуфаттах Ходжаев куда-то отправил одного из своих спутников, а с двумя остальными подсел к столу. Как выяснилось, они пришли не выпивать и закусывать, а искать нужного человека. Абдуманноф, однако, надумал всех на славу угостить.

Шоабдуфаттах Ходжаев так и не развеялся, да и другие, против ожидания, не веселились. Лбдуманноф удивленно посмотрел на Тулягана. Туляган ответил тихо и невразумительно. Часа через два вернулся уходящий куда-то человек, что-то шепнул на ухо Шоабдуфаттаху Ходжаеву. Тот сразу поднялся, поднялись и его спутники.

— Уважаемый товарищ Шоабдуфаттах Ходжаев,— прочувствованно произнес Лбдуманноф, почтительно сложив руки,— эта наша встреча не в счет. У вас срочные дела, и я не смог вас достойно принять. Двери моего дома всегда распахнуты перед вами...

— Как-нибудь свидимся,— неопределенно пообещал Шоабдуфаттах Ходжаев.— Будьте здоровы...

Лбдуманноф проводил их.

— Настоящий мужчина! — повторил он, садясь на место.— Только что-то не в духе.

— Будешь не в духе, когда дело попало прокурору.

— Какое еще дело?

— При ревизии что-то обнаружилось... Разве может при ревизии в магазине что-нибудь не обнаружиться?

— Надеюсь, он еще директор?

— Месяц, как освобожден. Неужто не знал? Похоже, посадят...

Лбдуманноф сплюнул на пол. Воцарилась тишина. Официантка принесла счет.

— Почему ты не предупредил? — возмутился Лбдуманноф, просматривая счет.— Гм, двести тридцать один рубль семьдесят копеек!

— Думал, ты сам знаешь.

— Думал, думал,— передразнил Лбдуманноф,— много думаешь. Гони-ка денежки! Клади сто пятнадцать рублей восемьдесят копеек... Счет дружбы не портит.

— Вот еще! Я сам считал свои расходы. С меня двадцать шесть рублей сорок копеек. Держи...

— Шутить" дома будешь, а здесь гони монету!

— Я и не шучу. Был бы ты человеком, то и эти двадцать шесть рублей не взял — ты ведь сам меня пригласил. Что ж, мне теперь и за Шоабдуфаттахом Ходжаевым платить прикажешь? Ты его звал, ты все заказывал... Раскошеливайся, может, он когда-нибудь еще станет директором...

Обидные слова цеплялись друг за друга. Потом на переносицу Тулягана опустился кулак, потом перевернулся

стол. Потом их попытался развести официант, по отскочил, придерживая щеку. Оркестр умолк. Посетители сгрудились возле сцепившихся на полу дружков.

Когда их наконец вывели, ресторан продолжал свою жизнь. Причина ссоры передавалась из уст в уста. У одних она вызывала смех, у других — чувство брезгливости. Но и те и другие вскоре о ней забыли. Лишь одни сухонький старичок, свидетель этой сцепы, продолжая свой одинокий ужин, бормотал себе под нос:

— Нет, меня несколько не удивляет его попытка подмаслить директора магазина. Удивительно другое — откровенность, с которой они на людях бахвалятся своими спекулянтскими операциями. Они крепко уверены в собственной безнаказанности. Впрочем, и тут не приходится удивляться, их судят, точно малых детишек бранят за шалости. Вот они и разгуливают, как ни в чем не бывало...

Старик продолжал бормотать что-то, но я не расслышал его слов.

1939.

М

"•астер Турдыали раньше был с богом на короткой ноге, но после смерти трехлетней дочки, их отношения осложнились. Многое можно забыть, страдания и обиды постепенно уходят из сердца, но скорбь по ребенку, умершему в три с половиной года... Мастер Турдыали почувствовал необходимость облегчить душу и обратился к всевышнему:

— Направь меня в какой угодно отдел ада, но даже когда будут жечь огнем мои глаза, я не устану повторять: все твои свершения сплошная дурь!

Он действительно замечал, что господь бог не так уж редко глупит: сотворил человека, а вместе с ним — тысячи всевозможных болезней; выращивает для людей различные растения, а их то сожрет саранча, то побьет ливень, то поразит тля... Где же логика?

Подобные разговорчики, разумеется, не нравились богу. О его гневе говорил тот факт, что едва мастера Турдыали, отдавшего богу душу, положили в могилу — даже землей не успели засыпать, — а уже тут как тут мункар-накир.

Поскольку мастер, еще пребывая в брэнном мире, приготовился страдать за правду в могиле и в аду, он не особенно струсил.

— Кто таков? Какой веры? — набросился на мастера мункар-накир.

— Я — мастер Турдыали. Изготавливаю арбы в колхозе...

- Почему не совершал намаза, не соблюдал поста?
- Откуда это тебе известно?
- Для того я и мункар-пакир, чтобы знать.
- Врешь ты все. Мое имя ты узнал от меня же. Тебе известно только то, что тебе говорят.

Мункар-накир опешил от подобной дерзости. Не придумав ничего лучшего, он опустил дубину на голову мастера. От удара Турдыали развалился на мелкие кусочки и собрался воедино через несколько тысяч земных лет.

— Если я чего-нибудь не знаю, знает бог! — как ни в чем не бывало продолжал мункар-накир,

— Раз так сказал бог, то он брешет!

Мункар-накир снова занес дубину.

— Как ты смеешь именовать господа бога — лжецом?

— Устрой мне с нпм очную ставку. Пусть он сам посмеет бросить мне обвинения!

По летосчислению нетленного мира, мункар-накир был следователем с солидным стажем, он давно вел допросы покойников. Но с таким встретился впервые. Поэтому решил снова прибегнуть к налице. Когда мастер опять распался на мелкие кусочки и через несколько тысячелетий пришел в себя, он увидел, что вместе с мункар-накиром и прочими ангелами плывет в тумане, словно рыба в реке. Еще через тысячу земных лет они причалили к престолу всевышнего. Престолом оказался дворец, сооруженный из густого синего тумана. Не только стены, но и лестница, и дверь, и даже цепочка на двери были из синего тумана. Мункар-накир сдал мастера Турдыали с рук на руки двум ангелам, дежурившим у ворот престола, а сам удалился.

Мастер немного струхнул и решил войти к господу богу, совершив омовение. Он попросил у ангелов воды. Но ангелы недоуменно пожимали плечами: они не понимали по-узбекски. Тогда мастер попытался объяснитьсь знаками. Но тут пришел мункар-накир и приказал следовать за ним.

Внутренние покои тоже были из тумана. Продвигаясь сквозь туман, они куда-то вошли. Мункар-накир торжественно остановился. Перед ними был занавес, который не известно где начинался и где кончался. Мастер подумал: «Это и есть так называемая «тайная завеса»». Он не ошибся. Не прошло и пяти минут—если считать по-земному,— из-за занавеса послышался голос, напоминающий звук сурная.

— Та-а-к, та-а-к, интересно знать, почему ты меня обозвал лжецом?

То был голос бога. Мастер Турдыали вздрогнул. Но взял себя в руки.

— У меня тоже есть к тебе вопрос,— сказал оп, сохраняя самообладание,— почему тебе нужно, чтобы я возносил молитвы?

— Это не мне. Порядок такой. Хочешь попасть в рай, молись.

— Коль не тебе, а мне, выходит, молитва — личное дело каждого. Кто хочет в рай, пусть и молится. Но зачем же пугать людей, зачем ты сотворил ад?

Бог призадумался и не сразу нашелся:

— Ну, для тех, кто прелюбодействовал, крал чужое и так далее.

— Выходит, не молиться — это еще не значит грешить? Ты не отказываешься от своих слов? Хорошо. А теперь объясни мне: те, кто совершают намаз, попадают в рай, те кто развратничают — в ад, а куда тем, кто, как я, ни делал ни того, ни другого?

Бог явно растерялся. Так не принято было ставить вопрос. Ему на помощь поспешил мункар-накир:

— Не молиться — вообще-то не грех. Но люди, которые не молятся, невольно поддаются дьявольскому соблазну. Потому и числятся грешниками.

Когда бог, величественно кивнув, подтвердил эти слова, Турдыали вконец рассвирепел:

— Как же прикажешь тебя понимать? Дьявола-то разве я создал? Ты сам его сотворил! И вообще, какой бы твой раб не согрешил, ты соучастник, ибо в ниспосланной тобою книге сказано: «Ничто не происходит помимо моей воли».

На сей раз даже пронырливый мункар-накир, несмотря на свой опыт следовательской работы, не нашелся. Он перешел на крик.

— Я тебя сюда отконвоировал, чтобы допросить, а ты сам устраиваешь допрос господу богу! Ты скажи лучше, почему, когда я вел допрос в могиле, ты обозвал бога... Короче говоря, нехорошо обозвал. И почему все-таки на земле не молился?

Бог, вспомнив, что он — всемилостивейший, решил быть снисходительным:

— Я все понимаю, я вхожу в твое положение. И поче-

му ты не творил молитвы, мне ведомо. Однако порядок — есть порядок, у всех спрашивают... Некрасиво получается: все люди, как люди, отвечают и ладно, а ты — что, умнее всех?

Видя, что бог снизил тон, мастер Турдыалп тоже смягчился:

— Ты мне напоминаешь нашего колхозного секретаря Мукпма. Заполняя анкету, он всякий раз не забывает спросить: «Вы мужчина ИЛИ женщина?» Когда я говорю: «Ты что, слепой?» — он отвечает: «Что поделаешь, анкета требует...» Нет, я считаю, что ты ведешь себя несолидно и и на том свете, на земле, и здесь, в загробном царстве. Лучше закрой свою лавочку,— пусть твои слуги найдут себе работу по душе и занимаются делом — на земле, слава богу, дел хватает. Подумай сам,— когда все время, уходящее на молитвы, будет тратиться на труд ради ближних п себе подобных, когда любовь, которую отдают тебе, обратят друг на друга, когда лишения, которым подвергаются во имя тебя, будут приноситься ради высоких земных целей, то сама земля уподобится раю. Ты сам станешь молиться людям, чтобы попасть в тот рай... Когда я угодил сюда, люди как раз намеревались идти этим путем. Сейчас они совершают такие дела, что если б кто-нибудь из твоих пророков совершил тысячную долю этого, ты бы впрямь объявил себя богом.

Мункар-накиру ничего не оставалось как ретироваться. Бог молчал. Мастер Турдыали хотел развить свою мысль. Но на его голову откуда-то сверху опустилась дубина. Он снова рассыпался на кусочки. Когда, спустя некоторое время, он пришел в себя, то увидел, что покоится в могиле. Над ним стоял мункар-накир с занесенной дубиной.

— Повторяю, отвечай, почему на том свете не творил молитву?

Мастер Турдыалп поглядел на него, громко расхохотался и проснулся от собственного хохота.

1940

Эй, Асроркул,
не знающий ни себя,
ни своего места...;
Мухи

Редатор отпил глоток только что принесенного чая и посмотрел на нас. Предстоял долгий разговор. Но вдруг дверь шумно распахнулась, и в кабинет влетел незнакомец. Не обращая на нас ни малейшего внимания, он решительно направился к редакторскому столу. Бросив на стул свой тощий портфель и усевшись на него, он исподлобья посмотрел на редактора.

— Так как же обстоит с моим делом?

— А что у вас за дело?

— Когда будет опубликована моя статья?

— Мы не собираемся ее публиковать. Я не совсем понял ее смысл...

— Не поняли? Значит, вы ее не читали!

— Прочитал и чрезвычайно внимательно.

— Если прочитали, то отчего же не поняли? Я даже затрудняюсь квалифицировать этот факт непонимания!

Редактор тяжело вздохнул, потер ладонью лоб и, призвав на помощь все хладнокровие, обратился к посетителю со встречным вопросом:

— Вы когда-нибудь слышали, как кричит петух?

— А почему вы полагаете, что не слышал? — заранее обиделся посетитель.

— О чем он кричит?

Несколько озадаченный, посетитель задумался, приложив палец ко лбу, и ответил как человек, которому все доподлинно известно, однако в данный момент он что-то забыл:

— Э-э, как вам сказать...

— Коль слышали петуха, то отчего же не знаете, о чем он кричит? — спросил редактор, с трудом подавляя улыбку.— Значит, либо вы не слышали, как кричит петух, либо... Не знаю, как квалифицировать этот факт!

Я невольно засмеялся, но приятель толкнул меня. Посетитель грозно глянул в мою сторону. Привстав и доставая из-под себя портфель, он закричал на редактора:

— Ага, вы хотите сказать, что я — петух. Вы намекаете...

— Нет же, нет,— поспешил успокоить его редактор.— Я не считаю, что вы — петух. Я хочу лишь сказать, что можно ничего не понять из прочитанного, точно так же, как можно ничего не понять из услышанного... Вполне вероятно, что инженер Юлдашева в двадцать шестом году, когда она училась на рабфаке, ходила в парандже. Но почему надо теперь обвинять ее в этом? Правда, что ее муж Рахимов в девятнадцатом году побывал в Чека, но не как преступник, а как беспризорник. К вашему сведению, в те времена заботу о беспризорных детях приняла на себя Чека... Из слов инженера Юлдашевой о том, что «безобразия разводить свиней во дворе клуба», вы заключаете, что она выступает «против животноводства». Для чего вам понадобилось порочить специалиста, на воспитание которого Советская власть затратила столько лет, столько сил и средств? Кто вас научил травить людей? Кто вас уполномочил писать: «Мы, трудящиеся махалли...»?

Редактор был взбешен. Между тем посетитель снова уселся на свой портфель, откинулся на спинку стула и приготовился к длительному разговору. Часто моргая, он произнес:

— Это я-то травлю людей? Разве я не указал в своей статье и на отдельные положительные стороны товарища Юлдашевой?

— Вы написали не то, что есть, а то, что придумали. Зачем?

Разговор редактора с посетителем затягивался. Приятель снова толкнул меня и кивнул на дверь. Мы вышли в приемную и вот уж нахохотались от души и жалели редактора.

— Неужто ты не знаешь этого деятеля? — удивился приятель.— Известен всем. Это — Бек. Он стоит того, что-

бы рассказать о нем. Редактор все равно теперь но скоро освободится. Кроушки у него попьет этот самый Бек.

Удобно устроившись па диване, он начал свой рассказ:

— Человек этот отстал от жизни лет на двадцать. Но сам этого не замечает. Попробуй заговорить с ним об этом, так он выхлопочет себе отпуск минимум па шесть месяцев только для того, чтобы спорить с тобой. Спорить он способен часами, днями, неделями... Субханкул, который работал курьером в те времена, когда Бек, засунув за пояс газеты, ходил по чайханам, занимаясь «просветительной деятельностью», теперь — директор кожевенного завода и депутат. Бек это признает. Но никак не может согласиться с тем, что женщины, носившие в те времена паранджу и посещавшие курсы ликбеза, теперь вышли в инженеры, агрономы, врачи. Вначале я не мог понять его, понять, откуда эта чудовищная слепота. Но постепенно раскусил его. Слепота — лишь следствие самодовольства. Он горд своими скудными знаниями, он не замечает, что другие знают уже куда больше. Как утопающий за спасательный круг, он держится за дешевые сентенции, вроде «сколько женщину не учи, все равно дальше грамоты не пойдет, а для того, чтобы стать грамотной, не обязательно сбрасывать паранджу!» Такого рода сентенции преследуют его всю жизнь, становятся самой жизнью. Бек ни за что от них не откажется. Да и что он без них! Отказаться — это значит признать себя, по меньшей мере, недальновидным. Пойми: недальновидным — для человека, считающего себя пупом земли, эрудитом, общественным деятелем и не сомневающегося, что после смерти ему будет воздвигнут памятник на самой людной площади... Надежда на посмертный памятник — великая надежда. Не смейся, его ни на минуту не оставляет уверенность в памятнике. Сколько он переживал из-за того, что на берегу озера в парке культуры и отдыха установили гипсовую физкультурницу! Он так и говорил: «Жаль, жаль, заняли подходящее для памятника место!» Он не говорил, для какого памятника, но ясно было, кого он имеет в виду. И вовсе не шутил. А если и шутил, то лишь для того, чтобы сделать свою идею более доступной для простых смертных...

Ему всего важнее доказать правильность своих прописей. Этим он занимается, не жалея пышных слов. Он беден знаниями, но богат словами. Ими он и маскирует свою пустоту. Но даже тухлое яйцо, посыпанное перцем, не

проглотишь. Однако этот тип уверен, что его мысли высоко ценятся всеми — и мужчинами, и женщинами. Да, да, особенно, женщинами. На этот счет у него имеется своя теория: «Чем больше я их оскорблю, тем вернее они меня поймут и сделают для себя верные выводы».

Ты улыбаешься, тебе все это кажется пустяком. Но Бек неутомим и бесконечно активен. Ему хватает сил и на письма, и на споры, и на статьи, и на выступления. Он не пропускает ни одного собрания. Является важный, величественно шествует через зал и торжественно усаживается в первом ряду. Стоит посмотреть на него, когда на трибуну поднимается женщина. Во время ее речи он фыркает, хихикает, бросает плоские реплики. И все для того, чтобы сбить выступающую. Люди смеются не над его остротами, а над ним самим. Но он этого не замечает. Он доволен, на его лице написано: «Здорово я ее срезал, не правда ли?» Он представитель той породы людей, которая не способна видеть себя со стороны.

Он никогда ни с кем не соглашается, всегда остается «при своем мнении». Но это не самостоятельность, это тупость, глупое упрямство. Его нельзя ни в чем убедить. После каждого оратора он тянет руку, просит слова. Он вещает и в том случае, когда ему и не дают слова. Но уж если дали, то держись — он поднимается на трибуну, принимает картинную позу и, уставившись на первую попавшуюся на глаза женщину, начинает смеяться. Потом, подперев свою многодумную голову, как понесет, как понесет... Пока у председателя не лопнет терпение...

Его статья о Юлдашевой — бред как раз такого сорта. Я ее вчера читал. Бек из кожи вон лезет, чтобы опорочить Юлдашеву. И слова Юлдашевой о свиньях, и то, что ее муж когда-то побывал в Чека... Я не думаю, что он испытывает к ней личную неприязнь. Скорее другое, таким образом он должен самоутвердиться, оправдать свою пустоту и никчемность...

Моему приятелю не удалось закончить свою речь. Дверь распахнулась. Из редакторского кабинета выбежал Бек. В одной руке — пальто, в другой — портфель. Бросив в сердцах портфель и пальто на стол секретаря, он завопил:

— Жизни не пожалею, ничего не пожалею... Останусь без пальто, без портфеля, но доведу это дело до конца! Меня еще узнают!

Приятель палил ему в стакап воды, иакинул на плечи пальто, супул в руки портфель.

— Не расстраивайтесь, дорогом Бек,— успокаивал он разбушевавшегося посетителя.— Конечно, вы разоблачите... Конечно, доведете... Не будь проклятого Колумба, вы бы сами открыли Америку!

— А что, и открыл бы! — Бек окончательно потерял над собой власть.— Я их всех разоблачу! Всех до одного выведу на чистую воду!

Видимо, Колумб не составлял исключения.

Бек ушел разгневанный, раскаленный. Последдне его яростные слова донеслись с лестницы.

Нам нужно было переговорить с редактором, и мы вернулись к нему в кабинет. Редактор, еще багровый от возбуждения, нервно посмеивался. Мой приятель рассказал ему историю Бека.

— Хорошо познакомиться бы с этим Кумрихон,— сказал редактор.— Не забудьте и про то, что здесь произошло сегодня. Пусть она напишет рассказ о Беке.

— Написать-то она, возможно, и напишет,— ответил мой приятель,— да боюсь, как бы он сам не прочитал его. Тогда шуму не оберешься. «Что автор хотел сказать своим рассказом? Разве подобные люди бывают в наше славное время?»

— Он слишком самоуверен, чтоб читать газету, а если и прочитает, слишком самодоволен, чтобы принять это па собственный счет. Да, в конце-то концов, неужели мы должны принимать во внимание реакцию такого Бека?..

Редактор помолчал, уныло отхлебнул остывший чай и неожиданно закончил:

— Должны или не должны, а полтора часа мы уже потеряли...

1940.

Девугаки

Ржут жеребята — конями стали,
Плачут невесть-и — чужими для родных стали.
Из стартовой песни

Пусть скажет какой-нибудь беспристрастный человек: отыщешь ли во всем Узбекистане другого такого парня, как Нурматджан? Ну, если и отыщешь, едва ли он станет вертеться перед зеркалом, как, бывало, наш Нурматджан, да еще рассуждать: «Какую бы мне взять жену?»

Вы только поглядите на него: право, тысячу раз пожалеешь, что у него две руки. А без одной руки фигура у него была бы ни дать ни взять — кальян для курения.

А знали бы вы, как изменились в последнее время его понятия. «Это раньше, говорят, я ничего не смыслил. Конечно, хорошо, если жена где-нибудь служит и приносит мужу жалованье. Особенно если она не очень-то на виду: где-нибудь в мастерской или в учреждении, где работают женщины. Красота — вещь хорошая, но она как фарфоровое блюдо: совсем недурно, если на нем еще и казы».

В домово́й книге Нурматджан теперь значится не как Ташходжаев, а просто — Ташев. А не всякий осмелится исказить имя такого выдающегося человека, как ишан Ташходжи. Ведь это был не какой-нибудь захудалый человечешка: из пятнадцати его коней только два могли поднять хозяина.

Правда, есть у Нурматджана один недостаток — бедноват. Может, он и не был таким, достанься ему отцовское добро. Но ведь от имущества отца остались рожки да ножки, и Нурматджану самому пришлось думать о хлебе насущном. Пойти на какую-нибудь недостойную его черную работу Нурматджан, разумеется, не мог, а подходящей

должностп не попадалось. Тогда он и решил: как-нибудь перебыюсь дня три-четыре, а там, глядишь, и подвернется что-нибудь приличное...

И вот уже пятнадцать лет он так думает, особенно по средам, в день исполнения желаний.

Оно и понятно, может ли такой человек не обидеться, если его заденут. Если даже подумает о нем кто неуважительно, и то ему очень тяжело. Так что дочерям Ядгора следовало бы знать это.

Л с дочерьми Ядгора вот какое дело: в свое время Ядгор обещал отцу Нурматджана, Ташходжи, обеих своих дочерей: Каромат и Адолят. Каромат тогда было десять лет, Адолят — три. А через полгода Ядгор зарезался в суде. Почему в суде, почему зарезался — так и осталось тайной. Потом, после свержения царя Николая, имам Ташходжи уехал в Бухару, сынок только его и видел. Обе девушки, обещанные ишану, по наследству должны были перейти к Нурматджану. А тут оглянуться не успели, Каромат подросла — невеста! Нурматджан стал было хлопотать о свадьбе, да вмешался женотдел, и все расстроилось: девушка, видите ли, не любит его. Нурматджан не стал особенно огорчаться: если девушка связалась с этими бесстыдницами, тем хуже для нее, он умывает руки. Нурматджан оставил Каромат в покое и все свои надежды возложил на младшую сестру. Оно и к лучшему, потому что теперь эта Каромат — директор завода и под началом у нее больше тысячи мужчин, в том числе и собственный муж.

Когда старшая сестра вышла замуж, младшей было только одиннадцать лет, и по новым порядкам, чтобы жениться на ней, надо было ждать еще лет пять-шесть. Нурматджан полагал, что вдова Ядгора, посрамленная недостойным поведением своей старшей дочери, стыдится на глаза ему показываться, и был вполне спокоен за Адолят.

Полгода спустя он услышал, что девушка поступила в интернат, а потом вместе с подругами уехала учиться в Самарканд.

Сначала Нурматджан был несколько озадачен, что старуха не посоветовалась с ним в таком важном деле, но, поразмыслив, понял, что она поступила совершенно правильно: очень мудро избавить Адолят от тлетворного влияния старшей сестры, к тому же в Самарканде много святынь, там Адолят лучше будет помнить об обете, данном ее отцом.

Эти соображения помогли Нурматджану спокойно ждать Адолят еще шесть лет. Правда, иногда у него возникали сомнения, но он твердо решил, что, если Адолят не вернется такой же, как уехала, он ей кпшки выпустит.

Когда девушка должна была вот-вот вернуться, Нурматджан узнал неприятную новость: Адолят уехала в Ташкент и будет там еще пять лет учиться на химика!

Нурматджан хорошо знал, что такое химики. Они из камней могут золото делать. Если Адолят станет химиком, ей незачем работать в мастерской или в учреждении,— сиди себе дома и делай золото. Конечно, с другой стороны: пять лет... девушка молодая... опять же химиком будет... как бы не увел ее какой-нибудь молодец. Всякому интересно заполучить жену, которая, сидя дома, будет запросто делать золото. Допускать этого нельзя!

Что же предпринять? Не очень-то приятно, но ничего не поделаешь — придется повидать старуху. Надо ей сказать: «Адолят приедет сюда, а пока что давайте устроим плов и оповестим о сговоре весь квартал».

С таким намерением Нурматджан отправился в среду вечером к вдове Ядгора.

Встретив старуху на мосту, он немного растерялся.

— А... тетушка,— сказал он поспешно.— Адолятхон должна бы приехать... А мы бы плов устроили...

— А, это ты, Нурматджан? Почему ты в совхоз не поехал? Там рабочих набирают...

— А разве Адолят в совхозе?

— Адолят? Нет, Адолят в Ташкенте. Я недавно к ней ездила. Такого хорошего мальчика родила...

Нурматджан открыл рот и захлопал глазами.

— Как, почему родила?

— Ну, а почему бы ей не родить?

— Она что же, замуж вышла? — сообразил наконец Нурматджан.— Как же вы, с вашими седыми волосами, могли допустить такое?

— А что же тут плохого?

— Но ведь обе ваши дочери были обещаны...

Старуха с трудом удержалась от смеха.

— Ах, ты вот о чем. Так они твоему отцу были обещаны. А потом ведь нынешнюю девушку насильно не выдашь, надо, чтобы она тебя полюбила.

— Подождите, тетушка. Правда, девушки были обещаны моему отцу, но ведь у него нет других наследников,

кроме меня. А потом, зачем мне добиваться любви Адолят? Пополнение обета — ваша забота. Каромат тогда по-своему поступила, я промолчал. И сейчас ничего не скажу, делайте как знаете, могила — каждому своя.

Тут уж старуха не выдержала, рассмеялась.

— Что же теперь делать, Нурматджан? — сказала она, вытирая выступившие от смеха слезы.— Так вышло. Видно, так тому и быть. Ты уж не жалуйся отцу, когда видишь его во сне. Я тебе такую девушку высватаю. Приемным зятем моим будешь!

— Не нужна мне ваша девушка!

— Это почему же?

— Мне и Адолят хороша!

— Ну? Тогда делать нечего, придется написать ей, чтобы на развод подавала... Ну, будь здоров, сынок, до свиданья.

Когда старуха была уже довольно далеко, Нурматджан крикнул ей вдогонку:

— Тетушка, когда же мне зайти к вам, узнать?

Старуха не расслышала. Она шла и рассуждала сама с собой: «Подумать только, ведь в старое время Адолят пришлось бы выйти замуж за этакое пугало. А сказать ей — не поверит, умереть мне, не поверит».

1941.

Нажми на спусковой крючок

Уже в детстве Хорст Шустер был свидетелем того, как его мать, женщина с жестким характером, вытаскивала из тыквянки кусок мяса. Тыквянка была заперта на замок, и мать вытаскивала мясо, вытаскивая и замок. Хорст Шустер был свидетелем того, как его мать вытаскивала мясо из тыквянки. Тыквянка была заперта на замок, и мать вытаскивала мясо, вытаскивая и замок. Хорст Шустер был свидетелем того, как его мать вытаскивала мясо из тыквянки. Тыквянка была заперта на замок, и мать вытаскивала мясо, вытаскивая и замок.

У чем помышляет вороватая кошка, протискивая голову в тыквянку, в которой лежит кусок мяса? Ни о чем, кроме мяса. А когда не может вытащить голову из тыквянки и мечется от одной двери к другой? Тут уж ей никакие мысли на ум не идут, ей не до кошачьего тщеславия.

Любопытно, о чем думал самодовольный фашист Хорст Шустер, когда с винтовкой в руке вступил на нашу землю?

В годы детства Хорста Шустера учили в школе: «Война — чрезвычайно интересное занятие. Вырастешь, один убьешь десять врагов, тогда убедишься. Фюрер любит тебя и обожает войну. В тебя пуля не попадет. Будешь спокойно сидеть в блиндаже. В блиндаже тепло, уютно; ешь — сколько хочешь, спи вволю...»

До восемнадцати лет Хорста Шустера, члена гитлерюгенд, учили:

«Немецкий народ будет владеть рабами, рабами в самом прямом смысле. Мы создадим новую форму истинного рабства. Крепче сжимай свой нож. Ты — будущий рабовладелец!»

Хорст Шустер с упоением распевал такие песни:

Если весь мир превратится в развалины, пусть превращается!
Мы будем продолжать идти вперед,
Потому что если мы сегодня правим Германией,
То завтра будем править всем миром...

В восемнадцать лет Хорст Шустер стал солдатом и получил такую инструкцию:

«Солдат великой армии! Если будешь придерживаться следующих правил, тебе все будет нипочем и ты победишь. Если нарушишь хоть один пункт этой инструкции, погибнешь.

1. С утра до вечера и по ночам помни о фюрере. Больше ни о чем не думай, потому что фюрер думает за тебя. Выполняй свою задачу, не бойся... С тобой не случится никакого несчастья. В тебя не может попасть пуля, тебя не может поразить штык.

2. Если окажешься в тяжелом положении, вспомни о фюрере и смело действуй. Тебе все будет нипочем. С мыслью о фюрере ты победишь любого врага. Понятия вроде «сочувствие», «жалость» вообще выбрось из головы, они не нужны на войне. Кто бы ни попался тебе на пути — старик ли, старуха ли, мальчик или девочка — убивай. Будешь так поступать — спасешь себя от смерти, обеспечишь счастье своей семьи, мир прославит тебя.

3. Нет на земле такой силы, что могла бы тягаться с нами. Мы поставим человечество па колени. Никого не щади, всегда помни о фюрере — и победишь...»

Его отец в 1903 году приезжал в Туркестан в качестве агента фирмы «Бишоп» для закупки хлопка. Он прожил здесь какое-то время и вынес кое-какие знания. Провожая сына на войну, он его наставлял: «Будешь в Бухаре, не пей сырую воду, там распространена ришта».

О чем может думать Хорст Шустер? Ни о чем, кроме убийства и грабежа. Если повстречается ему обыкновенный красноармеец и скажет: «Руки вверх, шантрапа!» -- поймет ли он, что попал в плен? Он, «один убивающий десять врагов», облегчающий свои тяготы мыслями о фюрере, самодовольный Хорст Шустер — «правитель вселенной», решит, что это недоразумение.

— Чем провинилась перед тобой восьмилетняя девочка, которую ты застрелил?

Хорст не понимает вопроса.

— Ты застрелил восьмилетнюю девочку?

Это он понимает.

— Да, застрелил,— ответит Хорст.

— За что?

— Немец не может понимать.

8 А. Кахар, т. 1. У тебя есть сестра? **ИЗ**

— Есть!

— Что бы ты сказал, если б я убил ее?

Хорст искренне удивлен. Что за нелепый вопрос?

Слова, взывающие к человеческим чувствам, напоминающие о том, что и он когда-то был человеком, не воспринимаются фашистом, начиненным зловещей дребеденью. В его голову войдет только одно — двадцать пять граммов свинца!

— О сын советской державы, нажми на спусковой крючок!

1942

Барон фон Ринг

Тот, кого гложет червь ненасытности,
Будет повешен вместе с червем.

А. Навои

"сел одного богатого галантерейщика вдруг разочаровался в жизни: подумать только, каждое утро хозяин взваливает на него груз, садится сам и со словами «хи, скотина!» пинает его в бока! И так каждый раз: «Девчонкам — усма, молодухам — сурьма!..» Вечером они возвращаются. Галантерейщик повторяет свое «хи, скотина!» и запирает его в хлев.

Больше терпеть нельзя. Осел решил покончить с собой. Сказано — сделано. Он направился к реке. Но здесь встретил двух ссорившихся мужчин.

— Пущу весь дом на ветер, но свое возьму! — кричал один. *ч

— Никогда! Чем тебе, лучше вон тому ослу отдам!

Осел остановился, насторожил уши, задумался: «Надо, пожалуй, подождать денек-другой... Появилась перспектива. А главное в жизни — перспектива...»

Так перебранка и туманные посулы спасли драгоценную жизнь осла.

Барон фон Ринг, слов нет, не осел, совсем даже не осел, он — представитель великой арийской расы. Но, говоря о бароне, приходится начинать с осла. Почему? Неужели барон похож па осла? У осла уши длинные, у барона их вовсе нет. Да, да, у барона нет ушей. Когда барон продулся в пух и прах п карты — это случилось в Сан-Марино, — но совету банкмета вместо тысячи золотых поставил свои уши. И — надо же — проиграл. Испанский богач выиграл баронские уши и отрезал их... Есть и еще отличие.

Даже все ослы земного шара сообща не осият и од-нон книги, а барон сам лично за какие-нибудь семь лет прочел две: «150 фокусов» и «Дневник французского офицера, жившего в окрестностях Ужа».

Причиной того, что, заведя разговор о бароне, мы прежде остановились на осле, как раз и явилась эта вторая книга.

Задумался как-то барон и пришел к выводу, что нет ни малейшего интереса продолжать жить на свете: все, что он впдел после двадцати лет, всего лишь продолжение того, что впдел до двадцати. Достаточно было после двадцати поставить «и так далее».

Барон сказал себе: «И так далее» — и вознамерился покончить с собой. Сказано — сделано. Он написал завещание и отправился за веревкой. Тут-то и подвернулся ему «Дневник французского офицера, жившего в окрестностях Ужа». Барон углубился в книгу, и его увлекли картины роскошной жизни во дворце среди экзотических арабских красавиц.

«Бывает же такое», — подумал барон и решил отложить самоубийство. «Дневник французского офицера» спас ему жизнь. Впрочем, не будем спешить, так как вскоре барон угодил на Восточный фронт.

В одном из украинских сел барон фон Ринг успешно насадил «новый порядок»: приказал повесить молодую женщину, муж которой, как он полагал, связан с нартизанами; когда она начала биться в конвульсиях, к ее ногам привязали трехлетнюю дочь, а для назидания согнали смотреть все население — молодежь и стариков, мужчин и женщин.

Рвение барона было оценено, и его направили в городок С, дабы он и тут установил «новый порядок».

Барон мчит на автомобиле к новому месту службы, предаваясь мечтам о завоевании Востока. Да, хороши, надо полагать, восточные красавицы. У этого француза губа не дура. И у барона не дура... Где в Средней Азии находится Лунная долина? Я попрошу у фюрера пост ее правителя. Велю построить мраморный дворец. Кто там живет в Средней Азии? Во всяком случае меня ждут блестящие перспективы. А главное в жизни — перспективы.

Взрыв нарушил ход сладостных мыслей. Что стряслось?

О том, что стряслось, барон узнал через два часа, когда очнулся в незнакомой землянке. Занятый чем-то лейтенант, заметив, что барон пришел в себя, небрежно бросил: — Добро пожаловать!

Барон приподнялся на локтях, льстиво улыбнулся, оттянув верхнюю губу и сморщив нос. В его мутных, словно у дохлой лошади, глазах, дрожал страх: «Хоть впряги меня в плуг вместо вола, хоть нагрузи, как осла, только не убивай».

Вскоре поступил приказ отправить пленного в штаб. Он упирался из всех сил, уверенный, что его ведут на расстрел. Приди сам фюрер и скажи: «Я сделал тебя правителем Лунной долины, в мраморном дворце тебя с нетерпением ждут узбекские, киргизские, казахские, туркменские женщины», — он все равно не сдвинется с места.

Красноармейцы удивленно рассмеялись, увидев, что у пленного нет ушей. Этот смех немного ослабил его страх смерти.

Барон кое-как вылез из землянки, заглядывая в рот каждому, кто говорил, и вздрагивая, точно заяц, от любого жеста. Поднимаясь с помощью шофера в автомобиль, он неожиданно подумал: «Оказывается, нет никакого смысла мечтать о дворцах, об экзотических восточных красавицах...»

1942

Синий конверт

Г

в вардип сержапт Иркабай Мырзаев сидел у окна в госпитальной палате и задумчиво смотрел па улицу. Мимо окна прошел человек с полной корзиной персиков. Персики были крупные, спелые, с пушистой желтовато-красной кожицей. Иркабаю страшно захотелось попробовать вкусный плод, и он с сожалением посмотрел вслед обладателю полной корзины персиков. «Эх, подбросил бы штуки четыре!» Он живо представил себе, как осторожно снимает с персика мягкую, бархатистую кожицу, как кладет в рот сочный, МЯСИСТЫЙ плод и глотает слегка терпкий, сладкий сок.

На другой день опять тот же самый человек прошел мимо окна с персиками. Весь долгий день Иркабаю мерещились персики и персиковые сады. Даже ночью приснилось, будто он гуляет с девушкой в благоухающем саду, а она говорит: «Смотри, какие замечательные персики. Что медлишь? Срывай скорее!..»

Уже пять с половиной месяцев Иркабай находился в госпитале. С некоторых пор он начал испытывать ужасную скуку. Скука переходила в тоску. С товарищами но палате давно обо всем переговорено, со стороны никто не приходит, а выйти самому... но куда же пойти? Ни одного знакомого в городе нет.

Хотелось поскорее вернуться на фронт. Там товарищей много, каждый день приносит интересные новости... Кроме того, со всех концов страны бойцам посылают письма, подарки. Мирзаев только за один месяц, перед ранением, получил три письма и две посылки от совершенно незнакомых людей.

Как-то на Западном фронте, когда Иркабай был еще рядовым бойцом, командир отделения подошел к нему с маленькой посылочкой и сказал: «На, тебе, черпобропый, черноглазый парень!» Иркабай был удивлен словами командира, но, взглянув на посылку, увидел, эти слова были напиоапъ^ на ней, как адрес: «Западный фронт. Вручить черпобровому, черноглазому парню, убившему более десяти фашистов».

В посылке было граммов двести хорошего табаку, маленький батистовый платочек красивой расцветки и коротенькая записка, вложенная в синий конверт: «Товарищ красноармеец! Табак курите вместе с товарищами, а платочек сохраните — востребую после войны. Латифа Гулямова».

Иркабая так взволновала записка, что в тот же день он написал Латифе сразу два письма. Одно из них состояло из самых изысканных приветствий и благодарностей, а в другом он намекнул на чувства, о которых можно говорить девушке только на ушко. Прошло месяца два,— ответа на письма не было. Тем временем разыгрались крупные бои. Часть, в которой находился Иркабай Мирзаев, стала гвардейской, и сам он стал гвардии сержантом. Он снова написал Латифе, но ответа не получил. Осталось предположить, что Иркабай своими намеками сильно обидел девушку.

Вскоре Иркабай был тяжело ранен и больше месяца лежал в прифронтовом эвакогоспитале. Для окончательного излечения его эвакуировали в глубокий тыл, и он попал в тот самый город, где проживала Латифа. Вспомнив о девушке, Иркабай решил: «Как только встану, обязательно пойду навестить ее». Но когда он поднялся с койки, получив возможность передвигаться с помощью костыля, решимость оставила его. «На что мне надеяться? — думал он.— Письма мои она оставила без ответа, платочек обещала востребовать только после войны, а это значит, что она предупредила: пока не разделаешься со всеми фашистами, не показывайся мне на глаза...»

В последнее время Иркабай перестал было и думать о Латифе, но странный сон о персиковом саде и девушке, чем-то смутно напоминавший о Латифе, снова всколыхнул мысли о ней. Разве обязательно при встрече говорить: «Я — Иркабай Мирзаев!» — можно назваться, к примеру говоря, товарищем Мирзаева и передать фроп-

товой привет от него. Кажется, она у мспя хорошая девушка, с ней будет приятно поговорить, может быть, удастся погулять в городском саду ИЛИ сходить в кино.

Так думал гвардии сержант Иркабай Мпрзаев и, решив, не откладывая, выполнить свое намерение, в первое же воскресенье собрался в гости к Латифс. Принарядившись, он посмотрел в зеркало и остался доволен собой: выданное из госпитального склада обмундирование ладно сидело на его стройной фигуре, побледневшее после долгого лежания в палате лицо теперь снова приобрело юношеский — розоватый оттенок, а прпшнтая к гимнастерке ленточка двух тяжелых ранений объясняла и даже делала почетными легкое прихрамывание на левую ногу и стандартный, белого некрашеного дерева костыль в правой руке.

Разыскав дом, где жпла Латифа, Иркабай с волнением постучался в калитку. В голове мелькнула неприятная мысль: «А что если Латифа — старая женщина, которая, подобно виноградине, потеряв сок, превратилась в кишмиш?» И когда в калитке перед ним показалась сморщенная старуха, он так растерялся, что не смог слова сказать.

Старушка, моргая подслеповатыми глазами, несколько секунд молча разглядывала сержанта и вдруг, обняв за шею, поцеловала в обе щеки.

— Ах ты, голубчик, красавец мой,— заговорила она с Иркабаем, как с самым дорогим человеком.— Что это у тебя с ногами? Заходи, заходи скорей. Сюда, мой милый...— Шаркая ногами, она торопливо пошла к низенькому крылечку.— Эй, доченька, где ты там, ставь самовар. Выдь-ка, посмотри: вот, приехал боец с фронта...

Сердце Иркабая вздрогнуло при мысли, что сейчас он увидит Латифу.

На крыльцо вышла девушка лет семнадцати, в полосатом стрелчатого узора платье, с длинными черными косами, уложенными в несколько рядов вокруг головы. Она только поздоровалась с фронтовиком и убежала в дом хлопотать по хозяйству. Иркабай с горечью подумал, провожая ее глазами: «Такую красавицу я отпугнул своими дурацкими письмами!»

— И таким парням, как ты, война все еще не дает устроить свой угол и исполнить свои желания,— между тем говорила старушка, расстилая для Иркабая одеяло

па глиняном возвышении в тени.—Ох, времечко. А все из-за сумасшедшего Гитлера,— горсть бы ему в огне па том свете... Л Латифа, наверно, тоже с вами, сыпок?

Из дома вышла девушка со скатертью в руках. Услышав последпие слова матери, опа улыбпулась:

— Вот с этого бы и начинали, мама... Вы с какого фронта? — обратилась опа к Иркабаю.— Сестра на Центральном.

— Как?! — удивленно воскликнул Иркабай.—Латифа па фронте? Почему опа там?

— Медсестрой пошла. Уехала отсюда в мае прошлого года.

— Вот оно как!

— Да, сынок, так...— снова заговорила старушка-мать,— Сколько я говорила ей: пе можешь ты ездить на коне, пе умеешь стрелять из пушки,— что будешь делать па фронте? Нет, не послушалась. Храбрая уж очень. Только и думала о войне. Писала письма красноармейцам и командирам, посылала подарки. Вот уж больше года прошло, как уехала, а письма все идут и идут для нее со всех фронтов. Доченька, сколько ты переслала ей писем. Да, помню: сто два письма.

Иркабай даже испугался: «Три моих... и еще девяносто девять!»

— И все с фронта?

— Ас теми, кто в тылу, она и знаясь-то пе хотела. Уж такая... Иди, принеси, доченька, ее карточку, пусть братец посмотрит... Некоторые письма дочка прочитала мне. Так рады, так благодарят ее красноармейцы и командиры... Два письма написаны каким-то озорным парнем... Да уж ладно, пусть живет долго.

Иркабай густо покраснел.

Девушка принесла несколько фотографий.

— Снималась еще здесь,— сказала она, протягивал Иркабаю одну из карточек.

С фотографии застенчиво, чуть потупясь, смотрела молоденькая девушка. «А пу вас, молчите»,— словно говорила ее смущенная улыбка, предупреждая всякие похвалы ее красоте.

— Посмотрите, сынок,— указала старушка-мать на другую карточку.— Это она снималась в Москве.

«Как идет ей военная форма!..» — У Иркабая даже зарябило в глазах. Здесь Латифа была совсем другая. Она

стояла с гордо вскинутой головой, глаза ее задорно поблескивали, и весь ее вид как бы говорил: «Эй, пареиь поберегись!»

Иркабай задумался. Машинально он перевернул карточку и увидел фронтовой адрес Латпфы.

— Вы узнали ее? — спросила старушка.

— Мамаша! — дрогнувшим голосом обратился к ней Иркабай.— Дайте мне карточку. Одна из посылок Латпфы досталась моему близкому другу. Он раненый, лежит в госпитале, а ему очень хотелось познакомиться...

— Как его зовут.

Иркабай растерялся.

— Из тех писем, которые вы получили,— стал он объяснять,— три письма — от него. Но он не тот озорной парень, о котором вы говорили. Он...— Иркабай совсем запутался и замолчал.

— Хорошо, возьмите,— сказала сестра Латпфы и улыбнулась, как будто разгадав, кто этот «он».

Иркабай положил карточку в нагрудный карман и встал. Как ни уговаривала его хозяйка остаться пить чай, он распрощался и ушел, боясь выдать себя.

Вернувшись в госпиталь, Иркабай до самого вечера составлял письмо. Написав его, наконец, набело, он взял СИНИЙ конверт — точно такой, в каком прислала ему свое письмо Латифа, и сделал на нем четкую надпись:

«Действующая армия. ППМ 19640-Б. Вручить чернобровой и черноглазой Латифе Гулямовой, если она вынесла с поля сражения более десяти раненых».

На этот раз Иркабай сумел многое сказать в своем письме девушке, но пересказывать здесь его содержание было бы, пожалуй, нескромно.

1943

Х -

**аидар-ата крепко дружил с ультарминцем Асроркулом.

Еще в тот год, когда белый царь силой стал забирать парод на тыловые работы, однажды вечером Хайдар-ата зашел к кузнецу Уста Мумину и увидел, что меха раздувает незнакомый человек. Хайдар-ата спросил: «Кто такой?» Ему ответили: «Беглый».

А месяца за три-четыре до этого случая а кишлаке прошел слух, что в Ультарме были беспорядки, из города приехали солдаты и угнали много людей, которых будто бы станет допрашивать чуть ли не сам губернатор. И вот этот незнакомый человек оказался как раз одним из тех, которые тогда убежали от солдат; это мельник по имени Асроркул.

Известно, что, когда толпа возмущенных людей настолько распалится, что готова идти на решительные действия, достаточно иногда лишь слова, чтобы вызвать взрыв. Как раз в такую минуту Асроркул, растолкав народ, вышел вперед и крикнул: «Эй, слушайте, люди: у белого царя дом разваливается, так пускай он набирает себе нокориных рабов из своих людей, а мы никуда не пойдем!»

Толпа ринулась к дому волостного управителя. Волостной сбежал. Из города нагрянули солдаты... С тех иор вот и скрывался Асроркул, перебираясь из одного кишлака в другой.

Асроркул обосновался в кузнице Уста Мумпна и помогал ему во всякой работе.

Хотя и в те времена Асроркулу было уже лот тридцать пять, он еще не успел обзавестись семьей. В Ультарме он жил на скудный доход, который приносила ему маленькая кустарная мельница о двух поставах, доставшаяся в наследство от отца.

На новом месте Асроркул крепко подружился с Хайдар-ата, стал по вечерам заходить к нему потолковать о том о сем. Прп этом Асроркул всегда вспоминал о своей мельнице и так сокрушался о ней, что Хайдар-ата однажды нарочно отправился в Ультарму, чтобы все разузнать. Оказалось, что сельский управитель, ампн, захватил мельницу Асроркула в свои лапы, ссылаясь на то, что она, мол, «перешла в казну».

Прошло несколько месяцев. Однажды Хайдар-ата, приехавший по своим делам в город, услышал: «Белому царю дали по шапке». «Ну, если так, надо скорей ехать обратно, обрадовать Асроркула»,— решил Хайдар-ата и поспешил к себе в кишлак, а Асроркула уже и след простыл: он уже, оказывается, узнал обо всем и умчался в Ультарму. Недели через две, однако, он прибрел обратно разочарованный.

— Ну, как? — спросил его Хайдар-ата.

— Царь-то слетел,— ответил Асроркул,— а вот амин сидит себе как ни в чем не бывало.

И вот прогнали царских аминов в Петрограде, Ташкенте, Коканде, но Асроркул все равно не смог вернуться в свою Ультарму. Кишлак стал к тому времени настоящим гнездом басмачей. Тогда Асроркул махнул рукой на Ультарму и на мельницу и при посредничестве Хайдар-ата женился на одной здешней вдове. Жена родила ему сына. Покойный Уста Мумин был грамотей; он поглядел в какую-то книгу и нарек младенца Едгором, пояснив отцу: «Пусть это будет тебе память о том времени, когда ты скитался, как беглый, у себя же на родине».

Вот так и прожил здесь Асроркул вплоть до того самого года, когда приезжал в Узбекистан Михаил Иванович Калинин. А потом житье стало мирное, и Асроркул перебрался вместе с семейством в свою Ультарму. Мельница его к тому времени развалилась, но он ее восстановил. С этой мельницей он и вступил в колхоз.

Хоть и немалый путь был до Ультармы от кишлака, где жил Хайдар-ата, однако приятели часто виделись друг с другом. Сын Асроркула, тот самый Едгорбай, отслу-

жил уже в Красной Армии и хотел было свататься к племяннице Хайдара-ата, как вдруг началась война, и свадьбу пришлось отложить.

Однажды в кишлак пришло от Асроркула письмо, адресованное Хайдару-ата. Письмо было какое-то странное, не поймешь: не то Асроркул недоволен чем-то, не то еще что-нибудь такое... В общем что-то не так. И вот Хайдар-ата отправился в путь, решив во что бы то ни стало увидеться с другом.

До Ультармы Хайдар-ата добрался уже в сумерках. Асроркула дома не оказалось (он ушел в чайхану), и гостя встретили его жена и младший сын хозяина — Абрар. Старушка, несмотря на позднее время, сейчас же принялась готовить ужин. Хайдар-ата справился у нее насчет Едгорбая:

— Ну как, пишет что-нибудь сын?

Старухе, видно, только этого вопроса и не доставало; слезы ручьем полились у нее из глаз.

— Друг-то ваш, ну просто горе мне с ним: не показывает мне писем сына, да и только. Да и Абраару тоже не показывает. А если нет писем, все равно ничего не говорит. Сам-то он к старости совсем из ума выжил, заделался, видите ли, чайханщиком. Абраар мой чуть ли не сгорел со стыда. Подумайте сами: ну что скажут люди, «сын не сумел прокормить отца, голодом заморил, не так ли? Уж и председателю говорила, сама в сельсовет ходила — ничего не помогает. Старик-то мой, знаете, что сказал: «Кто против того, чтобы я был чайханщиком, тот мне враг, в район сообщу». Вышел у него насчет этого крупный разговор с председателем, он и на председателя нажаловался в район.

— А в чайханщики-то годится он, что ли?

— Такой бедовый... Даже без палки стал ходить.

Как раз тут и Асроркул, легок на помине, явился домой. Хайдар-ата с трудом его узнал. До того бодрый он стал, такая уверенность у него появилась в походе, что просто удивительно: ну, ни дать ни взять седобородый юноша. Однако похудел он сильно, да и загорел. Он, видимо, и сам это знал, потому что предупредил вопрос Хайдара-ата:

— Ну что, похудел я, загорел, а?

— Да нет, ничего, все в порядке. Ты как сушеный виноград... Ну как, есть письма от Едгора?

— Чуть не в каждом письме о тебе спрашивается...
А ну, сынок, наладь-ка нам чилим покурить!

Раньше Асроркул не курил табака. Только было раскрыл рот Хайдар-ата, чтобы спросить его об этом, как ВДРУГ увпдел старуху, которая, стоя за сиимоii Абрара, выбиравшего раскаленные угли из очага, делала руками гостю знаки, чтобы он попросил показать письма сына.

Хайдар-ата едва заметно кивнул ей головой.

— Так... Да, не берет пуля твоего Едгора. Нет ли у тебя какого-нибудь письма, читаем, что он пишет.

— В чайхане все письма лежат.

Старуха не удержалась и заговорила: видно, терпение у нее лопнуло:

— Да покажи хоть одно письмо, бесстыжие твои глаза! Всех уж ты измучил.

— Какое письмо ни напишет сын: хорошее ли, плохое ли — ты все равно плачешь. Что толку тебе их показывать?

— Что я, у тебя слезы в долг беру?

Старуха заплакала. Асроркул вскипел.

— Опять! Нет, давно уже ты меня выводишь из себя. Будь это в прежнее время, я бы тебе все ребра пересчитал.

— На, бей, ломай ребра! Не бойся, жаловаться не побегу!

— Я не боюсь, просто зазорно мне бить женщину.

Асроркул так затянулся чилимом, что табак вспыхнул. По выражению лица старика чувствовалось, что он вот-вот обидит старуху. Хайдар-ата решил маленько его утихомирить.

— Брось, не обижай, видишь — тоска ее заела.

Старик еще больше раскипятился:

— Если тоска ее заела, значит и мозги ей заело? Когда в дом к тебе воры лезут, ты ведь не станешь прятать сына в сундук да соседей звать. Каждому свое дитя дорого.

— Хорошо, что хоть ты понимаешь, что дорого свое дитя! — снова вмешалась старуха.— Пойми: тоскую я по сыну, а раз тоскую, так и плачу.

— Ну и реви, от этого иногда легче бывает. Но уж реви, как все ревут, вот в чем дело.

— А как все ревут, скажи?

— Другие ревут, когда им делать нечего, а ты реवेशь

без перерыва. Ни за собой не смотришь, ни за домом. Посмотри только воп на лампу да на стекло!.. В кишлаке ни у кого мухи пе увидишь, а у нас даже ночью житья нет от лих.

— У меня все из рук валится, понимаешь ты!

— Очень хорошо!.. Вот как, дескать, я люблю Едгорбая. Так, что ли? Иди сюда, садись. На вот тебе пиалу, пригодится па слезы... Значит, ты его так сильно любишь?.. Абрар, сынок, я там засунул газету в дупло айвового дерева, принеси-ка ее сюда. Очень хорошо... Ну, так вот, если ты так любишь его, то послушай, что я тебе прочитаю:

«...За истекшее время, то есть за два года войны, потери СССР составили: орудий — 35 000, самолетов — 23 000». Понимаешь? Ты забудь о другом, пойми только: если пушек столько потеряно, то сколько всего потеряно? Как ты думаешь: из этих пушек за день сколько вылетело снарядов? А кто доставляет столько снарядов? Разве не отны п матери, братья, сестры и жены таких вот солдат, как наш Едгорбай? На солдат, цроче нашего Едгорбая, враг сразу по сто — двести самолетов напускает. А кто строит много больших самолетов, которые сбивают немецкие? Опять же отцы, матери, братья, не так ли? Я думаю, что они тоже любят своих, тоже скучают по ним. Или не скучают, по-твоему? Нет, тоже скучают, да не так скучают, как ты! Они рук не опускают, они все терпят! Это верно, что ты самолета не можешь построить, кетменем не можешь махать, но все же, если захочешь, так и ты работать сумеешь. У тебя есть огонь в сердце, так вот разжигай его, пускай все горит: и сухое и мокрое. Враг хочет нас всего лишить, да немало уже и лишил. Если есть еще сердце, которое не горит, так и оно загорится, когда ты напомним об этом. Так поджигай его, жги! Вот тогда больше станет немцев, которые будут плакать о своих детях, лучше тогда будет.

У Асроркула даже голос изменился. Он вскочил с места и, схватив чилим, подошел к очагу. Хайдар-ата понял, что у старика слезы подступили к горлу. Он внимательно посмотрел на старуху, чтобы знать, заметила ли она это. Старуха заметила. Она молча глотала слезы. Тем временем Асроркул выкурил свой чилим и позвал старуху:

— Ну ладно уж, иди сюда, выкладывай свой плов! —

п затем добавил язвительно: — Пли уж мне самому, что ли? Вид у тебя такой, что, пожалуй, если я тебе не положу плов в рот и не заставлю жевать, так сама ты и не справишься!

Старуха бросила быстрый взгляд на Хайдара-ата. Взгляд этот говорил: «Ну, слава богу, шутит».

Асроркул опять сел на свое место. Жилы на висках у него набухли, дышал он тяжело и неровно.

— Что с тобой? — спросил Хайдар-ата.

— Ничего... Табак, верно, ударил в голову.

Хайдар-ата хмыкнул что-то и промолчал. Теперь он уже по-другому истолковал слова старухи о том, что муж не показывает писем Едгорбая.

За пловом разговор возобновил сам Асроркул.

— Тут с фронта приехал один джигит, раненый, Сыдыкджаном его зовут. В прошлую пятницу зашел он в чайхану и порассказал немало о том, что видел на войне.

Старуха спросила с нетерпением:

— Что же он говорит?

— Ешь, ешь, я расскажу. Налей-ка мне чаю... говорил Сыдыкджан об одном солдате, о том, как его убили. После сильного боя они, значит, отстали как-то от своих, а было их тринадцать человек. Двое суток бродили они по лесам и вот выходят к какому-то хутору. Кто там: немцы ли, своп ли — никак не узнаешь. «Ну, туг мы вдвоем,— говорит Сыдыкджан,— решили пойти вперед раззнать, что и как. Со мной пошел Агабеков, молодой джигит, красивый он был, просто замечательный». Он еще в походе показывал Сыдыкджану письмо от своей жены, карточку ее и сына своего да все печалился. «Ну вот, идем мы это по полю,— говорит Сыдыкджан,— выходим на большак, глядим, па обочине валяется машина перевернутая, а около нее копошатся трое в серых мундирах. Мы сейчас же залегли». Дальше, значит, Сыдыкджан налаживает автомат и уже хочет стрелять, а тот боец хватить его за руку: «Постой, постой, говорит, он письмо читает. От жены, наверно, от детей». «Я,— говорит Сыдыкджан,— не послушал его, дал очередь, только замешкался малость, тут и пошла пальба. Все же я всех троих уложил, а потом обернулся, а друг-то мой лежит весь в крови».

Старуха сильно расстроилась из-за того, что джигит пропал зря. Сначала она выругала немцев, а потом высказала упрек и по адресу убитого:

— Эх, джигит! Да ведь тебя с семейством как раз враги и разлучили, зачем же ты хватаешь того за руку, кто хочет их застрелить! Письмо читает, скажи на милость! В гроб его надо было загнать... Сам себе навредил, да и только.

— Вот Сыдыкджан как раз это самое хотел сказать, да не сказал. Бедняга-то, джигит тот, перед смертью сам признался: «Коли любишь свою семью, так лучше не думай о ней»,— вот что он сказал. «Эти его слова,—говорит Сыдыкджан,—потом у бойцов стали вроде пословицы». Так вот, нельзя па войне так себя распускать, да не только на войне — и здесь то же самое. Надо ум иметь и понятие, чтобы держать себя в руках. Если у кого голова не управляет сердцем, так замычи тебе теленок, а он уж охает, потому что раз теленок мычит, значит, он плачет по-своему... Абрар, сынок, полей-ка на руки воды!

Когда старуха готовила постель, она опять сделала знак Хайдару-ата, чтобы тот попросил письмо Едгора. Хайдар-ата, тоже жестами, дал ей понять, что письма в чайхане и что он завтра их сам принесет.

Утром Асроркул поднялся чуть свет и ушел, наказав старухе, чтобы Хайдар-ата был к полудню у мельницы.

Мельница стояла на берегу бурной речки Шух-сай. Хайдар-ата решил воспользоваться прогулкой, чтобы осмотреть окрестности, а потом пошел через базар, хотя для этого ему пришлось сделать изрядный крюк.

Как раз около базарчика, во дворе сельской школы, весной того года, когда началась война, оба друга смотрели кино, видели на экране Ленина и слышали его... По выходным дням автомобиль с кинопередвижкой приезжал сюда из города и показывал картины. Сейчас на киноплощадке Хайдар-ата увидел груды сухого янтака. «Что ж, разве могут теперь здесь быть картины? — подумал старик.— Да и где сейчас та молодежь, которая шутила, смеялась и вверх дном переворачивала весь кишлак в тот вечер, когда здесь шло кино?»

Погрузившись в раздумье, Хайдар-ата незаметно для себя подошел к мельнице. Скрытая среди деревьев на берегу речки, она глухо гудела где-то внизу. Хайдар-ата стал оглядываться вокруг, ища глазами чайхану, как вдруг увидел молодую женщину, которая гнала вверх шесть ишаков, груженых мешками с мукой.

Она уже добралась до поворота дороги, как вдруг один из ишаков заартачился и встал как вкопанный. Женщина и била его, и толкала, но все попусту. Хайдар-ата подошел к ней. Увпдев его, женщина сконфузилась и опять стала шлепать ишака, приговаривая: «Ах ты, холера тебе в бок, бензин, что лп, у тебя кончился!» Потом она взглянула на старика и дооавпла: «У нас ведь в колхозе две машины были, не то чтобы одна...» Хайдар-ата помог ей сломить упрямяство пшака и спросил, где находится колхозная чайхана. Женщина показала ему в сторону мельницы, немного выше ее по течению реки..

Чайхану Асроркул расположил очень живописно. Она стояла на высоте двухэтажного дома над уровнем речки, которая шумно катила своп воды где-то далеко внизу. Здесь, в тени огромного чинара и двух карагачей, были размещены несколько плоских глиняных возвышения — «супы», на каждой из которой могли сидеть по четыре-пять человек. Между супами были разбиты цветники.

Хайдар-ата понюхал кустик душистого райхона и стал отламывать для себя веточку. В это время кто-то закричал: «Эй, эй, что ты делаешь!» Хайдар-ата оглянулся. В беседке стоял улыбающийся Асроркул.

— Однако молодец ты все-таки, Асроркул,— сказал Хайдар-ата, засовывая сорванную веточку райхона себе под тубетейку.— Ты в жизни никогда не притрагивался даже к самоварному крану, а такую чайхану отхватил, что самым завзятым чайханщикам в пример можно поставить. Но где же у тебя чаевники?

— Чаевники мои приходят вечером, сейчас все в поле... Иди сюда, присаживайся.

— Я не потому пришел, что ты наказал старухе, я явился сам по себе. Хотел у тебя спросить о двух вещах. Первое дело такое: с чего это ты вдруг вздумал стать чайханщиком да еще разругался из-за этого с председателем? А теперь вот осмотрел я чайхану и не ошибусь, если скажу, что ты полюбил это дело.

— Понравилась тебе чайхана или нет?

— Понравилась.

Асроркул вдруг увидел мальчика, ехавшего верхом на лошади по другой стороне речки, и замахал ему руками. Мальчик в ответ отрицательно махнул рукой. Хайдар-ата заметил, что Асроркул нервничает.

— Это что за мальчик?

— Помощник мой. Я его послал в Бешсерка. Одне тамошний джигит, Абдумадждом его зовут, с фронта вернулся раненый. Вот уже дней пятнадцать как я бьюсь и никак не могу затащить его сюда. Два раза я за ним посылал, да, видишь ты, жена не согласилась пустить его: «Слаб он еще, говорит, того гляди, надорвется». Он в армию ушел на двадцать шестой день после женитьбы... Не знаю, какую причину она нашла сегодня.

Хайдар-ата с недоумением спросил:

— А что ты с ним хочешь делать? Разговор, что ли, у тебя к нему есть какой?

— Да нет, у него ко мне есть разговор, а у меня к моим чаевникам... Ты помнишь, как мы заставляли покойного Уста Мумина читать нам по ночам старинную книгу о прошлых войнах. И ведь как занятно нам было слушать всякие рассказы. Так разве не интереснее послушать сейчас рассказы о нынешней войне, от которой весь мир ходуном ходит? Каждый такой джигит, который побывал на фронте, это, брат, тебе целая книга. Поэтому я, как только услышу, что кто-нибудь в нашем районе приехал с фронта, сейчас же тащу его сюда.

Тем временем мальчик переехал через мост, привязал лошадь на берегу сая, а сам поднялся наверх. Он поздоровался с Хайдар-ата и протянул Асроркулу записку. Асроркул вслух прочитал ее:

— «Уважаемый Асроркул-ата! Я вчера хотел приехать сам, но из города нагрянули гости. Сегодня мы хотим поехать в Карашаар. Будем завтра вечером вместе с гостями в вашем распоряжении.

Ваш сын Абдумадждид».

Асроркул чуть не задохнулся от досады, читая записку.

— Нельзя разве было ему сразу сюда приехать вместе с гостями? Он и завтра меня надует. Ну, что за дела у него в Карашааре? Нет, видно, если я сам к нему не поеду, ничего не выйдет. Ты, сынок, займись-ка газетами и журналами и приготовь все к вечеру. Хайдар, давай съездим вместе, часа за полтора доедем туда.

Хайдар-ата ехать отказался, и Асроркул отправился сам. Переехав через мост, он выбрался на большую дорогу, огрел лошадь камчой и скрылся в низине между буграми. Хайдар-ата молча наблюдал за желтоватой пылью,

медленно клубившейся по дороге вслед за вездиком. Мальчик сказал:

— По правде говоря, вам стоило съездить, папаша, Бешсерка тоже местечко неплохое.

— Ты сам оттуда?

— Нет, я здешний, ультармпнец.

— Родители есть?

— Есть. Отец командир, сейчас на фронте.

— Учишься?

— Кончится война, поеду в Москву учиться на агронома. Сейчас помогаю пока вот старику: читаю вслух колхозникам газеты, книжки. Вы ведь, Хайдар-ата, товарищ нашего старика, да? Старик о вас как-то говорил па собрании.

Хайдар-ата смутился: что бы это мог Асроркул говорить о нем? У мальчика спрашивать было неловко.

— Асроркул разве умеет говорить на собраниях?

— Ого! — сказал мальчик. — Прошлый год председатель списки составлял на стариков, которые годятся для легкой работы, а Асрорбобо не записал. Вот он тогда собрал всех стариков, которых в список не включили, и давай с ними собрание проводить. На этом, значит, собрании он в первый раз и стал говорить речь. Да с чего начал-то: сейчас, дескать, если валяется где-нибудь на задворках ржавое колесо от трактора, и то человека зло берет. А у нас, если председатель сказал, что мы на работу не годимся, так выходит — мы все должны сидеть на месте, как куры какие-нибудь в пыли, так, что ли? После речи Асрорбобо на том же собрании старики взяли шефство над комсомольскими бригадами. А сам Асрорбобо сперва наладил эту вот чайхану, а потом еще много дел сделал. На районном слете передовых бригад секретарь райкома его здорово похвалил: у нас в районе, мол, Асроркул-ата самый видный агитатор, — вот что он сказал.

В этот момент пришел младший сын Асроркула Абрар, спросил, где отец, и сказал, что в дом к ним приехали гости. По его словам, выходило, что гости эти как раз и были Абдумаджид с людьми, приехавшими к нему из города. Хайдар-ата поплелся обратно. В крытом проходе двора он встретил жену Асроркула, которая спросила у него, где муж. Поведение ее показалось Хайдару-ата странным, и он пристально посмотрел ей в глаза. Старуха

была бледна как полотно, глаза у нее припухли и покраснели, губы дрожали. Хайдар-ата остановился.

— Асроркул уехал в Бешсерка. Но что тут случилось?

Старуха, закрывая губы углом кисейной косынки, устала в землю и с трудом проговорила:

— Абдумаджид приехал...

— Ну и что?

— Не говорите старику...

— Что не говорить?

Старуха только горько заплакала в ответ. Хайдар-ата, убедившись, что от нее ничего не добьешься, поспешно направился во двор. Там, на супе, сидели трое гостей; они поднялись с места и шепотом, как будто рядом лежал тяжелобольной, поздоровались с Хайдар-ата. Старик обратил внимание на молодого джигита в военной форме: лицо его было красно от смущения.

— Вы Абдумаджид? — сказал Хайдар-ата. — Вы написали письмо Асроркулу, что приедете завтра, и он отправился вас искать. Он хочет, чтобы вы выступили перед колхозниками.

— Вот как? Зря он себя утруждает. Мы ехали в Карашаар, и гости мои предложили заехать по дороге к старику, повидаться.

Хайдар-ата взглянул на старуху, сидевшую у калитки. Абдумаджид покраснел еще больше и тихо сказал:

— Дал я тут маху большого, не сообразил.

— А что?

— Они, оказывается, не знают, что Едгорбай... погиб, а я прямо с места в карьер вздумал утешать старуху.

У Хайдара-ата сердце упало, спина сразу взмокла от холодного пота. С минуту он помолчал, не зная, что сказать, затем спросил:

— А верно это?

Абдумаджид не ответил на его вопрос.

— Дело прошлое, тут уже не поможешь. Не говорите Асроркулу ничего. Старуха тоже не хочет, чтобы он знал. Бойтся, что он не выдержит удара.

Подождала старушка и присела на край супы.

Все молчали. Прошло немало времени, пока старушка заговорила:

— Сколько обид натерпелся от меня Асроркул... Оказывается, он так делал потому, что письма перестали приходить.

Гости поднялись, чтобы уйти, каждый сказал хозяйке несколько слов в утешение, хотя и знал, что никакие слова не могут похмочь. Хайдар-ата повел гостей в чайхану.

...Проводив гостей, Хайдар-ата остался в чайхане. Он расположился на супе, посреди большого цветника, и сидел молча, поглядывая на дорогу.

Вскоре приехал Асроркул. Как ни старался Хайдар-ата казаться спокойным, Асроркул заметил что-тоแปลกное.

— Ну, тебе как будто скучно, я вижу,— сказал он.

— Нет... Тут приходили гости.

— Встретил их по дороге. Завтра придут, это уж наверняка. А теперь пойдем домой.

Хайдар-ата боялся встречи Асроркула с его старухой. Он прибегнул к уловке.

— Постели одеяло на этой супе и давай посидим немного... Если бы кто-нибудь спросил у меня: «Чего ты хочешь? Хочешь провести остаток жизни в путешествии по белу свету или просидеть здесь на супе?» Я несколько бы не задумался и сказал бы ему: «Давай мне лучше эту супу».

Слова друга пришлись по душе Асроркулу. Он расстелил на супе одеяло, полил землю для прохлады и пригласил Хайдар-ата.

— Ну вот, располагайся здесь! Раз эта супа так пришлась тебе по вкусу, то посидим тут до обеда... Да, к слову сказать, ты ведь спрашивал меня, почему мне понравилось быть чайханщиком, а я тебе так и не ответил.

— Можешь теперь не объяснять. Знаю сам...

— Понял, почему мне нравится чайхана?

— Понял. Эти цветы выросли из того огня, который горит у тебя в груди. Ругай меня, я лодырь и шалопай! Ругай меня, скажи, что я ленивая курица, а не человек!

Асроркул раскатисто захохотал. Он решил перевести разговор на другую тему, чтобы вывести и себя и Хайдар-ата из неловкого положения.

— Ты у меня хотел спросить две вещи,— какая же вторая?

Хайдар-ата, говоря о двух вещах, имел в виду письма Едгорбая. Сейчас он растерялся и не знал, что сказать.

— Второе... теперь это уж твое дело. Раз от Едгор-

бая нет писем, пожалуй, это хорошо, что ты так утешаешь старуху... Может быть, еще и придет письмо.

Асроркул стал молча вглядываться в белые как снег мелкие облака, легкие тени от которых скользили по далеким изумрудно-зеленым холмам. Это продолжалось довольно долго. Потом старик приготовил чилим и закурил.

— Сколько времени нет писем? — спросил Хайдар-ата.

— Давно.

Хайдар-ата, не поднимая головы, быстро взглянул на друга. Лицо Асроркула показалось ему еще более загоревшим, потемневшим.

— Придет еще письмо, ты, друг, того... не томи себя всякими мыслями.

У Асроркула вдруг покраснели веки, и он улыбнулся какой-то деланной улыбкой.

— Какими там еще мыслями? Не на охоту ведь поехал Едгорбай, а на войну!.. Ты только старухе не говори, а я тебе всю правду скажу. Смотри не проболтайся, она не снесет... Я получил черное письмо.

Хайдар-ата на секунду задумался, не зная, говорить ли о том, что старуха уже знает об этом.

Асроркул спросил:

— Ты что, слышал разве?

Хайдар-ата решил ничего не говорить. Он понял, что горе одного из стариков еще больше усилит горе другого.

— Слышал в кишлаке, да не поверил... А верно это?

Асроркул, не отвечая на вопрос, стал приглаживать свои брови пальцами.

— Крепись, друг, горем да плачем тут ничего не сделаешь, — пересилив себя, проговорил Хайдар-ата.

— Я не плачу! Не будет у меня слез до тех пор, пока не обниму собственными руками его могилу и не приложу землю от нее к своим глазам...

Пришел Абрар сказать, чтобы шли к обеду. Асроркул при виде сына постарался изменить выражение лица, и пока они дошли, на нем не осталось и следа печали.

Старуха двигалась проворнее, чем обычно, и больше обычного говорила. Асроркул, вытирая руки полотенцем, испытующе взглянул на нее.

— Так-так, душенька моя, опять плакала?

На лице у старухи мелькнуло что-то вроде улыбки,

но она сейчас же отвернулась и стала скрести котел шумовкой.

— Кроме как о слезах, тебе не о чем говорить, видно! — отрезала она с раздражением.

Однако, когда она подала обед, в глазах у нее были слезы. Поставив блюдо перед стариком, она сказала:

— До чего едкий дым от этих дров, ну прямо сил моих нет!

— Садись с нами,— сказал Асроркул, кладя ломтик редьки в рот,— нам едкого дыма видать не пришлось: дым едкий там, где война идет.

За обедом старуха вела себя очень беспокойно. Один раз она, желая, видимо, сдержать слезы, подступившие к горлу, набросилась на Асроркула:

— И чего это ты чавкаешь так, разве нельзя жевать, как все люди!

— Редька, моя милая, ничего не поделаешь...

— Какая тебе редька! Ты мягкую лепешку жуешь, ровно лошадь сухой клевер!

— А ты не унывай, старуха, не распускай сердце.

— При чем тут сердце? Посиди-ка тут с утра до ночи, как я!

Хайдар-ата вмешался в разговор:

— Старуха твоя верно говорит... Послушайте, дорогая моя, ваша подружка ведь как наказывала мне, чтобы я вас к ней доставил. Я здесь проживу дня три-четыре, а вас завтра свезу в наш кишлак; идет, что ли? Что скажешь на это, Асроркул?

Муж и жена быстро взглянули друг на друга. Одна и та же мысль промелькнула при этом у обоих: «А что, если ты услышишь это известие без меня, не слишком ли одиноко будет тебе?»

Хайдар-ата долго упрашивал и наконец убедил их согласиться. Утром, когда к дому подъехала арба, старуха отозвала Хайдара-ата в сторону.

— Оставайтесь лучше с моим стариком. Не могу никак бросить его здесь одного.

— Может, Абрар вас свезет?

— У него работа. Сама-то я работать не могу да еще других буду в такое время от дела отрывать! Арбу пришлось с почтальоном.

И старушка уехала.

1943

У

Па работу он является одной-двумя минутами раньше срока и уходит на одну-две минуты позже, педантично платит профсоюзные взносы, на собраниях восседает в первом ряду и непременно выступает, дабы присоединиться к чьему-либо мнению и кого-либо поддержать. Он никогда не скажет «план производства хлопка», «задание правительства». Никогда. А обязательно «план производства нашего хлопка», «задание нашего правительства». На основании его информации, переданной «куда следует», в свое время изобличили одного человека как шпиона. Он об этом говорит многозначительно и немногословно, он дает понять, слегка прищурив глаз: это — государственная тайна...

Первые дни войны. Обеденный перерыв. За своим столом он неторопливо пьет чай. На стуле у стены женщина качает плачущего ребенка, ей не удается его успокоить, даже дав грудь. Она просит:

— Ну, пожалуйста... Что вам стоит подписать... Вы ведь знаете, что муж ушел на фронт.

Человек неторопливо очистил яйцо, старательно посолил и опустил в рот. Долго жевал, по-куриному вытянув шею, проглотил, и, прихлебывая чай, глазами показал на часы, висевшие на стене: обеденный перерыв еще не кончился.

Женщина, чуть не плача, вышла, опять вошла, поглядела на часы и снова вышла... Ребенок не успокаивался, он не желал ждать, пока пройдут семь-восемь минут!

Наконец стрелки часов отметили начало работы. Человек длинно отрыгнул, промокнул бумажкой рот, еще раз посмотрел на часы и вытащил из ящика какую-то бумагу. П, протягивая бумагу женщине, хихикнул.

«Что значит это «хи-хи»?» — с недоумением уставилась на него женщина. Что он хотел сказать своим «хи-хи»? Хотел ли он дать понять, что имеет законное право пользоваться обеденным перерывом? Нет. Намерен ли он был лишний раз убедиться в своей необходимости кому-то? Нисколько.

Разгадка иная. Я подскажу ее, так как хорошо знаю этого хихикающего человека.

Когда женщина, вконец измучившись, вернется домой, она, возможно, вместо того, чтобы в сердцах сказать: «Чтоб ты сгорел!» — скажет: «Чтоб вы все сгорели!» Очень может быть. Такова, по крайней мере, цель хихикающего. Его «хи-хи» означает, что он заранее пересылает ругань, предназначенную ему, в другой адрес, адрес более высокой персоны: «Ты норовишь плюнуть в меня, но твой плевок через мою голову падает на стол самого правительства! Хи-хи!»

Радио принесло весть: наши войска оставили Киев. Он хотел бежать впереди всех, приложив ладонь к уху. Но вдруг неожиданно для себя и окружающих громко хихикнул.

В тот день, перерыв тетин ларец, он искал купчую на участок земли в Пасткуруке.

А в день, когда стало известно об угрозе, нависшей над Москвой, он снова захихикал и до поздней ночи искал документ на право владения бывшим имением «Фантазия». Ладно, на худой конец, найдутся свидетели, они подтвердят, что покойный отец купил «Фантазию» за наличные деньги у Альфреда.

В эти дни Хи-хи смаковал неудачи Красной Армии, старался посеять тревогу в людских сердцах, в сердцах тех, кто проводил на фронт родных.

Всегда кто-то поставлял ему эти слухи. А кто именно, «хоть убей, вылетело из головы». Он слезливо жалуется на беспамятность, на склероз. Но не забывает добавить: — Я, разумеется, этому не верю. Но даже, если это правда... Хп-хп... Пусть останется между нами...

Эти фразы неизменны, как припев п песне.

Если вдруг оказывается, что от него потребовалось

собственное мнение, он отшутится, отделается неизменным «хи-хи». Он — великий шутник, его «хи-хи» ирпзвано помочь и когда собеседник ему по душе, и когда совсем даже не по душе. Ведь это такое милое, такое безобидное «хи-хи»...

Гитлеровцы, разбившись в кровь о стальную оборону Москвы, откатились назад. Хи-хи опять караулит под рупором репродуктора, настороженно ловит каждую сводку.

— Наши войска перешли в наступление... Да здравствует!.. Хи-хи!..

Он радуется своей проницательности: хорошо, что не поспешил побеседовать с теми, кто знает про «Фантазию», — оказывается, еще рановато. Ничего, подождем... Оп дьявольски терпелив, этот хихикающий человек.

Московская область освобождена от фашистов.

— Да здравствует!.. Хи-хи!..

Он поспешил спрятать купчую на дно тетиного ларца.

Ему трудно подавить печаль. Каждый шаг наступающей Красной Армии отдается унынием в его сердце.

— Что-то вы, сударь, повесили нос?

— Э, дорогой товарищ, мне сегодня немного не по себе.

Кто-нибудь наивный предположит, будто ему «немного не по себе» из-за бытовых неурядиц либо сердце пошаливает. Оп тщательно таит свою душонку. Лишь при простофиле осторожно выползет из дупла и, хихикая, сообщит кое-что по секрету.

До каких, однако, пор будет звучать это гнусное «хи-хи»?!

1942

Если фашист вдруг лицом к лицу встретится с красноармейцем, он плп струсит, как жалкий щенок, который со страху начинает тявкать, чтобы напугать, и закричит: «Рус, сдавайсь!» — или сам поднимет руки. Если сдастся сам, то встретит снисхождение, ибо Красная Армия пообещала окруженным под Сталинградом немцам «жизнь и безопасность всем офицерам и солдатам, не оказывающим сопротивления».

Если фашист завопит: «Рус, сдавайсь!» — он либо получит пулю в лоб, либо, коль поспеет, с проворством голодной вши забьется в первую попавшуюся щель. Если он грохнется на землю, значит, застреливший его красноармеец вышиб еще один зуб у Гитлера-дракона п тем самым исполнил свой священный долг перед Родиной и человечеством.

Если же фашист попытается сохранить свою поганую жизнь, укрывшись в первой попавшейся щели, то услышит, как фашистские газеты поднимут вопль о «жестокости русских», либо, дабы взбодрить немецкий дух, вопят, что «Красная Армия состоит из шестнадцатилетних детей». Теперь уже неуместно проливать слезы по поводу «русской жестокости».

Красная Армия поднимает меч на тех, кто замахнулся на нее, она вышвыривает захватчиков со своей земли, предоставляя им возможность пожинать плоды их собственного посева. Советский народ отомстит за кровь своих детей!

Когда фашистская печать и радио надрываются по поводу «шестнадцатилетних детишек», служащих в Красной Армии», «поднявший свой дух», оболваненный немецкий солдат, чувствуя общее положение на фронтах, или удивляется, недоуменно разводя руками, или же у него не хватает сообразительности, даже чтобы удивляться. Если удивляется, то есть чему: «шестнадцатилетние» наступают на всех фронтах, гонят в шею врага, лупят спесивых, вполне совершеннолетних немецких, румынских, венгерских генералов. Гитлеровский солдат, если ему не достает сообразительности, чтобы удивляться, либо ждет объяснений, либо — чуда. Ждать объяснений от Гитлера — занятие зряшное, еще в прошлом году осенью он в своей крикливой речи заявил: «Захват Сталинграда будет иметь особенно важное значение, а когда мы захватываем какую-либо территорию, нас невозможно заставить сдвинуться с места». Тут, пожалуй, была доля истины: Красная Армия не сдвинула с места его отборные войска под Сталинградом — она их либо уничтожила, либо пленила.

Если свершится чудо и объявится кто-то желающий разъяснить немецкому солдату почему он, «сверхчеловек», оказался в столь плачевном состоянии, и солдат удовлетворится этим враньем, то сама Красная Армия растолкует ему что к чему и у него откроются глаза.

Ну, а если не откроются? Тогда плохи его дела. Ему не уйти от кары — он упадет на землю и уже никогда не откроет глаза!

1943

в тех пор как Аскар-ата услышал рассказ об узбечке Магфират-хон, которая с оружием в руках погибла в борьбе за Советскую власть, его не оставляла мысль посетить могилу героини. И вот однажды зимой выдался подходящий случай. Несколько человек собрались на охоту как раз в ту сторону, к реке. Аскар-ата присоединился к ним. Все было уже готово: и ружья, и лошади; ждали только охотника, который должен был привезти ловчих птиц. Аскар-ата решил пока опробовать коня, показавшегося ему посмирнее: он сел на него, и конь тотчас же ринулся к большому арыку. В этот момент слышался чей-то нежный голос:

— Отец, не надо поить!

Аскар-ата придержал коня и обернулся. Он увидел молодую женщину в стеганой ватной телогрейке и в грубых сапогах, сшитых внутренней стороной кожи наружу.

— Да нет, дочка, я не хочу поить. Скажи-ка мне лучше, какая из лошадей у вас здесь посмирнее?

— Посмирнее? Ну возьмите мою.

— А сама ты как?

— Мне все равно.

Эти слова показались Аскару-ата похожими на заносчивую похвальбу какого-нибудь мальчишки, первый раз в жизни севшего верхом на лошадь и уже возомнившего себя удалым наездником.

Но вот приехал человек с ловчими птицами. Охотники снарядились в путь. Аскар-ата все еще колебался: са-

даться ему на лошадь, предложенную женщиной, или нет, как назнакомка, держа свою лошадь иод узды, сказала:

— Садитесь, отец!

Делать было нечего, и Аскар-ата взобрался в седло. Молодая женщина вошла в конюшню и сейчас же выехала оттуда верхом на сером жеребце. Жеребец так и танцевал под всадницей, кидаясь то в одну сторону, то в другую. Когда Аскар-ата увидел это, сердце у него уяло.

— Дочка, а ист ли у тебя другой лошади?

— А что?

— Эта лошадь... того... не годится для охоты.

— А я еду не на охоту, отец. Я еду во вторую МТС.

Несмотря на то что женщина без всяких усилий справлялась со своей лошастью, Аскар-ата изболелся душой, пока они выехали пз кишлака. Каждый раз, когда жеребец начинал резвиться, у старика захватывало дух. Женщина это заметила и, засмеявшись, сказала:

— Не беспокойтесь, уж если и упаду, то земля удержит.

— Да я не беспокоюсь, дочка, а только не дает твоя лошадь спокойно разговаривать. Сменила бы ты ее на другую, мы бы и ехали себе да беседовали.

Охотники уехали далеко вперед. Женщина чуть-чуть ослабила поводья, и жеребец, только и ждавший этого, сразу рванулся вскачь. Аскар-ата сначала испугался, но потом, глядя, как сидит в седле женщина, сам приободрился, несколько раз огрел свою лошадь камчой. Женщина ожидала его.

— Ловко ты управляешь лошадьми, дочка! Молодец... Что ты делаешь в колхозе?

— Трактористка МТС.

Аскар-ата оглядел ее с головы до ног. Опять тронулись в путь. Лошади шли ровно, голова в голову.

— Тебе и с лошадьми приходится дело иметь?

— Нет, теперь не очень-то приходится.

— Значит, раньше приходилось? А что делает твой муж?

— Раньше он тоже работал трактористом. Теперь на фронте.

— Когда уехал?

— Как война началась, так и уехал.

— Дети есть?

— Есть, один сын. Из-за него-то я и научилась ездить на лошади.

— Из-за него?

— Ну да. Сказать вам по правде, отец, до войны были мы с мужем люди неопытные: завелп дом, хозяйство и работали, радовались, что я хорошо шью и готовлю. Я окончила только семилетку, но муж сказал: «Хватит тебе учиться; мало будет — потом доучишься». Я даже не работала. Так и осталась домохозяйкой. Это привело к тому, что, когда началась война, все мои ровесницы нашли себе работу, а я растерялась совсем. У других-то мужья уехали со спокойной душой, а у моего камень на сердце... На следующий день после отправки, вечером, пришла к нам во двор тетка Камиля. Знаете, она смотрит на всех молодцов, которые уехали на фронт, как на своих собственных сыновей. Вот расспросила она меня, как я живу, а потом и говорит: «Ну, дочка, а теперь плати долг народу, говори, что умеешь делать?» Такая меня тут досада взяла, что мочи нет, я и говорю ей в ответ: «Все умею, кроме домашнего хозяйства». Сыну моему было тогда шесть месяцев... «Ну, коли так, тогда не беспокойся о сыне, уж я-то лучше тебя знаю, как надо ходить за детьми». Через неделю она повела меня в МТС, Брат ее работал механиком в бригаде. У него-то я и потрудилась здорово целых два месяца. Потом две недели меня еще проверяли, и получила я звание трактористки. Тут уж и я стала прямо глядеть в глаза всем сверстницам моим. За сыном смотрела тетка Камиля. Раз в день, примерно, в полдень, садилась я на первую попавшуюся лошадь и ехала кормить. Вот так и научилась ездить верхом.

— Да, здорово пришлось тебе помучиться. Как твой муж говорил: «Мало будет — после доучишься?»

— Сам он помучился еще больше моего. Он ведь привык, что я день-деньской сижу дома; если выйду, бывало, на улицу: так для него это все равно, что зуб здоровый выдернуть... Так вот, в одном письме он мне написал: «Мы сейчас, мол, отдыхаем после большого похода. Устали очень. Знаешь, когда человек устанет, в голову лезут всякие неприятные мысли. Сейчас, мол, уже двадцать минут десятого. Сижу и пишу тебе письмо. А вот ты что делаешь сейчас, в эту минуту?..» Я не очень огорчилась этими словами, сказала себе, что мужчина иногда может подумать о женщине плохо. Дня так через три еще пи-

сьмо пришло. «Скоро, мол, Мовьмт год. Где ты его будешь встречать? Позовешь к себе друзей-приятелей или сама к кому пойдешь? Если к себе позовешь, то смотри, пей чай из той самой пиалы, что я тебе привез из Крыма, на которой твое имя написано». Я и а это ответила ему коротко: «Для меня Новый год, мол, придет, когда ты вернешься домой». Еще это мое письмо к нему не дошло, а уж от него новое получаю: «Видел я во сие встречу Нового года, будто ты сидишь с кем-то на чужом айване... На рассвете вернулась домой и, не умывшись, подошла к сыну. Он спал, а ты поцеловала его в щеку...» Эти слова запали мне глубоко в душу.

Женщина нагнулась и погладила гриву лошади. Видимо, слезы подступили к глазам. Аскар-ата притворился, что ничего не заметил. Прошло несколько минут, пока женщина выпрямилась и, указывая на кишлак, черневший у подножия далеких гор, покрытых снегом, сказала:

— Видите, вот там вторая МТС. Мне нужно ехать по той тропинке. Но уж ладио, я вас провожу дальше и поеду большаком. К слову сказать, отец, почему вы едете на охоту без ружья?

Старик раскрыл женщине цель своей поездки и попросил, чтобы она поехала вместе с ним, если у нес не так много дела в МТС. Оказалось, что спутница его очень чтит память Магфиратхон и что она с радостью поедет. Они знаками дали понять охотникам, чтобы те ехали дальше, не ожидая их, а сами свернули на тропинку. Вскоре охотники исчезли с глаз.

У самого въезда в кишлак ребяташки катались на льду. Когда всадники подъехали ближе, девочка лет семи, крепко придерживая рукой штаны, надетые поверх халатика, побежала навстречу.

— Сабирахон-апа!

Женщина придержала лошадь.

— Крошка ты моя маленькая! Иди сюда, дай ручку!

Женщина посадила девочку к себе в седло.

— Ой, как ты замерзла! Чья ты?

— Базарбая... Когда отдадите нам дядино знамя? Вы ведь увезли...

— Ой, значит, ты племянница Бутабая! — воскликнула женщина и пояснила тут же Аскару-ата: — Мы отобрали у них переходящее Красное знамя за озимую вспашку, вот про это она и говорит... Дядя дома?

— Дядя уехал в район. Он привелст братишке люльку.

Из красных ворот, возле которых высился огромный старый карагач, какой-то старик выкатил бочку, выпрямился, поглядел на всадников и тут же скрылся. Путники еще не доехали до ворот, как оттуда вышли три человека. Младшему из них было лет двадцать, а старшему около тридцати. Когда Аскар-ата увидел, с какой почтительностью они обращаются к его спутнице, он ощутил неловкость оттого, что всю дорогу разговаривал с пей на «ты». И молодые люди, и старик, подошедший к ним через некоторое время, так почтительно обращались к женщине, что Аскар-ата усомнился в том, что она всего-навсего простая трактористка. Однако разговор между ними шел только о ремонте, запасных частях, бригаде и горючем; даже шутки их и несколько аския, сказанных очень удачно,— все не выходило за пределы топ же темы. Аскар-ата видел на своем веку немало женщин, пользовавшихся уважением мужчин, но то были, главным образом, руководящие работники: председатели, заведующие, директора. Уважение, которым пользовалась простая трактористка, как-то выделяло ее среди всех других. Аскар-ата подумал: «Плохо же тебя знает муж, если писал тебе такие письма. Ты знаешь себе цену, а если женщина знает себе цену, никогда ни один мужчина не посмеет дурно смотреть на нее». Ему захотелось поделиться этой мыслью с женщиной и спросить у нее, что она написала мужу в ответ на его письмо.

Но не успел он оглянуться, как набежало с десяток женщин. Собрались подруги и приятельницы Сабирахон. Аскар-ата почему-то предполагал, что его уважаемая спутница будет вести себя как-то иначе, чем остальные женщины, и был удивлен, видя, что она ничем не отличается от своих подруг. Когда они вошли в дом, Сабирахон не захотела сесть на почетное место напротив двери. Да ее, впрочем, не особенно и упрашивали. На почетное место усадили Аскара-ата с двумя женщинами средних лет. Аскар-ата чувствовал себя не в своей тарелке, видя, что он единственный мужчина среди стольких женщин. Он поздоровался отдельно с каждой, высказав при этом добрые пожелания.

Вдруг женщина, стоявшая у окна, сказала:

— Староста идет.

Когда Аскар-ата услышал слово «староста», он живо

представил себе старика и облегченно вздохнул. По в комнату вошла женщина лет сорока. Все поднялись. Хотел встать п Лскар-ата, но женщина быстро подошла к нему и, положив руку на плечо, ые позволила подняться.

— Сидите спокойно, отец! Мне при вас и постоять будет прилично, а уж вам-то вставать, когда я вошла, будет просто нехорошо.

Это была председатель сельского Совета. Она обнялась с Сабирлхон и поцеловала ее в лицо и глаза. В это время взгляд ее упал на девушку, резавшую лук на подоконнике.

— Бахрп, будь ты неладна!

Бахри побледнела и выронила из рук нож.

— Что я сделала, ападжан?

— Цыц, бессовестная!

Бахри оглядела всех, находившихся в комнате, и залилась румянцем. Глаза ее наполнились слезами:

— В чем я провинилась?..

— Почему не пишешь мужу?

— Ой, какую напраслину вы возводите на меня! Как это я не пишу. Вот хоть их спросите!

— Кто лучше знает, пишешь ты или не пишешь: эти люди или твой муж? На вот, почитай, как ты пишешь письма.

Письмо взяла Сабирахон и прочла то место, которое было подчеркнуто синим карандашом.

«...Я узнал, что Бахрихон получила премию: барана и отрез шелка на платье. Я два раза писал ей и просил ответить, за что ее премировали, но она не написала. Прошу вас, товарищ Ибрагимова, если можно, сообщите мне сами об этом».

Бахри, вытирая рукавом слезы, улыбнулась:

— Не говорит же он, что я не пишу ему! Погодите, ападжан, я вам сейчас объясню. Когда он в прошлом году получил орден Красной Звезды, я три раза в письмах спрашивала его: «За что тебе дали орден?» Три письма он мне прислал, и в каждом один ответ: «За то, что особо отличился, защищая тебя». Вот и я тоже не написала ему, за что получила премию; на его письма ответила так: «Получила за то, что тебя не забывала».

Так закончился общим смехом этот разговор. Бахри продолжала свою работу. Аскар-ата стал внимательно

к ней присматриваться, и она показалась ему слишком молодой.

— Сколько тебе лет, дочка?

Бахрц с лукавинкой взглянула на старика и затем ответила:

— Я вот сама все думаю, стать мне восемна/щатилетней или подождать...

Староста, поняв, почему Аскар-ата задал такой вопрос, объяснила:

— Мы говорим «муж», а она ведь за того парня еще и не вышла. Только договорились. Что ты ему сказала, Бахрп, когда он уезжал на фронт? «Если я полюблю другого, пусть пули, которые у тебя останутся после разгрома фашистов, пробьют мою грудь...» Так ты сказала?

Бахри покраснела, но не ответила.

Аскар-ата с глубокой нежностью посмотрел на девушку и сказал шутливо:

— Смотри, дочка, ты только не умри, а живи долго-долго.

Хозяйка, расстилая дастархан, многозначительно добавила:

— Если она не будет похожа на Умри, то, бог даст, будет жить долго.

Кто-то приглушенно засмеялся. Аскар-ата, решив, что допустил какую-то неловкость, почувствовал смущение. Сабирахон поспешила разъяснить:

— У нас в кишлаке была женщина Умри, или, вернее сказать, Умриниса. Она про нее говорит.

Аскар-ата не удовлетворился этим объяснением:

— Кто она? Что за женщина? — спросил он.

Никто не ответил на его вопрос. Воцарилось тягостное молчание. Такое молчание наступает, когда вдруг упомянут имя человека, погибшего в результате какого-нибудь трагического случая, о котором язык не поворачивается говорить и о котором вспоминать слишком тяжело. Долго длилось это молчание. Аскар-ата так и не понял, в чем тут тайна, но счел неудобным расспрашивать.

Сабирахон вытащила пз-за пазухи пачку бумаги и, передавая их старосте, тихо сказала:

— Бутабай, оказывается, уехал в район, вот, пожалуйста, передайте это ему.

— Он придет, вечером придет, — возразила та,

— Мы с Лскар-ата хотим поехать к реке. Он решил посетить могилу Магфиратхон и просил меня съездить вместе с ним. На обратном пути, наверное, не придется заехать к вам.

При упоминании имени Магфиратхон беседа снова оживилась. Двое из присутствующих захотели присоединиться к едущим. Одна из них тщедушная женщина Шарафатхон, работавшая сторожихой и уборщицей в кишлачной школе, а вторая — Рисолят, женщина лет двадцати пяти, назначенная недавно бригадиром комсомольской бригады. Муж Рисолят весной 1942 года был призван в армию и с тех пор все время слал жене письма то из Лешшабада, то из Алма-Аты. Очень, видимо, хотелось Рисолят поехать к нему, но она не смела заявить о своем желании. Староста, поднимаясь из-за дастархана, сказала:

— Сабпрахон, возьмите с собой Бахри, пусть прогуляется.

У девушки от этих слов будто крылья выросли за спиной. Она собралась в путь раньше всех и выехала на дорогу.

Тронулись. Бахри ехала далеко впереди вместе с Рисолят и пела песню в такт шагу своей лошади:

Жизни свои но губи бромного страстью, смотри!
Страсть от любви отличай, не ошибайся, смотри!

Аскар-ата ехал позади всех, погрузившись в свои думы.

Человек так уж устроен, что всегда обращает внимание на то, что исчезает, даже если это происходит очень медленно, но часто не замечает появления нового. Вот так и Аскар-ата: никогда не прислушивался к тому, о чем говорят между собой женщины, а сегодняшний разговор открыл ему глаза. Он увидел то, чем раньше вообще не интересовался — как выросли кишлачные женщины.

Теперь ни к одной из этих женщин не подходят такие слова, как «болезная моя», «моя пушинка». И вовсе не борьба за хлеб насущный заставляет их делать то или иное дело. У всех этих женщин есть какой-то внутренний порыв. И если бы не этот порыв, никакие законы и никакие личные интересы не заставили бы их работать так, как они работают.

Сабпрахон попридержала свою лошадь.

— Отец, о чем это вы задумались?

Аскар-ата поравнялся с ней и ответил:

— А вот, дочка, о пашем с вамп разговоре... Ответили вы на письмо мужа плп нет?

Сабпрахон улыбнулась:

— Он, значит, написал: «Ребенок спал, а ты подошла к нему, неумытая, и поцеловала его в щеку». В самое сердце ударили меня этп слова. Не сдержала я слез. Села и написала ему письмо. А потом пошла с письмом к тетке Кампле. Я рассказала ей все, как есть, и прочитала письмо мужа и свои ответ. Она, когда слушала, смеялась, а меня за мое письмо поругала. «Что же ты, то писала нежные письма, и вдруг, нп с того ни с сего, посылаешь такое холодное письмо: душа-то у него простынет». Взяла она мое письмо и разорвала в клочки. Когда злость во мне остыла, я поразмыслила и решила, что не стоит так сильно обижаться на моего бедного муженька... Ведь когда говорят у нас здесь «война», мы вроде бы слышим шум и гром и видим кровь, а когда узнаем, что какой-то трус бросил винтовку и побежал, мы говорим: «предатель» — да и все. Но мы ведь не можем смотреть на этого предателя так, как смотрит на него солдат, который ранен в бою, или солдат, который в ту минуту идет вперед и которому нужна подмога товарища, так ведь? Вот точь-в-точь так же мой муж там думает о кишлаке, и ему кажется, что кишлак такой же, как до войны. И вот его воображению рисуется женщина, которая топчет мужнину честь в то самое время, когда муж на фронте пробивается вперед через тысячи опасностей. Но ведь не может он так смотреть на эту самку, как мы смотрим, когда мы тут душой бодем за родину и за своих мужей, и страдаем, и отводим душу в тяжелом, очень тяжелом труде. Нет, не может он смотреть так, как мы!

Когда Сабпрахон сказала «не может», в ее голосе было сожаление.

— Вы давеча спросили об Умри,— продолжала Сабпрахон,— но никто о ней не захотел говорить. И я не стала бы говорить о ней, если бы к слову не пришлось.

Но Сабпрахон не стала продолжать свой рассказ, ехала молча, поглощенная своими мыслями, и, должно быть, машинально, напевала себе под нос какой-то груст-

пын мотив. Лскар-ата взглянул па Шарафат, ехавшую справа от него. Шарафат по-своему истолковала его взгляд, слегка покраспела и, улыбнувшись, сказала:

— Кому делать нечего, тот с жиру бесится, отец.

Заметив смущение молодой женщины, Аскар-ата предположил, что она имеет что-то общее с Умри, и спросил:

— А кем тебе доводится Умри?

Шарафат бросила быстрый взгляд на старика и будто хотела что-то сказать, по сдержалась.

— Никем она мне не доводится. Спросите лучше у Рисолят.

Они, увлекшись разговором, сильно отстали. Рисолят и Бахри давным-давно проехали через кустарник и теперь, взобравшись и а высокий холм у дороги, осматривали окрестности в ожидании своих спутников.

Сабирахоп пустила свою лошадь вскачь и поднялась па холм. За ней следовали Аскар-ата и Шарафат. С холма была видна река, и сюда доносилось кряканье уток, лсе притихли, наслаждаясь созерцанием прекрасной картины.

Спустившись с холма, они долго еще ехали в полном молчании. Наконец Аскар-ата решил его нарушить и, не найдя ничего лучшего, спросил у Рисолят:

— Рисолятхон, дочка, скажи, может быть, тебе кем-то доводится Умри?

Рисолят взглянула на Шарафат, потом — па Сабирахоп и, увидев, что обе улыбаются, сказала:

— Мне-то она никто, а вот слыхала я, что она собирается стать соперницей сразу и Сабирахон и Шарафат.

Посыпались аския. Аския были такого характера, как если бы ехавшие увидели лежащую на дороге отвратительную грязную тряпку и, подцепив на палку, сталл бы ее перебрасывать друг другу, приговаривая при этом: «Вот тебе «платочек» — держи!»

Смеялись так, что стало наконец невмочь, и Рисолят, вытирая слезы, сказала:

— Ну и удивитесь же вы, отец! Был у нас в кишлаке Гаффарджан, парень тихий, воды не замутит, и к тому же одинокий. Все его знали — он больше года работал заведующим сельпо, а я знала его лучше всех, потому что мы с ним из одной махалли. Вот запало ему в голову жениться, и что же: за какую-нибудь неделю сладплп свадьбу. В невесты он выбрал себе девушку Умри. Фасон

у нее был большой. Вот пожилы они вместе месяцев девять, и, знаете, мужчин всегда досада брала при виде их, а женщинам было жалко Гаффарджана. Его жена — ну каждым словом, каждым шагом своим показать хотела, что, мол, «ты мне по гроб жизни должен быть благодарен, что я за тебя пошла». Сам-то Гаффарджап будто не замечал этого, а может, и замечал, да думал, что это, мол, все — «капризы красавицы».

Так они и жили. И вот месяцев через шесть после свадьбы Гаффарджану, нашему заведующему сельпо, дали но шапке. После того, за три месяца они чуть ли не три раза расходились да сходились. Каждый раз, как разойдутся, Умрп уезжает в свои кишлак Доврук, а потом опять появляется. Ну, нрав Гаффарджана все знали и считали, что Умрп во всем виновата. Но вот провожали Гаффарджана в армию, и Умри такой крпк подняла, что все, кто говорил, что она всему виной, прикусили язычки. Если бы измерять любовь слезами, которые люди льют в такие мппуты, так, наверное, любовь сотни Ширин и Лейлп была бы просто пустяком по сравнению с любовью Умриписы. Не было, пожалуй, таких слез на свете с тех пор, как появилось самое это слово «разлука». Ну и рев был, ну и рев!

— Еще и под паровоз хотела броситься,— вставила Бахри, ехавшая сзади.

— Да, да, она хотела руки на себя наложить. Ну ладно, прошло так месяца три-четыре. Как-то раз лежу это я дома — мне нездоровилось,—и вдруг является Умри. Бывало, когда ее муж еще был здесь, поздороваешься с ней, спросишь: «Как здоровье?» — «А тебе какое дело?» — отвечает. А тут откуда только у нее взялись сладкие речи! Расспрашивает о здоровье, двор мне подмела, даже голову мне растерла. Я про себя подумала, вот, мол, одиночество как подействовало. Долго мы с ней разговаривали. После этого она часто стала ко мне приходить. Да и я начала всегда о ней справляться. Ну, словом, подружились мы с ней. Раньше я удивлялась, как это Умри не могла найти себе подружки с тех пор, как переселилась в наш кишлак. Но после того как мы с ней подружились, я узнала, в чем тут дело. Для нее, оказывается, ровни не находится: те люди, которых она знает, либо ниже ее, либо выше. На людей, какие ниже ее, она указывает пальцем ноги, а если кто выше ее, так она ему

в поги падает. Л чтобы узнать, кто выте, а кто ниже, у нее своя мерка есть: она смотрит, сколько у кого в долге ковров или сколько людей в подчинении... Весной из-за полевых работ я целую педелю не была дома: когда пришла домой, то узнала, что Умри уехала в Доврук. В отъезде находилась месяц, а потом опять появилась. Гляжу я, сбруя у нее совсем не та: на бровях усма, в глазах сурьма, локоны спущены на виски, над губой синяя мушка налеплена... Шею замотала кисеей. «Что случилось,— говорю,— горло, что ли, болит?» А она хихикает: «Дверью прищемила». В руках у нее письмо от Гаффарджаиа. Я просто не знала, что сказать, взяла у нее пиьемю. Она тоже молчит, я читаю себе. Читаю... Эх, бедняга Гаффарджан! Такое письмо написал, такие слова, что слезы у меня из глаз брызнули...

Рпосолят при этом прослезилась.

— Нет, послушайте, послушайте, что он написал там в одном месте: «Как придет мне конец, как ударит мепя пулей, что я крикну, когда буду падать: «ана» или «Умрпхон»?»

Аскар-ата не мог совладать с собой и, дернув за повод, огрел лошадь камчой. Он пе впдел ничего, только две картины стояли у него перед глазами: побелевшие, окровавленные губы, готовые принять последний поцелуй любимой женщины, и шея, обмотанная кисеей.

Рисолят продолжала:

— После этого я стала избегать ее. Все-таки она находила разные поводы и заходила ко мне... Я все ломала голову — чего это она трется около меня? Секрет раскрылся... Была у нее очень красивая тубетейка, вышитая золотом; и вот как-то раз я, когда ходила в Доврук, увидела вдруг эту самую тубетейку на голове у моего двоюродного брата Аминджана. Порасспросила я кое-кого и узнала, что бедняга попал паучихе в лапы. Умри ему наговорила, что она, мол, любила его, еще когда ходила в девушках, что он, дескать, на нее пе обращал внимания, и она разозлилась на него да и вышла замуж, а теперь, мол, с.мужем розошлась. Аминджан хоть и молодой, но парень крепкий, серьезный, работающий, за то и сделали его председателем колхоза, его колхоз был самым первым в Довруко. Я ему рассказала все, что знала об Умри, и под конец говорю: «Не жди того, чтобы жена, которая мужу изменила, была тебе верна». После того он

долго не мог увидаться с Умри, потому что после уборки урожая уехал на Фархадстрон и там проработал всю зиму. Про паш разговор с нпм я Умри ничего не сказала. И вот как-то заходит она ко мне и ломается, как всегда, а я ее спрашиваю нарочно: «Ну, Умри, когда же свадьба?» Она сперва побелела, потом покраснела, кинулась мне на шею и в рев. А я говорю: «Ну ладно, ладно, вижу, что любишь Аминджана, а вот мужу что ответишь?» Она мне говорит: «Уже полтора месяца от него ничего не получаю. Да и все равно не любила я его».

«Хотя и полтора месяца муж тебе не писал, неизвестно ведь, убит он или жив, что ты людям говорить будешь?» Умри, видно, поняла мои слова так, что я хочу ей что-нибудь посоветовать. Она убежала и принесла из дома какую-то бумажку. Оказалось, что это извещение, которое кому-то было прислано. «Ну и что же? — говорю я, а она мне: «Не стереть ли тут мне адрес и написать свое имя, а?»

Аскар-ата вдруг дернул лошадь за повод, потом бросил его и поднял кверху руки.

— Боже милостивый! — сказал он. Из его глаз капля за каплей скатывались на белую бороду слезы.— Боже милостивый! Пусть вытекут оба глаза у этой бабы, пусть Гаффарджан вернется домой целым и невредимым, и пусть водит он ее по всем улицам! Господи, боже мой, до стольких лет я дожил, но никогда ни о чем тебя не просил!..

Все подавленно молчали. Лошади сами потихоньку пошли.

— Ну, что же дальше было? — спросил наконец Аскар-ата, взяв поводья в руку.

Рисолят оглядела всех, как бы желая узнать, стоит ли ей рассказывать дальше. Однако никто не проронил ни слова, и она продолжала:

— И хоть я не особенно опасалась того, что Аминджан женится на Умри, все же решила показать ему настоящее ее лицо. Пусть, мол, узнает, что есть на свете такие женщины, для которых любовь — ключ, подходящий к любому замку. Я и говорю ей: «Насчет извещения ты посоветуйся с самим Аминджаном, потому что, если ты не скажешь, что у тебя есть муж, Аминджан все равно ведь узнает правду». Умри ждала, ждала с нетерпением, когда

вернется Лмпиджап с Фархадстроля. Наконец, как услышала, что Лмпиджап приехал, в тот же день нарядрглась и отправилась к нему. Через два дня явилась она ко мне с завязанной щекой. Стала я ее спрашивать,— говорит, зуб болит, то да се, а в общем дознаться трудно. Ампиджан тоже но сказал мне, что там у них произошло.

Только через несколько дней узнала я об этом от его друга закадычного. Умри, оказывается, показала Лмнджаиу то самое извещение и сослалась па мой совет, а он ее спрашивает: «Ну, ладно, ты объявишь, что муж твой погиб, соберутся его друзья-приятели, начнутся разговоры; сумеешь ли ты тогда сесть где-нибудь в сторонке и притвориться, что плачешь, а?» Умри говорит: «Сумею!» Когда Аминджан рассказывал об этом своему другу, то очень возмущался, но не сказал, что именно он ответил на те слова Умри. Наверное, ударил ее по лицу тогда. Как бы то ни было, с того времени Умри, как увидит меня на улице, таге переходит на другую сторону. Так прошло месяцев шесть. Как-то раз я еще издали увидела Умри, а в руке у нее кисть винограда. Она узнала меня на сей раз и кричит: «Посмотри-ка» — и протягивает мне бумажку. Гляжу, оказывается, это извещение о смерти Гаффарджана на ее имя. Не знаю я, верить или нет, и спрашиваю: «А не липовое ли это извещение, может, ты сама его изготовила?» Ну, когда я разобрала, что оно не поддельное, я и говорю ей: «Ну, что же, чего ты хотела, того и добилась: попал твой муж под пулю. Когда он там упал и крикнул, как писал в письме, «Умрихон!», где ты была в это время и что делала?»

— Извещение поддельное оказалось? — поразился Аскар-ата.

— Да нет, не поддельное, а вышла здесь ошибка. Месяца через четыре от самого Гаффарджана пришло письмо.

— Слава богу!

— Да... А Умри уставилась на меня и хлопает глазами. «Жаль, что ты не сберегла хотя бы немного из тех слез, которые пролила, когда провожала его на станции»,— говорю я; беру это самое извещение и иду в правление колхоза. В тот же вечер собрались и старики и молодежь, был тут плач и слезы. Умри там не было, да и никто не спросил, где, мол, Умри. Я думала, что только

я одна ее раскусила и одной мне она протпвна, а оказалось, что весь кишлак ее хорошо знает и всему кишлаку она протпвна. После того вышло наружу то, что было у людей внутри. И осталась Умри одна, как прокаженная, а через сколько-то времени перебралась она в Доврук. Но и там не было ей жизни. Она развалила домишко, что остался ей от матери, и хотела продать балки, да никто не захотел купить. Эти балки и сейчас там валяются и гниют. Так вот и пропала Умри, и нет о ней ни слуху ни духу.

Шарафат вставила свое замечание:

— Умри рассказывала всякие сплетни про лучших женщин и девушек нашего кишлака, ну, вроде того, как делают это воры, когда спасают свою шкуру, бегут с толпоп п орут: «Держите вора!»

— Да, она знала, что люди ее по головке не поглядят, вот и хотелось ей сказать: «Не я, мол, одна такая, глядите, вон та пли эта не лучше меня».

— Золото огнем проверяют,— сказала Сабирахоп.— Война кончится — соберемся мы тогда повеселиться, а теперешние дни будут нам, как сказка... Вода сойдет — камни останутся; усма сойдет — брови останутся.

Шарафат подмигнула Сабирахон.

— Начнем веселье на свадьбе Бахрихон,— сказала она.

Бахрп всеми пятью пальчиками прикоснулась к носу, пытаясь скрыть улыбку, растянувшую ее губы. Потом, чтобы переменить разговор, она показала на реку, белевшую между зарослями дикой джпдът, и сказала:

— Апа, бог-то создал реку, а когда создал, то сам испугался. Так, что ли?

Аскар-ата засмеялся.

— Ты еще моря не видала, дочка! Бог даст еще приедется поглядеть вместе с женихом.

— А вы видели, отец?

— Нет. Слышал от тех, кто видел. Я бы сам увидел, если бы не война. Да и ты увидела бы. Все мы много кое-чего увидели бы. После уж, видно, доведется.

Когда всадники выехали из зарослей гребенщика, камыша, дикой джиды, кизила и спускались к большому саю, Сабирахон указала на тугап, находившиеся за саем, и сказала:

— Вон там лежит Магрыфатхон.

Сай этот, образовавшийся от весенних паводков, назывался Кичпкдарья, и когда он наполнялся водой, тугай превращались в остров. У берега стояла огромная лодка, поставленная на четыре сваи. Аскар-ата сошел с лошади. Его примеру последовали остальные. Лскару-ата казалось, что каждое дерево, каждый куст здесь покрыты трауром и что даже весной молодая листва здесь бывает черной. Чудилось ему, что деревья как бы приветствуют его, шепча: «Наконец-то вы пришли, Аскар-ата».

Лошадей оставили внизу, и все поднялись наверх по тропинке, извивавшейся среди камней и выходявшей на небольшую площадку. Под старой плакучей ивой на краю площадки две черных каменных глыбы, прислоненные друг к другу, образовали нечто вроде надгробного памятника. Женщины, идя на цыпочках, разошлись в разные стороны, к краям площадки, где сели на огромные камни, поставленные специально для этой цели. На камне, стоявшем с правой стороны, была видна крупная надпись, сделанная арабскими буквами и гласившая: «Место райского упокоения Магфиратхон», после чего была приписана дата — 1335 год хиджры. Помимо этой надписи, на обеих плитах было еще много надписей, сделанных арабскими, латинскими и узбекскими буквами; записей, с превеликим трудом нацарапанных посетителями могилы, применявшими разнообразные орудия письма: ножи, камни и другие предметы. Какой-то неумелый художник изобразил красноармейский шлем, который носили бойцы в те годы.

«Кто позаботился об этой могиле? Кто принес сюда эти тяжелые камни?» — спросил сам себя Аскар-ата и тут же вслух сказал:

— Кто бы мог их принести? Кто заставил меня ирехать сюда? Бывают ведь такие люди на свете, что когда они рождаются, ни одна душа даже не порадует, а вот когда умирают, то весь народ одевается в траур. Так я говорю, дочка моя, слышишь ты, Бахрп? Сабирахон, так я говорю или нет?

Рисолят повела осматривать остров. Площадь, которую он занимал, не превышала четырех — четырех с половиной таиаиов. Подошли к могиле курбаши Сангина, застреленного Магфиратхон. Могила эта, расположенная в северной части острова возле обрыва, у крутого поворота реки, обвалилась и представляла собой яму.

Когда путешественники вышли из тугаев, серые тучи, закрывавшие небо, вдруг разорвались на западе, и заходящее солнце осветило реку кроваво-красным светом. Рпсолят взглянула на огненный горизонт и сказала:

— Завтра будет ясный день.

Путешественники сели на лошадей и тронулись в обратный путь.

1944

История одной телеграммы

Нора, Назирабиби! Вставайте, идем к Тухтабиби!

Назирабиби спала, спрятав ноги иод сандал, подставив лицо щедрым лучам весеннего солнца. Услышав сквозь блаженный сон чей-то голос, она вздрогнула, словно отгоняя муху, попыталась открыть глаза. Открылся почему-то только один глаз. Но и его было достаточно, чтобы увидеть Шаходатбиби, стоявшую в дверях. Назирабиби спросила спросонок:

— Что стряслось?

— Давайте побыстрее,— торопила Шаходатбиби,— нас ждет сам председатель!

— Председатель? — удивленно переспросила Назирабиби.

Она легко поднялась, повязала голову кисейным платком и вместе с Шаходатбиби отправилась к Тухтабиби.

У Тухтабиби сидят Розиябиби и тетушка Ортыкджан. Председатель не спеша рассказывает им о положении на фронте. Отвечая на вопрос, он говорит:

— Что до того, будто немецкий царь когда-то спрятался иа дне морском, не скажу, мне про это в газетах читать не привелось. А если Гитлер попробует там укрыться, то ничегошеньки у него не получится. Среди наших красноармейцев, слава богу, найдутся и водолазы, вытащат его оттуда. Нет такого места ни на земле, ни в воде, чтобы он укрылся от расплаты... А, вот и тетушка Назира с тетушкой Шаходат пожаловали! Очень, очень кстати, я и сам все собирался с вами свидеться и по душам поговорить кое о чем. Вы не хуже моего знаете, как

нужен нашему государству хлопок. Знаете, сколько у нас людей па хлопке? Я тут как-то прикинул: выходит, каждый рабочий час колхозник дает одни килограмм хлопка! Вот н думай, ломай голову, чтобы всех люден, запятых на других работах, но возможности перебросить па хлопок. А ведь и другие работы кто-то исполнять должен. К примеру, разведение шелковичного червя. Я не мечтаю, чтобы вы, все пятеро, разводили червей и высвободили пяток люден для хлопка. Не те у вас силы, не тот возраст. Сколько-нибудь помочь сумеете, и на том спасибо. Хоть одного, хоть двух человек удастся перебросить с коконов на хлопок, и то государству помощь. Я рещпл устроить с вами собрание и обсудить этот вопрос... Так что собрание прошу считать открытым. Кто желает высказаться?

Женщины молчалп. Они испытывали какую-то неловкость, жались друг к другу и старались смотреть себе под ноги.

— Может, не согласны со мной? Может, мое предложение не подходит? — спрашивал председатель, всматриваясь поочередно в каждую из участниц этого немногочленного собрания.

Старухи переглянулись между собой п вдруг разом заговорили:

— Почему не подходит? Кто сказал, не подходит?

— Отчего же тогда молчите? — недоумевал председатель. — Вот вы начните, тетушка Тухта. Что вы лично думаете?

Тухтабиби кондом платка прикрыла рот и со смущением посмотрела на подруг, потом перевела взгляд на председателя.

— Вы тут, сынок, внезапно собрание открыли... Напрасно это. Не с того бы начинать надо. Сперва бы поговорили с нами, посоветовались,— что да как. Тогда бы в самый раз обсудить на собрании.

Тухтабиби, как видно, выразила общую мысль. Объявив беседу собранием, председатель все-таки напугал старух. Теперь он понял свою оплошность и решил исправить ошибку:

— Что верно, то верно. Давайте-ка сначала посоветуемся, поговорим попросту... Собрание объявляю закрытым. Мы его потом откроем...

Едва председатель закрыл собрание, заговорила Розиябиби:

— Разводить червей — дело для нас нехитрое, управимся. Как вы, товарищ председатель, считали, не знаю. Я же так полагаю: если мы, пятеро, возьмем одну коробку грены на всех, то в самый раз.

Остальные с ней согласились: одна коробка грены вполне под силу.

— Мы что... и опыт у нас есть. Если уж неумоги станет, молодые нам помогут.

Председатель чуть заметно усмехнулся:

— Что ж, хотите взять на себя одну коробку грены, не возражаю. Ваша воля. Это твердо?

— Твердо, твердо! — отозвались старухи.

— Можно теперь открывать собрание?.. Собрание объявляю открытым. Вас пятерых будем считать за звено. Но звену нужен звеньевой. Кого выбираете?

После недолгого обсуждения звеньевой избрали семидесятилетнюю Тухтабиби Сарымсакову.

Председатель произнес заключительное слово и объявил собрание закрытым.

Когда Тухтабиби легла спать, на нее напал ночной страх: «Они дали слово председателю, избрали меня звеньевой... А что будет, если завтра одна скажет: «Ох, поясницу ломит!», другая: «От сына давно нет писем, до червей ли мне!»

Тухтабиби ворочалась с боку на бок, так и не уснув, поднялась и отправилась к соседке Назирабиби. Оказалось, что и та тоже не спит.

— Скажи-ка, Назирабиби, всерьез ли мы взяли за такое дело? Может быть, поговорили, чтобы председателя успокоить?

— Ах, Тухтабиби, как можно? Конечно, всерьез. Ведь на собрании утвердили. Грех не уважать собрание. У меня о другом забота: хоть мы и старухи, да не хуже молодых! Если возьмем только одну коробку грены, не засмеют ли нас? Не опозоримся ли на весь район? Что мы, немогущее других? Отчего мы испугались, не взяли две коробки грены?

Сердце Тухтабиби начало успокаиваться, и она подумала вслед за Назирабиби: «В самом деле, почему мы не взяли две коробки?»

Вместе с Назирабиби она направилась к Шаходатбиби. Выслушав их, Шаходатбиби сказала:

— Это как припяться за дело. Если уж порешили, то не только с двумя, с тремя коробками управимся...

Втроем подруги отправились к Рознябиби. Та помолчала, подумала и одобрила их намерение. Вчетвером они пошли к тетушке Ортыкджан. Тут выяснилось, что тетушка Ортыкджан еще на собрании хотела предложить три коробки, но постеснялась. Теперь же, когда остальные решили взять три коробки грены, она прибавила еще одну: стало четыре.

Так в результате собрания, проведенных на дому, старухи решили развести четыре коробки шелковичных червей. С этим и отправили утром в правление колхоза специального посла.

Председатель недоверчиво пожал плечами и сказал:

— Им впятером не под силу съесть один персик — зубов у них нет. А тут — четыре коробки грены! Посулят, а потом и им самим и мне будет неудобно.

Эти слова председателя посол в точности передал старухам: «Вам всем вместе и один персик не по зубам».

Когда спустя два дня к ним заявился председатель, крепко ему досталось. Он кое-как оправдался.

— Я пошутил, это я в шутку!..

И сам принес все четыре коробки грены!

Вскоре на зеленых листьях стали ползать шелковичные черви. По мере того как черви увеличивались в размере, поднималось настроение старух. Ни у одной из них ни разу не заломило поясницу, никто из них не пожаловался: «От сына нет писем, до червей ли мне!» Все были здоровы, бодры, как никогда прежде. У них-то и времени для жалоб не осталось.

Однажды к ним нагрянул председатель. Осмотрев червей, несказанно обрадовался, прыгнул хвалить старух. Даже назвал их героинями.

Тухтабиби, подбоченясь, подморгнула своим товаркам:

— А ну, сынок, как по-твоему, выполним мы норму или нет?

— По моим подсчетам, с каждой коробки грены соберете не меньше шестидесяти килограммов коконов.

— Вот тебе и на! — отозвалась тетушка Ортыкджан. — Тогда нам не выполнить норму.

— Почему? Сколько по норме? Разве не сорок пять килограммов?

Старухи засмеялись.

— Ту норму ты предложи старухам, которые осият персик! Наша норма — семьдесят килограммов с каждой коробки!

Председатель смущенно прикусил язык.

А через несколько дней появились первые коконы. Их спяли и отправили в правление колхоза. Вечером старух навестил председатель. Он еще с порога крикнул:

— В тот день, когда снимете первый урожай, получите в премию откормленного барана. Я узнавал в районе, ни у кого еще не появились коконы!

Для старух это было приятной новостью.

— Коли так, то тебе не отделаться одним бараном,— сказала Тухтабиби.— В день, когда мы сдадим первый урожай, ты отобьешь телеграмму в Ташкент... Чтс там написать, знаешь сам, не нам тебя учить... Нынче у нас вторник? Ну, так вот: в воскресенье будет первый урожай!

Три дня звено не отходило от ящиков. Старухам казалось, что черви медленно, слишком медленно, словно нехотя, наматывают на себя шелковые нити.

Председатель каждый день звонил в район. Там было тихо, никто еще не сдавал коконов.

Наконец, на четвертое утро старухи одна за другой стали появляться с корзинами, полными коконов.

Председатель первым в районе сдал государству коконы и, выполняя свое слово, отбил телеграмму в Ташкент, i

Старухи сидели в доме Тухтабиби и гадали — отправил председатель телеграмму или нет. Вдруг сама не своя вбежала Розиябиби.

— Чего вы расселись! Сидите и ничего не знаете! Радио не слушаете! Про нас говорили! Сказали: матери красноармейцев Тухтабиби, Назирабиби, тетушка Ортыкджан, всех, всех назвали... i

— А что сказали-то? i

— Не знаю, не слышала, не до того мне было...

Взволнованные старухи выбежали на улицу. На встречу им шел улыбающийся председатель и торжественно вел откормленного барана.

1945

•*огда один из ораторов, имевших обыкновение обращаться не иначе как к «самым широким массам слушателей», вернулся с работы, у него на шее, обливаясь слезами, повисла жена.

— Ты меня не любишь... Ты не счастлив в нашей совместной жизни... До последней минуты я еще надеялась, я ждала, ты вспомнишь, что сегодня... сегодня год со дня нашей свадьбы...

Он в самом деле забыл об этом. Но быстро нашелся. Не зря же он слыл опытным оратором.

— О-о! — воскликнул он, — Как быстро промчался этот год несравненного блаженства!.. Меня душат слезы счастья!

Жена, улыбаясь — ее глаза высохли от слов мужа, — показала на празднично накрытый стол, убранный цветами. Разливая по рюмкам вино, она попросила:

— Ну, скажи, скажи что-нибудь.

— Что-нибудь, что-нибудь, — машинально повторял муж.

— Неужели ты хочешь выпить молча?

Оратор поднялся с рюмкой в руке. Брови его сдвинулись, лицо обрело значительность. Он посмотрел вначале на рюмку, потому куда-то в угол, набрал в легкие воздуха и — начал речь.

— Уважаемая товарищ супруга! Разрешите поздравить вас лично в незабываемый день, когда ИСПОЛНИЛСЯ ровно год с ТОГО великого часа, как мы вступили на путь образцового выполнения своего семейного долга и достойно продолжаем нашу счастливую жизнь!

Жена приняла это вступление за шутку и весело зааплодировала. Но оратор продолжал с самым серьезным видом:

— Триста шестьдесят пять дней тому назад мы совершили решительный поворот в своей судьбе и с сознанием ответственности начали наш совместный семейный путь. Считаю излишним останавливаться подробно на истории вопроса о семье, во главе которой раньше стоял мужчина, а теперь — коллегиально мужчина и женщина.

После того как муж-оратор изложил свое мнение о семье вообще и в данных исторических условиях, он взял известную книгу «Женщина и социализм» и прочел две страницы из одной главы, три — из другой и еще полторы — из третьей. Жена тем временем дважды зевнула, осторожно прикрывая рот рукой, и поставила рюмку на стол. Оратор продолжал, все более увлекаясь:

— Каковы же наши успехи в результате годичной семейной жизни, с чем мы приходим к юбилею? Во-первых, следует констатировать, что в процессе возникновения тех или иных принципиальных разногласий, мы научились их разрешать, не привлекая внешние силы. Во-вторых, товарищ супруга, мы достигли невиданного подъема в вопросе организационно-хозяйственного укрепления нашей семьи. Я не стану перечислять факты, потому что ваша орденосная матушка в каждое свое историческое посещение в основном занимается их регистрацией.

В виду отсутствия воды оратор отпил глоток вина, но не более, и продолжал:

— Итак, могут ли эти достижения перекрыть отдельные наши недостатки, можем ли мы успокаиваться на достигнутом? Если мы закроем глаза на наши недостатки и отдадимся благодущию, это будет ошибкой и самоуспокоением. Есть ли у нас упущения? Да, есть. И немалые! Возьмем, к примеру, серьезные промахи в деле сохранения продуктов питания в первой половине июля. В результате нашего с вами преступно-халатного отношения имел место целый ряд фактов гниения, заплесневения, порчи! Чем это можно оправдать? Ничем! Мы должны эти факты подвергнуть анализу и критике.

Оратор разгорячился.

— Возьмем вторую проблему — проблему использования внутренних ресурсов. Как вам известно, у нас имеется высококачественный медный чайник. На сего-

дняшний день у него нет крышки. Сигнализировали ли мы друг другу об этом? Нет! Если бы мы решительно покончили с настроением «как-нибудь обойдется» и на повестку дня ребром поставили вопрос о крышке, если бы мы своевременно обеспечили чайник этой необходимой деталью, он сыграл бы соответствующую роль в те дни, когда выходит из строя наш самовар. К сожалению и стыду, тут мы проявили пренебрежение. На данном этапе наш чайник лишен крышки, как таковой...

Жена тихонько вздохнула. Заметив это, оратор подумал, что он слишком уж увлекся критикой и сгустил общую картину отдельных недостатков. Он постарался перестроиться на ходу.

— Несмотря на отдельные и нетипичные недостатки, можно не сомневаться, что мы ведем правильную, проверенную опытом линию в личной жизни. Разрешите, заканчивая свою короткую речь, выразить полную уверенность, что и впредь наша семья будет идти дорогой славы от одной победы к другой. Прежде чем поднять эту рюмку, я заверяю, что и в дальнейшем буду практическими делами подтверждать свою супружескую любовь.

Жена подумала, что он хочет ее поцеловать.

— Неужели об этом нельзя сказать прямо? — наивно удивилась она.

— Как это, — спросил оратор, — из-за одного поцелуя я буду комкать ответственное выступление?

Оратор сел, чтобы отдышаться и набраться сил для продолжения речи. Жена больше не задавала вопросов, она радовалась каждому его слову. Она поняла: в своих речах муж изливает любовь к ней.

1945

Кроватка

У Ганиджана и его жены долгое время не было детей.

Только на седьмой год супружества жена Ганиджана забеременела и в положенный срок родила сына, крепенького и хорошенького, как барашек.

Ганиджан был счастлив необыкновенно. Весь кишлак, казалось ему, разделял с ним счастье. Каждый человек, который входил в дом, чтобы принести подарки новорожденному и поздравление родителям, должен был, по его мнению, испытывать те же чувства, какие испытывал он, — безмерно обрадованный родитель, впервые услышавший торжественное слово «отец» в применении к самому себе.

Несколько дней Ганиджан ходил, не чуя под собой ног. Радость буквально не вмещалась в нем, требуя от него родительских хлопот и всяких полезных действий, целью которых сделался маленький сын. Именно поэтому в первый же базарный день он выпросил на колхозной конюшне лошадь и поехал в районный центр.

Базар на этот раз был особенно многолюдным, и Ганиджан сразу же встретил пять или шесть знакомых, но, однако, не стал задерживаться с ними, а, выбрав красивую и прочную кроватку с сеткой, немедленно (так ему не терпелось возвратиться домой) отправился в обратный путь.

День был неприветливый и по-зимнему холодный; арыки вдоль дороги подернулись ледком, деревья стояли

похожие па кургузые метлы, п небо хмурилось, словно оно было недовольно тем, что не могло уже собраться с силами п швырнуть на землю хотя бы горсть снежинок. Несмотря на скверную погоду, Ганпджан пребывал в отличном настроении.

Держа поперек седла кроватьку, он прислушивался к дробному топоту копыт и звяканью уздечки и задорно распевал:

**— Гей, мой конь, скачи, скачп!
Ты меня скорее мчп!
Светит мне любовь моя,
Словно свет луны в ночи...**

Так он пел, пока впереди не показался попутный кишлак Пахтаабад. В сумерках наступившего вечера кишлак представился Ганиджану неопределенно длинным пятном, в котором нельзя уже было различить отдельных домов.

Когда крайний дом оказался за спиной Ганиджана и впереди опять раскрылось окутанное тьмою поле, какой-то человек, сидевший на обочине дороги, вдруг поднял руку и крикнул пронзительно и тревожно.

В то же мгновенье из кишлака вырвался грузовой автомобиль, и лошадь, испуганная его грохотом, вскинулась и галопом помчалась по полю.

Ганиджан не выпустил из рук кроватику, но раньше чем он успел остановиться и вернуть на дорогу лошадь, она довольно далеко ускакала от того места, где он был окликнут неизвестным человеком.

Возвращаться назад Ганиджану не захотелось и он поехал дальше. Однако беззаботное настроение его сменилось смутной тревогой, причину которой он не мог понять. По мере того как он удалялся от кишлака, тревога росла, и он уже не пел, а ехал в молчании, угрюмо поглядывая по сторонам.

Внезапный выстрел, раздавшийся в тот самый момент, когда Ганиджан поравнялся с придорожным тополем, вывел его из мрачной задумчивости. Стая воронья, сидевшая на ветвях тополя, поднялась с громким карканьем, и Ганиджан может быть поэтому вспомнил резкий окрик, которым при выезде из кишлака хотел его остановить неизвестный человек. Теперь он понял причину своей тревоги и даже оглянулся назад, но ничего, кроме темного поля, конечно, не увидел.

Так вот что томило его все это время!.. Но кто лее был окликнувший его человек и почему он сидел близ дороги? Быть может, это был больной? Или инвалид, демобилизованный из армии? Быть может, он просил подвезти его до дому? Если так, получилось нехорошо.

Ганиджан решительно повернул лошадь и поскакал обратно.

Примерно через полчаса он достиг окраины кишлака, но здесь никого уже не было, и па окрик Ганиджана никто не отозвался.

Тогда Ганиджан решил, что инвалида — теперь он твердо уверился, что непзвестный человек был инвалидом — надо обязательно пайти. Уверенность его была так крепка, что он, будто воочию, увидел человека в шинели, который, прихрамывая, бредет по дороге.

Однако, встретившиеся ему несколько колхозников на его вопрос, не видели ль они хромого солдата, ответили отрицательно.

Ганиджан опять возвратился на то место, где его окликнул неизвестный человек, и не нашел там ни живой души...

...Домой он приехал только незадолго до полуночи. Жена сразу заметила, что он чем-то расстроен и, даже взглянув на красивую кровать, со всех ног кинулась к нему, встревоженно спрашивая:

— Ах, умереть мпе!.. Что с вамп случилось?

— Ничего!..— угрюмо пробормотал Ганиджан.— Просто я устал немного.

Жена недоверчиво взглянула на него, но ничего больше не сказала и принялась собирать ужин.

Тем временем Ганиджан занялся кроватью. Тюфячок, сшитый заранее, пришелся в самую пору, и ребенок, после того как мать покормила его на ночь, занял свое место в кровати.

Язычок огня в лампе мигнул и погас, и все пришло в надлежащий порядок.

Ганиджан с давних пор мечтал о том часе, когда легкая и прочная кровать встанет рядом с его супружеской постелью, а в кровати будет покоиться сын — светлая надежда, одинаково милая и ему и жене. Теперь этот час пришел, и счастливому отцу надо было только протянуть руку, чтобы коснуться ребенка, и все-таки на душе у него

было тяжело, и сон бродил где-то поблизости, но не хотел смежить глаз, а сердце оолезнопио ныло, п в тишине ночи стоял перед глазами изможденный человек в шинели, который, опираясь на костыли, с упреком шептал: «Вот какова твоя жалость к людям!..»

Чем сильнее старался Ганпджан избавиться от мучительного видения, тем неотступней оно было, и, в конце концов, он не выдержал, вскочил с постели, подошел к полке и стал искать табак.

В темноте под руку подвернулся поднос и с грохотом свалился на пол.

Жена проснулась от шума, с испугом спрашивая, что он там делает.

Ганпджан ответил, что ищет табак, а жена, плохо соображая спросонья, спросила, для чего понадобился ему табак.

В досаде на свою неосторожность, Ганпджан резко сказал:

— Зачем человеку табак? Хочу съездить на нем на базар!..

— Но ведь вы не курите ночью... Я поэтому и спрашиваю!..— сказала жена, и в голосе ее явственно прозвучала обида: она никогда еще не видела мужа в таком состоянии, и никогда еще муж не говорил с пей в таком возбужденном тоне.

— Может быть, у вас болит что-нибудь? — спросила она, приподнимаясь на постели и облачаясь о подушку.

— Нет! — коротко ответил Ганпджан, которому удалось все-таки найти табак и свернуть в темноте сигарку.

Стоя спиной к жене, он закурил, а затем подошел к постели и сел на краю.

При каждой затяжке крошечный светлячок сигарки на мгновение озарял его лицо, и жена не то угадала, не то заметила на нем выражение грусти и потаенного смятения.

Она коснулась своей рукой руки мужа и робко спросила:

— Может быть, вас обидел кто-нибудь?

— Нет, меня никто не обижал,— все так же неохотно ответил Ганиджан.

Жена поднялась, села рядом и, припав к его плечу, начала упрашивать:

— Ну, скажите, скажите, милый, что с вами случилось!.. Я не успею, пока вы не скажете...

Ганиджан понял, что молчать больше нельзя, и потихоньку, шепотом стал рассказывать о происшествии в дороге.

Волнение его передалось жене, и она, выслушав прерывистый рассказ Ганиджана, начала утешать его, говоря, что он ошибается, что тот человек не мог быть демобилизованным, так как для демобилизованного всегда бы нашлась подвода и даже машина. Неожиданно для самой себя она вдруг сбилась, запуталась и, перейдя с шепота на полный голос, встревоженно спросила, хорошо ли он осмотрел место, где сидел инвалид.

Ганиджан вздохнул и сокрушенно признался, что он осматривал место не сходя с лошади. Жена всплеснула руками и, воскликнув: «Ох, разве можно быть таким беспечным?» — заговорила о том, что у инвалида, наверное, открылась рана и что он, должно быть, потерял сознание и упал, а Ганиджан в темноте не заметил его.

Жена говорила так убедительно, так уверенно, что Ганиджан почти воочию увидел человека в шинели, распростертого на холодной земле и беспомощно стонущего в тишине ночи.

Эта картина так его ужаснула, что Ганиджан вскочил с постели и молча стал одеваться. Жена пыталась остановить его, но он только махнул рукой и выбежал на улицу.

Колхозный конюх Насибали спал в маленькой сторожке, прилепленной к глинобитному зданию конюшни. Ганиджан с трудом разбудил его и потребовал лошадь.

— Куда вы поедете в такую пору? — спросил, почесываясь спронею, конюх. Ганиджан мгновенно нашелся и сказал, что вчера вечером сын его дяди, отправляясь на фронт, заехал домой, и так как он отпущен из эшелона только на сутки, то ему, Ганиджану, необходимо немедленно поехать повидаться с родственником.

Конюх молча кивнул, поспешно пошел на конюшню и минут через пять вывел оседланную лошадь.

— Только вы осторожней будьте! — подтягивая подпругу, сказал он. Ганиджан подумал, что конюх просит его побереечь лошадь, и стал уверять, что он всегда осторожен в дороге.

— А вот и нет! — прервал его конюх. — Вчера чуть под машину не угодили...

было тяжело, и сон бродил где-то поблизости, по не хотел смежить глаз, а сердце болезненно ныло, п в тишине ночи стоял перед глазами изможденный человек в шинели, который, оппраясь на костыли, с упреком шептал: «Вот какова твоя жалость к людям!..»

Чем сильнее старался Ганпджан избавиться от мучительного видения, тем неотступней оно было, и, в конце концов, он не выдержал, вскочил с постели, подошел к полке и стал искать табак.

В темноте под руку подвернулся поднос и с грохотом свалплся на пол.

Жена проснулась от шума, с испугом спрашивая, что он там делает.

Ганпджан ответил, что ищет табак, а жена, плохо соображая спросонья, спросила, для чего понадобился ему табак.

В досаде на свою неосторожность, Ганпджан резко сказал:

— Зачем человеку табак? Хочу съездить на нем на базар!..

— Но ведь вы не курите ночью... Я поэтому и спрашиваю!..— сказала жена, и в голосе ее явственно прозвучала обида: она никогда еще не видела мужа в таком состоянии, и никогда еще муж не говорил с пей в таком возбужденном тоне.

— Может быть, у вас болит что-нибудь? — спросила она, приподнимаясь на постели и облакачиваясь о подушку.

— Нет! — коротко ответил Ганиджан, которому удалось все-таки найти табак и свернуть в темноте сигарку.

Стоя спиной к жене, он закурил, а затем подошел к постели и сел на краю.

При каждой затяжке крошечный светлячок сигарки на мгновение озарял его лицо, и жена не то угадала, не то заметила на нем выражение грусти и потаенного смятения.

Она коснулась своей рукой руки мужа и робко спросила:

— Может быть, вас обидел кто-нибудь?

— Нет, меня никто не обижал,— все так же неохотно ответил Ганиджан.

Жена поднялась, села рядом и, припав к его плечу, начала упрашивать:

— Ну, скажите, скажите, милый, что с вамп случилось!.. Я не усну, пока вы не скажете...

Гаиджан понял, что молчать больше нельзя, и потихоньку, шепотом стал рассказывать о происшествии в дороге.

Волнение его передалось жене, и она, выслушав прерывистый рассказ Ганиджаи, начала утешать его, говоря, что он ошибается, что тот человек не мог быть демобилизованным, так как для демобилизованного всегда бы нашлась подвода и даже машина. Неожиданно для самой себя она вдруг сбилась, запуталась и, перейдя с шепота на полный голос, встревожившись спросила, хорошо ли он осмотрел место, где сидел инвалид.

Гаиджан вздохнул и сокрушенно признался, что он осматривал место не сходя с лошади. Жена всплеснула руками и, воскликнув: «Ох, разве можно быть таким беспечным?» — заговорила о том, что у инвалида, наверное, открылась рана и что он, должно быть, потерял сознание и упал, а Ганиджан в темноте не заметил его.

Жена говорила так убедительно, так уверенно, что Ганиджан почти воочию увидел человека в шинели, распростертого на холодной земле и беспомощно стонущего в тишине ночи.

Эта картина так его ужаснула, что Ганиджан вскочил с постели и молча стал одеваться. Жена пыталась остановить его, но он только махнул рукой и выбежал на улицу.

Колхозный конюх Насибали спал в маленькой сторожке, прилепленной к глинобитному зданию конюшни. Ганиджан с трудом разбудил его и потребовал лошадь.

— Куда вы поедете в такую пору? — спросил, почесываясь спронею, конюх. Ганиджан мгновенно нашелся и сказал, что вчера вечером сын его дяди, отправляясь на фронт, заехал домой, и так как он отпущен из эшелона только на сутки, то ему, Ганиджану, необходимо немедленно поехать повидаться с родственником.

Конюх молча кивнул, поспешно пошел на конюшню и минут через пять вывел оседланную лошадь.

— Только вы осторожней будьте! — подтягивая подпругу, сказал он. Ганиджан подумал, что конюх просит его побереечь лошадь, и стал уверять, что он всегда осторожен в дороге.

— А вот и нет! — прервал его конюх.— Вчера чуть под машину не угодили...

— Вчера! — воскликнул Гаппджан. — О чем вы говорите?

— А о том грузовике, который едва не сбил вас, когда вы выехали из Пахтаабада.

— А откуда вы знаете? — спросил удивленный Ганиджан.

— Откуда знаю? — повторил конюх. — Так я окликнул вас с дороги... Только вы не слышали.

— Значит, это были вы? — быстро спросил Ганиджан.

— А кто же еще? — ответил вопросом конюх и, подавая повод уздечки, добавил: — Счастливого пути! Поезжайте!

Ганиджан с облегчением перевел дух и живо проговорил:

— Э, нет! Я передумал... Будьте здоровы!..

...Домой он вернулся с криком:

— Это не инвалид был!.. Это Насибали меня окликнул! Наш конюх Насибали!..

Жена, кормившая грудью ребенка, даже привскочила от неожиданности и сердито воскликнула:

— Ах, провалиться бы вам!..

Супруги быстро успокоились, и Ганиджап, подойдя к кровати, потрогал ее заскорузлой ладонью и самодовольно сказал:

— Видала, какая красивая штука? Лучше на всем базаре не найти! Да... Твое дело рожать, а мое дело — кровати покупать. Так-то вот...

1945

i

« полдень на дороге перед белым зданием с колоннами правления колхоза «Пахтакор» остановился большой жукообразный автомобиль. Был он совсем не похож на машины, которые часто появлялись здесь из города или района, поэтому сторож-инвалид, стуча костылем по каменным ступенькам, торопливо сошел с крыльца и, не решаясь подойти ближе, встал у мостика через арык. Когда пыль, густым облаком окутавшая автомобиль, наконец улеглась, дверца желто-зеленого кузова распахнулась, и из машины вышли двое: высокий, худощавый мужчина средних лет в крикливо-пестрой клетчатой рубашке и уродливых брюках-гольф и небольшого роста молодой человек с падающими на шею и уши длинными черными волосами, одетый в чесучовый костюм и черные лакированные туфли.

Молодой человек сделал два-три шага к арыку и небрежно поманил рукой сторожа:

— Можно вас... Где председатель?

— Здравствуйте,— вежливо поклонился сторож-инвалид,— пожалуйста... Маджит-ака сейчас на полях.

Очевидно, только теперь молодой человек сообразил, что задавать вопросы, не поздоровавшись, неудобно, почувствовав себя неловко перед сторожем, он задумчиво потер пальцем подбородок.

— А где парторг?

— Товарищ Хатамова? Она тоже в поле.

— Телефона нет?

— Можно сказать, что и нет. Трудно дозвониться,,,. Да вы заходите в правление... Вы из института?

— Нет.

— А.. кого вам надо: дадим знать. Я сейчас...

Сторож ушел...

Когда он вернулся к машине, высокий человек в брюках-гольф, прищурившись, смотрел на колонны здания. Туда же смотрел п молодой человек в лакированных туфлях, и оба обменивались замечаниями... «Вы думаете, типично?» — « Очень!»

— Когда построено это здание? — увидев сторожа, обратился к нему молодой человек.

— Начали строить еще до войны, а заканчивали уже без нас.

— Вы были на войне? Где вы потеряли ногу?

— В Крыму.

Вскоре пришла парторг Хатамова, еще молодая колхозница, но уже с поседевшими волосами, и пригласила гостей в свой кабинет. Она тоже сначала приняла приезжих за научных работников из института хлопководства, но, заметив странное одеяние высокого человека, поняла свою ошибку и несколько растерялась.

Гости поспешили представить друг друга:

— Один из талантливых представителей молодого поколения наших писателей, поэт Куватбек,— сказал высокий человек в клетчатой рубашке, указывая рукой на своего спутника.

— Один из лучших представителей нашей кинематографии, кинорежиссер Ганиев,— в тон ему сказал низенький молодой человек в чесучовом костюме.

Хатамова, краснея от смущения, слегка поклонилась:

— Добро пожаловать.

А минуту спустя в кабинете она свободно беседовала с гостями.

— Очень хорошо, что вы навестили нас. Колхозники любят и хорошие книги, и кинокартины, особенно молодежь. Недавно в колхозе начал работать музыкальный кружок. Есть у нас и свои поэты. Думаем построить хотя бы небольшую сцену, расширить помещение клуба... Очень кстати вы приехали. Молодежь будет рада встретиться, побеседовать с такими мастерами. Уж вы помогите ребятам своими советами.

Пришел председатель совета урожайности, а затем и председатель правления колхоза. В приоткрытую дверь

кабинета то и дело заглядывали любопытные. В коридоре кто-то сказал: «Из академии».

Режиссер Ганиев нашел нужным сразу же объяснить цель своего приезда.

— Мы работаем сейчас,— медленно начал он, выбирая слова и стараясь сделать свою речь наиболее понятной,— над сценарием, то есть над планом постановки художественного фильма из жизни колхозников. По этому сценарию-плану будут производиться кино съемки. Пришло время разрешить очень важный вопрос: какой колхоз нам снимать. Нас интересует колхоз типичный во всех отношениях, то есть такой, где все организовано и все идет как в большинстве других колхозов нашей республики. Нам кажется, что колхоз «Пахтакор» является именно таким типичным колхозом, но в этом мы должны еще убедиться. Мы просим помочь нам в столь важном деле. Хотелось бы, чтобы вы были с нами совершенно откровенны — показали нам все самое интересное и ничего не скрывали, ни хорошего, ни плохого.

Председатель колхоза выпрямился и, улыбаясь, подкрутил кверху свои длинные усы.

— Будем очень рады, если наш колхоз окажется достойным такой чести,— ответил он режиссеру.— Скажите, что вам требуется,— все сделаем.

— Мы не будем отнимать у вас дорогого времени,— сказал поэт.— Беседу с вами отложим до вечера. А сейчас мы хотели бы осмотреть колхоз. Для нас достаточно, если вы дадите нам одного проводника.

Проводником был выделен все тот же сторож-инвалид.

Гости вышли из правления. Сторож повел их главной улицей. Среди обвалившихся и близких к обвалу глиняных стен дворов, низеньких и покосившихся хижин с земляными крышами, похожими на ласточкины гнезда, встречались новые кирпичные дома, построенные по плану,

— Вот наш новый кишлак,— стал объяснять сторож.— А от всего этого,— указал он на глинобитные хижины с маленькими хомутообразными дверными лазами,— и следа бы не осталось, если бы не помешала война. Но вы вставьте в картину и те и эти дома,— посоветовал он,— а то наша молодежь скоро и знать не будет, как жили отцы.

Пересекли садик перед школьным зданием и вышли на шоссе.

По обеим сторонам дороги, обсаженной тополями, виднелись сложенные штабелями доски и бревна, красные колонки жженого кирпича, циновки из камыша и другие строительные материалы. Среди них нетерпеливо двигались люди. Откуда-то доносились звон пилы и стук топора.

— Строительная бригада,— бросил на ходу сторож-инвалид, кивнув головой в сторону, и, подпрыгивая на своем костыле, свернул под зеленую арку ворот. Отсюда открылся вид на широкую тенистую аллею, которой, казалось, не было конца.

— А это,— сказал сторож, останавливаясь на песчаной дорожке аллеи,— наша краса и гордость — колхозный сад.

Из боковой аллеи вышла молодая краснощекая женщина в белом халате. Сторож познакомил ее с гостями.

— Вы из детского сада? Можно зайти к вам? Разрешите? — в один голос заговорили поэт и режиссер.

Молодая женщина улыбнулась, склонив голову на бок, испя-черные тонкие брови ее чуть вздрогнули, пунцовые губы пришли в движение, и раздался мягкий грудной голос:

— Простите, дети сейчас спят, их беспокоить нельзя. Приходите попозже — будем очень рады...

Гости продолжали свой путь. Режиссер, ускорив шаги, почему-то заспешил вперед. Поэт торопливо двигался вслед за ним, но споткнулся о корень дерева и чуть не упал.

— Ганиев,— сказал поэт, догоняя режиссера,— вот я смотрю на этот изумительный сад, и мне начинает казаться, что наше детство очень дешево обошлось нашим родителям.

Режиссер не ответил.

Откуда-то появился седой садовник. Он поздоровался с гостями и повел их мимо большого водоема к высокой беседке, построенной, по его словам, одним из мастеров, которые сооружали Узбекский павильон на Сельскохозяйственной выставке в Москве. И в самом деле — беседка была построена с большим вкусом и, как видно, хорошим мастером своего дела.

В цветнике, разбитом вокруг беседки, порхали разноцветные бабочки, над водоемом носились стрекозы с длинными, прозрачными крыльями, где-то ворковали горлицы.

Старик садовник дал в руки своему ученику, худенько-

му и весьма учтивому юноше, большую корзину и послал его за фруктами, а сам, даже не полюбопытствовав, кто (то гости и зачем приехали, познакомил их с историей сада. Он рассказал, какие растут в саду фруктовые деревья, откуда доставлялись саженцы и какого ухода требовали они, чтобы привиться на новой земле. С особым увлечением старш; говорил о саженцах граната, доставленных с Ю1а республики на самолете, и говоря о них, подчеркивал именно ;по важное обстоятельство.

— Наш председатель очень деловой человек,— сказал садовник*, принимая корзину с фруктами из рук быстро вернувшегося ученика,—за всякое дело берется с душой. Вот попробуйте персики. Помню, председатель дал мне машину, и саженцы персиков я доставил из самого Аккур-гапа.

— Много дохода приносит ваш сад колхозу? — спросил режиссер, снимая со спелого персика нежную пушистую кожицу.

— В прошлом году дал сто двенадцать тысяч рублей. Да разве в этом дело? Главный доход мы получаем от хлопка. Миллион триста тысяч получили за прошлый год. А сад — украшение нашей жизни. Ну и про фрукты не надо забывать. Не последнее дело. Во время войны мы посылали их даже на фронт. Сколько благодарственных писем получили от бойцов и командиров! Можете их сами посмотреть,— председатель хранит все письма в железном сундуке. Мне, как садовнику, тоже немало благодарностей перепало. Одно письмо получил из Ленинграда. Очень интересное письмо. Наши иодарки возила туда Тупаниса. Я должен был ехать в Ленинград с подарками, да пришлось уступить эту часть Тупанпсе. Ее муж погиб в тех местах. Сильно горевала она тогда. Хорошая женщина, умница. Теперь она у нас парторгом. А все-таки я жалею, что не поехал. Может быть, встретил бы своего племянника...

— Племянник ваш был в Ленинграде?

— Да, был там. Погиб он в конце войны где-то у немецких берегов.

— Моряк?

— На подводной лодке плавал. Уехал в Москву учиться, а потом оказался в Ленинграде и перед самой войной приехал в шапке с лепточками. На обратном пути повез и меня с собой в Москву, весь белый свет показать.

— Вы были в Москве? — удивился поэт и быстро вынул из кармана записную книжку и карандаш.— Л ну-ка расскажите о своей поездке. Это очень интересно.

— Могло быть интересно, да не получилось. Утром приехали, а вечером племянник посадил меня в поезд и отправил обратно. В тот день началась война. Успел только посетить Мавзолей Ленина. Не случись войны, многое бы еще повидал. Жаль, па Сельскохозяйственной выставке не удалось побывать. Ну, ничего, будут еще такие выставки. Теперь я поеду не только смотреть, но и показать кое-что свое. У меня есть очень интересные опыты прививки. Пойдемте-ка покажу.

Старик повел гостей осматривать сад. Правленческий сторож хорошо знал, что осмотр затянется надолго, и потому спокойно оставил приезжих в саду, пообещав вернуться к ним часа через два. Вернулся он часа четыре спустя, но гости даже не заметили его опоздания. Садовник показывал им ветку винограда, привитую к стволу тутового дерева. По его словам, каждая кисть винограда на тутовнике должна вырасти вышиной с торбу, а виноград должен получить нежность и аромат тутовых ягод. Сторож погулял с полчаса по саду и, когда снова вернулся к гостям, увидел их на опытном школьном участке. Старик, весело посмеиваясь, втолковывал что-то поэту, а тот, присев на траву и положив записную книжку на колени, быстро записывал объяснения садовода.

— Уважаемые товарищи, не пора ли двигаться дальше? — спросил сторож.— Что вы хотели еще посмотреть?

Режиссер, усмехнувшись, ответил:

— Если хватит сил, пойдем прямо на электростанцию.

— Утомил вас отец? Он у нас такой: пока не покажет всех своих чудес — не отпустит. Да еще заставит писать отзывы в большую книгу... А электростанцию осмотреть вам не удастся. Механик запер ее и ушел.

— Но он же вернется, когда мы придем?

— Нет, не вернется. Сказать правду,— если вы заночуете у нас, сегодня мы останемся без света. Тут видите, какое дело: станция-то наша оборудована в маленьком, невзрачном домике, где помещалась старая крупорушка. Ну, механик запер ее и ушел, дескать, что тут снимать. Не картина будет — насмешка! Нет, никакими силами не заставишь его теперь вернуться на станцию. С одной стороны, это даже лучше. Вот по новому пятилетнему плану

у нас будет построена новая большая гидростация. Тогда уже тандыр будем накаливать электричеством. И картину снимать уж лучше тогда... А сейчас, я думаю, нам надо пойти на ферму. Там тетушка Хафиза давпо ждет вас. Она задержала дойку девяти коров, очень подходящих для картппыт.

Садовник освободил гостей только к вечеру и то остался не совсем удовлетворенным. Провожая их, он говорил: «Жаль, мало побыли у меня, показал бы вам еще зпмний сад» — так пазывал опт свои парники.

Гости очень устали и особенно остро почувствовали это, когда вышли из сада. Решив больше ничего не осматривать, они направились прямо в правление колхоза.

Председатель, встретив их, тотчас же пригласил в комнату, где был накрыт стол, уставленный всякими яствами. Весело бренчала крышка красного чайника, поставленного на конфорку маленького медного самовара.

— Э, не было нужды так беспокоиться,— сказал поэт, хотя уже чувствовал сильный голод.

— Какое тут беспокойство? — возразил председатель.— Л ну, прошу, мойте руки и присаживайтесь к столу... Окальвается, сегодня вы уснели осмотреть только сад?

— Что же успеешь за полдня? А сад у вас действительно замечательный. Пожалуй, п дня было бы мало, чтобы осмотреть там все интересное.

За столом гости расспрашивали о знатных людях колхоза, о мероприятиях по новому пятилетнему плану и на все получали от председателя обстоятельные ответы. В разгар беседы пришла Хатамова вместе с каким-то дородным человеком средних лет и молоденькой девушкой-смуглянкой, у которой лицо и руки были почти черными от солпечиого загара.

— Познакомьтесь, товарищи,— сказала Хатамова, представляя обоих,— звеньевая стоцентнеровик Кундузхон Хаитова... а это — Мавляп-ака, бригадир.

Беседа приняла еще более оживленный характер. Гости ставили вопрос за вопросом и записывали ответы. Поэт писал очень быстро и при этом часто задерживал взгляд на говоривших, словно рисовал их портреты.

Наконец, режиссер закрыл свою записную книжку и сказал:

— Нам пока достаточно, позвольте поблагодарить вас. Конечно, не мешает взглянуть собственными глазами на все, о чем вы рассказывали. Это, знаете ли, вдохновляет. Сегодня осмотр одного только колхозного сада обогатил нас весьма ценными впечатлениями. Будем надеяться, что все другое оправдает наши надежды... А теперь перейдем к тому, что должно составить в нашем фильме центральную интригу и коллизию. Как бы вам объяснить? Я имею в виду столкновение личных и общественных интересов, стремления,— конфликт, одним словом. Мы думаем построить конфликт вокруг вопроса механизации. В отношении механизации колхоз «Пахтакор» является ведь тоже типичным и передовым, не так ли?

Председателю, должно быть, понравились эти слова. Он улыбнулся и покрутил усы, но все же возразил:

— Так-то оно так, но нельзя сказать, что мы полностью осуществили механизацию. Мы сможем это сказать, когда центнер хлопка будет нам обходиться в три-четыре трудодня. А у нас пока вот даже звено Кундузхон берется снизить себестоимость центнера в этом году только до семи трудодней.

— Прекрасно! — подхватил режиссер.— Вот Кундузхон и пойдет в авангарде борьбы за механизацию трудового процесса. Что нам нужно? Событие. Вы понимаете, яркое событие, действие! А что должно стоять в основе действия? Конфликт, то есть столкновения на почве противоположных интересов. Мы знаем, что всякое новшество встречает обычно противодействие. Нам достаточно, если вы расскажете нам об этом хотя бы в общих чертах. Конкретно мы подумаем сами. Бывают ли у вас выступления против механизации, а если бывают, то что обычно говорят противники ее?

Стараясь скрыть улыбку, парторг Хатамова низко наклонила голову и быстро глотала чай из пиалы, а когда режиссер кончил говорить, обратилась к бригадиру:

— Ну, Мавлян-ака, что вы скажете?

Бригадир посмотрел сначала на Хатамову, потом на председателя и режиссера, а затем опустил глаза и, почесывая в затылке, проговорил:

— Гм... А где вы были, ученый человек, в тридцатых годах?

Наступило неловкое молчание.

— В наших колхозах вряд ли механизация является

теперь таким новшеством, которое встречает сопротивление,— сказал, задумчиво улыбаясь, председатель.— Сейчас у нас в республике больше двухсот МТС... Ты хочешь, что-то сказать, Кундузхон? — обратился он к смуглой девушке.

Кундузхон давно хотелось вставить свое слово, но она не решалась. Теперь она сразу заговорила:

— Я родилась в том году, когда на наших полях впервые появился трактор. Вот Мавлян-ака упомянул о тридцатых годах. Не знаю, может быть, тогда у нас и были люди, выступавшие против тракторной обработки земли. Но теперь, когда каждый колхозник видит, насколько механизация облегчает его труд, кто же может выступить против нее?

— Старики, например,— подсказал поэт.

— Старики? Я никогда не пахала землю па паре быков, не испытала такой муки, но старики знают, что это такое. В те времена самый высокий урожай был десять центнеров, я только слышала об этом, а старикам это хорошо известно. Уж если снимать картину, то надо снимать правду! — пылко воскликнула Кундузхон.

Снова наступило молчание, и хозяйева опять почувствовали себя неловко перед гостями.

— Конечно, товарищи и сами все понимают,— тихо заговорила Хатамова,— но, как они говорят, им нужно какое-нибудь событие. Вот они и хотят дать в картине хотя бы и выдуманное событие, но такое, которое показывало бы силу механизации. Правильно я вас понимаю?

— Вот спасибо! — обрадовался режиссер.— Вы просто выручили меня. Дело обстоит именно так.

— Но если так,— продолжала Хатамова,— вам нужно лучше познакомиться с колхозом, тогда событие, соответствующее действительности и интересное для картины, появится само собой. По-моему, самое важное для вас — увидеть и по-настоящему узнать наших людей. А для этого вам надо пожить здесь подольше. Как вы думаете, председатель?

— Да живите хоть месяц, хоть два, сколько вам нужно,— обратился к гостям председатель,— лишь бы картина получилась хорошей. Дело государственной важности. Разве я не понимаю.

Сумерки сгущались, в комнате становилось совсем темно. Председатель взглянул под потолок, где тускло

поблескивал стеклянный пузырь электрической лампы, и покачал головой:

— Ну и человек!.. Неужели так и не даст света?

— Вы о механике? Когда я шла сюда,— снова заговорила Хатамова,— слышала, как паш стороне отчитывал мельника Сафар-алп. Мельник, видите ли, пришел узнать, попадает ли его мельница на картину. А сторож и давай его стыдить: «Эх, ты, есть ли у тебя совесть. Человек скрылся вон, застыдившись показать электростанцию, а ты суешься туда же со своей мельницей!» — «Но моя мельница не его пыхтелке чета! — кричит Сафар-али.— Она теперь первая в районе!» Действительно,— пояснила она гостям,— Сафар-али у нас большой специалист мукомольного дела и мельницу сумел поставить так, что теперь она дает большой доход. Л мельница тоже старая. Но я не об этом хотела сказать, а об электростанции. Уже одиннадцать лет прошло, как впервые в нашем колхозе вспыхнула электрическая лампочка. Помню: сколько радости тогда было. А вот теперь, как видите, махай и к стыдится показывать ее вам. Я говорю об этом, конечно, только к примеру, но если подумать хорошенько, это маленький, но тоже интересный случай...

Режиссер опять раскрыл свою книжечку и стал что-то записывать.

Куцдузхон явно не терпелось высказать какую-то мысль. Она наклонилась к уху Хатамовой и что-то зашептала ей, потом выпрямилась и обратилась к гостям:

— Товарищи, может быть это и неприлично, но я все же хочу сказать: вам нужно событие, чтобы показать наш колхоз, по разве ваш приезд не есть уже событие?

Все засмеялись. Кундузхон, подумав, что она сказала что-то очень глупое, спряталась за спину Хатамовой и, вероятно, густо покраснела, хотя в темноте были видны только белки ее глаз.

— Правильно, сестрица, очень правильно вы сказали! — восторженно проговорил поэт.— Самое хорошее, самое интересное событие,— для нас, по крайней мере,— пменно этот наш приезд. Поэт и режиссер решаются создать картину из жизни колхозников, с этой целью приезжают в колхоз «Пахтакор», живут здесь месяц или два...

Режиссер хлопнул себя ладонью по лбу:

^ _ д в с д б это идея, черт возьми! Именно здесь месяц

или dna ищут противоречий, конфликтов, столкновений — и не находят, ломают голову над тем, какое событие сделать в картине центральным и... Кундузхоп подсказывает им, что все это и есть главное событие. Да ведь в атом плане можно создать колхозную кинокомедию — сам Иван Пырьев позавидует.

Опять все засмеялись и вдруг зажмурили глаза: под потолком ослепительно вспыхнула большая электролампа. Механик словно давал понять, что и он кое па что годится, если придется производить ве,черние съемки.

За ужином выпили немного вина. Веселая, ставшая непринужденной, беседа о будущей кинокомедии затянулась почти до рассвета.

Гости уехали и вернулись через неделю.

Спустя три месяца начались съемки короткометражной кинокомедии.

...В полдень на дороге перед правлением колхоза «Пахтакор» остановился большой жукообразный автомобиль. Из машины вышли двое...

1947

Говорит Ганишер

1. Слово о хлопке

Пе серди меня, парень! Разве я не предупреждал, что осенью придется тебе прятаться под стол, как цыпленку. До петуха надо добрать еще четырнадцать процентов... Погляди на небо, вдруг дождь пойдет, что тогда станешь делать? Где возьмешь недостающие проценты? Вот оно как получается!.. На будущий год давай в мою бригаду. Пристрою тебя рукояткой к какому-нибудь старому кет-меню!..

Весной ты слова никому не давал сказать, никого не желал слушать, а теперь тянешь назад весь колхоз. Людей, впадте ли, у него не хватает. Почему? Разве у тебя все выходят на хлопок? У одного жена не может, у другого дочь не хочет... К нам в этакую даль приезжают люди из Ташкента, а мы живем здесь, мы — хлопкорс-’ы, а иные избегают хлопка! Это что же, мать родила их сруди роз, да! Неужели ты не можешь по-бригадирски поюворпть с пими, с их мужьями? Ты ведь такой смелый. Почему же не вытянешь их за ушко да на солнышко?

Ты постоянно ноешь: «Мало людей». Ты клянчишь: «Пришлите мне на подмогу тапцеентцев». Ну, прислали. Ты сумел воспользоваться их руками? Нет, дорогой, нет, приятель, не сумел... Некоторые бригадиры только и знают зыркать в табель, жаловаться в конторе: «От помощников никакого проку, они мало собирают...» А что может сделать контора?

Как-то раз в одну бригаду прислали пополнение. Когда бригадир подбил итоги первого дня, получилось, что

помощники собрали в среднем по двадцати восемь килограммов. Л один всего-навсего девять! Бригадир не хотел верить, что человек- приехал в такую даль, чтобы собирать по девять кило, и решил доискаться причины. Это был стоящий бригадир! Наутро он находит на участке горе»-работягу. Кто бы это ты думал? Тоненькая, хрупкая девушка. Бригадир делает вид, будто собирает хлопок, а сам уголком глаза наблюдает за ее работой. Видит: она протягивает руку к хлопковой коробочке с опаской, будто гю жук. Мотом два-три раза тянет коробочку, отрывает ее с ветками. Потом обрывает эти ветки. Кроме того, она не замечает пушистых коробочек, которые смотрят вптз. Бригадир подошел к ней: «Сестренка, так ты быстро выдохнешься»,— и показал, как надо, охватывая весь куст, быстро выбирать пушистое волокно пз коробочек. И пред- ставь, она же, спустя три дня, собрала семьдесят восемь килограммов. Я видел собственными глазами. Вот как' это делается! Научи неумеющего, разбуди эпергию уставше- го, пристыди лентяя. Вечерами заходи к горожанам, под- бодри их. Очень важно, чтоб приезже чувствовали бла- годарность колхозников, зпалн, что делают большое дело...

Ты небось в душе посмеиваешься, считаешь, что рас- хвастался. Нет, я не пз тех, кто заносится. У меня, брат, ордена и медали не первый день. И приехал я из Анди- жанской Бутакары в ЗЧнрзачуль не за славой. При моем участии Голодная степь -превратилась в цветущий сад. Я откликнулся на призыв аксакала Юлдаша Ахунбабаева. На собрании у нас он сказал: «Пусть вместо Голодной степи будут зеленые луга с отарами овец, пусть в ары- ках журчит вода и цветут сады. Пусть люди вздохнут привольно, пусть приумножатся богатства нашего края!» Радоваться не значит зазнаваться. Запомни это, парень.

Когда я сюда приехал, эта земля давала восемь цент- неров хлопка с гектара. Ты понял: восемь! В этом году — тридцать пять!

Да, дела наши достойны дастанов и песен. Как моло- дая зелень пахнет весной, так и в делах наших — аромат будущего цветущего сада... Ты ведь знаешь Тутихон из моей бригады? Шестнадцатилетняя звеньевая. Совсем еще девчушка, а получила по тридцать два центнера. В ее зве- не — ни одного мужчины. Во время уборки сама Тутихон **собирала** ежедневно по сто — сто пятьдесят килограммов хлопка. Ты. спросишь, откуда в этой девочке такая

энергия? Подумай сам. Тебе пора научиться видеть, думать, понимать.

То, что мы здесь творим великое дело, знают и стар и млад. Все знают. И Тугихон, и ее подруги по звену тоже знают. Это и дает нам силу, трудолюбие, энергию.

Ну, друг, ты что-то раскис. Уж не обиделся ли? Не надо. Я говорю от чистого сердца. Хотя ты и молодой петушок, но петушок же, а потому и гляди петухом. Выше голову. Будь тверд в работе, не допускай, чтоб твои хлопья угодил в сушилку.

Вон, видишь, распогодилось, тучи уходят. Завтра будет славный денек.

2. Слово о нашей земле

Мир тебе, моя Москва!

Вот мы и приехали сюда, чтобы получить награду и поблагодарить за нее, чтобы поздравить с успехами братьев-хлопкоробов, хлеборобов, животноводов, чтобы поучиться у них...

Пишите, милая девушка, доставайте толстую тетрадь. Нам много, в тонкую мы не поместимся. С чего начать? Хорошо, с начала.

Я родился в Андижанской Бутакаре. В тридцать девятом году перебрался в Мирзачуль и имею счастье по сегодняшний день проживать там в колхозе Гулистанского района. Да, именно там живет бригадир Юнусов Ганишер пятидесяти одного года от роду. • >

Идемте, у нас еще есть немного времени. Прогуляемся по Кремлю... Пусть свежий ветер обвеет наши сердца, задохнувшиеся в те трудные годы, когда наша республика не выполняла план. Свежий ветер Кремля!

Наша-то бригада план выполняла, по все равно было не по себе. Республика оставалась в долгу перед страной. Говорят же, что одним гвоздем не сколотишь дом. Верно говорят. Зря мы обижались, когда нашу бригаду называли таким гвоздем...

Встречаются на свете люди, которые поглощены собой. Им не дано увидеть народ, увидеть свой край. Мы нередко говорим, что колхоз дал нам верный хлеб. Но из всегда мы чувствуем, что есть нечто большее, — колхоз сделал нас выше, одарил способностью видеть народ, ви-

деть свою землю. Я так скажу: не велика разница между чоловском, у которого не хватает кругозора, и котенком, которым, нежась под солнечными лучами, лижет шерстку и надпей лапкой почесывает шею...

В прежние времена труд был тяжелой ношей. Она при- и Гала человека к земле, он не мог поднять головы, посмотреть на соседа, оглянуться по сторонам. Судите по мне: перед тем, как родился колхоз, я батрачил у Туйчи-ишшМиа. Разве я видел что-то, кроме непосильного труда? Разве я замечал жизнь кишлака? Мои ночи уходили на то, уобы кое-как отдохнуть, а дня едва хватало, чтобы заработан, кусок хлеба. Если у труженика оставалось чуть-чуть времени, он начинал готовиться к* смерти, молился, совершал намаз.

И вот мы отправились в Мирзачуль. Мы еще не ведали новых слов, они еще не набрали силу в наших сердцах. Возьмите меня. Скажите, чем я был хуже или лучше других, когда в колхозе «Гайрат» по самый черепок погружал в землю свой кетмень с полуаршинным лезвием, когда был бригадиром в колхозе имени Карла Маркса или соревновался с колхозниками Андижана? Я делал то, что делали все, думал так, как думали все. Когда нас позвали в Мирзачуль, меня не обольщали пи зажиточная жизнь, которую обещали, ни успехи моей бригады. Я видел только то, что твердили вокруг: «Земля Мирзачуля — солончаки, заросшие камышом и осокой».

Нас было восемьдесят три семьи... Когда партия сказала, что надо смыть соль со лба Мирзачуля, мы, восемьдесят три семьи, собрали свой скарб и отправились в путь.

Я уверен, любого, кто увидел бы тогда Мирзачуль, срдЦ° позвало обратно. И если я сейчас скажу, что в тот чьс- по испугался, это будет неправда. Когда я оглянулся вокруг, п) невольно воскликнул: «Это и есть Мирзачуль?!» Жалкая растительность, метелки камышей, осока, и всюду, всюду белые солончаки, будто на земле накинь известки... Хлопчатник с верток... Камышовые шалаши, камышовые перекрытия, дома из камыша, скрепленного глиной. Четырехкомнатная контора колхоза тоже была сооружена из камыша и глины.

В тот вечер перед конторой у только что вырытой дренажной канавы состоялось собрание. Не забуду слов секретаря райкома:

— Не унывайте, вся республика смотрит на вас!

Это была правда. В нас зародилась сила, которая не скудеет поныне.

Мирзачуль стал любимым детищем республики. Узбекистан возлагает на него большие надежды, потому иыдаот ему хлеб помягче и мясо повкуснее. Благодаря такой заботе, благодаря энергии и честному труду наших джигитов и девушек, благодаря людской самоотверженности воплотилась в жизнь великая мечта, возникшая егне во времена Искандера Македонского. Но прежде это была мечта, которую никому не дано было осуществить. Сейчас это обыденная реальность. Относящаяся к Узбекистану часть Мпрзачуля разделена на шесть районов, здесь двенадцать МТС, несколько хлопководческих и других совхозов.

В нашем Гулпстанском районе не осталось и признаков безводной степи. В прошлом году моя бригада с каждого из сорока гектаров получила по сорок шесть центнеров хлопка. Такой высокий урожай мы добыли не только в прошлом году. Видите эти ордена? Я нацепил лишь половицу, — все па одном костюме не помещаются!

Большой урожай выращивает, конечно, не только наша бригада. Многие стремятся получить урожай, как в бригадах Исмаилова, Анаркулова, Мамарахимова, Кадырова, Мухитдинова, Юлдашева. Есть у кого учиться, кому подражать!

Наш Мирзачуль — это не только хлопок, зерно, коконы, не только животноводство и птицеводство. Нет слаще нашего винограда, инжира, а нашу медовую дыню не осилить и восьмерым...

Партия и правительство постоянно заботятся о Мирзачуле. Мы заставили отступить пустыню, теперь будем ее преследовать. Пустыня убегает без оглядки, освобождая место для хлопковых плантаций, для садов, для кишлаков, которые под стать садам, и для городов-садов!

Приезжайте в наши края, своими глазами поглядите на нашу землю. Она стоит того!

1948

Ты с я ч а о д и а ж и з и ь

"оследине дни марта. Облака, плывущие по бездомно-голубому небу, затеяли неистовую игру с солнцем. Одпако солнце, омытое ключьями облаков, выныривая будто из купели, все ярче, все горячее глядело на восходы, на все живое, еще дремавшее и не ведавшее о наступлении весны.

Миррахимов, человек щедушный, попал в больницу совсем недавно. Завернувшись в огромный, не по росту, неуклюжий мохнатый халат, сидел он у оконца и смотрел на улицу, словно мышь, которая глазеет на мир, высунув мордочку из огромной рукавицы. Вдруг он заволновался: что за чудесная погода, прямо благодать, а он, со здоровыми руками-ногами, должен сидеть взаперти и любоваться на мир из окна!..

Миррахимов хотя и был щедушен, но обладал густым и могучим басом,— не умел говорить тихо. Прибежавшая сестра стала участливо расспрашивать его о здоровье, о пастроенпи. Она стала увещевать его, мол, только терпение поможет больному излечиться от недуга, намекнув при этом на Мастуру Алиеву, с которой-дс всем больным стоит брать пример терпения и выдержки.

Оказалось, что Мастура Алиева, доставленная в больницу в тяжелом состоянии, вот уже восемь месяцев по выходит из палаты; все обитатели больницы уже знают о ней, и многие побывали у нее. Чувство гуманности вдруг обуяло и Миррахимова.

— Давайте навестим эту бедную женщину! Кто знает, сколько ей осталось жить на этом снеге... Говорят, она совсем плоха...

— Да, ей-то очень тяжело,— сказала сестра и вздохнула,— Легко ли переносить страдания целых десять лет!..

Дядюшка Ходжп, лежавший па своей кровати у самого входа в палату и читавший какую-то книгу, вдруг с легкостью, не подобающей его больному и грузному телу, приподнялся и сдернул с глаз очки.

— Неужели десять лет? И десять лет болеет?

— Да, вот уже десять лет. Не прошло, говорят, и года после замужества, как она захворала, бедняжка. Не может есть: пита через горло не проходит. Пищу ей вводят прямо в желудок... Сделали ей там такое отверстие, понимаете... Иногда сама себя питает, иногда муж...

— Муж! Да неужели у нее есть муж?

— Есть. Здесь он. Пять месяцев от нее не отходит!

Дядюшка Ходжи умолк. Наконец он произнес:

— Мало того, что целых десять лет ходил за больной женой, а теперь вот и в больницу пришел...

— И не говорите...— сказала сестра.— Он упросил врачей, и ему позволили поставить в палате кровать для него.

Дядюшке Ходжи не терпелось посмотреть — и не столько на больную, которая так упорно и терпеливо борется с тяжким недугом, сколько на беззаветно преданного ей мужа. Он встал, решительно запахнул халат, повязался кушаком и сунул ноги в тапочки.

— А ну, пошли! Видно, святые это люди, надо навестить.

Сестра побежала предупредить Мاستуру и ее мужа о предстоящем визите.

Спустя минуту мы уже шли по длинному коридору, ища десятую палату; впереди шествовал, выпятив огромный свисающий живот, дядюшка Ходжи. У входа в палату пас вежливо и почтительно встретил молодой человек с большими, искрящимися глазами, смуглый, как индус. Выразив каждому из пас свою признательность, он пригласил нас в палату. Мы вошли. В эту минуту солнце нырнуло под облака, и в палате потемнело, как в сумерки. С кровати, что стояла влево от громадного окна, вдруг послышался слабый, нет, скорее мягкий голос:

— Добро пожаловать!.. Спасибо, что пришли! Только человек придает силы человеку... большое вам спасибо!.. Акрамджаи, пригласите присесть...

Солнце снова выглянуло, и мы увидели Мастуру... Перед нами лежал не человек, нет, не больной человек, а мертвец, настоящий мертвец с пожелтевшей, как пергамент, кожей,— кожа да кости. И только глаза, большие глаза смотрели па нас... Представьте себе человека, сидевшего перед гробом и вдруг увидевшего, что у покойника задержалась нога или рука,— как бы почувствовал себя этот человек? Точно так лее чувствовали себя и мы, глядя на ее глаза, сверкавшие на мертвенно-бледном лице.

Молодой человек, приветливо встретивший нас, видимо, муж Мастуры, принес нам стулья. Прпсели только Мпррахимов и я. Дядюшка Ходжи остался стоять, грузным своим телом загородив от нас Мастуру. Я придвинул ему стул и хотел было дернуть его за иолу халата, как вдруг заметил, что у дядюшки Ходжи колыхается живот... Я удивился: чему бы ему так смеяться? И взглянул ему в лицо... Он стоял белый как полотно! Заметив, что дядюшку Ходжи обуял страх, сестра забеспокоилась и с тревогой сказала ему:

— Ах, дядюшка Ходжи, а я и забыла дать вам лекарства! Идемте, идемте! — И она поспешно увела его из палаты. Я забеспокоился, как бы дядюшка Ходжи, выйдя в коридор, не потерял сознание, не грохнулся на пол. Но, слава богу, обошлось...

Хотя сестра и увела дядюшку Ходжи под благовидным предлогом, но было уже поздно: Мастура все увидела. Некрасиво получилось, нехорошо. Я и Мпррахимов сидели, не зная, что сказать, куда девать глаза. Я все же отважился незаметно взглянуть на больную. А Мастура, улыбаясь бескровными губами, повернулась к мужу.

— Зашпипте-ка, Акрамджаи, в свой дневник: пришли меня навестить трое храбрецов, и одип со страху удрал, а двое остались, не в силах бежать...

И она засмеялась, засмеялась сухо, отрывисто, словно ребенок. От ее шутки, особенно от ее смеха, по спине у меня забегали мурашки, но потом мне вдруг показалось, что с лица Мастуры сошла мертвенная бледность, будто живительная свежесть, переполняющая ее глаза, передалась щекам. Мпррахимов что-то забормотал было, извиняясь за дядюшку Ходжи, но Мастура оборвала:

— Не беспокойтесь, такие вещи на меня не действуют,— сказала она.— Акрамджан, расскажите-ка им историю с гробом... нет, я сама им расскажу! Так вот, было это лет пять с лишним назад. Как сейчас все помню... Выпал густой снег. Лежу я вот так же, как теперь, напротив окна, Акрамджан сидел п, кажется, штопал себе носки... Вдруг вижу — распахнулась наша калитка и показывается что-то красное! Смотрю, удивляюсь: гроб! Двое друзей Акрамджана тащат к нам во двор гроб! Сердце во мне так и екнуло... Ах, беда какая, думаю, неужели я уже умерла?.. Не успела я прийти в себя и сказать что-то Акрамджану, как те двое прислонили гроб к стене п вошли в комнату. Увидели они меня живую, и хватили их кондрашка, совсем как давеча вашего дядюшку Ходжи. Акрамджан тоже сидит себе и ничего не понимает... В то время мне в самом деле было очень плохо, того гляди, ноги протяну. П вот увидел кто-то в автобусе плачущего мальчишку, подумал, что это мой братпшка плачет, и пошли-поплыли слухи о моей смерти... Ну, а гроб потом сожгли в печке... Вот я и говорю, все эти страхи на меня совсем не действуют. Они действуют на людей, которые ожидают смерти, да ведь я-то не ждала и ждать не собираюсь! Если уж на то пошло, я не верю даже, что человек может ожидать своей смерти, то есть готов совсем отказаться от своих надежд. Даже совсем больной человек, который вот-вот умрет, у которого и язык уже не повинуется, и смотрит он, как будто прощается со своими близкими... А я и это не считаю признаком смерти: нет, он не прощается, а смотрит на своих близких с надеждой, ожидает, что они скажут ему: рано, рано ты собрался сводить счеты с жизнью... ты не умрешь. Эту вот надежду я и считаю самой сильной, самой важной для человека в жизни...

Акрамджан очень радовался тому, что Мастура ожилилась, беседуя с нами, по он тревожился и беспокоился за жену, как бы эта беседа не утомила ее, и всячески старался заставить говорить нас, говорил сам, чтобы дать больной передышку.

— А вы чем больны? — спросил он Миррахимова.

Тот назвал сразу три болезни.

— Ах боже ты мой!..— воскликнула Мастура.— В таком маленьком теле? Да как же уместились целых три болезни?

Раздался хохот. Особенно весело и заразительно смеялся сам Миррахимов. Акрамджан, с нетерпением ожидавший окончания разговора о болезнях, тотчас подхватил шутку, брошенную Мастурой, и оказалось, что он на редкость остроумный человек; мы на время вовсе забыли о псякпх недугах, шутили и смеялись напропалую. И когда наша непринужденная беседа неожиданно оборвалась — из-за могучего баса Миррахимова,— мы были огорчены. Врач, проходя по коридору, видимо, услышал неподобающий месту смех Миррахимова и, приоткрыв дверь, заглянул в палату. Он пристально поглядел на Мاستуру и, заметив, что она утомлена, выставил пас за дверь. Акрамджан тоже вышел. Он долго и взволнованно выражал нам свою благодарность, уверяя, что любезность, которую проявили мы, навестив больную, придаст ей много сил и бодрости. Благодарность была во всем его существе, особенно в его больших, чуть увлажненных глазах. Мы не сомневались, что он готов расстаться даже с глазом, если б знал, что это доставит жене хотя бы минутную радость.

Мы вернулись к себе в палату. Дядюшка Ходжи лежал на своей кровати и, отдуваясь, прихлебывал сладкий чай. Никто не заговорил о неприятном случае: ни он, ни мы. Да и сами мы, Миррахимов и я, ни слова не вымолвили до самого вечера: мы были погружены в мысли о Мастуре и не находили, что сказать, как выразить свои впечатления, свои чувства.

Наступила ночь. Больные улеглись. Дядюшка Ходжи уже спал и похрапывал. Миррахимов то и дело ворочался с боку на бок и, заметив, что я тоже не сплю, приподнял голову.

— У этой женщины — не одна душа,— тысяча и одна, поверьте! — сказал он.— Душа в ней едва теплится, как огонек угасающей свечи. А если и угаснет, то не раньше, чем зажжет другую из оставшейся тысячи! Вот эта надежда и не подпускает к ней смерть!

После долгого молчания он снова заговорил:

— А муж ее, муж-то? Я вам скажу, что и ему дара тысяча и одна молодая жизнь, но он все отдает своей Мастуре...

Мало ли, много ли прошло дней, но вот мы расстались. Миррахимов уехал к себе в МТС, а дядюшка Ходжи укатил на курорт.

Спустя много времени судьба снова запросила меня в эти края. Я же мог, проезжая мимо больницы, не заглянуть в пес. Расспросив сестру, я узнал, что через чао Мастуру кладут на операцию. Пять месяцев отговаривали ее врачи, уверяя, что с операционного стола она уже и встанет, по ничего не помогло: Мастура решилась, дала расписку, в которой соглашалась на рискованную операцию...

Я хотел зайти в палату и провести ее; я подумал, что мое посещение и дружеское слово придадут ей хоть немного силы и бодрости, по врачи не допустили меня к ней.

Когда наступило назначенное время, Мастура вышла из палаты, поддерживаемая с двух сторон сестрой и Акрамджаном. Однако, выйдя из палаты, она отстранила их и пошла твердым шагом, сама добралась до операционной, сама открыла дверь и скрылась за нею. Все внимание Акрамджана было сосредоточено на жене, и он не замечал меня. А Мастура хотя и увидела меня, по прошла молча: небось не узнала.

Я не стал дожидаться конца операции; мне было известно, что врачи не очень-то охотно шли на нее; мне было понятно и состояние больной; я подумал, что женщина, бесстрашно смотрящая в глаза смерти, похожа на человека, вдруг оказавшегося в тьме кромешной и запевшего, чтобы заглушить свой страх. Вечером я решил позвонить в больницу, и, честное слово, рука моя отчаянно дрожала. Но, слава богу, операция прошла удачно. Так мне по крайней мере сообщили.

Я уехал и долго ничего не знал о судьбе Мастуры. Я часто вспоминал ее и желал выздоровления и многих лет жизни этой женщине, у которой оказалось столько сил и терпения, чья душа была прочнее железа. И когда спустя три года я встретил Акрамджана с какой-то незнакомой женщиной, я готов был горько, по-ребячьи расплакаться.

Нигде праздник хлопка не проходит так весело, интересно и красочно, как в Голодной степи, ибо люди, съехавшиеся сюда со всех областей республики, завезли с собою свои песни и танцы. На этом празднике мне довелось побывать в Гулистанском районе, среди свопт хороших друзей. Акрамджана с незнакомой мне женщиной я повстречал именно здесь, в Гулистане. У обочины дороги

сидела верхом на лошади и что-то ела смуглая женщина среднего роста, стройная,—сама молодость. Акрамджап Пыл манял тем, что затягивал подпругу своего копя. Увидев меня, он что-то тихо сказал женщине. Она ловко спешила;кч», и оба они то|онливо направились к нам. Л женщина, и Акрамджап поздоровались со мной, как со старым другом. Но сколько я ни силился, сколько яи пытался отогнать далекое виденье, мне это не удалось: так и стояла у меня перед глазами та больная, что медленно вышла из палаты и потом исчезла в дверях операционной. П не смог я приветствовать их так же горячо, искренно, как спи меня. С Акрамджаном я еще кое-как обнялся, а женщине нехотя протянул руку.

— Вы меня не узнаете? — спросила молодая женщина и, легко нагнувшись, сорвала листок подорожника, росшего на бровке арыка.

— Простите, не могу припомнить...— пробормотал я.

Женщина откусила листок подорожника и, пожевывая, спросила:

— Ну, а теперь? И теперь не хотите узнавать?

Узнал! Узнал ее по глазам! Женщина, чьи глаза щедро дарили радостную улыбку миру, была Мастура!

Я растерялся и спросил, сознавая, что говорю явную глупость:

— Что же вы делаете в этих краях?

Она засмеялась.

— Да вот работаю, теперь у меня силы хоть отбавляй.

Мы беседовали долго. Муж и жена провожали меня довольно далеко, ведя своих лошадей за поводья. Потом мы простились, супруги вскочили на лошадей и ускакали. Я смотрел им вслед, и они казались мне орлами, парящими над раздольной степью. Когда они почти слились с горизонтом, один из всадников вдруг резко повернул обратно и поскакал к нам. То была Мастура. Подъехав на несколько шагов, она крикнула:

— Прошу вас, передайте от меня поклон дядюшке Ходжи! — и ускакала к Акрамджану, дожидавшемуся ее где-то на горизонте.

...

Вернувшись в город, я стал разыскивать дядюшку Ходжи, чтобы исполнить желание Мастуры. Но, увы, я узнал печальное известие: дядюшка Ходжи, оказывается, умер.

1956

13*

195

Мертвые слова

Д

" одном из рассказов Антона Павловича Чехова говорится: «Я не боюсь смерти, боюсь, что такой-то будет проносить речь на моих похоронах».

Что может быть отвратительнее, нежели речь, не согретая жаром души! Если слова, идущие от сердца, способны оживить мертвого, то от мертвых слов веет могильной сыростью.

Мало ли мы слышим ежедневно таких безжизненных речей! Сколько людей, не умея проявить себя в труде, готовы утверждать собственное существование бесконечным словоизлиянием на любом собрании, где им удастся прорваться на трибуну. Им нечего сказать, у них пет ничего за душой, и ни одна мысль не шевелится в их унылом мозгу, по их бодрит сам процесс говорения. Люди зевают, дремлют, сердито поглядывают на председателя... А поток пустых, мертворожденных слов не прекращается.

Но есть и еще одна разновидность мертвой речи. Я приведу ее пример.

Из районного центра в колхоз приехал лектор. Всякий, кто прибывает издалека, особенно «сверху», вызывает естественный интерес. Поэтому колхозный клуб с трудом вместил всех желающих.

Заведующий клубом, солидно откашлявшись, назвал тему лекции и фамилию лектора. Все шло, как полагается. На трибуну поднялся человек средних лет, вытащил из-за пояса толстую тетрадь в красной обложке, положил ее перед собой и произнес: «Товарищи!»

Листы тетради давно уже вырваны, замусолены, рас-

трепаны и, вероятно, перепутаны. Лектор прямо-таки измучился, то не обнаруживая начала текста, то не находя конца. Он рая за разом все беспомощнее повторял: «Товарищи!» — прежде чем кое-как разобрался в своих многострадальных записях.

Но вот злосчастный лист извлечен из кипы, разглажен, лежит па споем месте. Лектор облегченно произносит: «Товарищи!» — и начинает антирелигиозную лекцию.

Речь игла о первобытном человеке, о существовании сверхъестественной силы, стоящей вне природы и сотворившей оо, о том, как возникли представления о чертях и ведьмах, привидениях и духах, как в своем развитии общество влияет па религиозные воззрения, и еще о многом другом.

Все, что говорил, вернее, читал лектор, было правдой и, не исключено, для многих сидящих в переполненном зале являлось новостью. Но верные в принципе слова никого не заинтересовали, они пролетали мимо ушей и умирали в воздухе. Женщина в первом ряду сама не заметила, как зевнула. Но это заметил завклубом, он пригрозил ей пальцем. Но через минуту и сам зевнул, не открывая рта. Люди, чтоб развлечься, наблюдали за мимикой и движениями лектора. Его привычка то и дело поправлять галстук вызывала смех. Заведующий клубом дважды призывал к порядку хихикающую молодежь. Задние ряды редели.

Лекция, которая могла и должна была всех заинтересовать, так никого и не задела. Лень, нежелание осваивать возможности нашего языка, привычка сидеть на скудном запасе слов и оборотов обесцветили текст, лишили его той выразительности, которая необходима, чтобы сделать мысль достоянием многих. Лектор пользовался языком, на каком не говорят и не пишут. Если б на лем писали, то, скажем, выражение «Я хорошо поел» приобрело бы вид «Я принял высококачественную пищу». Стоит на этом языке рассказать анекдот, и он лишится остроты, из него улетучится юмор. Каждую мысль он заворачивает в саван, убивает любое содержание, превращает лектора в унылого проповедника.

У такого рода лекций имеется одно-единственное достоинство: рано или поздно **они** кончаются. Кончилась и лекция в колхозном клубе. **Народ, облегченно вздохнув» расходился.**

Некоторое время спустя я случайно встретил этого лектора в шумной чайхане у большой дороги. Он играл в шахматы, с кем-то шутил, а соседи по столику не уставали смеяться. Подумать только, человек, который выглядел в колхозном клубе как жалкий сухарь, оказывается на самом деле веселым, общительным собеседником!

Когда он кончил партию, я решил напомнить ему о лекции и честно выложил все, что было у меня на душе. Он искренне удивился, задумался, а потом, вздохнув, сказал:

— Что я могу поделывать? Во время лекции не полагается выходить за определенные рамки... Этого требуют...

— Полно,— возразил я,— кто требует, какие еще рамки?

На эти вопросы мой собеседник не ответил прямо, но из его порядком запутанных речей я кое-что понял.

Подобно некоторым журналистам, ораторам, агитаторам, этот человек считал мертвый язык чем-то официальным, где-то утвержденным, специально предназначенным для разговора с народом. Всякую попытку вдохнуть жизнь в произносимое слово он рассматривал как нечто сомнительное, выход за те самые строгие рамки, о которых упомянул, пытаясь ответить на мой вопрос.

Я встретился с одним из самых стойких и губительных заблуждений. Чем скорее мы с ним покончим, чем скорее похороним мертвый язык, тем лучше!

1956

Траур на свадьбе

Чрезмерное усилие ломает поленику.

ТаОжьпскол пословица

И

Паждый, кто видел доцента Мухтархона Мансурова, мог твердо сказать: старость, как и осень, имеет свои прелести. Даже белая козлиная бородка, в которой задержалось два-три волоска черного цвета, украшала доцента — йе зря говорят, что на лице хорошего человека и пивавка может показаться родинкой.

И в самом деле: благородство и честность, доброта и прямодушие давно сделали Мухтархона Мансурова душой квартала. Он здоровался со всеми, от мала до велика, С молодыми умел пошутить, со стариками побеседовать по-стариковски степенно, искренне разделяя чужую радость и чужое горе. Если он уезжал, в квартале становилось как-то пусто...

Однажды по кварталу пронесся слух: «Мухтархон-домла собирается жениться!»

Три года тому назад Мухтархон Мансуров овдовел, и за ним приглядывали то младшая сестра, то вамужняя дочь. Слух о предстоящей женитьбе обрадовал жителей квартала.

«Нехорошо оставаться одиноким в старости,—рассуждали они.— Пожилому человеку надо, чтобы возле него были близкие...»

Хотя никто еще не видел невесту, но ее уже полюбили: не могла же недостойная женщина понравиться Мухтархопу!

«Наш квартал счастливый! — гордо заявляли соседи.— Домла был нам отцом, жена его станет нам матерью!»

Первым подтвердил слух сам Мухтархон. Рапыпе оп терпеть не мог ходить по магазинам и базарам — и вдруг его увидели стоящим в очереди в универмаге. На следующий ДРНЬ оп прошел мимо чайханы в ярко расшитой тюбетейке.

А еще через неделю неопишное изумление охватило людей, сидевших в чайхане: с автобуса сошел Мухтархон... без бороды! Старик начпсто сбрил бороду, такую почтенную бороду!

Вдобавок Мухтархон не зашел в чайхапу, как делал это много лет подряд, не поклонился, не поинтересовался здоровьем знакомых. Он мелкпмп шажками перебежал на другую сторону улицы и быстро удалился, не подымая опушенных глаз.

Потеря бороды, придававшей особое достоинство не только Мухтархону Мансурову, но п всему кварталу, его нежелание беседовать с друзьями — все это сильно взволновало квартал. Возникли мучительные вопросы: «Что случилось с нашим домлой? Почему он так переменялся?»

* Но мпогне не желали, чтобы даже малейшая тень легла на почтенного доцента, и пытались оправдать его: «Наш домла сбрил бороду не подумавши и раскаивается, стесняется встречаться с нами».

Немного спустя новая вест потрясла посетителей чайханы. Один юноша видел домлу в парке, и домла пил там пиво, лихо сдвинув набекрень свою яркую тюбетейку. Одет он был в короткие узкие брючки, в клетчатую рубашу с высоко засученными рукавами, а на запястье отливали золотом массивные часы. Кроме двух кружек пива, Мухтархон опрокинул в себя сто граммов водки и, купив огромный букет цветов, скрылся в кривой улочке за парком. Нечего скрывать — у всех, кто. выслушал этот рассказ, дух захватило от изумления.

— Лишь бы все кончилось по-хорошему,— вздохнул старый Карим-ата.— Невеста, видно, молодая. Боюсь, что очень молодая.

Если судить по поведению Мухтархона, Карим-ата был близок к истине, но люди не хотели верить в плохое, и кое-кто резко оборвал старика.

К сожалению, Карим-ата оказался прав.

•' «Домла женится па своей студентке! Ей всего-навсего двадцать лет!» — поступили последние сведения о предстоящей свадьбе.

Женщины квартала увидели невесту, копечпо, первыми. Они встретили ее в пошивочном ателье и убедились, что она действительно молодая и до смешного толстая. На пен было красное платье, на голове красная шляпка, и даже сумка и туфли резали глаза красным цветом.

— Леденцовый петушок па палочке! — возмутилась одна из женщин.

— Позор домле! — добавила другая. — Захотел па старости лет полакомиться леденцом.

Прозвище «Лсдепцовый петушок» прочно привилось к ненссте. За то, что она украла безмятежную радость квартала, погасила светлую улыбку домлы, лишила его бороды — за все это ее возненавидели с яростью, способной раздробить самые твердые камни. Ненависть к невесте вытравила из добрых сердец обитателей квартала последнее чувство уважения к домле. Теперь при слове «домла» люди горько и презрительно усмехались...

Свадьба состоялась у невесты. Из всего квартала лишь Карим-ата получил приглашение. И то не в качестве почетного гостя, а из-за умения делать шашлык. Когда он вернулся со свадьбы, молодежь затащила его в чайхану и потребовала отчета.

— Не вправе я выдавать чужие тайны, — упирался вначале старик, но не выдержал и, расхохотавшись, ударил себя по лбу. — У домлы новые волосы! Не верите? Ей-богу, правда! Он их выкрасил, и опи теперь похожи па старую, выеденную молью меховую подстилку. А свадьба прошла нормально: со стороны невесты было приглашено пятьдесят человек, со стороны жениха — восемь. А пришло всего одиннадцать. Хотели начать веселье в шесть чаc оп — начали в десять. Невеста немпого поскучала, ш>, выпив пару рюмок, принялась плясать. Домла хлопал в ладоши и подпевал. Вот и все...

Карим-ата помолчал и уже задумчиво добавил: ^

— Волосы у домлы новые, а сделал ли он себе иовое сердце, я не спрашивал...

Едва миновал месяц после свадьбы, как молодая жепя доцента Мансурова заболела загадочной болезнью. По вечерам она чихала и ругалась с домлой, и знакомый врач посоветовал ей обязательно съездить к морю, подлечиться морским воздухом.

Расстроенный домла бросился по учреждениям и в тот же день вручил жене путевку и билет па поезд.

Вечером к воротам дома Мансурова лодьхало такси. Домла, несмотря на усталость, обливаясь потом, сам вынес два чемодана п с трудом запихал их в багажник. Потом трогательным жестом распахнул дверцу машины и помог жене разместиться поудобнее. Она по-прежнему была вся в красном, по-прежнему походила на леденцового петушка...

Машина тронулась, и тут же, при переезде через горбатый мостик над арыком, дверца багажника с лпшгом открылась, и оба чемодана, словно догоняя друг друга, покатались по земле. Шофер не сразу заметил катастрофу, и, когда затормозил, до чемоданов было уже шагов пятьдесят. Домла выскочил из машины и вихрем преодолел это расстояние. Он отмахнулся от желающих помочь ему и, подхватив оба чемодана, снова бросился к машине. У него дрожали колени, колело в груди, но до багажника он все-таки добрался. Поставив чемоданы, домла неожиданно пошатнулся, потер глаза и поспешно исчез в такси.

П опять машина не успела далеко отъехать от горбатого мостика: из нее выскочила жена домлы — «Леденцовый петушок» — и с диким криком упала на землю. Несколько человек подбежали к такси, а Карим-ата сокрушенно покачал головой:

— Волосы сделал новые, а сердце осталось старое... Не выдержало...

В машине сидел мертвый домла Мухтархон Мансуров. На похороны домлы народа собралось немного.

Для людей он умер месяц тому назад, в день своей свадьбы.

1956

0

У него воптел в зал после третьего звонка. И тут на него напала лкота. В поисках свободного места он торкнулся в одну сторону, в другую, вытянул шею. Мест не было. А может быть, он их не замечал. Билетерша повела его к свободному креслу. Не переставая пкать, пьяный шел вдоль ряда, наваливаясь своим задолг на сидящих. Вдруг у него подвернулась нога, и он уселся на колени к какой-то женщине. Не обращая внимания на ее возмущение, неторопливо поднялся и, накопец добравшись до свободного места, удовлетворенно икнул.

Свет погас. Открылся занавес. На сцене творилось что-то непонятное. Один артист или два? Пьяный прикрыл ладонью, глаз. Все-таки один. Но до чего, черт возьми, здорово поет! Пьяный хлопнул себя по колену:

— Дост!¹

Сосед нетерпеливо толкнул его:

— Потише!..

Пьяный повернулся. Он хотел внести ясность.

— Это не к вам относится «дост», дорогой мой! Что вы сделали, чтобы заслужить «дост»?.. Вам известна песня «Судьба времен — это стон»?.. Не известна?.. А тоже...

— Смотрите лучше на сцену,—непредусмотрительно посоветовал сосед.

— Куда хочу, туда и гляжу. Хочу одним глазом., ик... хочу двумя... Мои глаза, мой билет... мои... ик... деньги!

¹ Дост! — восклицание, выражающее восхищение, одобрение, обычно адресуется танцору или певцу.

Когда пьяный достал папиросу п, нагнувшись, чиркнул спичкой, вокруг поднялся сдержанный шум. Прибывший контролер предупредил строгим шепотом:

— Оштрафую!

— Когда я покупал билет, мне сказали, что штраф... ик... входит в его стоимость... Прос... простите, я думал, что здесь кино... Штраф, ишь ты... ик... скажите на милость!.. Чем же я проиписился? Только и знаете хватать таких... ик... как я. Почему перед другими помалкиваете? Пк!.. Может, другие вам взятку сунули? Я тоже на наличные, на свои кровные... ик... купил билетик. Я ж никого не ругаю, не бью... Если б я кого-нибудь стукнул, ну, тогда, конечно... пк... мелкое хулиганство... Сейчас со мной ничего не можете сделать... Ик!.. Если вы все можете, избавьте меня от икоты!..

Его невозможно было унять. Не действовали ни просьбы соседей, ни увещевания контролера. Наоборот, пьяный все сильнее входил в раж, все больше икал и безобразничал. Тогда парень, сидевший сзади, сделал контролеру знак: «Вы, мол, идите, мы и сами справимся». И зашептал на ухо пьяному:

— /Кена ваша, когда навеселе, тоже икает, точно как вы. Это ее очень красит!

Пьяный вскочил на ноги.

— Где вы ее видели?

— У входа сидит и икает...

— Моя жена не пьет! Когда вы ее видели?..

Не дожидаясь ответа, пьяный направился к выходу, бормоча себе под нос:

— Сейчас выйду и — развод! Мне не нужна пьющая жена! Если она пьет, пусть ищет себе пьяницу... Нет, пусть ищет непьющего! Ик...

— Зря вы ему так, — заметила сидевшая рядом с парнем женщина. — Вот он вернется и возьмет вас за грудки. Что вы тогда сделаете?

Парень беспечно махнул рукой.

— Пока он притащится домой, будет допрашивать жену, требовать клятв и заверений, спектакль десять раз кончится...

1958

Соображение по поводу.

Автореферат кандидатской
диссертации¹

Научкой установлено, что жилые дома предназначены для заселения. Отсюда следует, что с каждым днем наш народ увеличивает спрос на столы, стулья, буфеты, шкафы, кропаты и другие культурные подставки. При этом я позволю себе заметить, что в единичных случаях (выделено мной) у мебельных магазинов образуются скопления людей, именуемые в разговорном языке очередью.

Ряд специально произведенных мною наблюдений позволил установить, что при этом в практику внедряется новый и, на мой взгляд, более совершенный метод культурного обслуживания населения — составление рукописного списка покупателей.

Подобный метод, несомненно, заслуживает самого внимательного изучения, ибо, с одной стороны, он направлен на решение первоочередной задачи — максимально экономить драгоценное время наших покупателей, с другой — опирается на прочную традицию известных с давних времен рукописных списков.

Изложу свои соображения по поводу одного из таких списков, который любезно предоставлен^м и в да^а научного исследования заместителем директора магазина Л- 87 тов. Шалтай-Балтаевым (выделено мной) .

м Полный текст диссертации находится в библиотеке Ташкент-
*^{<0Г}, «сГсГгпаждпн, стоящих в очереди за мебелью!, - одна страница Гв.«и а 2а хорошей бумаге из-под чая, Ташкент, 1958.

Прежде всего нужно отметить, что эта рукопись, охватывающая 22 фамилии, многогранна (бумага перегнута восемь раз) и весьма красочна: шесть фамилии написаны черными, одна — красными, одна — сипими, а остальные — зелеными и фиолетовыми чернилами. Есть зарисовки карандашом. Уже один этот факт не оставляет сомнений в том, что автор рукописи хорошо владеет разнообразными художественными средствами. Полагаю, что можно полностью одобрить такой стиль записи, рассчитанный, как мне кажется, на то, чтобы заинтересовать и увлечь читателя.

Одно из главных достоинств рукописи заключается в том, что в ней ведущее место отведено фамилиям, созвучным с фамилией директора магазина товарища Гуляева (выделено мной). Например: Разваляев, Хпатаев, Сажав п т. п. Особенно гармонирует с фамилией товарища Гуляева (выделено мной) фамилия Опохмеляев.

Важно отметить, что, записывая фамилии, автор сделал попытку не допустить ошибок.

Однако, несмотря на это, в рукописи есть отдельные серьезные недостатки '.

Прежде всего фамилии в списке не пронумерованы. Это свидетельствует не только о несерьезном, граничащем с безответственностью отношении автора к делу, но и о том, что автор, видимо, недопонимает того огромного значения, какое имеют цифры в пародном хозяйстве. Другого объяснения здесь быть не может!

Кроме того, фамилии в списке не классифицированы ни по содержанию, ни по форме. Много места отведено фамилиям, имеющим отрицательный характер: Царев, Боярский, Кулаков, Приспешников, Баймуллаев, Суткин², то есть фамилиям, порождающим неправильное представление о нашей эпохе. В то же время положительным фамилиям — Станков, Чайкин, Бодров, Зарядкин — отведено очень мало места, и к тому же почти все они написаны неразборчиво.

В списке фигурируют фамилии, не типичные для нашей эпохи: Холопов, Взятченко, Ленивец и т. п.

*J**** См. кандидатскую диссертацию автора, глава «Происхождение и развитие недостатков, просчетов, серьезных ошибок», стр. 2967.

Последняя фамилия заключает в себе вызывающий намек на еще не изжитое у вас, к сожалению, явление мелкого хулиганства.

Встречаются в рукописи и повторения. Например: П. Носов, О. Носов, Д. Носок. Если три повторения сократить и написать так: Под. Носов,— ценность рукописи, несомненно, возрастет.

Говори о серьезных недостатках рукописи, нельзя пройти мимо неправильного отношения автора к труду. Например, в списке значится: Досугов. Но предаваться досугу можно, как известно, только после самоотверженного труда, а где и как это отражено в рукописи? Скажем прямо: совсем не отражено!

Указанные недостатки следует исправить и уточнить. И тогда можно надеяться, что столь тщательно изученная мною, по по причине узких рамок рецензии, к сожалению, слишком бегло проанализированная рукопись займет достойное место в деле укрепления необходимых связей нашей науки с торговой практикой и в воспитательной работе среди наших покупателей.

Хочется пожелать автору новых успехов и более крупных по объему работ в жанре вышеуказанных рукописных списков. Нет сомнения в том, что директор магазина товарищ Гуляев (выделено мной) окажет автору необходимую поддержку.

1959

Голос пз бутылки

У

Г'ебо нависает свинцовыми тучами, падают первые тяжелые капли дождя.

Кимсан ведет за руку маленькую, словно куколка, дочурку Лолу. Его путь — в суд. Сегодня разбирается дело э разводе Кимсана Карабаева с женой.

У Кимсана потухший взор, отечное лицо, всклокоченные волосы. Одежда помята, брюки в пятнах.

Лола не знает, куда ее ведет отец. Она помнит одно: каждый день папа куда-то уходит, а возвращается пьяный. Он уже совсем не такой, как утром, он — плохой папа.

Лола идет и все думает, но не может понять: каждое утро отец уходит один, так почему же сегодня он взял ее з собой?

Лола старается не отставать, она прыгает через лужи и беспрестанно говорит. Голос у нее то обиженно-страдальческий, то молящий, то плачущий...

На углу Кимсан остановился и, будто о чем-то вспомнив, зашел в магазин. Лола стоит одна у витрины и испуганно смотрит, как отец направился туда, где выставлены в ряд разноцветные бутылки, как тетя подает отцу бутылку с прозрачной, словно вода, жидкостью.

Вокруг снуют люди, но никому нет дела до взволнованной маленькой девочки.

Кимсан привычным движением опустил бутылку в карман и вышел из магазина. Теперь Лола молчит. Она тревожно думает: когда и где выпьет папа водку и что совершит снова, сделавшись плохим папой. После этого папа всегда что-нибудь да совершает.

В зале суда полно людей: родственники, близкие, знакомые Кимсаиа и Инобатхоп Карабаевых.

Инобатхоп в черпом. Ее глаза воспалены от слез, чтоб не разрыдаться, она прижимает к губам платочек.

Едва Лола увидела мать, подбежала к пей, бросилась на шею.

Началось судебное заседание.

История Кимсана такая заурядная и такая роковая. Сперва он выпивал, лишь когда представлялся случай. Потом обзавелся компанией и уже специально устраивал эти «случаи». Вот уже четыре года, как «случаи» подвертываются ежедневно! И все эти годы дома шум, скандалы, слезы... Иногда удается Кимсаиа переодеть, но чаще всего это невозможно. Все в доме пахнет водкой — одежда, постель, даже смолисто-черные волосы Лолы.

Кимсан не знает, почему он пьет. Пьет — и все тут. Если кто-нибудь попытается сделать замечание, посоветует прекратить, он обижается, грубит:

— Довольно с меня умных советов! Сыт по горло!

Водка стала для Кимсаиа всего дороже на свете, дороже дочери, жены. Отныне водка — первый наставник Кимсаиа. Она частенько дает ему советы, нашептывает:

— Жена не заботится о тебе, копит деньги, отрывая от хозяйства. Разве ты не замечаешь, что твоего заработка теперь едва-едва хватает?..

Поднимается скандал.

Когда Инобатхоп делается неспособна даже сама жизнь, она гневно выговаривает Кимсану. Водка и в этом случае знает, что сказать:

— Все ласковые слова твоя жена тратит на других, для тебя у нее остаются лишь упреки...

И снова шум, снова скандал.

А если Инобатхоп хочет убедить лаской, опять беда. Водку не проведешь, она всему находит безошибочные объяснения:

— Твоя жена только что от любовника. Она лицемерит. Неужто ты так слеп, что ни о чем не догадываешься?

Когда Инобатхоп то горькими слезами, то мольбой, то угрозами пытается удержать Кимсаиа от выпивки, водка подстрекает:

— Жена хочет согнуть тебя в дугу. Раз поддашься — конец, она сядет тебе на шею. Будь мужчиной, стой па

своем. Намеревался выпить стакан, выпей два, три. Пусть жена вопит. Ничего с ней не станется.

Это длится четыре года. Четыре года Инобатхон плачет, уговаривает, предупреждает. Она грозитя уйти от Кимсана. Но водка умеет успокаивать, она твердит Кимсану:

— Никуда жена не уйдет, никуда не денется. Все это — бабья болтовня.

Л когда два месяца назад Инобатхон решила: конец — и ушла от Кимсана, водка повторяла свое:

— Покуражится жена и вернется. Не волнуйся понапрасну.

Однако, если сказать правду, Кимсапом тогда овладело беспокойство, он оставил у себя Лолу. Когда Лола с ним, сильнее надежда на возвращение жены.

В тесном судебном зале, в присутствии родных и знакомых, Инобатхон выложила все свои обиды. Кимсан с широко открытыми глазами слушал ее. Его сердце, надорванное ежедневными попойками, билось с перебойями, на лице выступил пот. Он чувствовал слабость, с трудом держался на ногах. Кто-то пожалел Кимсана и цrotchнул ему стакан воды.

Лола из своего уголка следила то за матерью, то за отцом. Она не все могла понять, но чувствовала: происходит что-то страшное, может быть, непоправимое. Когда отец взял дрожащими руками стакан и сделал судорожный глоток, она бросилась к нему и в ужасе закричала:

— Не пей, папочка, не пей!

Стакан выпал из рук Кимсана, со звоном разлетелся на мелкие осколки. Старик, сидевший неподалеку, взял Лолу на руки и попытался успокоить. В зале поднялся шум. Потом установилась гнетущая тишина. Ее нарушал чей-то плач...

Суд удалился на совещание. Решение ни для кого, кроме Кимсана, не было неожиданным: просьба о разводе удовлетворена, Лола оставлена у матери.

Инобатхон увела дочь. Лола растерянно смотрела па мать.

Кимсан в каком-то забытии направился к выходу. Кто знает, выпьет ли он водку, как только выйдет из зала, или — разобьет бутылку о камень?

Если разобьет, то, может быть, Инобатхон сквозь слезы услышит звон стекла и обернется, и вернется к нему...

1960

а

I сидел с отставником-капитаном милиции в чайхане, мирно оеседуя за пиалой чая. Отодвинув пиалу, каппган нагнулся ко мне и, понизив голос, сказал:

— Следите за топ узенькой улочкой. Сейчас там появится человек. Обратите на него внимание. Потом я расскажу вам о нем.

II действительно, вскоре я увидел человека в черном плаще, черной шляпе, черных очках. Он имел картинно зловещий вид. Черпая одежда и чериые очки делали его лицо особенно бледным и каким-то неживым. Казалось, пририсуй под подбородком две скрещенные кости, и готов череп, какие изображают на высоковольтных столбах.

Человек постоял с минуту и, хотя капитан так и не взглянул на пего, перешел на пашу сторону улицы. Он сел почти рядом, но капитан не поднял головы. Тогда человек встал и демонстративно продефилировал перед памп. На нас пахнуло сыростью и запахом несвежего мяса. Он раз за разом оборачивался в нашу сторону, затем, видпо, отчаявшись привлечь наше внимание, вышел на улицу и исчез в темном проеме ворот.

Капитан, помолчав, рассказал мне о черном незнакомце.

— Я знаю этого типа уже более четырех лет» Все эти годы оп норовит затащить меня в укромный уголок, чтобы нашептать очередную клязузу...

Я видел, что капитану доставляют мало радости воспоминания. Но он уже не мог от них избавиться.

Года четыре пазад из разных районов юрода в милицию посыпались письма за разными подписями, но и обратных адресов.

Во всех письмах — тягчайшие обвинения против тогдашнего секретаря Союза охотников. Подтвердись хотя бы одно, секретарю не миновать ареста и суда. Однако, сколько милиция не проверяла, письма оказывались чистойшей липой, их автор не обнаруживался. Мо все же волей-неволей пришлось обратить внимание и па секретаря.

— Вот в те дни, — сказал капитан, — п заявился ко мне этот тип. Он начал с рассказа о своей кристальной честности, говорил многословно и нудно, а заканчивая, неожиданно шепнул: «Есть слухи, что секретарь Союза охотников покупает пистолеты у неизвестных личностей. Я, правда, пе слишком-то верю в эти рассказы, однако полагаю своей гражданской обязанностью поставить вас в известность».

Я поблагодарил его. С этого и началось паше личное знакомство.

Слух, разумеется, был чистойшей враньем, — пи у кого никаких пистолетов секретарь Союза охотников не покупал. Поразмыслив и все взвесив, мы пришли к убеждению, что недавний посетитель имеет непосредственное касательство к ппсьмам без обратных адресов. Догадавшись, что милиция ищет пх автора, он забеспокоился и сам прибежал к пам: «Вот, мол, глядите, какой я: если у меня есть что сказать, то являюсь собственной персоной, а не сочипяю письма». Хитрость не ахти какая хитрая. Прием нам достаточно известный.

Капитан перевел дыхание.

— Ну, а какую цель преследовали эти кляузы? Чего он добивался, распространяя клевету? Имейте в виду, клевета никогда не бывает бескорыстной, она никогда не ведется «по велению сердца». Чаще всего ее диктуют честолюбие и карьера. Так обстояло дело и на сей раз.

Не составляло больших усилий докопаться до цели... Вы, конечно, знаете, что существует разновидность людей, которые если и продвинулись с младенческих лет, то отшодь пе в лучшую сторону. Они не приобрели ни знаний, ни специальности, ни навыков труда. В них так и не пробудилась совесть. Но однажды поглядев вокруг, они замечают, что все работают, чего-то добиваются, а если и

смотрят на них, ооздольпиков, то не иначе как с презрением. И тогда начинается погоня за наживой, за положением, авторитетом. А как все :то заполучить? Лишь одним способом — за счет других. Одни становятся ворами, другие — клеветниками. Одни норовят залезть в карман, другие — украсть чужое положение, чужую славу, на худой конец — чью-то должность.

В поисках удовлетворения наш знакомец открыл в себе «великий талант». Он метнул нож в курицу, которая клевала семена дыни, и угодил прямо в голову. Курица, задрыгав ногами, испустила дух. В тот же день оп, одолжив денег, купил ружье, а на следующий — подал заявление в Союз охотников... Когда секретарь Союза, у которого по было правой руки, выписывал ему членский билет, у него созрела мысль: «Почему бы мне не занять эту должность? Если секретарь справляется с ней, имея одну руку, неужто я не справлюсь с двумя?»

Обратите внимание, люди такого сорта, пе умеющие ничего делать, кроме как сочинять пасквили, считают себя не хуже других, мастерами на все руки. Они презируют труд, талант, искусство: «Подумаешь, я могу пе хуже...»

Вернувшись как-то с охоты и не подстрелив даже воробья, оп почувствовал, что одпой лишь честолубивой мечты ему мало. Он должен действовать. Гнусная мыслишка подсказала направление действий: «А не предатель ли секретарь? Может, он сам себе прострелил руку, чтобы сбежать с фронта?»

Очень характерный для подлеца ход мыслей. Своими собственными думами оп охотно наделяет другого. Думы :ти для него настолько органичны, что он начппает верить, будто они свойственны другому.

Наступил час активных шагов. Атака велась по трем направлениям.

Во-первых, надо прослыть незаурядным охотником. Каждое воскресенье вечером, закинув за спину ружье, наценив на пояс купленных па базаре куропаток, прихватив с собой борзую с шелковистой черной шерстью, он торжественно шествовал по центральной улице.

, Во-вторых, чтобы очернить секретаря Союза охотников, он выдумывал всевозможные нелепости и пакости и распространял их, нашептывал, излагал в письмах, направленных в милицию.

В-третьих, по всякому поводу и без повода льстил председателю Союза охотников. Он называл его «учителем», па свадьбе одного из членов Союза, забыв о женихе и невесте, предложил тост за здоровье «учителя» и речь во славу председателя закончил словами: «Убитая его пулей куропатка может гордиться своей смертью!» Лесть — перемениый спутник клеветы. П такой же неумеренный спутник. Обливая кого-то помоями, клеветник перед другим стелется ковровой дорожкой...

Прошло полтора года. Секретарь Союза охотников скоропостнжно скончался. Наш герой рвал па себе волосы, бился головой о степену. Он шагал впереди траурного шествия, неся подушечку с ордепами покойного. Произнес речь на могиле: «Дорогой друг мой, спи спокойно, я продолжу твое дело...» И, разумеется, разрыдался.

На другой день он занял стул умершего. С утра до ночи перевозносил своего предшественника с таким же пылом, с каким недавно поносил его. Так продолжалось в течение недели. По мере того, как люди привыкали к новому секретарю, его слезы постепенно высыхали. А когда был подписан приказ о назначении, высохли окончательно.

Начался новый этап деятельности — осуществление цели. Шкуры волков, убитых другими, сдавались им на свое имя, затевались свары между охотниками, а новоявленный секретарь выступал заступником каждого, миротворцем. Наконец, почувствовав себя достаточно уверенно, он осмелел и возмечтал о дне, когда произнесет речь па могиле председателя и пообещает «продолжить его дело».

Но председатель, хоть и был пемолод, отличался завидным здоровьем. Его не подорвала и война, когда он партизанил в белорусских лесах. Судя по всему, он не иамеревался умереть ранее ста лет.

Ах, он не желает умереть сейчас? Пусть пеняет на себя!.. И посыпались письма в милицию на председателя. Опять разные подписи, опять без обратного адреса. Между тем среди охотников, до тех пор живших вполне мирно, начались раздоры, обиды...

Капитан сплунул. Ему явно надоело копаться в этой истории. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Надо было досказывать до конца. У капитана уже не было иного выхода. Да и меня разбирало любопытство: чем же это все завершится.

— В те дни,— продолжал капитан,— оп заявился ко мис домой. Оп, видите ли, прослышал, что у меня родился внук, и пришел припести поздравления. Но ему падо было не только принести свои поздравления. Выбрав удобный момспт, оп зашептал мне па ухо: «Вы помнитс, паш секретарь скоропостижно скончался? Есть слушок*, что к его смерти нричастеп председатель. Я по верю атому пи па грош, но считаю долгом совести поставить вас в известность. Тем более, что есть слухи, будто председатель оговаривал секретаря, утверждал, будто тот покупал у неизвестных лиц пистолеты».

Это уже, как видите, двухэтажная клевета. Собственные наговоры приписываются другому. Л этот другой намечается в очередные жертвы.

Миновало несколько месяцев. Семена, брошенные склочником, дали всходы. Охотники невесть в чем обвиняли ДРУ¹ Друга, жаловались друг на друга. Разгорелись страсти, ссоры, ругань... Однако более зоркие, понявшие причину скандалов, вывели мерзавца на чистую воду. Выяснилось, что охотник он — липовый, зато неплохой комбинатор и оборотистый делец. Клеветник отбивался изо всех сил, не жалея ни слюны, тн чернил. Он пустил в ход политические обвинения. Они всегда в запасе у профессионального клеветника. Он бегал по инстанциям, обвинял, жаловался, изображал из себя жертву борьбы за справедливость, строчил бесконечные письма...

В один из дней, когда бурное собрание охотников затянулось за полночь, участковый милиционер, обходивший свой участок, заглянул в зал и увидел, как несколько человек, взяв кого-то за руки и за ноги, раскачали и выкинули на улицу. Участковый поспешил на помощь пострадавшему, но того и след простыл. Узнав, что это был секретарь-клеветник, участковый успокоился.

Прошло около года; о злополучном секретаре Союза охотников — ни слуху ни духу. За это время я ушел в отставку, а месяц назад скончалась моя теща. Когда опускали гроб в могилу, я почувствовал па плече чью-то руку. Оглянувшись, увидел знакомую физиономию исчезнувшего было кляузника. Он выразил свое сочувствие. Рассказал, что работает могильщиком на этом кладоище. И, отозвав меня в сторону, зашептал: «А знаете, председатель маха ллинской комиссии похоронил свою мать рядом с кмымом-ишапом...» И тут же сообщил мне, что давно мечтает

служить в милиции, в славных- органах охраны порядка и просит содействовать ему — ведь мы же старые знакомые. Я объяснил, что ушел в отставку и ничем не могу ему помочь. Но он не хотел слушать и посулил прийти. И теперь, как видите, пришел...

Я спросил капитана, почему надо делать секрет из попытки поступить на службу в милицию, к чему весь этот маскарад, таинственные появления.

Капитан засмеялся:

— Он всегда норовит сделать дурное, напакостить людям. И того же ждет от них. Жизнь клеветника не всегда сладка. Он сам пребывает в вечном страхе, таится, скрывается. Он и жует и глотает, оглядываясь. Вы не заметили, как он тогда стоял па улице? Точно испуганная курица. Втянув голову, пугливо озираясь вокруг. Словно удивлялся, что его никто еще не стукнул.

В это время из ворот снова показался наш герой.

— Видите,— тяжело вздохнув, произнес капитан,— придется сходить к нему. Иначе до вечера будет там торчать.

Я тоже встал и, прощаясь с капитаном, спросил:

— Зачем вы возитесь с ним?

Уже в дверях капитан мне ответил:

— Это насекомое нельзя упускать из виду. Оно способно принести людям немало зла. Лучше быть начеку, знать обт>екты-жертвы, которые он намечает.

Когда капитан перешел улицу, человек в черных очках скрылся в воротах.

1960

Страх

Пмчего-то вы, доченьки мои, не аттасте о бмлой женской доле, а рассказать вам — п не попчрите!..

*Матушка Турахон*¹

В

«от уже две недели бушевал колючий ветер поздней осени, завывая в голых ветвях деревьев, свистя под карнизами домов, стучась н плотно закрытые двери и окна... В такие вечера люди становятся молчаливыми и тихими, как овечки, сбиваются в группки и сидят тихо, чего-то ожидая.

Все семь жен Алимбека Додхо собрались в комнате самой старшей из них, Нодирмохбегим, и сидят вокруг сандала. Додхо, задержавшийся после молитвы в мечети за душеспасительной беседой с имамом, вернулся почему-то раньше обычного и не в духе. Все жены при виде его вскочили. Одна сняла с его головы чалму, другая почтительно протянула руку к его чекменю, третья приготовилась стягивать с ног ичиги... Самая младшая из жен, Унсипой из Ганджправопа, всего пять месяцев назад ставшая жилищей пышных хором Додхо, поднесла ему кальян Только раз, но зато долго и протяжно, потянул Додхо из кальяна и, даже не пожелав позабавиться проказами своей любимицы — обезьяны, прошел в передний угол, приоткрыл окно п одним глазом взглянул во двор. Ветер бесновался: то завывал шакалом, то протяжно

¹ Матушка Турахон, пли, как ее зовут в народе, Турахоп-Ойе,— одна из самых светлых личностей в истории современного Узбекистана. Первой из узбечек в революционные годы она вступила в коммунистическую партию и сбросила паранджу и чачван. Вела активную борьбу за раскрепощение женщин. Встречалась с В. И. Лениным.

мяукал, как кошка в смертпоне агонии. Во дворе была непроницаемая темень.

Плотно прикрыв окно, Додхо уселся на свое обычное место и пачал перебирать четки. Пальцы его быстро и ловко пересчитывали отполированные камешки, он прислушивался к вою ветра и думал: «Как, должно быть, страшно теперь на кладбище!»

Узбекские кладбища и так пепрнглядпы, а еще столько страшных небылиц, жутких истории рассказывают и народе про них. У любого, кто вспоминает в такие неуютные вечера про кладбища, особенно у таких, как Додхо, давно пережившего возраст пророка и хранившего в сундуке для себя саван,— даже на кончике языка выступает холодный пот при одной мысли... Нет, даже не о смертпе, а о том, что ему предстоит переселиться туда!

Чтобы отогнать эти мрачные мысли, Додхо отложил четки и заговорил о том о сем, но женщины его не подержали, и слова повисли в воздухе.

Вдруг порыв ветра сильно ударил в окно. Нечто, царапая стекло и цепляясь за раму, медленно поползло вниз. И все, кто спдел в комнате, почувствовали себя пришибленными п, не смея вздохнуть, испуганно посмотрели друг на друга. Чтобы успокоить жен, а еще больше себя, Додхо поднялся п снова приоткрыл половинку окна. От ветра, ворвавшегося в комнату, закачалась ви-сячая лампа. Додхо высунул голову, посмотрел вниз и обрадованно проговорил:

— Циновка это! Оказывается, циновка!

Сорвавшаяся циновка почему-то напомнила ему гроб с мертвецом, который он видел вчера, а вспомнив этот качающийся на плечах людей гроб, снова представил себе кладбище, и в его памяти ожили все страшные рассказы о склепах и мертвецах, запомнившиеся ему еще с детства. Чтобы преодолеть страх, Додхо заговорил именно о них и, скорее перед собой, чем перед женами, стал расхваливать свою неустрашимость и храбрость.

Старшая из жен, Нодирмохбегим, тоже рассказала одну историю:

— Девчонкой я еще была, тогда слышала. Отец мой, покойный, участвовал в гапе *. Собрались его дружки

1 Га п - пирушка, на которую мужчины собираются поочередно у каждого.

как-то у пас, полная комната гостей. Был вечер, такой же вот ветреный. Кто-то из гостей обратился к остальным с вопросом: «А кто из вас может отправиться сейчас на кладбище и вонзить ионе в могилу Лскара-палвана?» Один из гостей достает нож из пожен и говорит: «Я могу!» Поспорив на одного барана, смельчак отправился. Ждут друзья, ждут, а его все ист. Утро настало. Пришли к нему домой, и там его нет. Приходят на кладбище, а он лежит мертвый, возле самой могилы Аскара-Палвапа. Как только собрался повернуть обратно, тут хватить его кто-то за халат! Он и испустил дух от страха... Вонзив нож в могилу, бедняга, оказывается, прихватил и подол своего халата.

Жепщины поежились. После долгой паузы Унсипой прошептала:

— Глупый он был, этот человек. Из-за одного барана... Было бы за что погибать... я бы пошла...

Слова ее, услышанные Додхо, задели его самолюбие. Как эта девчонка смеет говорить «Было бы за что... я бы пошла...», когда у него, Додхо, начинают трястись колени при одном упоминании о кладбище, когда он не смог бы пойти даже в том случае, если бы ему посулили ханский престол.

П Додхо, раздраженный, начал насмехаться над ней:

— Вот так дочь мельника, а? Какова? Целого барана ни во что не ставит, видали? А сколько баранов ты бы хотела? Ей-ей, я тебе дам десять баранов. Пойдешь ты вонзять нож в могилу? Сто баранов, половину своего богатства — отдам, пойдешь?

Медленно перебирая пальцами монисто, Унсипой ответила:

— Не надо мне никакого богатства...

Эти слова Унсипой еще сильнее задели Додхо:

— А что же тебе надо?

Унсиной промолчала. Однако нельзя, невозможно было оставлять вопрос Додхо без ответа, поэтому другие жены, боясь быть избитыми за проступок Унсиной, начали дергать, шпынять и толкать ее со всех сторон:

— Отвечай же, чего молчишь?

— Язык, что ли, у тебя отнялся?!

Унсиной подняла голову, поглядела на Додхо, не отрывавшего от нее глаз, и ответила:

— Если позволите... Я вернусь в Гапджправон... Я бы не только в одну могилу, в десять могил всадила бы десять ножей!

Все жены Додхо хорошо поняли замысел самой младшей из нпх, одни только Додхо попил ее по-своему.

— Опять в Ганджнравон! П месяца еще нет, как ты возвратилась оттуда!

Ноднрмохбегим, вытянув под сандалом руку, ущипнула Унснной за ногу и сделала ей знак глазами: «Слава богу, он не понял! Ну и довольно об этом, помолчи!» Но Унснной, как человек, отчаявшийся вконец, смело и безбоязненно глядя на Додхо, проговорила:

— Нет, я хочу сказать — насовсем... Если бы вы разрешили, я бы совсем уехала...

Женщины низко опустили головы, согнулись, словно тяжелая ноша легла на них, хотя дерзкие слова были произнесены одной лишь Унснной. Но, к удивлению и вопреки ожиданию всех, Додхо не схватился за камчу, не крикнул в гнев: «А ну, покажи, где у тебя зачесалось?!» Напротив, он заговорил спокойно и даже мягко, хотя в голосе его звучал едва скрытый сарказм:

— Вот как? Ну что ж, пусть будет по-твоему.— И, немного подумав, не скрывая раздражения, он продолжал: — Но на кладбище пойдешь не с ножом, а с кумганом, и у самой гробницы святого Онхазрета вскипятишь чай, заваришь его в чайнике и доставишь сюда. Ладно?

— Ладно, ладно! — ответила Унснной, глядя на него вдруг загоревшимися глазами.— Но... Лишь бы вы не отреклись от своих слов...

От гнева Додхо чуть не задохнулся: то, что какая-то жалкая нищенка так рвется из его почти царского дома, показалось ему невероятным оскорблением. Теперь ни у кого из его жен, даже у Ноднрмохбегим, которая сидела сама не своя от терзавшего ее страха, так как была уверена, что Унсиной не вернется живой с кладбища, и у тон не осталось смелости, чтобы вымолить прощение для молодой женщины.

Длинная, седая борода Додхо затряслась, задрожал и голос:

— Хорошо, я сдержу слово! Чтобы ты успокоилась, сейчас говорю — ты мне чужая! А когда вернешься с

кладбища, станешь трижды чужой К Бери же кумгаи — и отправляйся!

Тут же, закрыв рукавом лицо от Додхо, Упсиной выбежала из комнаты. Бодпрмохбегим поняла: ничего она не в силах сделать для спасения женщины, но хотела выбежать вслед за пен, чтобы приободрить ту, утешить, однако не смогла этого сделать: одним лишь сумрачным взглядом Додхо приковал ее к месту. Остальные жены одна за другой тихо, на цыпочках, покинули комнату.

Унсиной накинула на себя паранджу, надела чиммат, набрала и кумгаи воды и, насыпав в чайник щепотку чая, пустилась в путь. Тускло и сумрачно светила луна. Край неба походил на груду грязно-желтых тряпок. Н грязновато-тусклом свете мрачно выступали из темноты дома и сгибающиеся на ветру тополя. Порывы бесновавшегося ветра каждый раз сбивали Упсиной с дороги. Она свернула паранджу и чиммат, сунула их под мышку, и ей стало немного *легче* идти.

Все, что слышал Додхо про кладбища, слышала и Унсиной. Если в такую злую ночь кладбище наводило на Додхо невыразимый страх, то и на Унсиной оно наводило не меньший ужас. И все же кладбище мертвых казалось ей менее страшным, чем кладбище живых, где она жила. К тому же ни о чем другом она не думала, не мечтала, как о том, что вот завтра возвратится в свой родной Ганджиравон, свидится с отцом, матерью, подружками.

Она чувствовала себя сейчас совсем маленькой — девочкой, получившей от отца праздничные деньги и отправившейся на базар за покупками, и шла быстро, почти бежала наперекор ветру, рвавшемуся ей навстречу. Только изредка, когда порывы ветра бывали сокрушительны, она шагала, полуобернувшись к нему. Но вот она свернула в переулок, ведущий к самому кладбищу. Сердце у нее екнуло, когда под мерно раскачивающейся старой, почерневшей от времени чинарой она увидела смутно белеющие гробницы. Перейдя мостик над арыком и сделав несколько шагов, она остановилась. Страх сковал ее, мысли о возвращении в Ганджиравон, о свидании с родными и подружками исчезли, ей вдруг показалось, что вокруг мо-

i По шариату, мужу достаточно сказать: «Ты мне чужая!» — как *жиу\$T£\$*m* Уважены. Но она " ° тм " тм тм ° ^ ^ повторном бракосочетании. Если же муж трижды сказал. «Ты мне чужая!» — то разрыв окончательный.

гил и гробниц бродят призраки, закутанные и белые саваны. Ей даже показалось, что волосы у псе на голове поднялись дыбом и приподняли платок. Она невольно отступила назад, но потом, словно иытаясь убедить кого-то в своей смелости, дважды прокричала в темноту: «Мертвые — мертвы! Мертвые — мертвы!» — и ринулась вперед. Остановилась она лишь у громадного корявою ствола чинары, под которым возвышалась гробница Опхазрета.

Кумган и чайник Унсиной опустила на землю, паранджу п чиммат кинула в сторону и потом радостно подумала: «Вот и ушло большее, осталось меньшее». Но радость ее была преждевременной: все она захватила из дома, но было только самого необходимого — дров! Забыла! Мысль о том, что надо собирать дрова на кладбище, снова заставила ее похолодеть от страха — ей показалось, что из каждой гробницы поднимается рука мертвеца, пз каждой могилы раздается зов. Она снова начала выкрикивать: «Мертвые — мертвы!» — и эти возгласы несколько успокоили ее, придали ей силы. Она бродила в темноте меж' могиламп и гробницами, водя руками по земле, обшаривая камни, куски глины, подбирая все, что попадалось, и опускала в подол платья сухие былинки, шуршащий камыш, верблюжью колючку, которой так богаты кладбища. Но ощущая боли в окровавленных руках, Унсиной, наконец, развела костер. В один миг вспыхнул яркий огонь, затрещала колючка, пышно пламенея в красноватом отсвете пламени, сквозь ключья колыхающегося на вегру дыма из темноты выступали бугры могил. Чудилось, что они вдруг ожили, пришли в движение, словно их обитатели пытаются пробить головами крыши своих темниц.

Унсиной снова и снова уходила на поиски дров, и каждый раз, когда сухая трава с треском разгоралась, молодая женщина страшилась, что этот шум и треск огня разбудят дремлющие призраки.

Вода в кумгане закипела. Унсиной торопливо заварила чай, затоптала огонь, чтобы не занялась сухая трава на кладбище, и пустилась в обратный путь, держа в одной руке чайник с горячим чаем, в другой кумган, — шла ощупью, ослепленные ярким огнем костра глаза ее долго не могли привыкнуть к темноте. Вдруг под ней провалилась земля, и левая нога ушла куда-то вниз. Она почувствовала, как кончики пальцев ноги коснулись чего-то мягкого. Не переставая повторять заклинание: «Мертвые —

мертвы!» — она гнала от себя страх, по стоило подумать, что, может быть, наступила на мертвеца, но телу ее пробежала дрожь. Унсиной рванулась, вытянула ногу из ямы, оставив в ней кавуш. Досталась ей оттуда у нее уже не было сил, так и пошла она: в кавуше одна нога, в мягком ичиге — другая. Пройдя несколько шагов, она вдруг вспомнила, что паранджу и чиммат оставила возле гробницы, и остановилась. Вернуться за ними Унсиной была не в состоянии, сейчас она боялась не только возвратиться туда, но и обернуться назад: ей чудилось, будто мертвецы смотрят ей вслед, высунув головы из своих могил и гробниц. Так она и стояла, не зная, что делать дальше, как вдруг не то из гробницы, не то откуда-то сверху раздался странный голос, и через секунду на плечи ей взобралось какое-то чудовище. Чудовище протянуло к ее горлу длинные, обросшие шерстью лапы. Унсиной закачалась, как бы от сильного удара в грудь, и потеряла сознание. Очнувшись, она увидела, как чудовище, оставив ее, медленно заковыляло прочь и исчезло за гробницей. Унсиной поняла — это обезьяна. Обезьяна Додхо! Разумеется, не сам Додхо привел ее сюда, он прислал ее с кем-то из своих людей. Бог мой, есть ли еще кто на свете, кто мог бы сравниться с Додхо в бессердечии и жестокости!

Унсиной теперь несколько успокоилась: каким бы безжалостным и жестоким не был этот человек, все же он находился где-то поблизости.

Покинув кладбище, она выбралась на большую дорогу. Пройдя полпути, Унсиной почувствовала боль в левой руке, а боль эта напомнила про кумган. Где же кумган? Ведь она несла его в левой руке! Остановившись на миг, она прижала обеими руками к груди горячий чайник и ускорила шаги. Но, как это часто бывает во сне, ей думалось, что она топчется на месте и чайник становится все тяжелее и тяжелее.

Унсиной едва добралась до массивной двери комнаты Нодирмохбегим и с трудом открыла ее, переступив порог и сделав несколько шагов, она в изнеможении опустилась на колени и поставила чайник на сандал из носика чайника **еще** вилась тонкая струйка пара. И потом, словно достигнув исполнения самого заветного желания в жизни, упала и потеряла сознание.

^y **Дремавший у сандала Додхо вздрогнул открыл глаза и задвигал губами. Подняв голову, увидел Унспной, и ему**

показалось, будто она умирает. Не отрывая от нее вытаращенных глаз, он медленно и осторожно поднялся и словно убегая от смертельной опасности, одним прыжком перемахнул через сандал и выбежал вон.

Прндя в сознание, Унсной увидела, что лежит возле сандала, а Нодпрмохбегим плачет. Правый глаз у нее распух, под ним расплылся синяк, а белый кисейный платок закапан кровью, Унсной хотела было спросить, не отказался ли Додхо от своего обещания, но вместо этого тихо, почти шепотом, спросила:

— Что это с вами?

А произошло вот что. После ухода Унсиной на кладбище Нодпрмохбегим обратилась к Додхо с мольбой сжалиться над юной Унсной, вернуть ее домой. В ответ она получила страшный удар в лицо. Но Нодпрмохбегим не стала рассказывать об этом, она только еще горше заплакала, поглаживая Унсиной по голове, прижимаясь щекой к ее щеке. Потом послала человека на кладбище за горстью земли и, когда принесли горсть земли, размешала ее в пиале с водой и протянула Унсной:

— Испей, сердечко мое, испей. Ты испугалась... Тому, кто пережил страх на кладбище, нет лучшего лекарства, как испить воды с горстью кладбищенской земли.

Унсиной выпила мутную воду и почувствовала себя немного лучше.

— Господь бог отблагодарит вас за меня... Могу ли я теперь уехать в Ганджиравон?

— Можешь, можешь, — ответила Нодирмохбегим. — Вот придешь немного в себя — и отправишься.

В просветлевших глазах Унсиной заблестели слезы.

— Да я ничего, я здорова... До полудня совсем встану на ноги, а там можно и в путь... Только пошлите в Ганджиравон человека, пусть отец и матушка получат хотя бы немного радости...

Не страшась побоев Додхо, Нодпрмохбегим тут же снарядила человека в Ганджиравон.

Но Унсиной не дотянула до полудня, скончалась...

В вечерних сумерках тело Унсиной завернули в одеяло и положили на арбу. По-прежнему ревел и бесновался ветер, воя и свистя в голых ветвях деревьев.

Из ворот вышла Нодпрмохбегим в парандже, с небольшим белым узелком в руках. Она присела на корточки лицом к воротам, прошептала что-то, молитвенно воздев

руки, потом, согнув их в кулаки, трижды ударила о землю, словно пытаясь вогнать в нее тьму, и самого Додхо, и его богатое обиталище. Затем поднялась резким движением: «Ноги моей больше не будет здесь!» — повернулась, вскарабкалась па арбу и села в изголовьи покойной.

Арба тронулась, а когда она выбралась за городские степы, навстречу попался слуга, возвращающийся из Ганджиравопа, куда относил радостную весть...

1961

К у в ш п и ы

У

Некто Вахабджан Туракулов получил повышение по службе и одновременно квартиру в благоустроенном доме.

Наступил радостный час переезда на новое местожительство.

В последний раз оглядел Туракулов свой старый дворик (машина со всем его имуществом и скарбом, с женой и детьми «на борту» уже уехала по новому адресу) и вдруг в куче всякого хлама, сваленного под тандыром, увидел два глиняных кувшина.

Это были добротные простые гончарные изделия, созданные в свое время руками трудолюбивого, но невзыскательного базарного ремесленника. В наше время по своему бытовому значению такие кувшины, можно сказать, равны масляному светильнику с ватным фитилем, который служил нашим прадедам вместо электрической лампочки.

Глазурь на старых кувшинах потрескалась и местами облупилась. Никто не посмел бы обвинить жену Туракулова, не захотевшую тащить эту ненужную рухлядь в новую удобную квартиру, в небрежности и расточительстве.

Однако Туракулов вдруг почему-то почувствовал острую жалость к этим инвалидам: они так сиротливо и так беспомощно лежали на боку среди грязи и мусора! Он поднял кувшины, зажал их под мышками и навсегда покинул старый дворик.

Когда Туракулов проходил через гузар мимо чайхапы, с помоста ее спрыгнули двое незнакомых ему мужчин и остановили его. Осторожно, даже нежно освободив Туракулова от его двойной ноши, они в весьма ночгительных и цветистых выражениях пригласили его посидеть с ппми в майхапе за ппалой чая. И тогда Туракулов узнал обоих незнакомцев: Назаровы! Фамилия вот этого, очень толстого — Назаров, другой, тощий и длинный, как жердь, тоже Назаров! Раза два-три Туракулов встречал их в коридорах своего учреждения и даже обратил внимание на то, что, несмотря на свое внешнее различие, Назаров-толстый и Назаров-тощий очень похожи по характеру друг на друга. Сослуживцы их так и прозвали: Дубль-Назаров.

Назаровы были так настойчивы, что Туракулову пришлось согласиться.

Назаров-толстый, низко склонив голову, подал Туракулову пиалу с душистым чаем, а когда тот сделал глоток, умильно пошлепал ладонью по глиняному чреву старого кувшина и сказал:

— Отличная вещь! Я преклоняюсь перед вашим вкусом. В наше время на тысячу людей найдется едва ли один, способный по достоинству оценить старинную антикварную вещь.

— Неверно ты говоришь! — перебил Назарова-толстого Назаров-тощий.— Не из тысячи — один, а из ста тысяч — один!..

Назаров-толстый, надув и без того обширные щеки, подул в кувшин через горлышко, потом постучал по его звонкому боку костяшками пальцев и сказал:

— Честь и хвала славному кустарю-художнику, его создателю! Вещь не отличная, а я бы сказал — преотличная!

Тогда Назаров-тощий, чтобы не отстать от своего напарника, схватил второй кувшин, понюхал его, а потом потерся щекой о его бочок и воскликнул:

— И опять неверно ты говоришь! Кустарь только создал вещь, но славу его созданию принесли ценители то есть обладатели тонкого художественного вкуса^ каким, например, является наш достопочтеннейший Вахабджан-ака! Мне делается худо, когда я думаю, что этот высокохудожественный кувшин мог попасть в руки какого-нибудь вахлака-профана.

Назаров-толстый подхватил эту глубокую мысль. П пошло, п поехало! Назаровы принялись самозабвенно и страстно, словно поющие соловьи, наперебой расхваливать тонкий вкус п просвещенный ум Вахабджана-ака, непревзойденного знатока искусства.

Когда говорил один, второй умильно кивал головой, подтверждая свое полное согласие со словами первого. Когда начинал говорить второй, первый цокал в восхищении языком п закатывал от избытка чувств глаза.

Туракулову стало не по себе. Он искоса посмотрел на старые кувшины. Может быть, п в самом деле это какие-то особенные, замечательные кувшины? Нет, на помосте чайханы лежали те же облупленные глиняные инвалиды. Они честно послужили ему, но при чем здесь его тонкий вкус и понимание искусства? Какое же тут искусство! Самая обычная грубая, но прочная базарная работа! И Таракулов сказал:

— Да полно вам, друзья! Вы малость перехватили! Высокохудожественная вещь! Да вы посмотрите на рисунок, вот на этот, на боку — нельзя даже понять, что тут нарисовано, не то бык, не то свинья!..

Эти слова подействовали на Назаровых так, будто их окатили сразу из обоих кувшинов ледяной водой. Однако со своей растерянностью они справились быстро.

Назаров-толстый засмеялся, и его живот, похожий на половинку груши «дюшес», бурно заколыхался от смеха. Отсмеявшись (и за это время собравшись с мыслями), он сказал:

— Верно вы заметили! Тут художник допустил промах. Но ведь этот промах, как это ни странно, еще больше украсил кувшин. Я бы сказал, что именно этот промах к сделал кувшин подлинным шедевром искусства, что вы в силу своего тонкого вкуса и почувствовали, Вахабджая-ака! Да, да, да, бывают такие «промахи»!

А Назаров-тощий посмотрел на кувшин словно испуганная курица на промчавшийся мимо грузовик, вобрал голову в плечи и, выпятив подбородок, стал развивать сказанное Назаровым-толстым.

— А мне думается, что это даже не промах. Это как бы промах, но на самом деле не промах. Художник сознательно шел на то, чтобы сделать рисунок нецонятым. Он хотел заставить людей поломать голову, хотел взбудоражить их ум. Это бык! — скажет один. Нет, это свинья! —

скажет другой. И это хорошо, потому что истина рождается в споре, а спор оостряет ум. Я считаю, что кувшины как раз тем и хороши, что рисунок на нем непонятен!

— А я уверен, что Вахабджан-ака сам как раз так и думает,— ласково хохотнув, сказал Назаров-толстый.— Говоря о непонятном рисунке па боку кувшина, он хотел испытать нас, своих подчиненных, узнать силу нашего ума, паши деловые и прочие качества. Настоящий руководитель именно так и должен поступать!

Туракулов, которому надоела вся эта приторная лесть, подумал:

«Ну, эти двое, видать, из тех молодчиков, которые расшибутся, но не дадут упасть на землю плевку начальника».

И прежде чем Назаров-тощий раскрыл рот, чтобы запеть в унисон с Назаровым-толстым, он сказал:

— Ну, вы, друзья, я вижу, меня поняли и намерение мое разгадали правильно. Мне очень приятно, что вы оказались людьми хорошего вкуса и что вы разбираетесь в самых разных вещах, проникаете, так сказать, в самую их суть. С вами — не пропадешь! На таких подчиненных, как вы, можно положиться: выручат в трудную минуту!.. Могу вам, друзья, признаться, что эти старые кувшины в свое время стоили мне больших денег!

Назаров-толстый поспешил поддакнуть начальству.

— Правильно! Дутар, вино и такие предметы, как эти кувшины, чем старше — тем дороже!

— Вот именно. Я буду вам очень признателен, друзья, если вы продадите их. Найдите на них покупателя со вкусом, прошу вас. Мне, понимаете, деньги очень нужны в связи с переездом на новую квартиру.

Некоторое время Назаровы молчали, потом одновременно спросили:

— За сколько же их продать?

Туракулов сказал:

— Вы — знатоки, вы знаете это лучше, чем я. Богда кувшины были новые, я уплатил за каждый — дай бог памяти — ну да, по пятисот рублей. Может быть, даже чуть побольше, но в общем будем считать по пятисот. Было это... было... ну да, лет двадцать тому назад! Допустим даже, что они ежегодно старели хотя бы... хотя бы на двадцать пять рублей. Двадцать пять помножить на двадцать... Ну да, теперь они стоят по тысяче рубликов

каждый. Так и продавайте. А что выручите спорх тысячи каждый — можете взять себе!

С этими словами Туракулов вручил каждому из Назаровых по кувшину, вышел из чайханы и быстро затерялся в базарной толпе.

Первым пришел в себя Назаров-тощий. Он посмотрел на Назарова-толстого так, будто хотел живьем проглотить все его жиры, одним толчком откатил к нему свой кувшин и сказал:

— Что же ты сидишь, толстомясый! Иди, продавай!

Двумя толчками Назаров-толстый послал оба кувшина к Назарову-тощему.

— Я только говорил, а ты на всю чайхану орал, расхваливая вкус проныры Туракулова! Поднимайся, мерин костлявый, ты хвалил, ты и продавай эти проклятые кувшины!

Началась ссора. Кончилась она тем, что Назаровы схватили каждый по кувшину и в одно мгновение опустили их: Назаров-толстый на голову Назарова-тощего, и Назаров-тощий на голову Назарова-толстого. Упали они на помост чайханы тоже одновременно и сразу оба потеряли сознание. Недаром же в учреждении их прозвали Дубль-Назаров!

1962

Хвостатые люди

М

"•ои племянник — он работает в местном отделении интуриста — в прошлую субботу, придя домой, сказал мне:

— В этом году к нам приезжает много туристов-иностранцев. У нас не хватает экскурсоводов. Не поможете ли? Хотя бы денечка на два?

Всего восемь месяцев, как я вышел на пенсию. Еще не успел окончательно привыкнуть к безделью. Вмешивался в домашние дела, тем самым изводя и свою старуху, и себя. Поэтому я с охотой откликнулся на предложение племяша.

Одиннадцать лет я работал в интуристе. За это время кое-как по словечку, по выражению я осваивал английский язык, под конец даже осилил толстенный роман. Я интересовался этим языком не только по долгу службы. Еще в детстве я наслушался рассказов об Америке, о ее небоскребах, висячих дорогах, о всевозможных американских чудесах...

В понедельник, надев новый халат из банореса и зеленую бархатную тюбетейку, я направился в интурист. В кабинете племянника я застал высокого лысого человека лет сорока пяти. Я предположил, что это и есть заморский гость, и поздоровался по-английски.

Человек удивленно поднялся, будто увидел нечто невиданное, забыв ответить на приветствие, оглядел меня с ног до головы и спросил, узбек ли я, а если узбек, то откуда знаю английский. Выслушав мой ответ, он

недоверчиво пощупал мои халат, потрогал тибетейку. Пломянник мне подмигнул: терпи, дескать, служба...

Я повел моего иностранца в гостиницу, где его ждал хороший двухкомнатный помер. Гость со знакомой у;ко мне недоверчивостью осмотрел каждый предмет, вес потрогал, потряс, даже поскреб. Я не стал на это обращать внимания. Чему удивляться, если человек усомнился, что узбек, говорящий по-английски, действительно узбек. За границей, как видно, есть люди, которым ничегошеньки не известно об Узбекистане, возможно, они принимают узбеков за дикое племя, которое носит шкуры и изъясняется с помощью жестов.

После обеда гость вышел на улицу. Показывая на старую чинару, бросающую тень на фасад гостиницы, он спросил:

— Должно быть, посажена после революции? Не так ли?

Я немного смутился,— ведь каждому очевидно, что чинаре этой добрых полтора года лет. Тогда, в конторе, иностранец недоверчиво ощупывал мою одежду, теперь пробовал прощупать мою душу, поймать меня на неправде. Это меня порядком разозлило. Мне тоже захотелось пощупать его пиджак. Но, помня о своей деликатной миссии, я сдержался.

— Да, после революции,— миролюбиво ответил я.

Гость был несказанно рад — ему удалось-таки подцепить меня на крючок. Чтоб доставить ему удовольствие, я добавил:

— Гораздо позже революции, совсем недавно. Это — скоростная чинара.

Улыбка сошла с лица туриста. Он почувствовал подвох и замолчал. Ни о чем не спрашивая меня, достал из футляра фотоаппарат, начал наводить его то на одно, то на другое, но не щелкал. Вдруг он увидел старуху в парандже, однако без чачвана. Старуха шествовала важно, как градоначальник, никого не замечая, пропуская мимо ушей милицейские свистки, твердо выбрасывая палку.

Турист опустился на колени, снял ее спереди, потом обежал кругом и щелкнул затвором за спиной у женщины, потом сбоку.

Я повел его в парк. Тут мы зашли в кафе. После чашки кофе иностранец вытащил записную книжку и углубился в начерченный в ней план пашего города. "

— Другие достопримечательности оставим на завтра. Сегодня удовлетворимся гробницей Рексуллохи Ансори! Она где-то неподалеку...

Рексуллохи Ансори... Я в недоумении повторил про себя это имя. В детстве я слышал про Рексу-бобо,—в то времена в правом крыле парка была возвышенность — сейчас там здание театра. Недалеко от этого места располагалось кладбище и в середине его — могила Рексу-бобо. Мне стало не по себе: был, оказывается, некогда почтенный человек по имени Рексуллохи Ансори, о нем знает приезжий из далекой страны, а я ничего не ведаю. Безобразие да и только!.. Я принялся искать какую-нибудь хитрость, чтобы выйти из неловкого положения. Но, ничего не придумав, решил, что лучший выход — правда.

— Чем обязан наш город этому деятелю? — спросил я.

Гость замялся. Тогда я стал называть имена земляков и соплеменников, известные всему миру. Нет, ни о ком он, как выяснилось, ничего не слышал, даже об Ибн Сине.

«Если он сам не знает, кто такой Рексуллохи Ансори, почему же носится с его именем, почему оно значится в его записной книжке,— подумал я,— зачем ему понадобилась его могила?»

Гость молчал, загадочно улыбаясь, и вдруг ошарашил меня:

— Вы видели хвостатых людей?

Я рассмеялся, считая, что иностранец хочет с помощью шутки изменить тему разговора.

Но когда мы вышли из кафе и приблизились к театру, гость заговорил вполне серьезно о людях с хвостами и о таинственном Ансори. Мы уже снова были на улице, а он не умолкал. Тогда у меня мелькнула мысль: Рексуллохи Ансори — это же и есть представитель загадочного племени хвостатых людей.

Я угадал и в награду за свою догадливость выслушал нехитрую историю моего невольного спутника, посвятившего себя поискам хвостатого человека.

Его отцу принадлежало сравнительно небольшое предприятие: когда оно лопнуло, он занялся антропологией. После его смерти остались рукописи, в одной из которых говорилось о Рексуллохи Ансори — представителе хвостатой породы людей. Вывод был крайне прост: в районе захоронения Рексуллохи Ансори и сейчас, вероятно, обитают хвостатые люди.

Теперь я понял его странную любознательность, понял, почему он столь внимательно разглядывал жщчпщи в длинных платьях,—бедняга, он искал признаки хвостатости.

Мне не только говорить с ним, видеть его лица не хотелось. Я пожалел, что опрометчиво согласился на предложение племянника. Но деваться было некуда, и, чтобы как-то выйти из положения, я попытался перевести разговор:

— Вы, наверно, продолжаете дело отца, унаследовали его увлечение антропологией?

— Ничуть не бывало,— ответил гость.— Я — журналист!

— Тогда зачем же вам хвостатые люди?

— Мне лично они абсолютно не нужны. Они необходимы моей газете! Хотя бы одна-единственная фотография! Вот поднялся бы шум! Неужто вы мне не можете?

Я обещал подумать. Турист очень обрадовался. После обеда он отправился отдохнуть в свой номер, а я пошел облегчить свою душу к племяннику. Выслушав меня, он засмеялся и посоветовал не сердиться.

— Считай это чудачеством, будь снисходителен. Твоя задача — помочь ему встретиться с кем ему захочется, побывать там, где он пожелает. И только...

Вечером я повел гостя на концерт. Он не переставал внимательно всех оглядывать и увязался за старцем в долгополом халате. Хорошо, что в это время погас свет и он не успел шелкнуть своей лейкой.

Выступления артистов его не занимали, во время какого-то бурного танца он даже задремал. Поэтому мы не остались на второе отделение и, условившись о завтрашней встрече, распрощались.

Назавтра, едва я переступил порог, он встретил меня вопросом:

— Вы не забыли наш вчерашний разговор?

Я промолчал. Однако собеседник не сомневался в моей готовности прийти ему на помощь и похлопал меня по плечу. Он просил зайти с ним в какой-нибудь жилой дом неподалеку от театра. Мне ничего не оставалось, как выполнить его просьбу.

Когда мы входили в ворота, гость взволнованно снял с шеи фотоаппарат.

Это был ничем не примечательный дом. Во дворе росли фруктовые деревья, цветы. Средних лет женщина снимала персики. Увидев нас, она слезла с лестницы, поздоровалась, быстро приготовила место на супе, расстелила скатерть. Поставила блюдо с горой персиков.

Гость ^смотрел то на меня, то на женщину. Она охотно и свободно отвечала на его вопросы. Ее сын — врач, невестка — учительница, сейчас оба на работе.

Турист разочарованно отложил фотоаппарат и выместил свою досаду на персиках.

Поблагодарив хозяйку, мы вышли на улицу. Видимо, и дом, и гостеприимство незнакомой женщины показались моему спутнику подозрительными. Уж не вожу ли я его за нос, не желая продемонстрировать людей с хвостами.

Он заглянул еще в несколько дворов. Я не возражал, но предпочитал оставаться на улице,— чтоб искать у людей хвосты, переводчик не нужен.

Потом мы сидели в чайхане. Мой спутник мне порядком надоел. Мне уже не верилось, что он видел небоскребы, ходил по висячим дорогам... Хотя я некурящий, меня потянуло закурить. Я зашел в табачный магазин. Когда вышел, гостя и след простыл. Я представил себе, как мой бедолага-спутник заглянул в какой-нибудь дом и жестами выясняет у хозяев, есть ли у них хвосты. Хорошо, коль попадетя человек с юмором. А ведь иной может и по шее надавать...

Прошел час. Иностранец не появлялся. Я позвонил из автомата племяннику. Он старался меня утешить и попросил оставаться на месте.

Я еще немного посидел в чайхане и, заметив неподалеку полуразвалившуюся башенку старой мечети, подумал, не решил ли мой спутник запечатлеть ее на фото- пленке,— должна же его интересовать среднеазиатская экзотика! Я заглянул внутрь мечети, обошел вокруг, расспросил людей. Все четко. Я уже собирался вернуться в чайхану, как из переулка выехали две свадебные машины, переполненные веселыми нарядными людьми. Впереди, в кузове, рядом с музыкантом, который, надув щеки, играл на сурнае, я увидел странного человека в полосатом халате. Я пригляделся повнимательнее. Так и есть — он самый!

Обрадованный, я бросился наперерез, пытаюсь остановить машину. Турист явно не замечал меня. Он был силь-

но навеселе. В машине находились мои знакомые, они настойчиво зазывали меня. Так как гость и не помышлял о том, чтоб Сойти, я попросил свадебный кортеж о небольшой остановке. Позвонил племяннику и рассказал о встрече, о том, как сбежавший иностранец случайно попал в дом, где шла свадьба; его посадили на почетное место, подарили нарядный халат. Теперь вместе со своими новыми знакомыми он направлялся в дом невесты.

Племянника развеселил мой рассказ.

— Вам ничего не остается, как вместе с ним ехать к невесте, — заметил он.

В доме невесты — опять веселье, опять возлияния. Турист опьянел, да так, что пришлось прибегнуть к помощи врача. Придя в себя, иноземец вновь приступил к поискам хвостатых особей. Мне это вконец надоело, и я пообещал завтра свести его с самым что ни на есть хвостатым человеком. Пусть он только прекратит сейчас свои розыски.

Гость растроганно поцеловал меня и выпил за мое здоровье.

На следующее утро я застал его в плачевном состоянии. Я надеялся, что ему не до навязчивой идеи. Однако ошибся. С трудом приподняв голову с подушки, он напомнил мне о моем вчерашнем обещании. Я напоил его крепким чаем, накормил чем-то кисленьким и после этого попытался втолковать ему, что он зря ищет хвостатого человека. Гость расстроился. Не желая расставаться с надеждой, он робко попросил:

— Если нельзя вблизи увидеть хоть один хвостатый экземпляр, то издали покажите. Мой аппарат фотографирует на два километра!

Отчаявшись избавиться от его дурацких требований, я попросил у него лейку.

— Я сам найду сведущего человека и попрошу его сфотографировать кого-нибудь хвостатого...

Гость с готовностью вручил мне свой аппарат и завалился спать.

После полудня я застал его таким же вялым и ослабленным. Но услышав, что аппарат отдан надежному человеку и будет пленка с хвостатыми людьми, он вскочил на ноги.

— идо условие,— остановил я его.— Фотоаппарат вы получите перед самым отлетом, при посадке в самолет.

— да-ра же вылетаю! — вздохнул облегченно путешественник.

До самого вечера мы бродили по городу, смотрели достопримечательности, исторические памятники, спустились к озеру, образовавшемуся у плотины, обошли новые улицы и площади. Гость вел себя спокойно. Я не заметил, чтобы он чем-то заинтересовался. Он заполнял время, ожидая, когда кончится этот день и наступит следующий. Моя попытка развлечь его в парке культуры и отдыха тоже не увенчалась успехом.

Наступил долгожданный для нас обоих день его отъезда. Я привез в аэропорт завернутый в черную бумагу фотоаппарат. Глаза гостя радостно загорелись. Он потащил меня в угол и вытащил из кармана пачку денег.

— Я вас не обижу,— заверил он меня.— Сколько БЫ обещали тому человеку?

— Не будем сейчас о деньгах,— предложил я,— сначала обнародуйте снимки, тогда сами установите цену и вышлете деньги.

Гость опять горячо благодарил.

Вот он исчез в салоне. Самолет взял курс на Таджикистан.

Кто знает, удержится ли он от соблазна, сможет ли вытерпеть, пока доедет до родины или уже в Таджикистане проявит пленку. Его ждет великое разочарование. Да ниспошлет ему аллах силы! Вместо хвостатых людей ему предстоит увидеть самого себя.

Мой младший сынишка, научившийся фотографировать в школьном кружке, по моей незаметной команде вчера несколько раз снял ничего не подозревавшего журналиста, самоотверженно посвятившего себя поискам хвостатого человека. Мой сын — очень внимательный и наблюдательный мальчик, не сомневаюсь, что он сумел выбрать подходящие моменты и выразительные позы.

Об этом я не считал возможным рассказать племяннику. А если и расскажу когда-нибудь, надеюсь, он не рассердится. В конце концов, я не причинил нашему гостю ни малейшего зла. Глядя на эти фотографии, оп когда-нибудь вспомнит наш край и свои научные поиски.

1962

Махалля

Оабушка Рохат грела ноги, открыв дверцу печи: последние несколько дней она все мерзла, хотя в доме было не холодно. Старик клеил у окна порванную внуком книгу, он покосился поверх очков:

— Никак вас не научишь у печки греться! Может, разрыть пол и сандал сделать? Когда дверца открыта, можете считать, что греете небо!

Бабушка Рохат закрыла дверцу и прилегла на дивап. Так она и осталась лежать: сперва не хотелось подниматься, а после уже и сил не было. На третий день сердце у нее стало биться часто-часто — п вдруг разом ослабло: она умерла.

Хикмат-бобо сразу даже и не понял, что произошло: он стоял, точно громом оглушенный. Лить когда вбежали в комнату сын, невестка, впуки и в доме поднялся плач, старика начало трясти мелко-мелко. «Что же это, о аллах всемогущий? — шептал он дрожа.— Что там еще для меня осталось? Сыпь все сразу на мою голову...» Пятьдесят три года прожили они вместе: ели с одного дастархана, ложились на одну постель; как шелковичный червь коконом, облекли себя общей оболочкой чувств и привычек; казалось немислимым, что один может исчезнуть, а другой останется жить в этой полупустой оболочке...

Когда выполнили все обряды и стали выносить гроб, в старике словно что-то надломилось: в груди стало пусто и больно; он заплакал. Старушку предали земле, верпу-

лись домон; дом и двор были полны народа: выразить сочувствие пришла чуть ли не вся махалля. Но Хикмат-бобо, серый и поникший, как больная горлянка, безучастно сидел в уголке — так, будто никого и ничего не осталось у него па всем свете.

За педелю, протекшую следом, старик совсем сдал. Он высох, как росток, оставленный без воды, и когда лежал, закрыв глаза, трудно было понять, жив он еще или умер. Только если вспоминались ему грубые слова, сказанные старушке, когда она села было погреть замерзшие ноги, его всего передергивало, как от укола иглой.

Домашние старались не оставлять его одного. Младший внук перенес к нему в комнату свои игрушки и усаживался подле деда, едва приходил из детского сада. Старший, у которого был фотоаппарат, раз по пять в день фотографировал старика, заставляя его принимать разные позы. Сын катал его по городу на такси; по старик, с трудом соглашавшийся на эти поездки, только приговаривал с горькой досадой: «Пока мать была, тебе это в голову не приходило!» Ненадолго развлек его магнитофон, откуда-то принесенный невесткой; старик быстро научился с ним обращаться. Но уже на другой день невестка застала его у магнитофона плачущим.

— Доченька,— сказал он, глотая слезы,— принесла бы его пораньше! Я... записал бы... бабушкин голос...

Несколько дней спустя прошел сильный дождь и смысл наконец-то остатки серого снега, еще лежавшего во дворе. Старик стоял на айване, прислонясь к столбу, и смотрел, как падают тяжелые, сплетаемые ветром водяные нити. В глаза ему бросилась одинокая старая галоша, валяющаяся у тандыра. Он сразу узнал ее: у бедняжки Рохат ноги в последнее время распухали, и галоша была надрезана в подьеме. Старик вышел под дождь, поднял галошу и отнес ее к себе в комнату. В грудь ему снова вошла щемящая пустота — как тогда, когда выносили из дому гроб. Он проплакал до вечера, а когда вернулись с работы сын и невестка, сказал вдруг жестко и горько:

— Бедную старушку и врачам-то не показали толком!..

По ночам ему не спалось. Даже приняв снотворное, он просыпался чуть не в полночь и сидел до утра или бродил тихонько по дому. Все в доме напоминало ему старушку. Ином раз, увидев что-нибудь, он, как в воду,

погружался в воспоминания; тяжесть на мгновение исчезала, и представлялось, что все в жизни, как было, старушка просто вышла из дому ненадолго. Но какой-нибудь случайный звук тут же возвращал его к действительности. Сын и невестка прямо извелись, глядя на него.

Однажды старик исчез. Целый день его искали — у соседей, у родственников, у знакомых; справлялись в скорой помощи, заявили в милицию. Не догадались только сходить на кладбище; старик был там. Он и раньше часто навещал могилу старушки, просиживая в изголовье час-полтора; но так долго никогда не задерживался. На этот раз на кладбище он пошел прямо в контору и после долгих препирательств (заведующий никак не соглашался) договорился-таки, чтобы рядом с могилой старушки приготовили еще одну — для него. Он заплатил, что требовалось, и, пока рыли, сидел и смотрел. К заходу солнца он совсем изнемог от усталости — и отправился домой. Кто-то помог ему сойти с автобуса и отвел на тротуар. Чистильщик, сидевший на углу махалли, увидев, что старик едва передвигает ноги, побежал ему навстречу, отвел к себе в будку и напоил чаем.

— Не убивайтесь, отец,— сказал он и покачал головой.— Что говорить, старушка у вас была замечательная. Видали, сколько народу на похороны пришло? Да у нас в махалле земля на метр села, ей-богу! Посмотрел я тогда в думаю: видно, матушка, придя на свет, сажала, как говорится, не деревья, а добрых людей — вон какой сад вырос!

То ли от чая, то ли от слов чистильщика — старик немного приободрился.

— Да,— сказал он с гордостью,— до сих пор люди приходят! И на работе у нее — сколько лет прошло! — а все ее до сих пор помнят!

На улице старика окружила целая толпа — домашние и соседи. Кто-то сердито выговаривал ему, кто-то ласково упрекал, кто-то вздыхал облегченно. Возле самого дома повстречался им участковый врач. Узнав, в чем дело, он сперва сурово насупился, но потом, взглянув на старика, завел речь о старушке.

— Да,— сказал он,— матушку нашу словами не опишешь... И столько народу пришло прощаться с нею не зря. Однако, папаша,— тут он назидательно поднял палец,— оказывается, нашей махалле самовар нужен! Да,

ведер па восемь, не меньше — в тот день это было очень, очень заметно!

Старик посмотрел на него ошарашенно.

— Так что,— продолжал врач деловым тоном,— если собирать деньги со всей махалли, сколько придется с каждого?

Старик вдруг рассердился.

— Если нужно, так у моего сына на один самовар сил хватит!

— Ну и хорошо,— сказал врач и улыбнулся: такого ответа он, видимо, и ждал.

Старику было, конечно, не до самовара; не для этого он заказал себе могилу. Но так как от имени сына он принял перед махаллей обязательство, пришлось, скрепя сердце, братья за дело. Назавтра он взял у сына денег и пошел искать самовар подходящих размеров. Это, однако, оказалось нелегко — ненамного легче, чем добыть медь из земли и самому сделать из нее самовар. Не осталось магазина, где старик не побывал бы, завмага, к которому он не обращался бы с настойчивыми просьбами. Сын и невестка только дивились: откуда берутся у старика силы?

Наконец — не без помощи разных важных соседей по махалле — нужный самовар нашли, и председатель махаллинской комиссии торжественно принял его по акту; и когда на общем собрании он объявил благодарность Хикмату-бобо, все заплодировали. Но тут кто-то поднялся и сказал, что самовар — это только полдела. В махалле, если не каждый день, то уж два-три раза в неделю бывают разные семейные праздники, и люди всякий раз ходят по домам, занимая у соседей посуду, скатерти, стулья, кухонную утварь... Так нельзя ли собрать с махалли деньги и раз навсегда купить для общего пользования все необходимое — человек на сто пятьдесят? Предложение одобрили, а когда председатель спросил, кому это поручить, с шумом указали на Хикмата-бобск. Старик поднялся, стал было сердито отказываться, но все снова заплодировали, не давая ему говорить, и оп, пожав с досадой плечами, сдался.

Сколько семей в махалле? Все ли, пожалев старика, принесут деньги? Ко многим придется заходить, и еще хорошо, если дадут деньги после первого напоминания; одни скажут: «Приходи завтра», другие — «Почему, мол,

тот дал столько, а я должен давать столько?» — третьи вообще сидели на собрании, разинув рот, и им придется объяснять все с самого начала...

Теперь с утра старик отправлялся к соседям. Затем, собрав часть дегег, ходил по магазинам. Потом, не найдя чего-нибудь в магазинах, шел с жалобами в разные учреждения. Свободного времени у него почти не оставалось; только иногда, улучив момент, он отпраплялся к старушке на кладбище.

Наконец он купил все необходимое и запер в школьном сарае. Но оказалось, что сохранять все это гораздо труднее, чем собрать. Одни берут и вовремя не приносят, так что приходится напоминать; другие возвращают чайники с отбитыми носами, прожженные папиросами скалтерти, залитые чем-то столики, погнутые или вовсе сломанные вилки; и вдобавок еще набираются нахальства утверждать, что так и было! Старикуну пришлось потратить немало красноречия, но, слава богу, люди довольно быстро образумились, и у него стало меньше хлопот.

Весна была уже па исходе. В городе кончалась посадка деревьев, и в газете появилась статья об озеленении, о том, какие махалли хорошо провели кампанию, какие — не выполнили плана. Среди образцовых была названа и их махалля; в статье так и было сказано: «Из года в год выполняет план по озеленению...» Прочитав это вслух, старший внук старика расхохотался: большая часть высаженных в прошлом году деревьев высохла.

Старик вышел на улицу и стал осматривать деревья. Он насчитал тысячу семьсот прошлогодних саженцев; из них принялось только восемьсот с чем-то, и из тех некоторые были поломаны... Старик записал цифры и пошел в редакцию. Сначала, пока искал нужную комнату, он чувствовал себя стесненно, но когда стал излагать суть дела, разошелся и начал даже шуметь. Его усадили и вежливо попросили написать все это па листке бумаги. А спустя два дня в газете было опубликовано письмо в редакцию за подписью: «Хикмат Норматов, пенсионер»...

В тот день, после обеда, старик сидел на углу и читал ичиги, слушая нескончаемую болтовню чистильщика о том, как опозорилась махалля с этим озеленением. Мимо проходил махаллинский секретарь. Ему, видно, уже

вдорово влетело от начальства; узнав старика, он закричал:

— Вот находятся тут разные, делать им нечего! Без вас не справимся! Сидел бы себе спокойно, и так одна нога в могиле!

Старик повернулся к нему, хотел что-то возразить — и осекся. Секретарь, зло махнув рукой, ушел. Старик поднялся и побрел домой, понутив голову. Что этот парень хотел сказать? Может, он знает что-нибудь про могилу? А нет — так узнает...

Придя домой, он сел писать письмо. «Пишу уважаемому заведующему и могильщикам и ставлю в известность, что могила под старым тополем, вырытая на мое имя, мне не понадобится. Сдаю ее в канцелярию для использования по назначению. Хикмат-бобо Норматов».

Потом он взял у старшего внука конверт, хотел написать его, но сообразил, что не знает адреса, да и вообще вряд ли у кладбища имеется адрес: тогда он просто вклеил конверт и попросил внука отнести его в контору.

1964

ПОТУХШИЙ вулкан

Д одиннадцать часов ночи раздался телефонный звонок. Я узнал голос Шермата-ака: «Пусть приготовят плов. Я вскоре зайду».

Мы знали эту его манеру звонить и приходить к нам в любое время и держали наготове все необходимое для плова.

Плов был уже готов, когда пришел Шермат-ака. Он молча сел перед дымившимся блюдом.

Обычно Шермат-ака втягивал в себя аромат баранины, издавал звук, который издают, когда сосут стебель джугары, долго жевал, подняв подбородок, а глотая, закатывал глаза, точно младенец, прильнувший к материнской груди. Даже у больного, увидь он Шермата-ака за этим занятием, пробуждался аппетит.

Но сегодня Шермат-ака есть плов не стал. Причина выяснилась за чаем: его снова хотели перевести на новое место работы.

— Я и сам это чувствовал,— вздохнул Шермат-ака.— У меня обостренная чувствительность, слышу, как змея под землей шевелится... Ладно, я — солдат партии: куда посылают, туда пойду... Но пока что ты не проговорись где-нибудь. Может, еще уладится.

Мы с Шерматом-ака дружим тридцать пять лет. Вот уже три с половиной десятилетия я тружусь под его началом. Он повысил меня от сторожа до извозчика, от извозчика до шофера и, наконец, до завхоза,— в настоящее время я прочно обосновался на этом посту. За тридцать пять лет мы сменили семь учреждений. Куда бы он ни

переходил, через три дня туда же переводил меня. Мы с ним крепко сработались.

При всей своей скромности, должен заметить, что если на протяжении этих лет я, хоть и не очень заметно, однако поднимался вверх, он в таком же примерно темпе спускался вниз по служебной лестнице. Меня это всегда огорчало, огорчает и сегодняшняя новость. Хотя я знаю: у него и без большого чипа солидное положение в обществе, прочная репутация руководящего работника, его имя никто не произносит один раз, а всегда: «Шерматджан-ака, пу, тот самый Шерматжан-ака», «Шермат-ака, ну, тот самый Шермат-ата!»

Меня печалит другое, — он ведь измучился на мелких должностях, а с большими справлялся играючи. Ничего не скажешь, умел руководить в большом масштабе. Во-первых, как говорится, ты — мне, я — тебе; какой бы начальник чего не попросил, он непременно уважит. Во-вторых, если в учреждении совершается некое хорошее дело, воздается прежде всего начальству, т. е. ему, Шермату-ака, а грехи списываются на подчиненных. В-третьих, когда требуется сделать доклад, надежные помощники все готовят. Шерматджану-ака остается лишь переписать арабскими буквами (он не особенно силен в новом алфавите) и с пафосом прочитать в нужном месте. В-четвертых, ему нет необходимости самому читать газеты, он обычно дает распоряжение помощникам: «Появится в газетах что-то касающееся нашего учреждения, прочтете и перескажете мне». И человек, обладающий таким опытом, спускается вниз!

Невзгоды мелких должностей — не подумайте, будто я сплетничаю — сделали Шермата-ака повышенно нервозным: как говорится, злость на Ису срывает на Мусе. Иной раз из-за какого-нибудь пустяка он поднимает шум, привечает тех, кто непокладистее, и гонит строптивых. Немало труда он затратил, чтобы избавиться от сотрудника, который ему брякнул: «Что вы понапрасну надрываете глотку?»

Не считите опять-таки за сплетню, но Шермат-ака является на работу далеко не каждый день, а на общие собрания вовсе не является. Если и заглянет на партийное собрание, то не для того, чтобы участвовать в обсуждении или высказать какую-то мысль, а только показаться! ВО

он — я. И сидит насупившись, надутый, неприступный — нога на ногу, отсутствующий взгляд...

Назавтра я зашел в чайхану и увидел, что Шермат-ака, зажав в угол своего приятеля, старого учителя, что-то горячо втолковывает ему. Кивнув мне па место рядом с собой, он продолжал:

— ... Правильно, я всегда был солдатом партии. Прикажет мне пройти сквозь огонь, пройду, прикажет пройти сквозь воду, и сквозь воду пройду. Сегодня я солдат, но было время — ходил в генералах... Возьмем к примеру тебя; ты — тоже старый член партии. Сколько у тебя орденов?

Учитель смущенно улыбнулся:

— Немного, один довоенный, два получил на войне...

Шермат-ака неожиданно умолк. Но ненадолго.

— Были времена, когда мне мог достаться орден. Но я предпочел медаль. Правда, имею почетные грамоты, благодарности.

Учитель, теребя седую бороду, снова смущенно улыбнулся:

— До того как получить орден, я преподавал в старших классах, а сейчас не тяну выше четвертого. Много молодых учителей с институтским образованием. Да и ученики уже не те, что были, когда я получил орден. С руководящей работой обстоит так же, друг мой. Появились грамотные специалисты. Народ уже не тот, каким был во времена твоего генеральства. Орденами и медалями нас награждали в благодарность за тогдашние дела. Не снимать же нам сливки со старых наград!

Слова учителя сильно задели Шермата-ака. На его лице застыло разочарование: он не понял, он неудачно выбрал собеседника...

Когда учитель ушел, я сказал:

— Просили меня ничего не говорить, а сами...

Шермат-ака бросил на меня уничтожающий взгляд.

— Я сказал тютельку, а ты бы весь ворох высыпал.

Через несколько дней Шермата-ака вызвали в районный комитет партии на беседу. О чем с ним говорили, он мне не рассказал, но я догадался по двум оброненным словам: «Потухший вулкан».

На следующий день Шермат-ака новел меня в повое учреждение. Было похоже, что здесь ждали его прихода, — служащие встретили его в коридоре. Не только Шермат-

ака, но и я был ошеломлен, увидев кабинет: старый стол, покрытый зеленым сукном с чернильными пятнами, пять-шесть разностильных стульев, один-единственный телефон, да и тот на стене.

У Шормата-ака покраснели веки, задрожал подбородок; было видно, что он готов расплакаться.

Но, взяв себя в руки, он по обычаю созвал сотрудников и обратился к ним с речью:

— На данном этапе я удостоился чести поработать с вами. Сам руководитель ничего не решает, если подчиненные не проявляют инициативу и энергию...

Прежде Шермат-ака читал по бумаге длинную пламенную речь, а сегодняшнее выступление было под стать кабинету.

Люди разошлись. После долгого молчания Шермат-ана иодпял голову и посмотрел на меня. В его глазах застыла безнадежность.

— Что вообще происходит? «Потухший вулкан»!.. Пусть иотухший. Но кратер все-таки остается! Разве не лучше погасший кратер на вершине, чем огонь и дым на земле?.. Позвони жене, пусть приготовит плов. Да хорошенько поперчит!

Я выполнил поручение. По дороге домой Шермат-ака сказал, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому себе:

— Держи грудь колесом, пусть каждый видит: у него есть машина, но он предпочитает прогуляться пешком.

Нам предстояло перейти улицу, по которой катился непрерывный автомобильный поток. Я быстренько перебежал на другую сторону. Шермат-ака продолжал неторопливо шествовать. Один какой-то шофер проворчал, другой — выругался. Шермат-ака, добравшись до тротуара, скорбно вздохнул*

— Вот и дослужились,— от шоферни слышим ругань. Что происходит?

Но я уже §fo не слушал: если мы не ускорим шаг, плов перепреет.

1965

Сияющие вершины

Родную планету любя
Он контуры виселиц видел беззаветно.
Вот мудрость: является смерть вдали.
Лишь только его оторвут от земли и человеку,
Абулла Арипов

Исчезла девочка по имени Зухрагон, отличница, ученица девятого класса, та, о которой по радио объявили, что она лучшая сборщица металлолома, а дирекция школы вынесла ей благодарность.

В ту злополучную субботу после уроков Зухра отдала учебники сестре Фатиме, а сама пошла в степь за тюльпанами. Домой она не вернулась. Родители поначалу ругали дочь, а потом в слезах и тревоге кинулись искать ее.

Директор школы проявил еще большую активность: позвонил в сельсовет и в райцентр, поднял на ноги весь кишлак. Ведь в классе всего четыре отличницы, и Зухра составляла двадцать пять процентов отличной успеваемости.

Высказывали предположения, что Зухра встретила какую-нибудь городскую девчонку, приехавшую за тюльпанами, заговорила с ней и уехала в город. (Язык не поворачивался сказать: «Уехала с парнем».)

Это было единственное, что казалось допустимым, и о другом не хотелось думать.

В самом деле, весной каждую субботу и воскресенье городские парни и девушки приезжали в окрестности кишлака за тюльпанами. Найди они орешек в городе, и то примчались бы на лопо природы, чтобы здесь расколоть и съесть его. Разные приезжали молодые люди: красивые, некрасивые, озорные и смирные, избалованные и просто беспутные парни.

Перевод А. Файбергера.

оухра же пыла девочкой привлекательной. Как говорят, глядишь — не наглядисься. Особенно, когда наряжалась в платье из хан-атласа и взбивала волосы в «журавлиное гнездо». Тогда слово «красивая*» в приложении к ней звучало, пожалуй, слабо и старомодно.

Затем стали думать, что Зухра уехала с парнем, и слегка успокаивали себя в надежде, что парень тот образованный и симпатичный. И все шишки сыпались па голову Фатимы: как же, мол, отпустила сестренку одну, пошла бы вместе с ней, ничего бы с тобой не случилось, ноги бы не отсохли, и какая ты растяпа-разиня, недотепа несчастная!

Как-то Фатима вернулась из школы в слезах: Зухру вычеркнули из списка. Эта новость для стариков родителей была равносильна известию о смерти дочери. Фатиму опять начали пилить.

— Не была бы ты такой разиней, не пало бы па нашу голову все это горе. Зухра младше тебя. Зачем ты отпустила ее за тюльпанами? Надо было загородить дорогу! Не послушается — за косы притащить домой! Что ты за человек, и кому нужна ты такая! И замуж тебя никто не возьмет, остаешься нам подушкой под голову.

Фатима долго терпела такие попреки, наконец разобиделась и возразила:

— Не сваливайте все на меня, мама! Ведь Зухра не только со мной не считалась, но п с вами. Помните, как-то, один-единственный разочек велели вы ей почистить лук. А она что ответила: «Я вам не малайка». Забыли, да? Вы промолчали в ответ. С тех пор, как я помню себя, я все делала по дому, чтобы освободить вас от забот, дать вам спокойно посидеть, отдохнуть. Неужели уважать родителей и заботиться о них — значит быть малайкой? Вы сами во всем виноваты. Вы избаловали Зухру, освободили се от домашних дел. Даже усму вы сами выжимали, чтобы рученьки вашей дочки не почернели!

Мать ни слова не могла возразить Фатиме: будучи неграмотной, причину всех недостатков и невзгод в жизни она видела в иеученостп. Зухра же была способная девочка и училась успешно. Так ее тонкое, как волосинка, достижение в школе прикрыло большие ее недостатки.

После этого разговора Фатиме не выговаривали, по горе матери как бы возросло вдвое. За месяц, пока, наконец, не пришло письмо от Зухры, она вся извелась.

Зухра прислала куцое, без начала и конца, письмишко, в котором было сказано: «Мы с моим спутником жизни исполнили волю наших сердец и заняли прочное место в ряду счастливых социалистических семей. Мы радостно идем к сияющим вершинам будущего. Вы жили в тягостных тисках феодализма и не знаете, что такое любовь, поэтому не обижайтесь на меня. Недалек тот день, когда п вы будете радоваться».

Фатима зачитала письмо сестры, добавив от себя: «Дорогие мамочка и папочка»,— и в конце: «Желаю вам крепкого здоровья». На письме не было ни подписи, ни адреса. На конверте стоял штамп одиннадцатого городского отделения связи.

Слова «счастливая жизнь» и «сияющие вершины» утешили мать. А старик выхватил письмо из рук Фатимы, накинул чапан и уехал в город. Вернулся только через неделю. Оказывается, он обошел все дома, школы, учреждения и предприятия, обслуживаемые одиннадцатым отделением связи. В конце концов обратился в городское управление милиции. Через четыре дня милиция ответила» что «такая гражданка в городе не прописана».

Осенью в районе было большое собрание, на котором шла речь о школе, упоминалось там и о Зухре не в хорошем смысле. Мать слегла.

Прошла зима. Наступила весна. О Зухре не было ни слуху ни духу.

В минуты отчаяния старик бил себя кулаком по голове и, плача, говорил жене: «Объяви траур по проклятой, объяви же траур!»

Фатима закончила школу. Ей так хотелось поступить в институт, но родители возражали: «Если таков результат учебы, пусть сгорят все школы». И сама Фатима раздумала ехать: как она оставит больную мать. Фатима пошла к председателю колхоза просить работу. Председатель слышал, как оценивала «нерадивую» Фатиму собственная мать и, даже не взглянув на нее, велел* идти к заведующему фермой.

Фатима выполняла на ферме всякую работу. Как-то, сетуя на несмышленность коров, проговорила: «Была бы я председателем, не разводила коров, а придумала вместе с учеными машину, которая бы перерабатывала корма в молоко».

Доярки от души посмеялись тогда. Слова эти кто-то

передал председателю. И когда он, будучи на ферме, увидел Фатиму, то сказал ей: «Хорошо, очень хорошо. Если есть в голове фантазия, значит, не пустая голова».

Вскоре его перевели в доярки. Как раз в те дни ферма осваивала механическую дойку. Коровы с непривычки пугались незнакомой аппаратуры, не подпускали к себе доярок, бодались.

Фатима увлеклась новой машиной и с удовольствием взялась за дело.

А мать все болела, смогла подняться на ноги лишь к созреванию дынь. Но вскоре ей опять стало плохо — и она умерла. На девятый день после похорон явилась Зухра. Старпк было открыл рот, дабы проклясть ее, но не смог. «Голову бы тебе отсечь, дочка», — только и сказал он и зарыдал.

Зухра, повязанная большим красным платком, стояла по-солдатски выпрямившись и прижав к щеке клетчатый платочек, — по-видимому, таким образом она выражала свою скорбь по покойной матери.

Услышав о ее приезде, стали собираться соседки, чтобы выразить соболезнование. Но Зухра даже не взглянула на них.

Фатиме стало стыдно: она тихонько подтолкнула сестру:

— В такие дни никто не попрекает прошлым... Не стыдись, скажи им что-нибудь.

Зухра же, оказывается, не со стыда молчала. Само появление этих женщин, согласно обычаю, она восприняла как проявление пережитков старого. Потому она вызывающе посмотрела на Фатиму.

— Чего мне стыдиться? Проблему свободы любви ставили еще Навои и Толстой.

С этими словами она ушла в комнату; Фатима извинилась перед всеми, сказав, что сестре нездоровится.

Фатима встречала и провожала людей, потом долго сидела на айване с отцом. Постелив ему курпачу, она прошла в комнату.

Зухра не спала. Лицо ее опухло от слез. И тут вся враждебность Фатимы рассеялась. Тугой узел на сердце развязался: — поступок Зухры, ее куцое письмишко, сказанные давеча слова — все исчезло. Она не смогла сказать ни слова в осуждение и стала успокаивать сестру, расспрашивать ее.

Одиннадцать месяцев пазад Зухра, будучи в положении, ушла от мужа.

— Его родители феодалы. Это гнездо феодализма. Они хотели превратить меня в рабыню, в домашнюю служанку! Сама знаешь, не люблю я домашнее хозяйство. Ненавижу возню с котлом и посудой. Поэтому мама хотела, чтобы я училась, и я хорошо училась. Нет, им было нужно, чтобы я стала прислужгой! Они не позволили взять домработницу, продали наш «Москвич». Кроме этого: «Не шей платье без рукавов. При людях нельзя потягиваться. И что вы так часто ходите в кафе!..» В общем, надоело мне! Я ушла! Но муж любил меня, он носил меня на руках, всегда дарил что-нибудь. Бедняжка три месяца умолял меня вернуться. Но я сказала: «У тебя такие родители, не видать тебе меня в своем доме!»

Три раза его мать приходила, один раз — отец. Обоих я не приняла.

Эти слова — «не прпняла» — задели Фатиму: она представила себе пожилых людей, склонивших свои седые головы перед этой девчонкой, и горько ей стало.

— Что ж, ты хочешь, чтобы муж от родителей отрекся, что ли? — спросила она.

— Пусть не отрекается... Но молодежь имеет право на жизнь!

— Ну, а с ними как быть? Посадить в клетку и подвесить к потолку, что ли? Если бы твой муж поставил перед тобой такое условие, как бы ты поступила?

Зухра не ответила. Всем своим видом она говорила сестре, — мол, тебе этого не понять.

— Ну, как, прилично ты закончила школу? Тебе не повезло, с матерью такое случилось... На будущий год в какой институт пойдешь?

Фатима удивленно спроеила:

— Да как же я уеду? Оставить отца одного?

— Ну и что же. Отец уже прожил свое, а ты — только вступаешь в жизнь!

Фатима сонно потянулась.

— Поступила я на работу, дояркой на молочную ферму.

Зухра вскинула голову.

— Что? После десяти лет учебы твоего ума хватило только на корову и кизяки?

Зухра даже отвернулась. Она ждала, что сейчас Фати-

ма нлчпст оправдываться. Но Фатима молчала и немного погодя сладко спала, посапывая, как уснувший котенок.

Фатима проснулась на рассвете. Зухры уже не было. Кто знает, может быть, подумала, что утром опять соберутся люди, или испугалась, что отец узнает о разводе, и стыдно ей стало перед ним?

Зухра исчезла. Фатима решила пока не говорить отцу о ссоре Зухры с мужем: может быть, помирятся.

Прошли месяцы. Фатима полюбила свою работу. Днями пропадала на ферме.

На отчетно-выборном собрании колхоза председатель назвал Фатиму одной из лучших доярок, включил ее в свою хвалебную песню.

Видимо, не только веселая резвость придает блеск красоте, но и добрая слава приумножает ее...

Фатима как-то сразу расцвела. Заблестели большие черные глаза, расправились над ними крылья пушистых бровей, лукаво задразнили ямочки на щеках. Когда Зухра запятнала честь семьи, многие думали, что Фатиме теперь, трудно будет выйти замуж. Оказалось, нет, в претендентах не было недостатка: деверь председателя, колхозный монтер, сын бухгалтера, химизатор, заведующий аптекой: все предлагали руку и сердце.

Фатиме нравился Самиджан, молодой ветеринарный врач. После окончания института он приехал на работу к ним.

Самиджан оказался чутким парнем. Чтобы не омрачить свадьбу он решил разыскать Зухру. Шесть недель искал он ее. Наконец попал на след. Один из его товарищей видел ее в городской библиотеке. Раз Зухра сидела в читальном зале, значит, она записана в библиотеке, и, значит, там имеется ее адрес.

Вдвоем с Фатимой они отправились в город и действительно узнали адрес Зухры. Она работала кассиром в парикмахерской центральной бани.

Самиджан остался на улице. Фатима вошла в помещение и увидела Зухру в голубой деревянной будке. Сердце ее дрогнуло. Сестренка исхудала, от пышной копны волос остались две топкие косички.

Зухра, увидев Фатиму, смутилась так, словно ее застали обнаженной. Накинув наскоро желтый платок, вышла из будки.

— Зачем, зачем ты пришла?.. Я вдесь временно работаю.

— Здравствуй. Как живешь? Как муж? — Фатима не смогла спросить: «Помирились?»

— Он уехал, давно уехал, в Ленинград, учиться.

— Дочка большая уже?

— Венера в яслях,— И чтобы пресечь вопросы, спросила сама: — Слышала, ты замуж выходишь. За кого?

Фатима было хотела сказать, что свадьбу отложили из-за того, что не было Зухры, а теперь, как только Зухра приедет в колхоз, сыграют свадьбу. Но ответила коротко:

— Из нашего же кишлака, ветврач.

Зухра поджала губы.

— Ах, коровий доктор! Кизяк от кизяка далеко не падает.

У Фатимы перехватило дыхание. В этот момент вошел Самиджан. Фатима растерялась, знакомить их или нет. Но он шел, улыбаясь Зухре, и Фатима была вынуждена сказать: «Самиджан». Зухра, поняв, что это и есть жених, окинула его взглядом, сложила на индийский манер ладошки и поклонилась.

Самиджан смутился.

Руку, протянутую для приветствия, он приложил к груди и шагнул назад. В это время к кассе подошел клиент, и Зухра побежала к нему, бросив: «Пойдите погуляйте немного. Подождите меня».

Самиджан поклонился и вышел.

Фатиме было стыдно за сестру. Она подошла к будке, чтобы отчитать Зухру. Но, взглянув на нее, поняла, что этого делать не следует.

— Зухра, родная,— сказала она с мягкой шуткой.— Мама наша не была индианкой... Можно было с зятем поздороваться так, как принято у нас. И что значат твои слова: «Пойдите погуляйте»? Если думаешь вести нас к себе домой, скажи адрес, дай ключ. Мы подождем тебя дома.

Зухра покраснела, вытащила из кармана ключ, протянула его двумя пальчиками Фатиме и сказала адрес.

Фатима извинилась перед Самиджапом за сестру.

Зухра жила в четырехэтажном доме, расположенном напротив парка.

Квартира ее находилась в полуподвальном помещении.

Фамма отодрила входную дверь и вошла в коридор. Двери в комнату и па кухню были раскрыты.

Фатима муть пе сгорела от стыда при виде грязи и беспорядка.

— Боже мой! Кто скажет, что здесь живет женщина, молодая женщина!

— Ничего, так и должно быть. Зухра еще молодая, одинокая. Я боялся, как бы она ни стала па дурной путь. К счастью, видно, нет; здесь не только мужчин, но и вообще никого пе бывает. У бедняжки, наверное, и подружек пет.

Вдвоем они прибрали комнату, навели порядок на кухне.

Зухра вернулась с работы, неся что-то в желтом бумажном мешочке, и сразу прошла па кухню. Немного погодя она внесла в комнату блюдо с какой-то пищей. По всей вероятности, это были пельмени, опущенные прямо в холодную воду. Тесто и фарш превратились в месиво. Казалось, Зухра даже гордилась тем, что не умеет сварить готовые магазинные пельмени, ибо этим она еще раз демонстрировала свое презрение к домашнему хозяйству.

Фатима пошутила:

— Раньше ты не подходила к котлу, потому что боялась стать малайкой матери и рабыней свекрови. Л теперь чего боишься? Надо же научиться хотя бы себе готовить пищу.

Зухра рассмеялась:

— Того, что я знаю, мне вполне достаточно. Если сущность пельменей составляют мясо и тесто, пожалуйста, они перед тобой.

— Когда-нибудь вернется твой муж, и вы помиритесь... Но, наверное, Зухра не надеялась па это.

— Я не променяю свою свободу пи на какого мужа,— сказала она.

— А разве само одиночество не есть зависимость? — улыбнулся Самиджан.

Зухра нервозно заговорила о муже:

— Мой муж пе оценил, не оцепил меня! — горькая обида звучала в голосе. Было видно, что она терзала ее, измучила, обессилила и внушила мысль: «Нет, в этом мире никого пе ценят но достоинству. Такова жизнь».

Поэтому Зухра не следила за собой, запустила квартиру, В каждом слове ее сквозили разочарование и горечь.

Даже посуду она убирала со стола с видом, который, казалось, говорил: «Люди, посмотрите, как* мне тяжело, как меня обидели и унизили».

Чаи пили молча. Самнджан переглянулся с Фатнмон и, найдя подходящий момент, сказал:

— Раз вы поссорились с мужем, зачем вам оставаться одной в городе? Поедьте в кишлак.

Зухра долго думала и наконец ответила:

— Из города в деревню... Не будет ли это шагом назад?

Фатима рассердилась.

— А что, если вернешься назад, с сияющих вершии сойдешь, что ли?

Зухра побледнела. Ей вспомнилось письмо родителям. Ее губы задрожали:

— Нечего упрекать! — проговорила она.— Пусть я не достигла сияющих вершин, зато ты доберешься... верхом на корове!

Это задело и Самиджана.

— Вершины, к которым стремятся люди, не скрыты в облаках, подобно горным пикам, они здесь, ца земле,— сказал он.

Фатиму не удовлетворил его ответ.

— Мама, умирая, благословила меня, отец доволен мною, мои подруги, наши родственники да весь колхоз доволен мною. Есть ли для меня вершина выше этой? А кого порадовала ты? Даже человека, женившегося на тебе по любви, ты оттолкнула... К какой же вершине ты стремилась?

Зухру от этих слов будто сплющило на стуле. Фатима пожалела о сказанном.

Зухра сдерживалась, но вдруг кинулась к сестре, обняла ее крепко и, чтобы удержать приступ нарастающего крика, застонала, извиваясь всем телом, прижалась лицом к груди Фатимы, потом бросилась на пол, стала бпться головой о кровать.

Самиджан поднял ее, уложил на постель. Фатима, испуганная, не зная, что делать, только лепетала: «Ах, чтоб мне умереть»,— и гладила голову сестры.

Сегодня суббота, и Зухра должна была забрать дочку домой. Когда стемнело, воспитательница привела Веперу. Зухра открыла глаза. Воспитательница справилась о ее здоровье, подтолкнула дочку к матери. Но Венера крепко ухватилась за подол воспитательницы.

Лишь, когда Зухра протянула руки и позвала дочку, та подошла к ней, взобралась на постель и хмуро взглянула на мать.

Гости пробыли четыре дня. Фатима жила у Зухры, Самиджан в гостинице. Венеру в ясли не носили. Самиджан возился с ней целыми днями.

На пятый день Зухра поправилась настолько, что была в состоянии идти на работу. Тогда гости собрались уезжать. Было неловко звать Зухру в кишлак, даже на свадьбу. Сказать старику, что Зухру нашли, что она жива-здорова, что дочка у нее хорошая — и то большое дело.

Зухра проводила их до автобусной станции. Объявили отправление. Фатима, державшая малышку на руках, протянула ее Зухре. Но Венера закричала, прижалась к ней, потом, не доверяя ее силе, потянулась к Самиджану. Водитель посигналил, торопя их. Фатима с девочкой вошла в автобус и хотела через окно передать ее матери. Но девочка опять закричала, вцепилась ручонками в ее волосы. Автобус тронулся.

— Зухраhon, приезжайте за дочкой! На этой же неделе приезжайте, будем ждать!

Зухра смотрела широко раскрытыми, полными слез глазами на удаляющийся автобус. Пожалуй, только сейчас увидела она, какая у нее милая дочурка, только сейчас поняла, что оттолкнула от себя даже малышку... Она не заметила, как соскользнул на землю перекинутый через руку жакет, и невольно сделала шаг вслед ушедшей машине...

1965

Большевики

V

* же четырнадцать месяцев, как в кишлаке неспокойно. А до той поры кишлак сонно, словно задремавшая кошка, лежал в горах; даже о германской войне здесь узнали только спустя два года, когда белый царь объявил мобилизацию на тыловые работы. Но и мобилизация, вызвавшая переполох во всей стране, для селения прошла почти незаметно, взяли отсюда только двоих: Мадраима с Нижней улицы, что за рекой, и Турсунбая, жившего по эту сторону реки, у Базарной площади; после их отъезда в кишлаке опять стало тихо.

Но четырнадцать месяцев назад сюда пришли вести: появился исполин по имени Ленин, ростом он до облаков; этот великан на прошлой неделе сбросил белого царя с трона. Народ, воспринявший известие как неминуемый приговор свыше, заволновался, пришел в движение. Весть эта дошла и до старой Адолят, которая не поднималась с постели почти два года — с тех пор как ушел на тыловые работы ее старший сын Турсунбай. Высохшая — кости да кожа — старуха высунула голову из кучи тряпья, служившего ей постелью, и потухшими глазами посмотрела на младшего сына Тургуна.

— Сынок, вынеси меня на улицу! На улицу!

Тургун, мальчик лет десяти-двенадцати, взял мать в охапку вместе с лохмотьями, вынес во двор и усадил па супу. По улицам оживленно сновали люди, в чайхане у Базарной площади и на площади у мельницы толпился народ. На крышах домов сидели женщины, они вышли без

паранджи, наскоро накинув на голову халатики своих детей. Ничего подобного никогда в кишлаке не бывало!

К старухе Адолят заглянули песколько ее знакомых и, справившись о ее здоровье и выразив надежду, что теперь-то уж Турсунбай вернется не сегодня-завтра, ушли. Надежда придала силы старой Адолят. С этого дня она каждый день просила Тургуна выносить ее из комнаты, а в иные дни сидела во дворе с утра до вечера. Если в первое время Адолят выходила, чтобы услышать новости, сулящие ей скорое возвращение Турсуибая, то теперь она ждала его самого.

Прошли недели, месяцы. Вестей от Турсунбая не было. Рассказывали, что из одиннадцати человек, ушедших по мобилизации из соседнего Кумкишлака, вернулись восемь, но Турсунбай не возвращался. Ничего не было слышно и о Мадраиме с Нижней улицы. Но ожидание сына не утомляло Адолят; что ни день, в кишлак приходили новости, и каждый толковал их по-своему; у Адолят от них голова шла кругом: она то впадала в отчаяние, словно очутилась у гроба Турсунбая, то радовалась всем существом своим, будто с возвращением сына должна наступить удивительная, доселе не виданная счастливая жизнь, и от радости она готова была выскочить из-под груды тряпья, которым была укутана.

Теперь для Адолят было мало того, что она сидит на супе во дворе, глядит на Базарную площадь и спрашивает прохожих о новостях. Ей захотелось своими ушами услышать разговоры, что вели люди, собравшись кучками; самой хотелось увидеть каждого нового человека, прибывшего в кишлак, самой хотелось встречать односельчан, привозивших новости. Она не давала покоя Тургуну. Чтобы матери не стало плохо, когда он перетаскивает ее на руках, мальчик выпросил у соседей тачку. Завернувшись в лохмотья, Адолят садилась в тачку.

— Тургун, вези меня к Базарной площади! К чайхане! Тургуи, вези меня к мельнице!

И Тургун возил мать то к Базарной площади, то к мельнице, ставил тачку куда-нибудь в сторонку; трясая головой на тоненькой шее, старушка трепыхалась, словно птенец ласточки, почуявший приближение матери, и тревожно оглядывала людей, стараясь уловить в их разговорах что-нибудь для себя.

Так проходили дни, месяцы.

Последние полтора месяца были особенно беспокойными и тревожными. Беспокойство и страх овладели людьми с того самого дня, как появилось слово «большевик». В чайхане у мельницы о большевиках рассказывали одно:

— Большевики говорят, что земля принадлежит тому, кто сеет, вода — тому, кто поливает.

В чайхане у Базарной площади твердили другое:

— Большевик — это неверный, он отнимает у мусульман их веру.

Об этом держал проповедь мулла Саиддзориддин; во время его речи с нижних нар вдруг послышалось:

— Благодетельный, а ведь вера живет в душе человека... А как большевики могут отнять то, что находится в сердце?

За муллу ответил сидевший позади него бай Мирвали:

— Большевики не будут считаться, что вера твоя живет в душе, они пошлют тебя на завод! Они введут тебя в одну дверь, а после гудка выведут в другую дверь завода уже кяфиром! — угрожающе прикрикнул бай.

Староста Сотыболдп, угрюмо глядя на человека, задавшего вопрос, добавил:

— Большевик — это кяфир, исчадие завода!

Спустя какое-то время в кишлаке пошли слухи, будто в Ташкенте и Коканде появились большевики и для их уничтожения отчаянный головорез Иргаш провозглашен ханом; еще через неделю разнеслась весть, что в Коканде началась война. О большевиках за это время ползло много слухов, наводивших ужас на жителей кишлака, особенно на женщин. Адолят беспрестанно плакала и целых три дня не выходила из дому. В эти дни она радовалась, что ее Турсунбай не вернулся.

Но на четвертый день старуха снова была на площади у мельницы и узнала, что головорез Иргаш бежал. Вечером того же дня староста Сотыболди через глашатаев собрал народ у Базарной площади и держал длинную речь против большевиков. В заключение он сказал:

— Каждый правоверный, который надеется обрести райское блаженство, с наступлением темноты должен выйти к железной дороге, чтобы разрушить ее.

Мулла Саиддзориддин благословил поход как священную войну за веру.

Когда стемнело, староста послал к железной дороге жителей, и возглавил их Мирджаббар — он же полицей-

ский стражник кишлака. Сам староста намеревался пойти туда, собрав всех, кто еще останется в селении. В полночь, едва набрав человек восемь, он повел их к железной дороге; однако там никого не оказалось, ни одна гайка не была тронута, а неподалеку от моста через реку, па поблескивавших от лунного света рельсах, лежал на спине поперек дороги какой-то человек.

Труп! То был труп стражника Мирджаббара.

Староста отпустил людей; вернувшись домой, он нагнул па трех лошадей самое необходимое из своего имущества и па рассвете с семьей покинул кишлак.

Наутро кишлак был взбудоражен новостью: убит стражник Мирджаббар, староста Сотыболди бежал...

Не успели люди освоиться с этими происшествиями, как грянуло еще одно событие: в полдень у железнодорожной станции поднялась ружейная пальба, застрекотал пулемет.

— Это большевики! Кто им покорится, они пошлют на завод, а кто не смирится, тех они отравят...

Адолят, никогда не слышавшая пулеметной стрельбы, эту весть о большевиках приняла за чистую правду и в страхе стала читать предсмертную молитву.

Староста Сотыболди вел на кишлак курбаши Иргаша, чтобы отомстить за кровь стражника Мирджаббара, но у железнодорожной станции они наткнулись на большевиков.

Стрельба, длившаяся больше двух часов, стихла. До захода солнца два раза бросили клич, чтобы народ бежал из кишлака, и люди, не зная, кто придет в селение, бежали, облепив плоскогорье, словно муравьи; в первый раз жители успели перевалить за плоскогорье, во второй раз они вернулись с полпути. А когда бросили клич в третий раз, люди заколебались и не выразили особого желания бежать. На этот раз стало известно наверняка: в кишлак направляются какие-то люди; с Базарной площади жители увидели на западном гребне плоскогорья силуэты пяти верховых.

— Большевики! — обронил кто-то.

Весть эта мгновенно облетела кишлак. Адолят, сидевшая в тачке у дверей дома, ожидала свершения своей судьбы; едва услышав о большевиках, едущих в кишлак, она приказала сыну:

— Тургуп, вези меня за гору!

Плача и причитая, она погнала мальчика в горы.

Тургун, чуть ли не упираясь в землю носом, тащил тачку; не одолев и половины пути в гору, он выбился из сил.

По склону карабкались люди, которые вышли из кишлака раньше Адолят и после нее. Тургун, напрягая все силы, протаскивал тачку еще несколько саженей, но потом с решительным видом остановился, сел на землю. Адолят стало жалко сына.

— Ладно, не надо, сыпок, коли умрем, так умрем невинной жертвой за веру.— И она с видом человека, покорившегося своей участи, взглянула на кишлак: там, на Базарной площади, толпился народ и происходило что-то непонятное.

Прошло сколько-то времени,— Адолят не знала сколько,— и вдруг она заметила всадника, скакавшего к ним вверх по склону. Адолят в страхе раскрыла глаза, судорожно глотнула и душераздирающе завопила:

— Тургун, это он! Сейчас большевик будет здесь! Чтобы он ни сказал, читай предсмертную молитву!

Всадник остановился шагах в ста пятидесяти от беженцев и, не сходя с разгоряченной лошади, сложил ладони у рта, крикнул:

— Люди, возвращайтесь! Начальником у большевиков — наш Мадраим!

Верховой несколько раз повторил клич и ускакал обратно. Помолчав несколько минут, люди поползли вниз по склону, к кишлаку. А тачка Адолят как покатилась, так и остановилась лишь у самой Базарной площади. Людей здесь собралось видимо-невидимо, пришел и стар и млад, женщины и мужчины, над толпой стояли говор, крики... Голос муэдзина, призывавшего верующих к молитве в мечети, на холме за чайханой, был едва слышен. Адолят жалела, тысячу раз жалела, что Мадраим, начальник большевиков, уехал до ее прихода, а ведь он был в чайхане, пил там чай. Оказалось, за это время он порассказал людям о Ленине, о Советской власти, о земле, о пользовании водой; уезжая, он передал привет от Турсунбая его матери, брату, родственникам и всем, кто его помнит; по словам Мадраима, Турсунбай жив-здоров, служит в Коканде в рядах красных воинов; в скором будущем он обещал навестить родных.

Адолят, проклиная себя за то, что не застала Мадраим-

ма, вернулась домой; она задремала, не слезая с тачки. Тургун, обрадовавшись, что мать заснула, побежал на Базарную площадь. Здесь было многолюдно, как в ночной базар во время поста.

Поспав с часок, старуха проснулась. Ярко светила луна. С Базарной площади доносились радостные и чистые, как колокольчики, голоса. Адолят стало не по себе, точно ее обошли на большом пиру, ей захотелось побывать на Базарной площади, но старая не решилась окликнуть Тургуна, подумав, что сын устал и спит; она осторожно выкарабкалась из тачки и, держась за дувал, вышла на улицу. С Базарной площади все доносились звонкие голоса и смех; там виднелись огни множества светильников. Адолят с минуту прислушивалась, потом, радуясь, как ребенок, сделавший первые самостоятельные шаги, осторожно, но торопливо ступая, направилась к Базарной площади.

1967

Г*ШЬ

ПЬЕСЫ

ШЕЛКОВОЕ СЮЗАНЕ

(На новой земле)

**Комедия в трех действиях, четырех картинах,
с эпилогом**

Перевод 10. ГЕРМАНА и Б. РЕСТА

*Постановлением Совета Министров Союза ССР
Абдулле Къххару за пьесу «На новой земле» («Шел-
ковое сюзане») присуждена Государственная премия
третьей степени за 1951 год*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дехканбай — комсомолец, фронтовик.

Холнисо — его мать.

Хафиза — комсомолка, невеста Дехканбая.

Хамробибп — ее мать.

Мавлон-брат Хамробибп, бригадир колхоза в Голодной степи.

Рахпмджан — председатель колхоза.

Адылов — парторг колхоза.

Кузыев — комсомолец, фронтовик.

Салтанат — секретарь правления колхоза.

Аман — младший брат Дехканбая (школьник).

Действие происходит в 1947—1948 годах, эпилог — в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Невысокий глиняный дувал разделяет сцену на две части: слева — двор Холнисо, справа — двор Хамробиби. Оба двора соединены маленькой калиткой. Во дворы выходят айваны двух домов; видно и выходящее в сад окно дома Хамробиби. Позади домов — дувал, отгораживающий дворы от улицы кишлака. Из каждого двора ведут на улицу широкие калитки. Во дворах, возле разделяющего их дувала, стоят сури. Хамробиби и Холнисо, сидя на сури, очищают кусак (нераскрывшийся хлопок), тихонько напевая какую-то мелодию.

Холнисо. Если мне не изменяет память, глубокоуважаемая Хамробиби, в последний раз вы забегали ко мне после обеда занять рис для молочной каши. Извините меня за нескромность: вкусной ли была каша?

Хамробиби. Из вашего риса она не могла свариться невкусной. Но я раздумала варить кашу и приготовила на ужин плов.

Холнисо. Плов? Еще лучше!

Напевает ту же мелодию.

Хамробиби. У детей сегодня комсомольское собрание...

Холнисо. Знаю, соседushка.

Хамробиби. А повестка дня вам неизвестна?

Холнисо. Ах, соседushка, мне они не докладывали.

Хамробиби. Еще опоздают на собрание, не дай бог! Вы не знаете, который час?

Холнпсо. Нет, соседушка. Я потеряла счет времени: часы у меня остановились.

Хамробибп. Ну? Не сочтите меня нескромной, дорогая подруженька, но я хочу задать вам вопрос: почему у вас часы остановились? Испортились или забыли завести?

Холнпсо. И-п-п, с чего это им портиться, боже упаси! Не завела утром.

Хамробибп. Я не хвастаюсь, Холнпсо, вы же знаете, нет за мной такого греха, по со мной :)того не могло бы случиться: позабыть завести часы! Помните, когда мы сюда переселились и всевышнему было угодно, чтобы в кишлаке не оказалось мечети п муэдзина, который призывал бы к молитве... вот тогда, чтобы мой покойный старик, мой Гафур, не забывал об утреннем и вечернем намазе, я купила будильник. Забыть завести будильник, считаю я, все равно, что забыть об аллахе...

В доме Хамробибп зазвенел будильник.

Вот: семь часов! Пойду, потороплю Хафизу.

Холнпсо. Надо и Дехканбаю сказать.

Старухи расходятся по домам. За дувалом, на улице, звучит песня — проходят комсомольцы.

Голос (с улицы): «Хафиза! Дехканбай! На собрание!»

Из дома выбегает Хафиза. В руках у нее корзина с шелковыми нитками и незаконченное сюзупе, которое она, видимо, вышивает.

Хафиза (*вслед комсомольцам*). Еще рано! Скоро придем...

Из дома Холнпсо выходит Аман.

Аман (*торжественно*). Салам, Хафиза-апа! Мой старший брат почтительно спрашивает о вашем здоровье и столь же почтительно просит передать вам: он очень ценит ваше драгоценное время, но если вы согласны обождать его, через десять минут он будет готов. (*Лукаво, поддразнивая Хафизу.*) Он бреется, Хафиза-апа. Утром брился, борода еще не отросла, а он снова бреется. С чего бы это, Хафиза-апа?

Хафиза (*ответно дразня*). Безусому этого не понять... Ты ведь еще безусый, Аман!

Аман (*обидевшись*). Ну... нет усов! А в комсомол

меня все-таки приняли. Сегодня я тоже иду па собрание!
До свидания, Хафиза-апа!

Хафиза (*останавливая Амана*). Амапджан! Милый Аман! До собрания еще добрый час!

Аман (*назидательно*). Я считаю, что прийти первым — значит наверняка не опоздать... (*Убегает.*)

Хафиза, сев на сури, вышивает сюзапс. Она тихопоко напевает, постепенно песня становится громче.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзине предо мной, как радуга, блистает...

Хафиза еще поет, когда на айваи выходит Дехкапбай. Склонившись над рукомойником, он умывается после бритья. Прислушиваясь к песне, Дехканбай поворачивается и нечаянно роняет ведро. Шум обрывает песню.

Дехканбай. Проклятое ведро! Я прервал вашу песню...

Хафиза. Песня что птица: спугнешь, и она улетит. (*Задумчиво*). Эту песню пели девушки во время войны...

Дехканбай (*ревниво*). И вы... вы ее тогда тоже пели?..

Хафиза. Кому же я могла ее петь? Для вас я была только девочкой из соседнего двора. «Поклонитесь тетушко Хамробиби и ее дочурке Хафизе», — так, кажется, вы с фронта писали домой?

Дехканбай. Не забыли?

Хафиза. Я злопамятная.

Дехканбай. Вы и были тогда, когда я ушел на войну, совсем маленькой девочкой... А потом, когда я вернулся, увидел вас здесь, на этом айване...

Хафиза. Яс поля пришла. Вся в пыли, волосы растрепаны, руки грязные...

Дехканбай. Что вы, Хафизахон?! Я пожалел тогда, что не родился поэтом, что не умею писать стихи. А то... я бы сложил газель. Как Алишер Навои:

#

О ты, чье хорошо лицо, чей рот и смех хорош,

Лишь раз посмотришь на тебя — и глаз не отведешь...

Хафиза. Так даже?! «Глаз не отведешь»?! Помните, Дехканбай, целый год отводили от меня глаза! Уставится в землю — в сторону мою не смотрит.

Дехканбай. Через год я тоже выполнял три нормы. А поначалу отставал от вас. Стыдно было. Быть пристыженным джигиту — все равно, что умереть! Через год я...

Хафиза. Понятно: до этого вы боялись, что вам не хватит трудодней на подарки невесте...

Дехканбай. Зачем такие обидные слова?! Разве в трудоднях дело? Вы в войну и за себя, и за нас, фронтовиков, работали — ради трудодней разве?! Вас правительство орденом наградило. За что? За ваш великий труд...

Хафиза. Скромность украшает джигита, но джигиту и приbedняться не к лицу. А ваши ордена? Два ордена Славы...

Дехканбай. Дороги они моему сердцу: на фронте получил. Но когда я вернулся домой, был уже мир. А что такое мир? Сидеть в чайхане и разглядывать, как на меди самовара отражаются твои старые награды? Старая слава, что вчерашний день: о нем вспоминают, а думают о завтрашнем. О многом я думал: и о труде, и о славе колхоза, и о том, как я завоюю вашу любовь, Хафизахон...

Хафиза *(нежно)*. Дурачок... и умный, но глупенький... Мама и то раньше, чем вы, заметила... что я в вас влюблена. *(Смутилась)*.

Дехканбай. Я счастлив, Хафиза! Я очень счастлив! Вместе уедем в Голодную степь...

Хафиза *(озираясь)*. Тс-с-с...

Дехканбай *(тихо)*. Сегодня на собрании мы скажем об этом... О чем я мечтаю? Быть похожим на вашего дядю... На Мавлон-ака! Замечательный у вас дядя! И хлопок у него замечательный! И племянница у него замечательная...

Хафиза. Ну-ну, племяннице до дяди еще далеко... Уехал тогда... в Голодную степь... один...

Дехканбай. Первым поехал! И куда? Побеждать бесплодные солончаки, пример нам показывать... Это теперь по его следу молодежь... комсомольцы... мы с вами...

Хафиза. Тс-с-с... До собрания, пока все не решится, мама ни о чем не должна знать.

Дехканбай. И моя матушка ничего еще не знает.

Хафиза. С тетушкой Холнисо будет легче.

На айван выходит Хамробиби.

А у меня мама такая: она и на собрание прийти может,

Х а м р о б и б и. Хафиза! Что это ты говоришь обо мне, доченька?!

Х а ф и з а (*Дехканбаю, растерянно*). Ну, вот... (*Убегает в дом.*)

Х а м р о б и б и п (*останавливая Дехканбая*). Салам, Дехкаибай!

Д е х к а н б а й. Салам, тетушка Хамробиби! (*Не зная, что сказать.*) Все ли у вас благополучно, тетушка?

Х а м р о б и б и. Спасибо, Дехканбай. Если бы не заботы...

Д е х к а н б а и (*встревоженно*). Какие же заботы, позволю вас спросить, тетушка?

Х а м р о б и б и. Конечно, я старая женщина, и я ни во что не вмешиваюсь. Разве приятно, чтобы старуха вмешивалась в дела молодых. И я молчу. Горько мне, но я молчу.

Х а ф и з а (*показавшись в окне, Дехканбаю, тихо*). Мама все слышала...

Х а м р о б и б и (*обернувшись*). Хотя мои старые уши и плохо слышат, но я еще не оглохла. (*Дехканбаю.*) Я все слышу, я все знаю, но я молчу. И вам я не скажу ни слова, ни единого слова... Я только замечу, что если собрание...

Х а ф и з а (*в окне, Дехканбаю*). Я так и знала...

Х а м р о б и б и. Да, да... если собрание должно быть в восемь часов, то желающие прийти на него до того, как оно кончится, выходят из дому раньше, чем оно начнется...

Д е х к а н б а й (*с облегчением*). Вы правы, тетушка...

Х а ф и з а (*выбегая из дома*). В самом деле, мы могли бы опоздать. Пойдемте, Дехканбай...

Д е х к а н б а й. До свиданья, тетушка Хамробиби.

Х а м р о б и б и п (*останавливая Дехканбая*). Обождите, Дехкаибай, я отниму у вас еще несколько мгновений. Конечно, минута для джигита ценнее, чем день для старой женщины,— извините, что я вас задерживаю...

Д е х к а н б а й (*встревоженно*). Почтительно слушаю вас, тетушка.

Х а м р о б и б и. Хафиза еще девочка. Хотя ее и назначили звеньевой, но, как говорят, у девушки вырастают косы, а у джигита разум.

Д е х к а н б а й. Так говорили в старину, тетушка.

Х а м р о б и б и (*строго*). Вы меня слушаете, Дехканбай?!

Дехканбай *(встревоженно)*. Каждое слово, тетушка!

Хамробибби. Я знаю, что вы благоразумный, образованный, на войне были, в разных странах побывали, и вы меня поймете. Ну скажите, Дехканбай, удобно ли жене и невесте до свадьбы выходить на улицу из одних ворот? Что люди подумают?

Дехканбай *(с облегчением)*. Вот в чем дело! Хорошо, тетушка Хамробибби, я выйду из наших ворот. До свиданья, тетушка.

Хафпза. До свиданья, мама.

Выйдя из разных калиток на улицу, Хафиза и Дехканбай подчеркнуто изображают только что встретившихся людей.

Дехканбай. Кого я вижу?! Хафпза?! Салам!

Хафиза. Салам! Где вы пропадали^

Со смехом убегают.

Хамробибби *(одна)*. Обычай есть обычай. *(Идет затворять калитку.)*

Входит Холнисо.

Холнисо. А-а-а, дорогая соседка, ушли уже наши дети? *(Подойшла к калитке, глядит на дорогу.)* Какая стройная пара...

Хамробибби. Да будет их путь устлан коврами!

ХолБисо. Да будет так!

Затворив калитки, старухи возвращаются к сури.

Холиисо. Если у вас нет, глубокоуважаемая Хамробибби, более приятных дел, давайте поболтаем...

Хамробибби. Большого удовольствия я не желаю себе, дорогая подруженька. Если вы ничего не имеете против, снова примусь за кусак. Очищу, сколько успею, хлопка.

Холнисо. Для меня будет счастьем помочь вам, хотя ваши руки куда искуснее...

Хамробибби. Что вы, милая Холписо? Мне за вами никогда не поспеть... *(Увидела оставленное Хафизой сюзане, показывает его соседке.)* Хафиза вышивает...

Холнисо *(любуясь сюзане)*. Золотые ручки у вашей Хафизы... Скажу по правде, ни одна мать не пожелает лучшей невесты для своего сына... *(Бережно складывает сюзане, целует его.)*

Х а м р о б и б и. А ваш Дехкапбай! Во всем Узбекистане не сыщется лучший жених! Пусть будет их жизнь вечным праздником!

Х о л н и с о. Да будет так! Сыграем скоро свадьбу...
(Заневает.)

Позову я в гости десять кишлаков...
Я овец зарежу, заколю быков,
Заколю барана, приготовлю плов,
Я дала согласие,— молодым хвала!..

Х л м р о б п б и (подхватывает).

На счастливой свадьбе дочери моей
Всех зову на скачки огневых копей.
Угощу на славу дорогих гостей!
Я дала согласие,— молодым хвала!..

Неожиданно Хамробии вскрикнула.

Х о л н и с о (успокаивая). Ну, дорогая соседка, ну...

Х а м р о б и б и (плача). Улетит она скоро, моя ласточка, покинет материнский дом...

Х о л н и с о. И-и-и, соседка, далеко ли улетит? Перепорхнет через дувал, оттуда сюда, как жили, так и будем жить... Радоваться надо, что наши дети полюбили ДРУГ друга...

Х а м р о б и б и (вытирая слезы). Я и радуюсь...

Поют.

Ни одной пылинки на полу моем,
Я передний угол застелю ковром...

Х о л н и с о (прерывая пение). Приехал бы на свадьбу порадоваться вместе с нами и братец ваш, почтенный Мавлон...

Х а м р о б и б и (в сердцах). Почтенный верблюд — вот он кто, братец мой Мавлон! Уехал в Голодную степь! Плохо ему было в нашем колхозе? В какие годы уже называли его ударником! А вбил себе в голову — Голодная степь! Я, конечно, в его дела не вмешиваюсь. Неприлично женщине вмешиваться в дела мужчин. Когда он переселяться решил, я ему ничего не сказала...

Х о л н и с о (недоверчиво). Не может быть, чтобы вы не сказали...

Х а м р о б и б и. Ни слова не произнесла! Ни единого слова! Я только заметила, что он и в детстве был упрямым

самого глупого осла, а с годами и сто ослов не могут сравниться с его упрямством. Сидит теперь в Голодной степи, среди проклятых солопчаков, на земле, от которой отвернулся сам всевышний...

Холнисо. Что говорить: Голодная степь! Сытыми там никогда не бывали...

Входит Аман. Он очень огорчен. Вздыхая, он направляется к своему дому.

Холнисо (*останавливая Амана*). Аман!

Аман (*только теперь заметив старух, рассеяно*). А? Салам! Добрый вечер, тетушка Хамробби!

Хамробби. Разве собрание уже окончилось?

Аман. А? Собрание? Бюро еще совещается (*Входит в дом*.)

Хамробби. Что произошло с вашим младшим сыном?

Холнисо. Сама не понимаю.

Бежит в дом, выводит Амана.

Ты нездоров, Аман? По всему вижу: что-то случилось... Тебя ругали на собрании?

Аман. С чего вы взяли, мама? Разве я давал повод считать меня плохим комсомольцем? Я бы сгорел со стыда! (*Хочет уйти*.)

Холнисо (*строго*). Аман!

Аман. Все в порядке, мама! Хафиза и Дехканбай скоро придут. Я совершенно здоров! (*Уходит*.)

Хамробби. Что-то странное... (*Успокаивая Холнисо*.) А-а, с молодыми это бывает... (*Встает*.) Пойду..., поставлю чайник на огонь... Я еще вернусь, подруженька..., (*Уходит*.)

Холнисо (*одна*). Ой, дети, дети...

Аман выглянул из дверей, подбегает к Холнисо.

Аман. Понимаете, мама, я не хотел говорить при тетушке Хамробби... Дело в том, что на собрании говорили о Дехканбае...

Холнисо. Ругали моего старшего сына? Горе мне!

Аман. Всегда у вас, мама, «ругали». Говорить, это не значит ругать... Дехканбая как раз хвалили... Дело в том, что они...

На айван выходит Хамробби. Увидев ее, Аман неожиданно запевает.

Приглашу на свадьбу десять кишлаков,
Я овец зарежу, заколю быков...

Х о л н и с о (*недоумевая*). Аман, что с тобой? (*Заметив Хамробиби, подхватывает песню.*)

Заколю барана, приготовлю плов...

Измученная Хамробиби подходит к топчану, берет свой мешок с кусаком. Холнпсо и Аман продолжают петь. Подозрительно оглядываясь, Хамробиби уходит.

Аман (*убедившись, что Хамробиби ушла*). Дело в том, мама...

Хамробиби показывается в окне.

Дело в том, что Дехкапбай и Хафиза... они уезжают!

Х а м р о б и б и (*в окне*). Куда?! (*Сразу же опускает занавеску.*)

Аман вскакивает, озирается,— никого нет.

Х о л н и с о. Куда они уезжают? В район? В Ташкент? Говори же! На курсы? На совещание?

Аман. Вам и не догадаться, мама...

Хамробиби снова показывается в окне.

Они уезжают в Голодную степь!

Х а м р о б и б и (*в окне*). Ой!!! (*Опускает занавеску.*)

Аман вскакивает, озирается,— никого нет.

Х о л п и с о. Что ты выдумываешь? О чем ты болтаешь?

Аман. Я не болтаю, я информирую вас: Дехканбай, Хафиза и еще пять комсомольцев дали обязательство поехать в Голодную степь... (*С досадой.*) А меня они с собой не берут!

Х о л н и с о. Нет, нет! Всемогущий этого не допустит! Ты ошибаешься, глупый мальчик...

Аман. Позвольте сказать вам, мама, что ошибаетесь вы: что может сделать ваш всемогущий, если обязательство Дехканбая одобрено комсомольским собранием...

Х о л н и с о. Я знаю, кто затеял это дело... Хафиза!.. Она... На такие вещи только она и способна! В Голодной степи у нее дядя живет, этот упрямец Мавлон! Пусть она и едет к нему. А Дехканбая я не пушу!

Х а м р о б и б и (*показываясь в окне*). Я знаю, чье это дело... Это ваш Дехканбай придумал... Единственная дочь... Того ли я ожидала?! Забирайте ваши подарки!

Холлпосо (*решительно*). Аман, иди! Забирай наши подарки!

Аман. Мама, подождите Дехканбая...

Хамробби выпаскивает из дома сундучок.

Хамробби. Нате, берите свои подарки... Если уж вашему Дехканбаю хочется жить в Голодной степи, пусть живет... (*Тащит сундучок во двор Холлпосо.*) А мою дочь нечего с пути сбивать! Получше женихи найдутся!

Холлпосо. И-и-п, проглотите свой язык, почтенная Хамробби...

Аман (*удерживая Холлпосо*). Мама! Мама!

Холлпосо (*продолшая*). Это ваша Хафиза моего сына с пути сбила. Покраше ее найдется невеста! Потряси дерево — девки так и посыпятся...

Аман. Мама, да что вы говорите?!

Холлпосо. Уходи, Аман, не вмешивайся в нашу мирную беседу... (*Вталкивает Амана в дом.*)

Хамробби. послушайте эту квакающую лягушку! Ваш, ваш сын увозит мою Хафизу!

Холлпосо. Дехканбай увозит ее Хафизу! Сколько лет мой сыночек пробыл на войне, сколько лет он тосковал по родному кишлаку, — разве он бросит материнский дом? Разве он отправится в Голодную степь? Что он, скорпион, чтобы жить в Голодной степи? А у вашей Хафизы там дядя, братец ваш... почтенный верблюд, так, кажется, вы его называли, соседка? Что ж, если он ей милее матери, пусть Хафиза и едет к нему, а Дехканбай за собой тянуть нечего!..

Хамробби. Уши ваши не слышат, что произносит язык. Где это видано, чтобы девушка сбивала парня с дороги?

Холлпосо. А где это видано, чтобы девушки на трактор садились и бородатых мужчин на соревнования вызывали? Одна ваша Хафиза чего стоит...

Хамробби (*кричит*). Не произносите ее имени!

Аман (*выбегивая на айван*). Тетушка! Мама! Да не кричите так!

Хамробби. Я еще тихо кричу! Не будет Хафиза следовать за вашим Дехканбаем, как колокольчик па шею барана...

Аман, что-то придумав, убегает в дом.

Холлпосо. И-и-и, это Дехканбай — баран?!

Х а м р о б и о и. Да, да — баран... (Подражая.)
Бе-е-е... Бе-е-е...

Х о л и с о (засучивая рукава). Ну, соседushка, я вам сейчас покажу...

Х а м р о б и б п. Ну, подруженька, посмотрим еще — кто кому...

Выбегает Аман с двумя пиалами в руках.

Аман (подавая старухам пиалы). Мама! Тетushка! Чтобы не охрипли...

Старухи машинально пьют воду.

(Про себя.) Водяное охлаждение... Когда радиатор закипает, тоже льют воду...

За калиткой, ведущей на улицу, показываются Хафиза п Дехканбай.

Х о л н и с о. Идем, Аман! (Хамробиби.) Пусть только покажется ваша Хафиза! (Входит в дом.)

Х а м р о б и б и (входя в дом). Пусть только покажется ваш Дехканбай!

Хафиза. Они уже обо всем узнали!

Дехканбай. Аман здесь? Ясно, успел разболтать. Ступайте домой, Хафиза. Я человек обстрелянный, приму первый удар на себя.

Хамробиби выходит с патефоном, несет его в соседний двор. Хафиза тем временем проскальзывает в дом.

Х а м р о б и б и. Забирайте и патефон! Все подарки забирайте... Ну, придет ваш Дехканбай!..

Х о л н и с о (выходит на айван). Отрывать сына от родного дома! Ну, придет ваша Хафиза!..

Д е х к а н б а й (входя во двор). Салам, тетushка Хамробиби! Добрый вечер, мама! Я, кажется, нарушил вашу мирную беседу?

Аман (Дехканбаю). Что ты, они так кричали!

Дехканбай. Это твоя работа?

Аман. Я их только проинформировал... Я... я лучше уйду... (Убегает на улицу.)

Дехканбай. Если я не ошибаюсь, речь шла о Голлодной степи?

Х о л н и с о. Позволить утащить себя, как тряпку?! Кто назовет тебя после этого мужчиной?!

Х а м р о б и б и. Вскружить девушке голову... сбить ее с пути... И этого человека я хотела взять в зятья...

Дехканбаи. Извините, что перебиваю вас, по... без вашего согласия мы ни куда не поедем.

Хамробибби (*пораженная*). Как?

Дехканбаи. Без вашего согласия мы никуда не поедем.

Хамробпбп. Нет?!

Дехканбаи. Нет!

Хамробибп (*решительно*). Не будет моего согласия!

Дехканбаи. Значит, мы никуда не поедем!

Холнисо. Убедились, соседюшка? Мой-то сын не пойдет наперекор матери! Скажи, сыночек, кому первому пришла эта мысль?

Хамробибби. Скажите, Дехканбаи, вам первому пришла эта мысль?

Холнисо (*Хамробибби*). Подождите, соседюшка.

Хамробпбп. Нет, вы подождите!

Дехканбаи (*предупреждая новый скандал*). Первому эта мысль пришла... съезду комсомола... На съезде говорилось о походе комсомольцев в Голодную степь...

Хамробибп. Голодная степь! От этой земли отвернулся сам всевышний...

Дехканбаи. На то мы и большевики, чтобы исправлять божьи ошибки...

Холнисо. Не гневи аллаха, сынок!

Дехканбаи. Мама, ваш аллах нам только спасибо скажет! Тысячи гектаров плодородной земли пустуют. А почему? Воды там теперь сколько угодно! Государство дает тракторы, машины, строительный материал. Нужны только люди, которые подняли бы целину, такие люди, как я, как Хафиза...

Хамробибби, Где нужна Хафиза?! Они едут! Они едут!..

Холнисо. О чем ты говоришь, сынок?

Дехканбаи. Я же сказал, что без вашего согласия мы никуда не поедем.

Хамробибби. Нет?!

Дехканбаи. Нет!

Хамробибби (*решительно*). Не будет моего согласия!

Дехканбаи. Значит, мы никуда не поедем! Я повторяю вам то, что говорилось на съезде... О делах наших, об отцах говорилось... Как мечтали они о земле, о воде... А тут... и земли и воды, сколько душа пожелает, и мы,

комсомолыцы, можем осуществить пх мечту... Ведь наш Узбекпстап... *(Увидел леоюащее на сури сюзане.)* Он, как этот шелк... как это сюзане...

Хамробибби *(тщеславно)*. Хафиза его вышивает...

Дехкапбай. А что бы вы сказали, если бы на этом сюзане оказалась рогожная заплата?..

Холнисо. Ты с ума сошел!

Хамробибби. Произнести такое о подарке невесты!

Дехканбай. Я не хотел вас обидеть, тетушка Хамробибби. Я только подумал... Наш Узбекистан — он, как шелковое сюзане, переливается всеми цветами, всеми красками... А Голодная степь, как рогожная заплата на шелковом сюзане... Сказал я об этом на сегодняшнем собрании., и на Хафизу смотрю... и она па меня смотрит... мы и улыгнулись друг другу...

Хамробибби. Небось вы улыгнулись первый?

Дехканбай. Если бы не я, она бы первая улыгнулась...

Холнисо *(умиленно)*. Любите вы друг друга.

Хамробибби. И остаетесь с нами...

Дехканбай. Разумеется... Правда, сегодня... на собрании... мы дали обязательство...

Хамробибби *(всполошившись)*. Что? Какое обязательство? Ехать?

Холнисо. Ты дал слово, сынок?

Дехканбай. Да успокойтесь же... Я вам сказал: без вашего согласия мы никуда не поедем!

Хамробибби. Нет?!

Дехканбай. Нет.

Хамробибби *(решительно)*. Не будет моего согласия!

Дехканбай *(чуть-чуть раздраюаясь)*. Значит, мы никуда не поедем! *(Отходит в сторону.)*

Хамробибби. Слава аллаху, все обошлось! Собрание им не дороже родных матерей! Где же доченька моя пропадает?

Дехканбай. Она уже давно дома. Мы вместе пришли.

Хамробибби. Боже мой, а я здесь сижую... Ее накормить надо... *(Уходя)* Желаю вам благополучия...

Холнисо *(останавливая Хамробибби)*. Соседушка! *(Кивает на сундучок и патефон.)*

Дехканбай *(заметив сундучок)*. Что это?

Хамробибп (смущенно). Рассматривали мы их... с подруженькой...

Хамробибп с помощью Холнисо тащит подарок обратно в ДОМ.

Холнисо (возвращаясь). Надо и тебе поужинать...
(Входит в дом.)

Дехканбай. Сейчас, мама... (Один.) Матери дорогие! Милые матери! Как хорошо понимаете вы наш детский лепет и... перестаете нас понимать, когда мы становимся взрослыми. Мама-то меня поймет... А вот тетюшка Хамробибп...

Входит Хафза.

Хафза. Дехканбай, как вам удалось уговорить маму? Я думала, что день и ночь она теперь плакать будет. А она радуется, вас хвалит. Так им все и рассказали?

Дехканбай. Почти все. Я сказал... что мы никуда не поедем.

Хафза. Что?

Дехканбай. Я сказал, что мы не поедем без их благословения. Терпение, Хафзахои, увидите, и ваши матери сами снарядят нас в путь.

Голос Хамробибп: «Хафиза! Ужинать!»

Дехканбай. Я вас буду ждать в саду, Хафиза!

Хафза уходит.

Зачем вселять печаль в материнское сердце, когда в нем должна обитать радость?.. Терпение... Терпение...

Входит Холнисо.

Терпи — и в цель поставленную верь —

Терпенье распахнет любую дверь...

Терпенье нас от всякой лечит боли,—

Оделись розами кусты, что нас кололи...

Бесплодные пески, солончаки

Терпенье превращает в цветники...

Холнисо. С кем это ты разговариваешь, сынок?

Дехканбай. Сам с собой, мама. (Шутливо.) Люблю побеседовать с умным человеком. (Серьезно.) Стихи вспомнились. Сто лет, как они написаны, нет, больше, чем сто... а помнят их до сих пор. Гульхани звали поэта, написавшего эти стихи.

Х о л и с о. Большим, видно, был человеком.

Д е х к а п б а и. Очень большим. И всю жизнь нищенствовал. О нем говорят, что оп пп разу не сиживал за хорошим угощением и ни разу не разломил целой лепешки.

Х о л н и с о. Все мы так жили когда-то... Терпели, ой как терпели. Слава всемогущему, ие дал моим сыновьям узнать той жизни. Благодарны должны быть мы Ленину.

Д е х к а н б а й. А я вот... оказываюсь неблагодарным.

Х о л и с о. Что ты, сыпок? Кто посмеет сказать такое о моем сыне?

Входит г Аман.

А м а и. Дехканбай! В клубе уже стенгазету вывесили. «Молния». *(Цитирует.)* «Привет передовым комсомольцам, едущим преобразать Голодную степь!»

Д е х к а н б а й. Вот, мама, п ответ на ваш вопрос.

Аман. Когда-нибудь и обо мне так напишут: «Привет передовым комсомольцам!»

Х о л п и с о. Аман, иди ужинать!

Д е х к а н б а й *(со вздохом)*. Иди ужинать, Аман!

Аман *(со вздохом)*. Иду, мама, иду. *(Входит в дом.)*

Х о л н и с о. Ты дал слово ехать в Голодную степь? Зачем ты его давал? Разве ты и без этого не был бы передовым? Твое имя на Доске почета. Тебя называют гордостью колхоза. Ты был на войне и вернулся с орденами. Пожелает всевышний, и за хлопок тебе дадут орден, он тоже засверкает на твоей груди.

Д е х к а н б а й. Ордена сверкают, когда они освещают дорогу, лежащую впереди... и перестают сверкать, когда человек останавливается...

Х о л н и с о. Почему же твоя дорога должна вести в Голодную степь? Подумай: Голодная степь!..

Д е х к а н б а й. Называли ее когда-то голодной. А мы превратим ее в цветущий сад.

Х о л н и с о. Пусть другие это и делают. Почему же ты?

Д е х к а н б а й *(проникновенно)*. Вы благословляли меня, когда я уходпл на войну...

Х о л н и с о. Ты уходил защищать нас. Тебя позвала Родина. Лучше тысячу раз пережить смерть сына, чем знать, что сын не выполнил своего долга..

Д е х к а н б а й. А сейчас? Когда партия зовет нас превращать бесплодные солончаки в плодородные поля,—

я не выполню своего долга? И вы не дадите мне своего благословения? Я не могу этому поверить!

Холнпсо (*всхлипнув*). Значит, опять разлука. Горе мне!

Дехканбай. Надолго ли? Мы быстро отстроимся, и вы с тетушкой Хамроббп переедете к нам...

Холнпсо (*еще всхлиывая*), Хамроббп ты не уговоришь. Не отпустит она Хафизу.

Дехканбай. Я не уговорю... а вы уговорите.

Холнпсо (удивленно). Что?

Дехканбай. Вас она послушает.

Холнпсо (*убежденно*). Нет, не послушает, не послушает. Она упрямее своего брата.

Дехканбай. Сорок лет слушала и вдруг не слушает. Расскажите ей все, что знаете. Разъясните, что и как...

Холнисо. Ты хочешь, чтобы я была... как агитатор?!

Дехканбай. Правильно, мама. Вы будете нашим агитатором! Пойдите к тетушке...

Холнпсо. Сейчас?

Дехканбай. Зачем же откладывать?!

Холнпсо (*нерешительно*). Попробую... Ты пока поужинай... Там на столе все приготовлено...

Дехканбай уходит.

На старости лет агитатором стала!.. (*Подходит к дому Хамробби.*) Соседушка-а-а!..

Хамроббп (*выйдя на айван*). Салам, дорогая подруженька!

Холнисо. Поужинали? Если будет на то ваша милость, зайду к вам, побеседуем...

Хамробби. Почтите мой дом своим присутствием, глубокоуважаемая Холнисо.

Старухи входят в дом.

Дехканбай (*выйдя на айван*). Какая замечательная у меня мама! (*Осторожно подходит к дому Хамробби.*)

Входит Аман.

Аман. Дехканбай, я забыл тебе сказать... Я комсомольское поручение получил...

Дехканбай (рассеянно, прислушиваясь к происходящему в доме Хамробби). Какое?

Аман. Организовать кружок авиамodelистов. Ребят сколько записалось! А сам я, знаешь, что начал строить?

Дехканбай. Трактор?..

Аман (*обиженно*). Трактор не летает!.. Я вертолет теперь строю. С бензиновым моторчиком. Знаешь, на какую высоту он сможет подниматься?

Дехканбай. Ну, метров на пять.

Глышпы голоса старух; Дехканбай поспешно уводит Амапа.

Амап (*уходя*). На пять?! На двадцать пять метров! Одно крыло уже готово. Хочешь, я тебе покажу...

Па айва не появляются Хамроббп и Холнисо.

Хамроббиби. Нет, нет и нет!

Холнисо. Вы меня еще не дослушали, соседушка...

Хамроббиби. Конечно, я в чужие дела не вмешаюсь. Дехканбай ваш сын, и я вам ничего не скажу. Я только замечу, что если сын ослушается мать, его проклинаят, а не благословляют.

Холнисо. Послушайте, соседушка, мы ведь сорок лет с вамп дружим. За сорок лет вы видели от меня зло?

Хамроббп. Вот дувал... вот калитка... Спокойной ночи, уважаемая Холнисо!

Холнисо (*проходя в свой двор*). На вас и сердиться нельзя, подруженька. Разве можно сердиться на отсталую женщину?

Хамроббп (*оторопев*). Что? Что вы сказали?

Холнисо. Я сказала, что нельзя сердиться на отсталую женщину.

Хамроббиби. Отсталая? (*Всхлинув*.) Сорок лет дружим, сорок лет! И теперь я отсталая, а вы передовая?!

Холнисо. Передовая не передовая, обо мне в газетах не пишут, но я больше вас понимаю.

Хамроббиби. Ая понимаю меньше вас?

Холнисо. Не меньше, может быть, но понимать начинаете позже.

Хамроббиби. Что же я поняла позже? Ну-ну, скажите?

Холнисо. Земельную реформу помните? Когда Советская власть отбирала землю и скот у баев и распределяла среди бедняков и батраков... Что вы тогда говорили?

Хамроббиби. Ну... что я говорила?

Х о л н п с о. «Небогоугодное дело, аллах разгпевается...»

Х а м р о б б б п. Может, и говорила. Но то были не мои слова. «Мать воды — ручей, мать слова — ухо». Что уши мои слышали, то повторял мой язык. А от земли мы все равно не отказались, взяли.

Х о л н п с о. Взять-то взяли, но после пас взяли. А я, как только услышала, что будут распределять землю среди бедняков, день и ночь за Ленина молилась. Выходит, что позже меня понимать начали. Позже. Да!.. А когда паранджу сбрасывали? Это вы помните?

Х а м р о б б б п. Что верно, то верно. Я спустя год после вас сбросила паранджу... Но сбросила... сбросила...

Х о л н п с о. Спустя полтора года после меня. А когда в колхоз вступали?

Х а м р о б б б и. Позже вас вступила. Но вступила же! *(Подняв руки.)* Да процветает наш колхоз... во славу аллаха!

Х о л н п с о. То-то оно и есть. То, что понятно мне, становится понятным и вам. Но позже! Я поняла уже, какое богоуго... *(запнулась)* правильное дело задумали наши дети. И вам это тоже станет понятным... Но позже... Позже...

Х а м р о б б б и *(растерянно)*. Чтобы я... чтобы единственную дочь... отраду моего сердца... радость очей... чтобы она покинула меня?

Х о л н п с о. И-и-и, соседушка, кто же нас покинет? Поедут они, осмотрятся, обзаведутся хозяйством... Государство поможет... Домик построят, сад заведут, огород, козы, барашки... А там и нас к себе перевезут... Подумаешь, Голодная степь! Живет же в ней почтенный Мавлон... Ведь это раньше называлась «Голодная степь», а наши дети превратят ее в цветущий сад... Пойдемте, подруженька, обрадуем Хафизу. Я вам помогу встать... Пошли, соседушка... *(Входят в дом.)*

Входит Дехкан бай.

Дехканбай *(он все слышал)*. Ну и умница у меня мать! Уговорить тетушку Хамробибби... *(Увидев выходящую из дома Хафизу, прячется за деревом.)*

Х а ф и з а. Он еще не знает, что все хорошо... Милый Дехканбай... Сад залит лунным светом... Какая большая луна! Большая и круглая... С детских лет останавливается

опа над нашим домом и улыбается мне... Прощай, луна!
Я уезжаю!..

Дехканбаи (*приближаясь к Хафизе, нежно*). Луна моя! Нет, не луна! Солнце мое! Солнце мое! Солнце с ко- сами... Едем, Хафиза! Едем!

Хафиза. Вы уже знаете? Мама с тетушкой Холнисо теперь обсуждают, сколько лепешек нам испечь па доро- гу. Едем! Едем!

Дехканбаи. В Голодную стень... засеребрится она хлопком... зазеленеет садами... виноградниками.

Появляется Аман с толстой книгой в руках.

Мы с вами, Хафиза, в степи горы своротим!

Аман. Извините, что перебиваю вас, но, насколько я знаю из учебников, в степи гор пе бывает...

Дехканбаи. Мы и учебники перделаем!

Аман (*указывая на свою книгу*). Хорошо бы их не- много подсократить...

Выходят Холнисо и Хамробибби. В руках у пих банки, кульки... Соседки идут к дому Холнисо.

Хамробибби (*продолжая*). Я только замечу, что если Хафиза остановится у Мавлона, то Дехканбаю в том же доме будет жить неприлично.

Холнисо. Они будут жить в разных домах. А когда поженятся, построят себе дом... (*Указывая.*) Такой или такой... Рису надо побольше...

Хамробибби. И сахару...

Дехканбаи (*шутливо*). И масла...

Хамробибби (*Дехканбаю*). Ай-яй-яй, не пристало джигиту вмешиваться в дела старух...

Входят в дом Холнисо.

Дехканбаи (*Хафизе*). Такой дом?.. Или такой?

Хафиза (*мечтательно*). Нет... Большие, светлые до- ма мы будем строить в Голодной степи.

Аман. Высотные здания... как в Москве... Да, Дех- канбаи?

Дехканбаи. Может быть, и не такие высокие, как в Москве, но Москву из них мы непременно увидим. Ото- всюду, где строится новая жизнь, видна Москва...

Слышно, как в доме Холнисо раздался звон разбившегося стекла, затем показывается Хамробибби — она стремительно бежит к своему дому, за ней спешит Холнисо. Дехканбаи, Хафи- за, Амап бросаются за ними.

Дехканбай. Опять поссорились?

Холнпсо *(на ходу, удивленно)*. В том-то и дело, что нет...

Из дома выходит Хамробби с будильником в руках.

Хамробби. Сегодня такой день... такой день, «Я чуть не забыла завести будильник! *(Заводит.)*»

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Голодная степь. Сирава, уходя вдаль, растянулись крытые камышом дома. Слева, вдалеке — канал, берущий начало где-то за горизонтом. Левый берег канала серебрится хлопком. На правом берегу канала еще много необработанной земли. Па переднем плане — невзрачный домик под камышовой крышей. С крыши свисает электрическая лампочка. На улицу вынесены грубо сколоченный стол, несколько табуреток, ящики. Подле дома — очаг. Яркий солнечный день. Перед домом — на самодельной тахте и под таким же самодельным теплом — лежит укутанный папымп одеялами Мнило н. Голова его обвязана полотенцем. Доносится голос Салтанат: «Адылов-ака! Лдылов-ака!» Мавлоп, кряхтя, переворачивается на другой бок. Воеяет Салтанат. У нее привычка: запоминая, что ей надо сделать, она правой рукой загибает пальцы левой руки; вспоминая, отгибает пальцы. Под мышкой у Салтанат папка для бумаг.

Салтанат (*кого-то ищет*). Адылов-ака! Адылов-ака!

Мавлон (*приподнимаясь*). Послушай, Салтанат, ты когда-нибудь слышала, как муэдзин кричит с минарета?

Салтанат. Нет, Мавлои-ака, никогда.

Мавлон. Ты кричишь громче! (*Лег, прикрыв голову одеялом.*)

Салтанат. Извинить прошу... Забыла, что вы захворали... Парторга я ищу, Мавлон-ака... (*Отгибая пальцы.*) Председатель из МТС не вернулся — раз... Парторга тоже нет — два... а тут комсомольцы приехали...

Мавлоп (*приподнялся*). Что?

Салтанат. Я говорю, комсомольцы приехали, В колхоз наш переселяются.

Мавлон. Что же ты молчишь?

Салтанат. Да я не молчу. *(Встающему Мавлону.)* Что вы, Мавлон-ака? Нельзя вам вставать...

Мавлон. Не учи бригадира! Бригадир сам знает, что ему можно! *(Вошел в дом и быстро вышел — без полотенца на голове, в халате, с сапогами в руках.)* Откуда они приехали, не знаешь? Из каких районов?

Салтанат. Из Андижанской области. Нельзя же вам сегодня ходить... Малярия!

Мавлон *(обуваясь)*. Андижанцы?! Земляки мои?!

Салтанат. Не пушу я вас, Мавлон-ака! Парторг сказал, что вам надо лежать... *(Схватила сапог.)*

Мавлон. Салтанат! Отдай сапог, не серди меня! Не может бригадир лежать, когда комсомольцы в колхоз приехали. Кто их должен встретить? Бригадир! Мавлон! Много народу приехало?

Салтанат. Много...

Мавлон. А девушки среди них есть?

Салтанат. Три девушки...

Мавлон. А вдруг и моя племянница приехала... *(Пошел.)*

Салтанат *(догоняя Мавлона)*. Разве ваша племянница должна приехать?.. Лежать вам велели... Парторг сердиться будет...

Мавлон и Салтанат уходят.

Шум машины, визг тормозов, голоса. Входит Рахимджая — очень толстый человек в белом кителе. В руках у него большой портфель, на боку висит термос.

Рахимджан *(за кулисы, шоферу)*. Карим! Подожди, сейчас найду тебе, что под колесо положить... Вот доска, Карим! *(Передает.)* На, держи!.. *(Шум машины.)* Э-э, буксует... Карим! Задний ход дай... Вперед теперь. Э-э-э, опять буксует...

Опираясь на трость, входит Адылов (он хромает). На нем военный китель с орденской планкой и ленточками ранений. Увидев Рахимджана, остановился, с улыбкой смотрит на хлопчущего председателя.

Карим! Мотор выключай, бензин весь изведешь!.. Вон, видишь, трактор стоит? Пойди к трактористу, скажи: машина председателя в арыке застряла... вытащить надо... *(Заметив Адылова.)* А-а-а, салам, Адылов-ака! Салам, парторг! *(Смущенно.)* С машиной маленькая неприятность...

Адылов. Так-так... Передние колеса на дороге, а задние в арыке...

Рахимджан. Немножко занесло на повороте.

Адылов. Немножко быстрее, чем положено, ехали, — так, дорогой Рахимджан?

; Рахимджан. Не может председатель ездить медленно! Дня не хватает у председателя! Голова кругом идет! На машине ездю, а... с ног сбиваюсь! Отдохнем немного, а? Не хотите чайку?.. *(Отвинчивает крышку.)* Жажда мучает... А? Хороший чай, горячий...

Адылов. 13 МТС были?

Рахимджан. В МТС был. На хлопкопункте был. Всюду был. *(Сокрушенно.)* Сушилки осматривал... затирает нас с сушилками. Доски есть — строить некому...

Адылов. Людей надо найти...

Рахимджан. Не хватает людей! Хлопок убирать не успеваем. Э-э-э, приехали бы уже комсомольцы...

Адылов. Звонил утром в райком...

Рахимджан. Ну?

Адылов. Говорят: сегодня-завтра ждите...

Рахимджан. Пожелаем этого: сегодня-завтра... Голова кругом идет. Вы из правления?

Адылов. Нет, с поля, к себе на ферму... По пути решил проведать Мавлон-ака...

Рахимджан *(удивленно)*. Мавлон-ака? Бригадир? Проведать? Днем?

Адылов. Заболел Мавлон-ака... Приступ малярии... С трудом заставил его домой с поля вернуться, полежать...

Рахимджан *(сокрушенно)*. Ай-яй-яй, лучший бригадир заболел.

Адылов. Слово с него взял, что в поле пока выходить не будет... *(Встав.)* Проведаем бригадира?

Рахимджан. Зайдем минут на пять... пока машину вытаскивают... *(Кричит шоферу.)* Карим, как у тебя? А?

Голос: «Свечу меняю, хозяин!»

Рахимджан *(шоферу)*. А!!! Тебе на ишаке ездить, а не за баранкой сидеть.

Адылов постучал в дверь — ответа нет.

Ну, что, Адылов-ака? Не слышит.

Адылов. Спит, вероятно. Не стоит его будить...

Рахимджан. Зачем будить? Тихонько войдем... Мало ли что. Одни ведь в доме живет. *(Отворил дверь, пе-*

решагнул через порог, остановился.) Лучше вы пойдите!
Толстый я очень... доски подо мной скрипят...

Адылов вошел в дом. Рахимджан напряженно прислушивается.
Голос Адылова: «Черт знает что! Упрямец какой!»

(Удивленно.) На бригадира кричит? На больного?

Адылов вышел.

(Негодую.) Кричали зачем на Мавлон-ака?

Адылов. Где Мавлон-ака! Полнобуйтесь — нет его дома!

Рахимджан *(восхищенно)*. Вот человек! Не улежал — в поле ушел! Больной, а ушел! Характер какой, а? Твердый! Упорный!

Адылов. Упорный — это хорошо... упрямый — хуже...

Рахимджан. Э-э-э, человек есть человек. У каждого свои достоинства, у каждого свои недостатки. Один — немножко упрямый, другой... *(погладил живот)*... немножко толстый...

Адылов *(в тон)*. Один не любит критики, другой не любит, когда критикуют... его бригадира...

Рахимджан *(поняв намек)*. А третий... третий бригадира не любит...

Адылов. Люблю я Мавлон-ака! Уважаю, ценю, но, дорогой Рахимджан... боюсь, что когда-нибудь характер Мавлона дорого обойдется — и ему, и колхозу...

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака!»

Салтанат вас ищет... *(Вставая.)* Желая благополучия! Я — на ферму, оттуда — в правление... *(Уходит.)*

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака! Рахимджан-ака!»

Рахимджан *(кричит)*. Здесь я, Салтанат! Здесь я!..

Вбегает Салтанат.

Салтанат *(с трудом переводя дыхание)*. По всему кишлаку вас разыскиваю...

Рахимджан *(философски)*. На то и секретарь, чтобы разыскивать председателя... Отдышись, Салтанат!

Салтанат. Потом отдышусь. Комсомольцы приехали — раз!

Рахимджан. Ай-ай-ай, уже приехали? Что ж ты молчишь?

Салтанат. Я не молчу...

Рахимджан. Встретить их хотели... устроить но-
лучше... Показать -- гди и что... Накормить...

Салтапат *(отгибая пальцы)*. Ужин им уже ва-
рят -- два. Где общежитие показала -- три...

Рахимджаи *(восхищенно)*. Вот секретарь! Вот се-
кретарь! Потолстеешь -- председателем будешь! *(Шофе-
ру.)* Карим, как с машиной?

Голос: *(Готово, хозяин!)*

Рахимджап *(пошел к машине)*. Ну, Салтанат, не
отставай от председателя...

Салтаиат *(на ходу)*. Племянница Мавлон-ака при-
ехала. С женихом...

Рахимджап *(остановился)*. Ай-яй-яй, а Мавлон-
ака в поле ушел!..

Салтанат. В правлении он! С комсомольцами уже
беседовал.

Рахимджан *(восхищенно)*. А?! Первым встретил
комсомольцев. Всегда у нас первый Мавлон-ака!

Рахимджан п Салтанат уходят. Гудки отъехавшей маши-
ны. Пауза. Затем входят Мавлои, Хафиза п нагруженный
чемоданами Дехканбай.

Мавлон *(указывая на свой дом)*. Вот, Хафиза, кры-
ша, под которой живет твой дядя... Мой дом -- твой дом!
(Нео/сиданно.) Хафиза, какая ты стала красавица! В те-
бе есть что-то от моей сестры, почтенной Хамробби.
Й женишок твой -- тоже ничего...

Хафиза, смутившись, убегает в дом.

(Взяв один из чемоданов.) Заходи и ты, Дехканбай...

Дехканбай. Сейчас, дядя...

Мавлон входит в дом. Дехканбай, поставив чемодан, осматри-
вает лежащую перед ним унылую степь. Возвращается Мавлон.

Мавлон. Ну, что задумался? Э! Знаю, о чем ты ду-
маешь! «Голодная степь» -- в какую дыру я попал?

Разжигает очаг.

Дехканбай. Нет, дядюшка, не угадали. Разреши-
те, я вам помогу. *(Раздувает огонь.)*

Мавлон. Да... Есть люди, которых еще пугает Го-
лодная степь. Не видели вы прежней Голодной степи.
А я сюда приехал -- ничего здесь не было! Людей совсем

мало было, машин было мало, воды мало — не построили еще тогда Фархадскую ГЭС! Арыки копал, отводные каналы — заурь... Тополи вдоль дороги видел?

Дехканбай. Как же, видел.

Мавлон (*гордо*). Я их сажал! А шелковицу? Шелковицу видел?

Дехканбай. Замечательная шелковица!

Мавлон. Я ее сажал! Дом этот видишь? Я его построил. Плохой, скажешь, дом? П я скажу: неважный! Ничего: «И краюха хлеба есть хлеб, и крошка хлеба есть хлеб!» Когда в шалашах жили,— дворцом показался. Э, дорогой Дехканбай, не дом приносит богатство колхозу — хлопок приносит. Не дом принес славу Мавлону — хлопок принес! (*Вышедшей из дома Хафизе.*) Что тебе, Хафпза?

Хафпза. Дядя! Казан у вас есть? Шурпу я хочу сварить.

Мавлон. Казан? Был где-то казан... В чулане, кажется... за домом. (*Хафиза убежала.*) Любит меня хлопок. Увидишь, какой урожай на моих участках... Не у кого-нибудь, а у Мавлона!

Зазвучал хор.

(*Прислушиваясь.*) С работы возвращаются... Когда в поле пойдем, Дехканбай?

Дехканбай. Хоть сейчас!

Мавлон. Светло сейчас. Ночью пойдем. В темноте! Чтобы парторг не заметил. Не позволяет он мне в поле ходить...

Дехканбай (*удивленно*). Бригадиру не позволяет?..

Мавлон. Малярия у меня... Слово дал парторгу: пока не поправлюсь — из дому не выйду.

Хафпза (*показавшись в дверях*). А соль у вас, дядя, есть?

Мавлон. Соль? Была где-то соль... (*Входит в дом.*)

Голос Кузыева: «Юсуп! Ты не жди меня! Я к бригадиру по*шел». **Входит Кузыев.**

Кузыев. Салам! Что, бригадир дома?

Дехканбай. Дома. Сейчас позову.

Кузыев. Нет, не надо, я подожду. (*Пауза.*) Прошу извинить, не видел я вас еще в колхозе... Вы что... недавно приехали?

Дехкапбай. Как вам сказать... Только что!

Кузыев. Только что! Действительно недавно. Ну, как вам здесь понравилось?

Дехкапбай. Да как вам сказать... Приглядываюсь.

Пауза.

Кузыев. Курите?

Дехкапбай. Курю.

Кузыев (*достав папиросы*). Что ж, как в песне поется: «Давай закурим, товарищ, по одной...»

Дехкапбай (*подхватывая*). «Давай закурим, товарищ мои...»

Кузыев протягивает папиросы Дехканбаю, Дехкапбай — Кузыспу. Дехкапбай закуривает от спинки Кузыепа, Кузыев — от спички Дехкапбай.

Кузыев (*закурив*). Рискую быть нескромным, но хотелось бы знать, как вас зовут?

Дехканбай. Дехкапбай.

Кузыев. Очень приятно. Меня зовут Хашнмом. Хашим Кузыев.

Дехканбай. Запомню. (*Указывая на орденские ленты Кузыева*.) Вижу, и вы на войне побывали. До каких краев гнали фашистов?

Кузыев. Другие-то гнали... а мое дело было — мосты строить! Места боев видел, а в бою побывать не удалось. Судьба!

Дехканбай (*вежливо*). Медали ваши подтверждают, что строить мосты — боевое дело!

Кузыев. Наши саперы такие мосты строили — огого-го! Может, попадались? Мы до Будапешта дошли.

Дехканбай (*разводя руками*). Восточная Пруссия!

Кузыев. Другое направление. А то встретиться бы могли. Сюда вы откуда приехали?

Дехканбай. Из Андижанской области.

Кузыев. Тоже другое направление. Я лично городской, из Самарканда, но все больше по стройкам кочевал...

Дехканбай. Строитель? Интересно...

Кузыев. Эх, Дехканбай! Люблю строить! Вчера — пустое место, сегодня — глина разведена, стружки летят, а завтра — ставни голубые, занавески розовые, кругом — астры, тюльпаны, ромашки. Вечером построишь дом, а утром, как в песне поется: «Знакомый дом...»

Дехканбай (*подхватывая*). «...Зеленый сад...»
Кузыев (*подчеркивая*). «...Г нежный взгляд...»
(*Вздыхнул.*) Всюду строил... А вот тут... (*Замолчал.*)

Дехкаиоаи. Солончаки мешают?

Кузыев. Не в солончаках дело.

• Дехканбай. А в чем?

Кузыев. Не будем говорить о неприятностях при первой встрече.

Дехканбай. Терпенье, Хашим,— будут вам п голубые ставнп, и розовые занавески... и... какой взгляд?

Кузыев. Нежный... (*Услышал голос Салтанат.*) Салтанат!..

Вбегает поющая Салтапат.

Салтанат.

На платочке полумесяц —

Шитый золотом рожок.

Где я сердце потеряла?

Отыщи его, дружок!

Кузыев (*Салтанат*). Очаровательница очей моих!

Салтанат. Хашпм... (*Нежно.*) По всему кишлаку вас разыскивала. А сейчас... тороплюсь я сейчас, Хашпм. Знаете, сколько у меня дел? (*Отгибая пальцы.*) В райисполком позвонить — раз, на склад зайти — два, к агроному — три... А этот... (*Вспомнив.*) Да, сегодня в восемь часов комсомольское собрание, всем быть обязательно! (*Дехканбаю.*) Хафнзе скажите.

Кузыев (*тихо*). Салтанат, на собрании рядом будем сидеть?

Салтанат (*смущенно*). До свиданья, Хашпм. (*Убегает.*)

Дехканбай. Для начала, я вижу, нежный взгляд уже имеется!

Кузыев. Нежный взгляд имеется, а вот... (*В сердцах махнул рукой.*)

Дехкапбай. Чем же вы огорчены?

Кузыев. Как же не огорчаться? Я строитель! А строительства, в общем, в колхозе еще нет, меня на хлопковые поля послали... Не понимаю я в хлопке! Строитель я! Честно могу сказать — неплохой строитель! А тут доски привезли. Какие доски! А сложили как? Сгниет весь лес!

Дехкаибай: Безобразие!

Кузыев. Переложить их хочу. За день переложил бы!

Дехкаибай. Прпгадну екажпте...

Кузыев. Да я ему сто раз говорил — не отпускает! В последний раз сегодня пришел!..

Дехкапбай (удивленно). К Мавлон-ака?

Куз тлев. Да, к Мавлои-ака! Знакомы уже с ним?

Дехкаибай. Дядей он приходится моей невесте.

Кузыев (с иронией). Поздравляю вас!

Дохкаибай. Не понимаю: достойный человек Мавлоп-акм!

Кузыев (выходя из положения). Я с невестой вас поздравляю!

Дехкаибай. Спасибо. Давно уже Хафиза — моя невеста. Вместе с иен приехали. Надеюсь, она вам понравится...

Кузыев. Уже нравится! Когда невеста с женихом приезжает в Голодную степь — это хорошая невеста!

Из дома вышла Хафиза с ведрамп.

Хафпза. Салам!

Вспомнив, что на пей огромный дяднп фартук, скрылась в доме.

Кузыев. Она? Какая пугливая!

Хафиза снова показалась, теперь уже без фартука.

Хафпза. Извините, вода мне нужна. Не можете мне сказать, где здесь берут воду?

Кузыев. Для меня честь показать вам... (Показывает.) Вон... там... из канала...

Хафиза. Ой, как далеко!

Кузыев. Да, ие близко...

Хафиза п Дехканбай уходят. Кузыев их провожает. Входит Мавлон. Его знобит. Голова у него вновь повязана полотенцем. Ложится, накрывается одеялом. Возвращается Кузыев.

Кузыев (подойдя к Мавлопу). Салам!

Мавлои (заметив Кузыева). А! Кирпичник! Ну, как дела? С поля идешь? Уборка как шла без брпгадира? Много собрали?

Кузыев (неопределенно). Собрали...

Мавлои. Ты-то сколько собрал?

Кузыев (неопределенно). Ну, собрал...

Мавлон. Э! Опять пятьдесят кило! Не смог больше! (Накрывся одеялом).

Кузыев. Нет, Мавлон-ака, сегодня но пятьдесят...

Мавлои (*приподнявшись*). Ну? Неужели больше?

Кузыев. Сегодня сорок три... Не умею я хлопок собирать.

Мавлон. Тьфу! (*Лег, накрылся одеялом, снова приподнялся.*) О чем ты думаешь, Кузыев? В голове что у тебя?

Кузыев. Доски, Мавлон-ака.

Мавлоп. Тьфу! Вчера кпрпч был в голове. Сегодня — доски...

Кузыев. Лес какой привезли, Мавлон-ака! А сложили как? Как, я вас спрашиваю?!

Мавлон. (*выходя из себя*). Не нужны мне твои доски! Хлопок убрать мне нужно!

Кузыев (*уговаривая*). Сгниет весь лес!

Мавлон (*неожиданно спокойно*). Подойди сюда. Не бойся, подойди! Слушай, Кузыев! Ты зачем в колхоз приехал? В Голодную степь зачем приехал? (*Раздражаясь*.) Председателю завтра скажу — пусть отправляет тебя из колхоза!

Кузыев. Сгниет весь лес, Мавлон-ака!

Мавлон (*в ярости*). Зачем завтра? Сегодня скажу! (*Встав.*) Сейчас скажу! По сорок три кило в моей* бригаде собирают! В бригаде Мавлона! Позор! Досками мне голову морочит. Лодырь!

Кузыев (*сжав кулаки*). Что?

" Мавлон. Лодырь! Нет, не найдешь ты себе места в Голодной степи! Это я тебе говорю! Мавлон говорит! (*Уходит.*)

Входит Салтанат.

Салтанат. Хашим, вы еще здесь?

Кузыев. Ухожу... Из колхоза я ухожу, Салтанат... Уезжаю из Голодной степи. Совсем уезжаю...

Салтанат. Как это уезжаете? Комсомольцы только приехали... '

Кузыев. Другие-то приехали, а я... Как в песне поется... Эх, не до песен мне... (*Уходит.*)

Салтанат. Хашим уезжает. Как это? Уезжает Хашим... (*Плачет.*)

Входит Адылов. Увидел плачущую Салтанат.

Адылов. Слезы... Что случилось? Плачем почему? Говори, говори, Салтанат...

Салтанат *(плачет)*. Хашим уходит...

Адылов. Кузыев? Куда уходит?

Салтанат *(плача)*. Из Голодной степи оп уезжает. Совсем уезжает...

Адылов. Вот оно что! Не ожидал! Хорошим комсомольцем казался! Фронтвик...

Салтанат *(плача)*. А песен он сколько знает...

Адылов. Так... А на поверку оказалось, что он только и умает песни петь. Что ж, поговорим с Кузыевым на комсомольском собрании.

Салтанат *(жалобно)*. Поговорите с ним, Адылов-ака.. Поговорите...

Адылов. До собрания поговорю. Найди мне его, Салтанат...

Салтанат. Хорошо... Я побегу...

Входят Хафиза и Дехканбай с ведрами.

Адылов *(останавливая Салтанат)*. Погоди... *(Указывая на Хафизу.)* Племянница Мавлон-ака?

Салтанат. А это жених ее! *(Представляя Адылова.)* Парторг наш. *(Убегает.)*

Хафиза. 1

Дехканбай. / ^Салам!

Адылов. С приездом, дорогие товарищи! С вамп мне и оставалось познакомиться! Устроились?

Дехканбай. У дяди Хафнза жить будет. А я — в общежитии. Извините, пожалуйста... *(Вносит ведра в дом.)*

Адылов. Издалека приходится таскать воду.

Хафиза. Хорошо бы воду из канала в кишлак провести. Проложить трубу...

Адылов. Хорошо бы... Многое нам придется здесь проводить, поднимать, прокладывать, строить...

Дехканбай *(вышел из дома)*. Где же дядюшка? Нет его!

Адылов. Не бережет себя ваш дядя! Слово дал мне, что будет сегодня лежать... Хлопкороб он прекрасный, а вот... *(Спохватился.)* Да вы ведь лучше меня его знаете...

Дехканбай. Просить мы собирались... Если возможно, хотели мы работать в бригаде Мавлон-ака. Боевого командира имели бы... в наступлении!..

Адылов. В наступлении?

Дехканбай. Па Голодную степь!

Адылов. Охотно переговорю с председателем. Вместе попросим...

Хафиза. Спасибо! Извините, я — по хозяйству...
(Входит в дом.)

Адылов. Наступление — говорите? Хорошее слово — наступление! А некоторые у нас... собираются отступить.

Дехканбай. Комсомольцы?

Адылов. Один комсомолец. Не из ваших. Раньше прпехал. Кузыев — его фамилия.

Дехканбай. Хашпм? Не может этого быть! Только что с ним беседовал. Строить он приехал! В хлопке он не понимает, а когда о строительстве рассказывает — у него глаза горят. Доски, говорит, какпе-то прпвезлп, сложили не так, недоволен Кузыев, к бригадиру он пошел...

Адылов. К Мавлон-ака? О досках разговаривать? Догадываюсь, догадываюсь, в чем дело... Из памяти выпало, что Кузыев строитель. Сушплкп пусть строит! Займусь деламп Кузыева! О себе теперь расскажите... У себя в колхозе что делали?..

Дехканбай. Хлопкороб... в последнее время бригадиром был...

Адылов. А в Голодной степи... как себя чувствуете?

Дехканбай. Мечта у меня имеется... Сказать какая?

Адылов. Если не секрет.

Дехканбай. Секрета нет. С Хафизой говорили об этом, с комсомольцами. Давно у меня эта мечта. Домой возвращался после войны, Москву проезжал... Красную площадь видел, Мавзолей Ленина видел, Кремль, метро... Все видел! Говорят: Кузнецкий мост еще посмотри. Прихожу — моста нет, реки нет — улица! Называется только «Кузнецкий мост».

Адылов. Старое название сохранилось...

Дехканбай (страстно). Хотим мы так переделать Голодную степь, чтобы люди, приехав сюда, тоже удивились: где Голодная степь? Название осталось, а степь — цветущая, счастливая! Сверкающая, как... шелковое сюзане!

Входит Хафиза с казаном, хлопчет у очага.

Адылов. Как шелковое сюзане,—отлично сказано!

Входит Р а х п м д ж а н, он очснь взволнован.

Что случилось, дорогой Рахимджан?

Р а х п м д ж а и. Плохо! Совсем заболел Мавлон-ака! (*Хафиле.*) Дяде вашему совсем худо! Пришел в правление — жар у него, горячий весь. Пожелтел, трясет всего. Домой не мог вернуться.

Х а ф и з а (*встрсвоженно*). Где он сейчас?

Р а х п м д ж а п. В моем кабинете лежит, в нравлении. Са. палат с ним.

Х а ф и з а. Дехканбай! Я к дяде! (*Убежала,*)

А д ы л о в. Доходпля! Немедленно за врачом!

Р а х и м д ж а н. Уже послал. Кузыева послал. На машине.

А д ы л о в. Нет, здесь Мавлон-ака мы не вылечим. Нужно срочно отправить его в Ташкент, в больницу...

Р а х и м д ж а и (*сокрушенно*). Долго теперь лежать будет. Самый высокий урожай на его участке! Без командира осталась бригада.

Вбегает К у з ы е в.

К у з ы е в. Доктор приехал, говорит: в клинику отправить надо.

А д ы л о в. Да, нелегко будет без Мавлона... Послушайте, Рахимджан... А что если на время болезни Мавлон-ака, его бригаду возглавит...

Р а х п м д ж а н. Кто?

А д ы л о в. Дехканбай.

Р а х и м д ж а н. Он?

Д е х к а н б а й. Я?

К у з ы е в (*Дехканбаю*). Умоляю вас, согласитесь!.. Пусть хоть два дня солнце мне светить будет!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка предыдущей картины. Прошло две недели: оголилось поле, с которого убралл хлопок. Лунная вочь...

Входят А д ы л о в и К у з ы е в.

А д ы л о в. Хорошо, Хашим,— потолкую с председателем.

Кузыев (*горячо*). А то что получается?! Хлопок в колхозе собрали, начинаем уже новую землю осваивать, а когда, спрашиваю, строить начнем?

Адылов. Сушилки ты ведь построил? Отличные сушилки!

Кузыев (*горячо*). Дома нужны для переселенцев! Клуб нам нужен! А где, спрашиваю, строительная бригада?!

Адылов. Сказал тебе: переговорю с председателем! Все?

Кузыев. Нет, не все! Извините за нескромность,— спросить хочу... (*Неожиданно.*) Музыку вы любите?

АДЫЛОВ (*недоуменно*). Люблю!

Кузыев. А музыкальных инструментов в колхозе нет.

Адылов. Пианино есть... в школе стоит.

Кузыев (*горячо*). Кому — пианино, а Хашиму Кузиеву барабан требуется! А то что получается?! Молодежный оркестр организовать я обещал, Дехканбаю обещал,— как новому секретарю комсомола! А на чем, спрашиваю, играть?! Барабана даже нет!

Адылов. Хорошо: купим! Пять барабанов тебе купим!

Кузыев (*недоуменно*). Хватит и одного...

Адылов. Одного мало: заглушишь ты его, Кузыев! (*Хлопнув Кузиева по плечу.*) **Ничего, продолжай в том же духе. Желаю успехов! Будет тебе барабан...**

Кузыев уходит. Продолжает свой путь и Адылов. Внимание его привлекает проезжающая мимо машина. Кричит, машет рукой, останавливая машину.

Рахимджан-ака-а-а!.. Рахимджан-ака-а-а!

Гудок остановившейся машины. Появляется Рахимджан.

Рахимджан. Окликнули — спасибо. Быстро ехал, мог бы проехать мимо! День кончился — дела не кончились! С поля еду...

Адылов. Как с очисткой зауров?

Рахимджан. Сегодня закончим! Что значит молодежь! Огонь! Лава! Сегодня одно дело закончат — завтра другое начинают.

Адылов. Да, дорогой Рахимджан, с рассветом комсомольцы выйдут на новую землю...

Рахмиджаи. Досрочно! Опять досрочно!

Адылов. Не ошиблись мы в Дехкапбае. Вот это — комсомольский вожак!

Рахмиджап. Сердце радуется! Не дает передохнуть председателю. *(С удовольствием.)* И Хафиза ему вровень: две половинки одного персика!

Лдылов. А Кузыев?

Рахмиджап. Третья половинка того же персика! Какие сушилки построил! Сердце радуется!

Адылои. Напомнить хочю: обещали мы дать Кузыеву строительную оршаду. Пора выполнить обещание...

Рахпиджап. Ваша правда, Адылов-ака! Сегодня же скажу Кузыеву...

Голос Салтапат: «Рахмиджан-ака!»

А?! Салтанат уже меня ищет.

Вбегает Салтанат.

Салтанат. По всему кишлаку вас разыскиваю... *(Отгибая пальцы.)* Из райисполкома звонили: спрашивают, сколько нам воды потребуется, — раз... Сводку о заурах райисполком требует — два... Горючее привезли — три... Завтра в правлении сидеть не буду: пойду со всеми на новые участки — четыре!

Рахмиджаи. Послушай, Салтанат!

Салтанат. Скажете нельзя, — не послушаю! Все комсомольцы идут, я тоже комсомолка!

Рахмиджан. Завтра не послушаешь, сегодня послушай. Кузыева ты увидишь?

Салтанат. Хашима? *(Смущенно.)* Вовсе я его не увижу... будто я каждый день вижу...

Рахмиджан. Каждый день не видишь, каждый вечер видишь...

Адылов. Позволю себе заметить — не будем вмешиваться в личные дела Салтанат.

Рахмиджан. В личные не будем. В колхозные будем. Найди мне Кузыева по колхозному делу.

Салтанат *(загнула палец)*. Кузыева! *(Показывает руку.)* Записала для памяти...

Рахмиджан. Кузыева ты и так не забудешь. *(Остановившая побужавшую Салтанат.)* Постой, Салтанат, а телеграмму ты послала?

Салтанат. Какую телеграмму?

Рахимджан. Телеграмму... *(Осекся, сокрушенно.)* Ай-яй-ян, я сам ведь хотел отправить эту телеграмму... *(Адылову.)* Мавлоу хотел телеграмму послать... в Ташкент... в больницу... Лежит бригадир, тревожится...

Адылов. Нехорошо! Просил же я вас это сделать. В райисполкоме утром были — рядом почта...

Рахимджан. Сам себя просил: «Не забудь, председатель!»

Салтанат. Палец вы бы загнули, ни за что не забыли бы!

Адылов. Придется специально посылать на почту Салтанат.

Рахимджан. Пошлем, а? *(Салтанат.)* На моей машине поедешь на почту...

Салтанат *(загибая палец)*. Телеграмма — два... Давайте телеграмму... *(Вынув из папки лист бумаги, передает Адылову, включает лампочку у дома.)*

Адылов. Сейчас напишу. *(Пишет.)* Ташкент...

Рахимджан *(диктуя)*. Поздравляем досрочной уборкой урожая... Напишите: на первое место вышла бригада Мавлона. О заурах еще сообщить надо.

Адылов *(пишет)*. Правильно.

Салтанат. И пусть поскорее выздоравливает Мавлон-ака.

Адылов. Тоже правильно. Все! Держи, Салтанат. *(Передает листок.)*

Салтанат *(прячет листок в папку)*. Про райисполком не забудьте, Рахимджан-ака!

Рахимджан. Позвоню им из правления. *(Встав, Адылову.)* Нам по пути, Адылов-ака?

Адылов. В поле я направляюсь. С Дехканбаем хочу потолковать.

Салтанат *(взглянув на дорогу)*. Сюда идет Дехканбай.

Рахимджан. Уже идет? А?! Что значит молодежь!

Входят Дехканбай и Хафнза.

Салам! Новостей жду.

Дехканбай. Могу доложить: все зауры очищены!

Рахимджан. А?! Огонь! Лава! Печатай, Салтанат, сводку! *(За сцену, шоферу.)* Карим! В правление едем!..

Рахимджан и Салтанат уходят. Гудок отъезжающей машины.

Адылов. Поздравляю, дорогой Дехканбай. И вас, Хафи.-\ поздравляю. Наступление, значит, продолжается...

Дехканбай. По всему фронту.

Адылов. Отлично, дорогой Дехканбай. Кстати... об учебе молодежи я вас просил подумать...

Хафиза. Два кружка придется организовать. Пожилые колхозники тоже хотят заниматься. Даже старики...

Дехканбай (*поддевая Хафизу*). И даже... старухи!

Хафиза (*Дехканбаю*). Опять «старухи»?! Не старухи, а пожилые...

Дехканбай (*дразня Хафизу*). Конечно, пожилые... пожилые старухи!

Хафиза. Не слушайте его, Адылов-ака! Честное слово,— совсем молодые старухи... В шелководческой бригаде ОФ и будут работать...

Адылов (*удивленно*). В какой бригаде?

Хафиза. Шелководческой.

Адылов (*удивленно*). Нет у пас такой бригады!

Хафиза. А весной будет! Все комсомолки согласны. На правлении поставим этот вопрос. Поддержите нас?

Дехканбай. Интересное дело, Адылов-ака!

Адылов. Поговорим, обязательно поговорим...

Хафиза. И еще у меня есть к вам дела... Столько дел,— просто не знаю, с чего иачать...

Адылов. Тогда я начну... вы ужинали?

Хафиза. Собираемся...

Адылов. Вот с этого и начинайте!

Хафиза. Да нет... успеем... Значит, о шелководстве... Понимаете?

Адылов. Не понимаю! Сытый голодного не разумеет! Проголодались вы оба...

Дехкапбап. По правде, целого барана проглотил бы.

Адылов (*Хафизе*). Слышали?

Хафиза (*убегая в дом*). Пельмени сварю... Я бы-стро...

Возникает хоровая песня.

Дехканбай. Апдижанцы поют...

Адылов. Земляки?

Дехканбай. Не спят... к бою готовятся...

Адылов. Да... почь перед боем...

Д е х к а н б а и. Жалею, что Мавлон-ака еще болен... Без него на новую землю завтра выходим... Знает оп Голодную степь. А мы... как никак новнчкн мы здесь...

А д ы л о в. В Голодной степи все когда-то были новичками, даже Мавлон-ака... Надеюсь, что скоро станут называть вас не новичками, а новаторами... С мелиоратором беседовал... Хвалит он предложения комсомольцев...

Д е х к а н б а п. Еще несколько предложении поступило.

А д ы л о в. Какие именно?

Д е х к а н б а й. Если выкопать зауры... На земельной карте объяснил бы лучше... В доме у дядюшки висит карта. Посмотрим?

А д ы л о в. Давайте.

Входят в дом.

Голос Салтанат: «Адылов-ака! Адылов-ака!»

Вбегает Салтанат.

Салтанат. Адылов-ака! *(Подбежюала к дому, постучала в дверь,)* Можно?

Голос Хафпы: «Входите, Салтанат».

Салтанат вошла в дом. Вбежал Кузыев.

Кузыев. Салтанат! *(Услышал смех Салтанат,)* Подожду ее здесь. *(Стал за домом,)*

Голос Салтанат: «До свиданья». Салтанат вышла, остановилась у дома.

Салтанат. Какие же дела остались? *(Проверяя по пальцам,)* Телеграмму отправить Мавлон-ака... К агроному зайти... Найти Хашима... *(Вздыхнула,)* А где он, мой Хашим?.. Строить теперь будет... *(Восторженно,)* Какие он сушилки построил!.. Ах, сердце он мне иссушил... *(Идет, грустно напевая.)*

Шелком вышит мой платочек,—
Голубой на нем цветок,
Но любовь была обманом,
Потерялся мой платок...

Кузыев. Салтанат! Очаровательница очей моих!

Салтанат. Хашим...

Кузыев. Целый день я не видел своей розы!

Салтанат. И розе не пел соловей..

Кузыев Искал я вас, весь вечер искал, радость моя!

Салтанат. И я вас ишу... по всему кишлаку... (*Меня интонацию.*) По колхозному делу, вы не думайте...

Кузыев. Я не думаю...

Салтанат (*грустно*). А я думаю, что перестали вы обо мне думать.

Кузыев. Радость моя! Днем думаю, утром думаю, ночью думаю, вечером... как сказал поэт: «Где бы я ни был, сердце мое всегда с тобой!»

Салтапат. Ночь хорошая...

Кузыев. А я?

Салтаят. И вы тоже хороший...

Кузыев. Сердце мое! (*Берет Салтанат за руку.*)

Салтанат (*испуганно*). За эту руку меня нельзя брать: все дела перепутаю. (*Поясняя.*) Вот этот палец — зайти к агроному, этот — телеграмма, а этот — вы, Хашим...

Кузыев. Я. (*Целует пальчик Салтанат.*)

Салтанат (*нео/сно*). Председателю вы нужны. Строительную бригаду собирать будете. Вас бригадиром назначают.

Кузыев (*вскочив*). Уже?

Салтанат (*испуганно*). Скорпион укусил? Да?

Кузыев. Какой скорппнон? Строительная бригада у нас будет! Как в песне поется... (*Поцеловал Салтанат.*) Вот как поется. (*Убежал.*)

Салтапат (*грустно смотрит на руку*). Все дела мне перепутал Хашим... Это — телеграмма, а это... это... (*Вспомнив.*) Это же к агроному я не сходила. (*Убегает.*)

Пауза. Затем входит Мавлон. В руках у него чемодан. Он медленно идет к своему дому, останавливается, услышав песню возвращаюид'йся Салтанат.

Где я сердце потеряла,
Не могу найти три дня...

Вбегает Салтанат.

Не хочу я, чтобы милый
Рассердился на меня...

Салтанат (*увидев Мавлона*). Кто это?

Мавлон. Салам, Салтанат!

Салтанат (*изумленно*). Мавлон-ака! Вы же... вы же в Ташкенте!

Мавлон. Считаю, что я в Ташкенте. Уборка идет —

Мавлон лежит. А ты зачем ночью ходишь? Не спишь почему?

Салтанат *(все еще изумленно)*. Ночь сегодня такая... никто не спит.

Мавлон. Никто не спит? Понимаю: плохо с уборкой. Не вовремя заболел Мавлон, не вовремя...

Салтанат. Да нет, Мавлон-ака, с уборкой все благополучно.

Мавлоп. Не успокаивай! Знаю, что плохо! На моих участках плохо!

Салтанат. Что вы? Все хорошо. Телеграмму даже хотели вам послать...

Мавлон *(думая о своем)*. Телеграмма?.. Какая там телеграмма?

Салтанат. Вам, Мавлон-ака, телеграмма. *(Показывает,)* От председателя и парторга...

Мавлон. Мне? Покажи... *(Взяв листок, подходит ближе к лампочке, висящей у дома, читает,)*

Салтанат. Побегу расскажу председателю... Рахимджан-ака удивится... *(Убегает,)*

Мавлон *(читает)*. «Поздравляем досрочным окончанием уборки...» Убрали, выходит? Без меня н... убрали? Нет... Успокоить хотели... Так и пишут: «Поскорее выздоравливайте». Э! Успокоительные капли в больнице мне давалп — не помогли! Не могли без меня убраться!

Из дома выходит Хафиза.

Хафиза *(увидев Мавлона)*, Дядя?! Салам! Откуда? Каким образом? Раньше срока, наверно, приехали? Не выздоровели еще!

Мавлон. Не кричи на меня, Хафиза! Доктор на меня кричал, профессор кричал, теперь ты кричишь. Садись... *(Неуверенно,)* Слушай, тут мне Салтанат наболтала... наболтала — не то слово... Правду скажи... Плохо с уборкой?

Хафиза. Не понимаю вас, дядя.

Мавлон. На каком месте моя бригада?

Хафиза. На первом! Раньше всех собрали хлопок, Весь колхоз досрочно закончил уборку.

Мавлоп. На первом?! На первом месте бригада Мавлона?!

Хафиза. Да, дядя, конечно!

Мавлоп. Выходит, что Салтанат.. Правду, выходит,

написали в телеграмме? Две недели в больнице лежал, две недели думал — приеду, в хвосте тащится моя бригада. Дожди шли... Сорт снизился... Авторитет бригадир потерял, славу Мавлоп потерял...

Х а ф и з а. Да что вы, дядя!

М а в л о н. На первом месте моя бригада! Доктор не вылечил — ты вылечила! Расскажи, расскажи, как это произошло...

Х а ф и з а. Сейчас все расскажем! Дехканбая я только позову... (*Входя в дом.*) Дехканбай! Дядя приехал...

М а п л о п (*один*). Жених в доме невесты до свадьбы? Не было моего согласия!

Входят Адылов, Дехканбай, Хафиза.

Адылов. Салам, дорогой Мавлон! Нежданный гость! Дехканбай. С выздоровлением, дядюшка! Салам!

Торопливо входит Рахимджан.

Рахимджан. Салам! Уже выздоровел?! Досрочно выздоровел! Все теперь у нас в колхозе досрочно делается.

Мавлон. Садитесь, садитесь. Спасибо, дорогие, вспомнили о бригадире, телеграмму послали, поздравили...

Рахимджан (*смущенно*). Э-э, Мавлон-ака, моя вина: забыл! Забыл послать телеграмму.

Мавлоп. Забыли? А я получил!

Рахимджан. Как получили?

Мавлон (*показывая*). Вот телеграмма.

Рахимджан. Уже получили?!

Адылов. Да, дорогой Рахимджан, быстро доходят телеграммы у Салтанат.

Рахимджан. Досрочно! Летят как молнии!

Мавлон. Расскажите, дорогие, расскажите Мавлону, как моя бригада без меня на первое место вышла?

Рахимджан. Весь хлопок собрали. Весь высушили, сдали... Ни одного грамма потерь. Спасибо скажите Дехканбаю.

Мавлон. Дехканбаю?

Адылов. Дехканбай вас замещал. Хорошим бригадиром был.

Мавлон. Жених моей племянницы?! (*Дехканбаю.*) Ты?

Дехкапбай. Я, дядюшка! А теперь мы готовимся...
Мавлоп. Ты готовишься? *(Смеется, твердо.)* Бригадир приехал, бригадир будет готовиться.

Хафиза. Выслушайте же, дядя, Дехкаибая. За новое дело мы принимаемся...

Дехканбай. Готовимся мы...

Мавлоп *(не допуская возражений)*. Хои! Не будем сегодня говорить о делах. О делах будем завтра говорить! Завтра будем готовиться!

Хафиза. Нет, дядя, сегодня!

Мавлон *(добродушно)*. Ослушаться дядю?! Дядю еще можешь послушаться. Бригадир не можешь! В больнице лежал, о делах все думал, кровью сердце обливалось... Одну ночь хочу отдохнуть,— впервые будет отдыхать Мавлон в Голодной степи! Праздник у меня сегодня, на первом месте моя бригада! Гостями прошу быть на моем празднике!

Адылов *(переглянувшись с Дехканбаем)*. Может быть, в другой раз отпразднуем, дорогой Мавлон?

Хафиза. Конечно... в другой раз, дядя...

Дехканбай. Дел много у пас сегодня...

Мавлон *(мрачней)*. Не наносите обиду Мавлону!

Рахимджан *(поспешно)*. Посидим немножко, не будем обижать бригадир. Зачем обижать?

Мавлон. Спасибо! Спасибо! Поторопись, Хафиза! Наполни кувшины вином! Дорогих гостей угощать будем!

Хафиза входит в дом

Голос Кузысва: «Дехканбай! Дехканбай!»

ВХОДИТ КУЗЫЕВ.

Кузыев *(увидев Мавлона)*. Мавлон-ака? Приехали?

Мавлон. А-а, кирпичник! Ты еще здесь? *(Рахимдокану.)* Просил я отправить его обратно из колхоза. *(Дехканбаю.)* Дехканбай! Почему ты держал лодыря в бригаде?

Рахимджан. Ай-яй-яй, зачем такое слово «лодырь»?

Дехканбай. Не лодырь он!..

*

Мавлон. Подожди, Дехканбай! Ты был бригадиром, теперь я бригадир. *(Адылову.)* Авторитет мне подрывают. *(Рахимджану.)* Ответа прошу: почему лодыря держим в колхозе?

Рахимджан. Э-э-э, не поладил бригадир с Кузьевым. Зачем вспоминать? Было и сплыло!

Дехканбаи. Неправы вы были, Мавлон-ака!

Мавлон. Неправ? Бригадир неправ?! А я говорю — лентяй Кузьев! Хлопка он не любит, о хлопке не думает, о кирпичях болтает, песенки распевает. *(Кузьеву.)* Правильно я говорю?

Кузьев. Неправильно, Мавлон-ака! Думаю я о хлопке!

Мавлои *(презрительно)*. Ты думаешь?!

Адылов *(встав)*. Послушайте, дорогой Мавлон-ака, а как мы хлопок высушили, вы знаете? Новые сушилки вы видели?

Мавлоп. Новые сушилки?

Рахимджан. Какие сушилки! Сердце радуется!..

Мавлои. Построили? Кто? Кто построил?

Дехканбай. Лодырь...

Мавлон *(удивленно)*. Кузьев? *(Кузьеву.)* Ты построил?

Кузьев. Я! Из тех самых досок, которые чуть не сгнили тогда. Помните?

Дехканбай *(Мавлону)*. А вы говорите — лодырь, песни распевает...

Кузьев. Правильно. Как в песне поется: «Нам песня строить и жить помогает...»

Хафиза выносит кувшины, посуду, угощение.

Дехканбай помогает Хафизе.

Мавлон. Тьфу, перепелка куда ни пойдет, там и песни поет.

Рахимджан. Бригадиром теперь будет у нас Кузьев.

Мавлон *(удивленно)*. Бригадиром?

Рахимджан. В хлопке не разбирается, в кирпиче разбирается.

Мавлон *(поняв)*. Бригадиром кирпичников! Кирпичным бригадиром!

Адылов *(твердо)*. Бригадиром строительной бригады!

Мавлон. Пусть будет! Не возражаю!^ *(Кузьеву.)* Ну, подходи... бригадир к бригадиру! Не бойся! Пиалу вина выпей... За Мавлона. *(Все.)* Садитесь, гости дорогие...

Все рассказиваются.

Кузыев, займи место виночерпия! Разливай вино... Сам варил вино... из арбуза! Не кто-нибудь — Мавлон варил! За что выпьем первую пиалу?

Рахмиджан. За нашего лучшего бригадира!

Адылов. За вас, Мавлон-ака!

Хафиза. За дядю!

Дехкапбай. За вернувшегося командира!..

Кузыев. За ваше здоровье! (*Выпал, перехватило дыхание.*) Ух!.. Вот это арбуз!

Мавлоп. Спасибо... Спасибо... (*Хафизе.*) Чем закусят дорогие гости?

Хафиза (*сняв салфетку, покрывавшую блюдо*). Пожалуйста...

Мавлон (*восхищенно*). Пельмени! Знала племянница, чем угодить дяде! Кушайте, гости дорогие! (*Попробовал.*) У-у-у, есть жалко... во рту тают! Почему ничего не ел в больнице? Порошки давали, пельменей не давали. (*Заметив, что Рахмиджан не ест, а тоскливо глядит на пельмени.*) Рахмиджан-ака, почему не кушаете?

Рахмиджан. Толстый я очень... От пельменей тоже не худеют. (*Решившись.*) А ну, дайте... попробую!

Мавлон. Наполните пиалы... Выпьем теперь за белое золото! За наш хлопок!..

Кузыев (*запевает*).

В честь отчизны, где народы братские живут,
В честь садов, что вырастил наш вдохновенный труд,
В честь дворцов, где наши дети радостно живут.

Джан!

Все подхватывают.

Наливай полнее чаши, песню затяни.

Край наш светлый, мы свободны, счастьем мы полны...

Входит Салтанат.

Мавлон. Садись, Салтанат! Пельмени будешь кушать...

Салтанат. Извините... дело у меня к председателю...

Рахмиджан (*шутливо*). Не дают передохнуть...

Салтанат (*Рахмиджану*). Сводку о заурах вы не подписали... (*Подавая сводку.*) А мне ее в райисполком передавать надо...

Рах и м д ж а н (*подписывая*). Такую сводку подписать не стыдно. Сердце радуется! Досрочно закончили очистку...

М а в л о н. Если разрешит председатель, иа сводку хотел бы взглянуть и я... одним глазом.

Рах и м д ж а н. Доставим радость бригадиру! (*Передаст сводку.*) Какая сводка! А?! И здесь ваша бригада иа первом месте...

Млплоп читает сводку, мрачнеет.

Не вижу радости иа лице Мавлона...

М а в л о и (*возвращая сводку*). Прочел сводку.* не моя бригада на первом месте.

Х а ф и з а. Как это не ваша?

Д е х к а н б а и. Не может быть!

Рах и м д ж а н (*озадаченно читает*). Первое место... бригада... Дехканбая... (*Осекся, Салтанат.*) Мавлона, а не Дехканбая!

С а л т а н а т. Две недели так печатала — Дехканбая.

Рах и м д ж а н (*Салтанат*). Мавлона не было, приехал Мавлоп-ака!

Д е х к а н б а й (*Мавлону*). Салтанат ошиблась!

Х а ф и з а. Конечно, дядя, ошиблась Салтанат.

Рах и м д ж а н. Ай-ян-яй, огорчается бригадир...

А д ы л о в. Небольшая беда: перепечатает Салтапаг сводку...

С а л т а н а т. Перепечатаю я, Мавлон-ака! (*Убегает.*)

Рах и м д ж а н. Перепишет Салтанат. С вашим именем передадим сводку. С именем бригадира.

А д ы л о в. Запевай, Хапшм...

К у з ы е в (*запевает*).

Пиала с вином, товарищ, как тюльпан, красна^

За народ наш мы осушим пиалу вина.

За прекрасную эпоху выпьем все до дна..,

Джан!

Все, кроме Мавлона, подхватывают.

Наливай полнее чаши, песню затяни...

М а в л о н (*неожиданно*). Слово хочу сказать! Хлопок убрала до срока... Очистку зауров первой закончила бригада... (*подчеркивая*) Дехканбая..,

Х а ф и з а. Да что вы, дядя?!

Дехканбаи. Зачем так говорить?

Рахимджан. Ваша бригада, Мавлон-ака! Ваша..,

Мавлон (*продолжая*). А новую землю осваивать начнет... досрочно начнет... не кто-нибудь, а я — Мавлон! Завтра выйдем в поле.

Рахимдихан. Э-э, бригадир еще ни о чем и не знает...

Хафиза. Вот об этом и хотели мы вам рассказать...

Дехканбай. Принимаемся мы уже за новую землю. С утра выходим...

Кузыев. Комсомольские гектары осваивать будем...

Адылов. Да, дорогой Мавлон, в новое наступление ведет комсомольцев Дехканбай.

Мавлон (*озадаченно*). Не понимаю... Комсомольские гектары... Дехканбай ведет...

Дехканбай. Сейчас, дядюшка, объясню... Начинаем мы с болота, что за клеверным полем...

Мавлон. За клеверным полем?! Не мой там участок. Третьей бригады участок...

Дехканбай. Правильно!

Адылов. Трудный участок. Не предполагали его в этом году осваивать... А Дехканбай предложил с него и начать...

Дехканбай. Общими силами одолеем болото... На дренажные работы выходят все комсомолыцы...

Хафиза. Еще два гектара отвоюем. Сверх плана!

Адылов. Что говорить, — хороший план!

Рахимджан. Э-э-э, сверх плана — всегда хороший план.

Мавлон (*мрачно*). Дехканбай предложил... Мои люди на участке третьей бригады будут работать... А моя земля? Мои перелог?

Дехканбай. До срока принимаемся ведь за новую землю... Успеем и ваши перелог освоить...

Мавлон. Все понял... Не согласен!

Дехканбай. Почему?

Мавлон. Хлопок ты первым собрал, а землю Мавлон освоит последним? На последнем месте будет бригада Мазлона.

Дехканбай. Не будет на последнем! Обещаю вам, дядюшка!

Рахимджан. Э-э-э, раз Дехканбай обещал — тревожиться нечего... Кузыев! Голоса твоего не слышу...

Кузыев (*подняв пиалу, запекает*).

Пиалу вина, товарищ, выпью я до дна,

И еще налью, товарищ...

Мавлоп (*прервав песню*). Два гектара для третьей бригады освоит Дехканбай...

Дехканбай. Не я один...

Хафиза. Все комсомольцы...

Мавлон (*Хафизе*). Помолчи — старший говорит! Так вот... Я... на моей земле... на моих участках... освою сверх плана три гектара. Не кто-нибудь это обещает, а "Мавлон! (*Подняв пиалу, Кузыеву.*) Теперь пой, Кузыев!..

Все переглянулись. Пауза. Мавлоп удивлен молчанием.

Адылов (*осторожно*). Обязательство хорошее... очень хорошее... Но... опоздали вы немного, дорогой Мавлон...

Хафиза. Обязалась уже наша бригада... сверх плана решили мы освоить пять гектаров...

Мавлон. Пять?! (*Дехканбаю.*) Тоже твое предложение?

Дехканбай. Комсомольцев.

Рахимджан. А?! Что значит молодежь?! Огонь! Лава!

Мавлон (*Дехканбаю*). Твое предложение! Ни один бригадир не согласится на такой «сверхплан»...

Дехканбай. Ошибаетесь, дядюшка!

Мавлон (*яростно*). Кто ошибается?! Мавлон?! Попробуй... Освой пять гектаров! Без меня освой! Один подними землю...

Дехканбай. Не один же я. Всей бригадой освоим. Вместе с вами...

Мавлон. Со мной? Угу!

Рахимджан. Напрасно тревожитесь, Мавлон-ака! Не только пять — шесть гектаров освоите! Каких люден получила бригада?! (*Поднял пиалу.*) По последней пиале... За наши успехи!

Кузыев (*подняв пиалу, запекает*).

Наливай полнее чаши, песню затяни...

Мавлон (*прервав песню*). За наши успехи? За успехи Дехканбая?! (*Перевернул пиалу вверх дном, поставил.*) Извините,.. Из больницы приехал... Нельзя мне больше пить. .

Хафиза (*f?ихо*). Дядя!

Пауза. Все ошеломлены.

Адылов. Возможно... возможно, что не следовало сегодня нить, Мавлон-ака.

Мавлон. Гости пусть пьют... *(С иронией.)* Праздник ведь в доме Мавлона... Наливай, Кузыев... Вина хватит...

Кузыев *(показывая пустой кувшин)*. Кончилось вино...

Мавлон *(вставая)*. Еще бочонок принесу... пште... За успехи Дехканбая лейте!.. *(Вошел в дом.)*

Пауза.

Рахимджан. Идти надо...

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака!»

Вот... Салтанат уже за мной бежит... *(Встал.)*

Вбегает Салтанат.

Салтанат *(отгибая пальцы)*. Сводку перепечата-ла — раз; в райисполком передала — два; канавокопатели из МТС прибыли — три.

Рахимджан. На завтра канавокопатели... Пойдем, Дехканбай...

Адылов *(встал, Рахимджану)*. Задержу вас на несколько минут... Попросим Хашима и Хафизу помочь Дехканбаю... *(Хафизе и Кузыеву.)* Не затруднит вас? *(Хафиза и Кузыев встали.)* Скоро и мы придем.

Несколько удивленные, Хафиза, Кузыев, Дехканбай и Салтанат уходят.

(Убедившись, что комсомольцы ушли.) Плохие признаки, дорогой Рахимджан!

Рахимджан. Может быть, рано приехал? Не выздоровел еще? Малярия?

Адылов. Боюсь, другая болезнь. *(Задумчиво.)* Землю от солончаков &ы очищаем,.. А вековую соль с людей... плохо еще смываем!

Рахимджан *(убежденно)*. Ничего! Обновится земля — обновятся и люди...

Адылов. Хочу поговорить с Мавлоном... Наедине. Одобряете?

Рахимджан *(встревоженно)*. Поговорите... Но не

руга lire! lie любит он, когда ругают: старый человек! Обещаете?

Адылов. Постараюсь!

Рахимджап уходит. Ечороткал пауза. **Ночь уже на исходе** — Адылов гасит лампочку у дома. Выходит **Мавлоп с бочковкой** в руках.

Маплон. Вина много — гостей мало!

Адылов. Салтанат прибежала: неотложные дела.

Маплон *(с иронией)*. Дела! У Дехканбая дела!

Адылоп. Да. Большие дела у Дехканбая.

Маплой *(с иронией)*. Все теперь — Дехканбаи!
(Зло.) «Жеребенок скачет, а арбу везет конь!»

Адылов. Другая поговорка есть: «ум не в бороде, а в голове»... Вот что, дорогой Мавлон, с большими мечтами приехали к нам комсомольцы, с большими стремлениями... И надеемся мы... твердо надеемся, что поможете вы молодежи... опытом своим... авторитетом...

Мавлоп *(мрачно)*. У Дехканбая авторитет... У Кузьева... У них головы... у меня борода...

Адылов. Ну, ну, борода у вас хороша, а голова еще лучше... Не сторонитесь молодежи... Присмотритесь к ней хорошенько... может, стоит поучиться у нее кое-чему...

Мавлон *(яростно)*. У кого учиться Мавлону? У желторотых птенцов?! Я здесь первым землю поднимал... Рекордных урожаев добился... Не кто-нибудь — я, Мавлон!

Адылов *(спокойно)*. Сами добились? Или с помощью бригады? С помощью колхоза. Я бы сказал больше «с помощью всей страны!»

Мавлон. Не о том спор.

Адылов. О чем же? Говорите... *(Пауза.)* Ну... жду ваших слов.

Мавлон *(уклоняясь от разговора)*. Извинить прошу — болен я еще. Пить много нельзя... Говорить много нельзя...

Адылов. Нехорошо! Нехорошо, дорогой Мавлон! Недовольны? Говорите! Молчать не надо и кричать не надо. Когда руководитель голос повышает, — на авторитет свой он уже не надеется... Трактор, когда в нем горячее кончается, тоже потарахтит, почихает — и стоп! Подумайте над моими словами! Желаю благополучия! *(Уходит.)*

Мавлон мрапеп. Налипает себе виа. Хочет выпить, но в это время входят Хафиза, Дехканбаи, Салтанат в Кувыев.

Хафиза (*подходит к Мавлону*). Еще не спите, дядя?! Не легли еще?

Мавлоп. Сижу... (*С горечью*.) Один сижу... А думал... семьей одной, думал, будем жить...

Хафиза. Желаем мы этого, дядя.

Мавлон. Желаете?

Дехканбай. Конечно!

Мавлон. Не знаю я ваших желаний. (*Подает пиалу*.) Скажи, произнеси, Хафиза, свое желание, и я опустошу в честь него пиалу.

Хафиза. Хорошо! Я скажу. (*Подняв пиалу*.) За новую землю, которую освоит наш колхоз в Голодной степи!

Мавлон. За комсомольские гектары?

Хафиза. Да.

Мавлон. Понимаю. Вам почет, «ура», аплодисменты, а мой авторитет пусть к черту летит?!

Салтанат. Простите, Мавлон-ака, но почему у вас всегда: «мой авторитет», «моя бригада»...

Мавлон. А ты помолчи, секретарь. Барабань на ыапшнке, а не языком...

Кузыев. Права Салтанат.

Дехканбай (*мягко*). Салтанат хотела сказать, что нам следует так же, как вы заботитесь о своей бригаде, заботиться об интересах всего колхоза, всей страны. Коммунизм мы ведь сообща строим.

Мавлон. А я, может быть, хочу свою бригаду первой привести к коммунизму!

Кузыев (*философски*). С одним гвоздем дом не построишь.

Мавлон (*недоуменно*). Где гвоздь? Кто гвоздь?

Дехканбай. Я... Салтанат... Вы...

Мавлон (*вскочив*). Я?.. Я гвоздь?!

Дехканбай. Не так поняли вы меня, Мавлон-ака.

Мавлон. Все понял! Хорошо понял! Оттуда клюешь, отсюда клюешь! Бригадиром вместо меня хочешь стать?! Я эту землю потом своим орошал... и я... гвоздь? Ржавый гвоздь?! Попробуй вытащи этот гвоздь?

Дехканбай. Дядюшка, я совсем другое имел в виду!

Хафиза. Успокойтесь, дядя. Прошу вас, успокойтесь!

Мавлон (*в ярости*). Прочь из моего дома! Уничжать

меня приехала с женихом?! Не быть тебе женой этого желторотого птенца! Это я тебе обещаю! Не за тем ты ко мне приехала!

Дехканбай. Не к вам мы приехали. В колхоз мы приехали работать.

Мавлон. Что? В колхоз?! Колхоз еще хочешь против меня поднять?

Хафиза. Дядя! Да что вы говорите?!

Мавлон. Не дядя я тебе и не племянница ты мне! Запомни: я бригадир, а ты звеньевая! Моя бригада выходит завтра новые земли поднимать! Ты с моей бригадой пойдешь!

Дехканбай. Она с комсомольцами пойдет!

Мавлон (*Дехканбаю*). А ты куда хочешь'иди. Свою бригаду я поведу! На свои участки! Я бригадир! Мавлон бригадир! (*Скрылся в доме, оставив открытой дверь.*)

Хафиза. Дядя! (*Побежала вслед за Мавлоном.*)

Хлопнула закрывшаяся перед Хафизой дверь. Прижавшись к стене, Хафиза заплакала.

Дехканбай. Ничего, Хафиза... Не плачь. У Салтанат пока будешь жить.

Салтанат. Конечно, Хафиза. У меня...

Возникает хор: комсомольская песня.

Кузыев. Слышите? Комсомольцы уже в степь выходят. Пойдемте, друзья!

Дехканбай (*Хафизе*). Слышишь? Наступление начинается. Пойдем, Хафиза.

Кузыев. Как в песне поется...

Освещенные утренней зарей Хафиза, Дехканбай, Кузыев, Салтанат подхватывают песню, машут руками, приветствуя проходящих за сценой комсомольцев.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тот же кишлак. Значительную часть сцены занимает айваи перед зданием колхоза. На айван выходит окно, подлю которого внутри комнаты стоит стол. На столе — телефон. На айване два столика (на одном лежат счеты) и несколько табуреток. К зданию правде* вия прибит почтовый ящик. Над зданием вывеска: «Правление колхоза «Новая земля». К стене прислонена деревянная лестница. Двхканбай (стоя на лестнице) и Хафиза прикрепляют к зданию кумачовое полотнище с надписью: «Салам, дорогие гости!» Другое полотнище разостлано на земле и над ним еще трудится Салтанат, дописывая последние слова. Где-то поблизости оркестр разучивает туш.

Дехканбай (*готовясь прибить полотнище*). Салтанат!

Хафиза. Взгляните, Салтанат. Ровно?

Салтанат (*посмотрев*). Немножко пониже! Егца ниже! Вот так, хорошо!

Дехканбай. А у меня?

Салтанат. Прибивайте!

Дехканбай и Хафиза застучали молотками. Оркестр умолк. Вбегает Кузыев с дирижерской палочкой в руке.

Кузыев. Просил я вас. Умолял.., Колхозу будут вручать переходящее знамя... Гости к нам приедут, делегации со всего района... А у оркестра туш еще не разучен!

Салтанат. А у нас еще правление не украшено* И школу надо украшать...

Кузыев (*передразнивая*). А у нас, а у нас...

Подбегает к окну, нерегнувшись, достает плакат, видимо, висевший над столом: «Соотнодайте тишину!» - и укрепляет его на видном месте.

Видите! Прошу руководствоваться...

Салтанат (*готовая вступить в спор*). И не подумаю...

Дехканбай. Не теряйте времени, Салтанат...

Салтанат. А пусть он не командует... Невеста — это еще не жена — раз...

Кузыев (*уходя*). Жених — это еще не муж — два... (*Ушел.*)

Салтанат (*вдогонку*). А вот возьму... и не выйду за вас замуж — три...

Оглушительно загремел оркестр. Хафиза и Дехканбай уже укрепили полотнище.

Дехканбай (*подходя к Салтанат*). Ну, как у вас дела? Дайте, я помогу... (*Склонился над полотнищем, дописывая последние буквы.*)

Салтанат (*подошла к Хафизе*). А свадьбу, Хафиза, мы вместе будем праздновать, в один день... да?

Хафиза (*задумчиво*). Нет, Салтанат, до нашей свадьбы еще далеко.

Салтанат. Досрочно землю поднять можно, а отпраздновать свадьбу досрочно будто нельзя?!

Дехканбай (*закончив работу*). Все в порядке. Помогите, Салтанат.

Дехканбай и Салтанат укрепляют второе полотнище с надписью: «Вперед, к новым победам!» Хафиза наблюдает за ними.

Хафиза. Дехканбай, повыше! Теперь хорошо!

Опять заиграл оркестр, и одновременно сильно застучали молотками Дехканбай и Салтанат. Оркестр умолк. Вбегает Кузыев. Он молча отбирает у Салтанат и Дехканбая молотки, кладет их в свои карманы, молча уходит.

Дехканбай (*останавливая Кузиева*). Э! А прибивать чем? (*Слезая со стремянки.*) Ладно! Все уже сделано!

Дехканбай уносит стремянку и возвращается. Вновь гремит оркестр. Входит Адылов.

Адылов (*в сторону оркестра*). Салам, Хашим! Трудись! Трудись!

Дехканбай. Салам, Адылов-ака. Посмотрите, как у нас?!

Адылов. О, тут, я вижу, к приезду гостей все уже готово! Молодцы! (*Шутливо.*) Всех вас пошлем учиться в художественную школу...

Салтанат. В какую это еще художественную школу? Трактористкой я буду!

Дехканбай. Да, товарищ парторг, есть решение комитета комсомола послать Салтанат на курсы трактористов.

Салтанат и Хафза занялись цветами, лежащими на айване, — готовят букеты.

Адылов. Знаю... Знаю... Рахимджан-ака уже огорчается — где он еще такого секретаря найдет...

Адылов и Дехканбай усаживаются за столик.

Дехканбай. Кстати, посмотрите списки комсомольцев, отправляемых в школу механизаторов сельского хозяйства. (*Показывает список.*)

Адылов (*не отрываясь от списка*). Салтанат! Заходила к Мавлон-ака?

Салтанат. Заходила. На торжественном собрании он не будет. Говорит, что еще болен.

Хафза (*Салтанат*). Стыдно за дядю, так стыдно... Будто чужим человеком в колхозе стал. Счастье, что мама ничего не знает. Узнала бы мама, что я не у дяди живу, а у вас...

Салтанат. Да, неприятно все получилось.

Дехканбай (*просмотревшему список Адылову*). Что же будем делать с Мавлон-ака?

Адылов. Затянулась болезнь... Тяжелый приступ застоя и тщеславия. Плохо мы еще лечим эти болезни. (*Меня тему.*) Ладно! Школу когда украшать будем?

Дехканбай. Рахимджан-ака должен приехать с плакатами... Обещал быть к двенадцати часам.

Гудок машины.

Адылов. А вот и он!

Дехканбай (*Хафизе и Салтанат*). Встретим комсомольски председателя!

Все (*скандируя*). Ра-хим-джан-ака! Са-лам! Са-лам! Са-лам!

Входит нагруженный покупками Рахимджаи.

Рахимджан. Спасибо за встречу! Все купил, все достал — флаги, лозунги, плакаты!

Передают покупки Салтапат и Хафизе.
Они уносят их в правление.

Сердце радуется! Шесть часов не вылезал из машины...
(Адылов.) Одно плохо: председатель па машине ездит — парторг пешком ходит...

Адылов. Люблю пешком ходить. И, когда пешком ходишь, дорогой Рахимджан... меньше толстеешь!

Х а ф и з а (показавшись в окне), Адылов-ака! Пожалуйста, зайдите к нам на минуту...

Адылов заходит в правление.

Рахимджан. В мою бахчу камешек. Толстею...
(Провел рукой по животу.) Луну полой не закроешь...
(За сцепу, шоферу.) Карим! Езжай! В гараж езжай!
Пешком сегодня ходить буду!

Голос: «Хорошо, хозяин! Ходи пешком!»
Гудок отъезжающей машины.

Рахимджан. Толстею! А отчего толстею?

Дехканбай (шутя). Меньше плова кушать надо.

Рахимджан. Полгода я не ем плова! От радости толстею. (Отсчитывая костяшками счетов.) Засеяли хлопок — потолок. Собрали хлопок — еще больше потолок... Землю теперь освоим... э-э-э, скоро председатель на полуторке ездить будет, а живот на прицепе возить. (Грянул туш.) Ой, хорошо играют. Громко! (За сцепу.) А ну, Кузыев, еще раз сыграй! (Туш.) Оглохнуть можно!

Адылов (выходя из правления, Рахимдо/сану). Поторопиться следует, а то нагрянут гости...

Входят Салтанат и Хафиза с плакатами и флагами.

Дехканбай. Кто с нами? Школу будем украшать,

Рахимджан. Пойдем, Адылов-ака.

Адылов (подойдя к окну). Сейчас, в райком только позвоню. (Взял трубку.)

Рахимджан. Сообщите, что на семь часов назначено торжественное собрание.

Рахимджан, Салтанат и Хафиза уходят.

Адылов (в трубку). Гюльнара, с райкомом соедини меня... говорит Адылов из колхоза «Новая земля»...

Играет оркестр.

Нет, еще не начался праздник... Это оркестр репетируем

Да, колхозный оркестр под управлением Хашпма К узыева...

Медленно входит мрачный Мавлон. Заметив Адылова, повернул назад.

На семь часов назначено собрание. Раньше приедете? Будем встречать! (*Увидел Мавлона.*) Извините, потом позвоню. Срочное дело. (*Полоо/сил трубку, останавливая Мавлона.*) Салам, Мавлон-ака! Рад, что вас увидел... С колхозным праздником поздравляю! Здоровье как?

Мавлон. Болен еще я.

Адылов. Все еще лежите?

Мавлон. Малярия...

Адылов. Так, так... Возможно. При малярии рекомендуется лежать. Днем, значит, вы лежите, а по ночам (*глядя на Мавлона*)... а по ночам вы ходите,— так, дорогой Мавлон?

Мавлон. Ночью лучше стало. Ходил я... (*подумав*) на рисовые поля ходил...

Адылов. Возможно... Возможно, что и на рисовые поля. Я-то ночью на комсомольских гектарах был. (*Глядя на Мавлона.*) П вас там видел, Мавлон-ака. Что скажете?

Мавлон (*мрачно*). Хм... зауры можно было копать и не так глубоко...

Адылов. Поздно... поздно, дорогой Мавлон, ваш совет слышим. Надо было раньше советовать Дехкапбау.

Мавлон. Не советчик я Дехканбау. Гвоздь не советует клещам, как его вытащить? Ржавый гвоздь!

Адылов. О гвозде я слышал. Только не о ржавом гвозде шла речь, а о месте вашей бригады в нашем общем строительстве. Неплохое сравнение, без основания вы обиделись. И обиде вашей давно пора бы пройти.

Мавлон. Не обида это — рана. Оплевали меня. Оплевали — не то слово.

Адылов. Верно: не то слово! Плохое слово. А есть хорошее слово: критика! Справедливая критика — два хороших слова, прислушаться к критике — три хороших слова, делать выводы из критики — вот вам четыре отличных слова.

Мавлон. Четыре слова. Слыхал уже слова... Слова Дехканбая...

Адылов. А дела его? Видели его дела? Освоит колхоз еще два гектара земли? Видели, освоит... И ваши переологи... завтра начнет осваивать... Дехканбай...

М а п л о и (*пораженный*). Опять Дехканбай?!

Л д ы л о в. Болеет бригадир. Малярия! Однажды Дехканбай уже возглавлял вашу бригаду.

М а в л о и (*про себя*). Вот откуда клюет теперь Дехканбай!

Л д ы л о в. Вот что, Мавлон-ака. Когда заболели вы, действительно заболели, я заставил вас лечь в больницу. А теперь выздороветь вам советую. Неужели не видите! Приехали комсомольцы — все вокруг помолодело.

М а в л о н. Все помолодело. Один Мавлон постарел. Не нужен стал Мавлон.

Входят Рахимджан, Дехканбай, Салтанат.

Р а х и м д ж а н. Адылов-ака! Что значит молодежь?! Огонь! Лава! Школу украсили, — все готово! Досрочно готово! Переодеться теперь надо, — гостей в полном параде встретим! (*Заметил Мавлона, замолчал.*)

Салтанат и Дехканбай вошли в здание правления.

А д ы л о в. Сейчас... Обсудим только, кто знамя примет и ответную речь кто произнесет. (*Мавлон собирается уйти.*) Куда же вы, Мавлон-ака? Ваш совет был бы полезен.

М а в л о н. Дело у меня.

А д ы л о в. Лежать будете?

М а в л о н. На семенной склад мне нужно.

А д ы л о в. Возможно... На обратном пути заходите. Не договорили мы.

Мавлон ушел.

Р а х и м д ж а н (*сердито*). Какое дело? Зачем ему на семенной склад? Не согласились вы со мной тогда на правлении. Говорил я: надо Мавлона снять с бригадирства! Все равно — ему недолго быть в бригадирах! Недолго!

А д ы л о в. Не горячитесь, дорогой Рахимджан! Тем более в том, что случилось с Мавлоном, виноваты и мы с вами...

Р а х и м д ж а н (*возмущенно*). Это я его накормил змеиным салом?

А д ы л о в. Возможно. От критики вы его оберегали...

Р а х и м д ж а н. Больше всех земли всегда поднимал Мавлон! Самых высоких урожаев добился...

А д ы л о в. «Победителей не судят», — так, дорогой Рахимджан?

Рахпмджан. Зачем такие слова?

Адылов. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности. А мы — я и вы! — допускали, чтобы тщеславие Мавлона... зазнайство... выростали в нем, как помидор в парнике...

В окне показалась Салтапат. Дехканбай вышел па аиваи.

Рахпмджан (*примирительно*). Не будем омрачать праздник. Кто знамя примет?

Дехканбай. Знамя?

Адылов (*посмотрел на Дехканбая*). Пусть комсомол выскажется.

Дехканбай. Не знаю, может быть, вы удивитесь моему предложению, по я думаю... Мавлон-ака!

Рахимджан (*изумленно*). Мавлон? Раньше и я называл бы это имя, но теперь...

Адылов. Подождите, подождите, дорогой Рахимджан. За хлопок получает знамя колхоз?

Дехканбай. За хлопок.

Адылов. Самый большой урожай дал Мавлоп?

Рахимджан. Ну, Мавлон.

Адылов. Соглашаюсь с Дехканбаем.

Рахимджан (*иронически*). Это я его оберегаю от критики!

Адылов. И ответную речь должен произнести Мавлон-ака!

Рахимджан (*возмущенно*). Молчу... молчу!.. Молчание — знак... несогласия!

Дехканбай. А я вот что скажу. Думает Мавлоп-ака, что хотим мы лишить его славы, заслуженной им славы. А теперь он увидит, что и критикуем мы его... и должно ему воздаем!

Адылов. Ну, что скажете, Рахимджан-ака? Согласимся с комсомолом?

Рахпмджан. Много лет другом мне был Мавлон-ака. Пожелаю, чтобы вашей оказалась правда. Два — за, один — против. Предложение принято! Салтанат, предупреди Мавлон-ака!

Салтанат (*загнув палец*). Мавлон-ака — раз! (*Собирается безюать*.)

Рахимджан. Подожди, Салтанат! Пока председа-

толь не переоделся,— секретарь сидит в правлении. Мало ли что? Гости досрочно приедут. Делегации...

Салтаиат. Всем переодеваться, а я вся в краске.

Рахимджап. И нос даже...

Салтаиат. Ой! *(Стирает краску.)*

Адылов. Салтаиат, когда Мавлон-ака придет, скажи, чтобы он меня подождал.

Салтаиат. Хорошо, Адылов-ака!

Дохлакбаи, Лдылоп, Рахимджан уходят. Туш. Вбегает
Кузыев.

Кузыев. Салтанат, радость моя! С просьбой я к вам. Когда делегация покажется, махните мне платком. А то дороги оттуда не видно.

Салтанат. И мне отсюда не видно.

Кузыев. Правда? Как же нам быть? *(Заметив лестницу.)* Салтанат! Залезайте на крышу!

Салтанат. Ну, вот еще! Секретарь — и вдруг на крыше!

Кузыев. Не для меня, Салтанат,— для колхоза!

Салтаиат влезает по лестнице на крышу.

Ну как — оттуда все видно?

Салтанат *(с крыши)*. Все!

Кузыев. И меня видно?

Салтанат. И вас видно.

Кузыев *(умиленно)*. Ой, Салтанат! *(Напоминая.)* Платочком махнете... Тушем встретим гостей. *(Запевает.)* «Чтоб к вам приезжали желанные гости...»

Салтанат *(подхватывая)*. «Чтоб люди на вас не имели бы злости...»

Кузыев *(оркестру)*. Оркестр — готовность! *(Убегает.)*

Салтанат, сидя на крыше, продолжает петь.

Будьте здоровы,

Живите богато,

А мы уезжаем

До дому, до хаты...

Входит Мавлон. Он слышит песню, но не видит Салтанат. Озирается, заглядывает в окно правления, замечает, наконец, на крыше Салтанат.

Мавлон. Послушай, Салтанат, ты видела когда-нибудь, как муэдзин стоит на минарете?

Салтанат. Нет, Мавлов-ака, никогда, Я вам уже говорила...

Мавлон, Ты забралась выше!

Салтанат. Делегацию боюсь пропустить.

Мавлон (помрачнев). Делегацию... *(Короткая пауза.)* Парторг где?

Салтанат. Адылов-ака скоро придет сюда. А председатель просил вас предупредить, что в семь часов собрание.

Мавлон, Я же сказал тебе: не буду на собрании!

Салтанат. Как это не будете? Вам ведь знамя принимать! *(Продолжает петь.)*

Как в нашем колхозе
Широкое поле,—
Пускай же для счастья
Цветет наша доля...

Мавлон (одновременно с песней). Знамя? Мне?
А. Салтанат, не то ты говоришь...

Салтанат. Как не то? И ответную речь вам держать! *(Продолжает петь.)*

Желаем, чтоб каждый
Как надо трудился...

Мавлон (одновременно с песней). Ответную речь? Мне? Это что, председатель сказал?

Салтанат. Нет, председатель был против. Это Дехканбай настоял. *(Укоризненно.)* Все для вас Дехканбай делает. И урожай вам помог собрать Дехканбай, и на правлении защищал вас Дехканбай. Знаете, что он сказал? Он сказал, что учиться у вас приехал. Что были вы лучшим бригадиром и останетесь лучшим. А Адылов-ака поддержал Дехканбая. *(Опять наблюдает за дорогой, поет.)*

Чтоб дружной работою...

Мавлон поражен.

Голос Кузыева: «Салтанат, никого еще не видно?»

Салтанат. Нет, пока никого.

Голос Кузыева: «Ну, смотрите, смотрите,,»*

Салтанат *(поет).*

Чтоб дружной работою
Вашей бригады
Все были довольны...

М а в л о н (*про себя, одновременно с песней*). Дехкап-бай настоял?.. Не понимаю... Не понимаю!.. (*Хочет уйти.*)

Салтанат. Мавлон-ака, вы куда? Парторг просил вас подождать.

М а в л о п. Я приду, приду. Непременно приду. Дехканбай настоял?! Я приду, Салтанат, обязательно приду! (*Стремительно уходит.*)

Салтанат. Что это с ним? Болен еще, наверно. (*Поет.*)

Будьте, здоровы.

Живите богато...

Гудок машины.

Едет кто-то! Делегация! Сюда идут! (*В сторону оркестра.*) Хашнм. (*Машет платком.*) Делегация! Туш!

Гремит туш. Входят Хамробиб (с узлом), Холнисо, Аман (с чемоданом). Первые реплики заглушаются оркестром.

Хамробиб (*продолжая спор*). Это вы меня уговаривали отпустить мою дочь в Голодную степь. Это ваш сын осрамил меня, опозорил.

Оркестр умолк.

Х о л н и с о. Увидим, увидим еще — кто кого опозорил. Мне мой сын писал, что все у них благополучно. Не об этом ли писала вам ваша дочь?

Салтанат удилленно глядит на старух.

Хамробиб. Под диктовку колдуна она писала, оттого и были ее письма слаще меда. Письмо моего брата открыло мне глаза.

Х о л н и с о. Слова хорошего человека — мед, слова плохого человека — уксус.

Хамробиб. Дорогая Холнисо, как бы вам не пришлось марпновать в уксусе своп язык.

Аман (*он у о/се заглянул в здание правления*). Мама! Тетушка! Мы правильно пришли. Вот здесь кабинет председателя.

Салтанат (*с крыши*). Салам, дорогие гости!

Старухи и Аман озираются — откуда раздался голос?

Хамробиб (*увидев Салтанат*). Салам!

Х о л н и с о \ "Салам!
А , , о

Аман J

Хамроббп (Салтанат). Если прав младший сын моей соседки, который утверждает, что здесь находится кабинет председателя, то где же сидит секретарь, у которого я могла бы спросить, могу ли я видеть председателя?

Салтанат. Яп есть секретарь.

Хамробиби (Холнисо). Вот секретарь! Вы представляете, как у них высоко вознесся председатель, если секретарь спдпт уже на крыше!

Салтанат. Вы первые приехали. *(Слезает с крыши, вручает всем букеты.)* Проходите в правление, отдохните, а я сейчас сбегаяю за председателем. Откуда ваша делегация? Из какого колхоза?

Холнисо. Какая делегация?

Аман. Мы, товарищ секретарь...

Холнисо. Аман, подожди. *(Хамробиби.)* Скажите же ей, подруженьки, скажите, зачем мы сюда приехали!

Хамробиби. Думаете, не скажу? *(Салтанат.)* Конечно, я старая женщина, к моим словам можно не прислушиваться, но заметить я обязана: к скорпионам делегации не ездят! *(Возвращает букет.)* Аман, вот телефон. Вызови мне этого скорпиона.

Аман *(оскорбленно)*. По телефону скорпионов тоже не вызывают.

Салтанат озадачена.

Холнисо. Подруженька...

Хамробиби. Не подруженька я вам!

Холнисо. Сорок лет дружили, а теперь перестали быть подруженькой. Вызовите сначала свою дочь, распросите ее, а потом вызывайте моего сына.

Хамробиби. Нет уж, я сперва вызову вашего сына, выскажу ему все, что узнала о нем. А с дочерью я и говорить не стану. Возьму ее за руку и — айда! Послушай, секретарь, позвони на станцию. Пусть мне завтра два билета дадут.

Салтанат *(еще более озадачена)*. Я не знаю... Мы никогда билетов по телефону не заказываем. Может быть, нельзя?

Хамробиби. Раз колхозный телефон — все можно. Два билета — мне и Хафизе!

Салтанат. Хафизе? Простите, а кем вы приходитесь Хафизе?

Х а м р о б и Г и Г) п. Странная девушка! У лягушки нет хвоста, а у девушек — разума. Кем я могу приходиться Хафизе, если она мне дочь, а я ей прихожусь матерью?

С а л т а н а т. Матерью? Так вот вы кто? А вы — тетушка Холиисо? Аман-джан? Я думала, что вы моложе.

А м а н (*смущенно*). Извините... Дехканбай — мой старший брат. Надеюсь — он здоров?

С а л т а н а т. Здоров. Он и Хафиза сейчас в кишлаке. Я их сейчас позову.

Убегает, по по пути сталкивается с Кузьевым.

К у з ы е в (*вбегая*). Привет делегации! Оркестр, туш!

Туш.

Салтанат тщетно пытается остановить Кузьева.

(*Представляясь*.) Хашим Кузыев, бригадир строительной бригады!

С а л т а н а т. Хашим. Это не делегация!

К у з ы е в (*удивленно*). А кто же?

С а л т а н а т. Идемте. Я вам все объясню. (*Уводит изумленного Кузьева*.)

Х а м р о б и б и. Не уговорили бы вы отправить мою дочь в Голодную степь, не узнали бы мои седины позора. Ваш сын меня опозорил, брата моего опозорил. Хафизу... А тут еще оркестр играет!

Х о л н и с о. Неизвестно, кто кого опозорил. Мне мой сын писал, что все у них благополучно. Не о том ли писала вам ваша дочь?

Х а м р о б и б и (*кричит*). Под диктовку колдуна она писала. Потому были ее письма слаще меда!

Х о л н и с о. Колдуна? Мой сын — колдун?

А м а н. Мама! Тетушка! (*Указывая на плакат*.) Написано же: «Соблюдайте тишину!»

Стоя друг против друга, старухи продолжают спор шепотом, — слов не слышно. Пантомима. Вбегает Дехканбай.

Д е х к а н б а й. Аман, милый, здравствуй! (*Увидев спорящих старух*.) Что, опять мирная беседа?..

Увлеченные спором, старухи не видят Дехканбая. Дахканбай подходит к Холиисо. Она стоит к нему спиной п, предполагая, что это Аман, отстраняет его от себя.

Отойди, Аман... Не вмешивайся в нашу беседу... Говорю тебе, отойди... (*Оборачивается, всплеснула руками*.) Сыночек мой... (*Обнимает Дехканбая, плачет*.)

Д е х к а н б а и. Матери дорогие! С приездом! Каким ветром?

Аман. Мы не ветром... мы на самолете прилетели...

Х о л н и с о. Я бы на поезде приехала, а соседушка настояла, чтобы самолетом.

Х а м р о б и б и. Отсталая, говорите! Раньше вас в самолет влезла!

Д е х к а н б а и. Очень хорошо, что приехали. Праздник у нас сегодня в колхозе. *(Подходит к Хамробиби.)* Здравствуйте, тетушка Хамробиби.

Х а м р о б и б и *(уничтожающе)*. Когда шипят змеи — немеет язык! Вот письмо! *(Подает.)* Прошу прочесть!..

Аман *(Дохканбаю)*. Это письмо тетушка получила от Мавлон-ака.

Д е х к а н б а п. От Мавлон-ака?

Аман. Там о тебе написано.

Х а м р о б и б и *(пока Дехканбай читает)*. Праздник в колхозе, говорите? Праздником для меня будет минута, когда я сяду с Хафизой в поезд, который умчит нас от шайтана, околдовавшего мою дочь. Этого ли я ожидала от вас? Для этого ли я хотела выдать за вас мою дочь?

Д е х к а н б а й *(прочитав)*. Вы, мама, тоже поверили? Вместе с тетушкой приехали за Хафизой?

Х о л н и с о. Что ты говоришь, сыночек? Я же агитатор! Как только получили мы это письмо — превратилось бы оно в пепел раньше, чем его написали! — не перестаю я уговаривать почтенную Хамробиби, чтобы не верила тому, что пишет Мавлон-ака.

Вбегает Хафиза.

Х а ф и з а. Аманджан! Тетушка Холнпсо! Мама! *(Хочет обнять Хамробиби.)*

Х а м р о б и б и. Прочь, бесстыжая! Идем!

Х а ф и з а *(растерянно)*. Что случилось?

Д е х к а н б а й *(передает Хафизе письмо)*. Вот... прочтите...

Х а м р о б и б и. Идем! На станцию идем!

Аман. Тетушка, поезд идет только завтра.

Х а м р о б и б и. В степи переночуем. Лучше провести ночь со змеями, чем минуту с колдуном! Что ты стоишь, Хафиза? Идем!

Д е х к а н б а й. Вы забываете, тетушка, что Хафиза не только моя невестка, она еще и звеньевая.

Аман. Звенъевая в Голодной стенп!

Хамробиби. Я в дела вашего колхоза не вмеши-
ваюсь. Где это видано, чтобы я вмешивалась в чужие де-
ла? Но если Хафиза скажет хоть одно слово, я переверну
все ваше правление. Что ты молчишь, Хафиза?

Хафнза. Никуда я не поеду, мама.

Хамробиби. Дядю не послушалась, теперь матери
не повинуешься! (*Заголосив.*) Околдовали колдуны мою
дочь!

Холнисо (*иронически*). Ее дочь околдовали!..

Хамробиби. Околдовали! Шайтан околдовал...
Дехканбай околдовал...

Холнисо (*воинственно*), Дехканбай — шайтан?

Аман. Мама! Тетушка! (*Указывая на плакат.*) На-
писано же здесь... «Соблюдайте тишину!»

Старухп продолжают ругаться шепотом. Входит Лдылов.

Адылов. Добро пожаловать, дорогие гости! Тысяча
тысяч пожеланий! Салам!

Аман (*смущенно*). Салам!.. Мы на самолете приле-
тели... ..

Адылов (*недоуменно*). Кто же кому матерью при-
ходится?

Хамробиби (*указывая на Холнисо*). Она! Она ро-
дила скорпиона!..

Холннсо. Что! Я родила скорпиона?! Да я...

Лмап осторожно указывает матерп на плакат. Холннсо умолкает.

Адылов (*Дехканбаю*). Что произошло?

Хафиза. Прочтите, Адылов-ака. (*Передает письмо.*)

Входят Рахпмджан, Кузыев, Салтапат.

Рахимджан. Салам! Матерп приехали! Сердце ра-
дуются... (*Осекся.*) Не впжу радости...

Адылов. Письмо написал Мавлон-ака.

Рахимджан. Какое письмо?

Адылов (*читает*). «Дехканбай оказался человеком
крайне коварным. Хочет вместо меня бригадиром стать...
Всюду унижает меня... Обозвал гвоздем... Настроил про-
тив меня весь колхоз. Вынудил Хафизу до свадьбы уйти
из моего дома. Немедленно заведи свою дочь».

Рахимджан. Ай-яй-яй! Что написал! Ну, Адылов-
ака, чья правда? Ну, Дехканбай, чья правда?

Х а м р о б и б и. Братца моего правда! Правду мно написал братец.

Адылов (*Хамробиби*). Нет правды в этом письме, ни единого слова правды.

Х а м р о б и б и. Оказывается, брат правду написал. П вы против него! Всех настроил протпв него Дехканбай.

Входит Мавлон. Увидев старух, остолбепел.

Не мог брат написать неправду сестре, не мог дядя написать неправду о племяннице!

М а в л о н. Мог! Написал (*Вышел вперед*.) Неправду я написал.

Х а м р о б и б и. Неправду? Пусть отсохнет язык, сказавший неправду!..

М а в л о н. Плохо я думал о Дехканбае. Я первым здесь землю поднимал... Думал, Дехканбай унижить меня хочет, вместо меня первым стать хочет... Думал, уедет Хафпза,— уедет и Дехканбай. Для того и написал сестре... А сегодня понял: не меня обидел Дехканбай! Я его обидел, обидел — не то слово! Оскорбил! Другое письмо написал я сестре. Только что написал. В ящик его хотел опустить. Не успел! На, Дехканбай... (*Подает письмо*.) Прочти...

Д е х к а н б а й. Не надо, дядя. Верю, что хорошев письмо...

Х а м р о б и б и. Выходит, что обманул меня братец! Ну, хорошо, он у меня еще попрыгает, как лягушка на горячей сковородке.

М а в л о н. Подожди, сестра. (*Дехкайбаю*.) Не хочешь читать? Понимаю, понимаю... Прочти ты, Хафиза.

Х а ф и з а. Не буду я ваших писем читать, дядя.

М а в л о н (*с горечью*). Никто не хочет прочесть письмо Мавлона.

Р а х и м д ж а н (*мягко*). Зачем читать? Слова ваши слышим... Верим вам!

М а в л о н. Поговорка есть у народа: «Кто знает дорогу, тот не спотыкается». Казалось, знал дорогу... впереди, казалось, шел... А споткнулся, сбился с дороги... Ноги спотыкались, а казалось, Дехканбай меня толкает. Не толкал он меня, а обратно на дорогу выводил... Сказать пришел я: не имею я права, Рахимджан-ака, знамя принимать! Не имею я права, Адылов-ака, речь произносить!..

Адылов. Не берусь один решать. Пусть люди скажут. Дехканбап пусть скажет. Хафиза...

Хафиза. Больно мне говорить о дяде... Хлопкороб оп замечательный... Много земли в Голодной степи поднял... Землю он обновлял, от соли ее промывал. А са_д? В него самого въелась старая соль. Выше коллектива себя поставил, обиделся и колхозу стал мешать... не могу говорить... *(Отвернулась.)*

Дехканбай. Горячится Хафиза! Стоит на поле нагнуться одному кустику хлопчатника, как мы с вами спешим к нему и выпрямляем...

Хамробибби *(гневно)*. Если куст хлопчатника заражен глей, его вырывают!..

Дехканбай. Хороший хлопкороб не станет вырывать, а выходит.

Кузыев. Правильно, Дехканбай! Если гвоздь согнется, его тоже выпрямляют.

Рахимджан *(испуганно)*. Э-э-э, опять про гвоздь... Зачем вспоминать?

Адылов. И вспоминать можно и напомнить нужно! Хочу напомнить: когда впереди вы шли, Мавлон-ака, колхозники свои шаги меряли по вашему шагу. К коммунизму идет страна, и народ равняется по идущим впереди. Но, дорогой Мавлон, чтобы идти еще быстрее вперед, важно очистить душу, сознание от всего, что прилипло, что осталось от старого. Для того Коммунистическая партия и советует нам чаще вспоминать о критике и самокритике. Кишмиш вкуснее горькой хины, которую пришлось глотать вам в клинике. Вылечивает же не сладкий кишмиш, а горькое лекарство. Об этом и хотел вам напомнить... И еще хочу напомнить: в семь часов собрание, а вам речь говорить...

Мавлон. Нет у меня права. Заслужить я его должен.

Рахимджан. Э-э-э, Мавлон-ака, начнете перелогии осваивать, поведете свою бригаду...

Мавлон. Не я поведу... вместе будем осваивать земли! И вот что, друзья! Пойдемте, я вам покажу... Мне Дехканбай комсомольцев выделит. Участок один у меня на примете. *(Указывает.)* Вон там, возле рисового поля. Дополнительно освоим еще четыре гектара. Комсомольцы освоят!

Адылов. Поддерживаю предложение почтенного Мавлона. Будем считать, что Мавлон-ака до сих пор был

еще болен, лежал в клинике. Принял горькое лекарство и — сегодня выздоровел.

Кузыев. Оркестр, туш!

Туш.

Холнпосо (*Мавлону*). С самого начала я не верила в ваше письмо. (*Хамробиб*.) Теперь вы тоже не верите... но... позже, позже...

Хамроббп. Ладно, подруженька, если я виновата, простите меня, а если вы виноваты, хотя ни в чем вы и не виноваты, но, так и быть, я вас тоже прощаю.

Рахимджан. Хороший день! Знамя получать будем! Мавлон-ака выздоровел... Тетушки приехали. Полгода плова не ем — сегодня три блюда съел бы. (*Неожиданно*.) План у меня есть!

Адылов. И у меня есть план.

Мавлон. И у меня план. Хороший план! Сестра моя Хамроббп и почтенная Холнисо погостят у нас.

Адылов. Тем временем Хашим построит дом...

Кузыев. Факт!

Рахимджан. И будем есть плов на свадьбе Хафизы и Дехканбая.

Адылов. Салтанат и Кузыева...

Хамроббп. Конечно, я старая женщина, со мной можно не считаться, меня можно не спрашивать, но если вы меня не спросите, я вам все равно скажу: я — согласна!

В узле Хамробиб зазвенел будильник.

Хафиза. Наш будильник!? Вы его с собой привезли?! (*Достает из узла будильник*.)

Хамроббп. Забыть о будильнике — все равно что забыть об аллахе. Хафиза, доченька, свадебный подарок ты уже вышила?

Хафиза. Сюзане? Нет, мама, я его еще не вышила. Не одна я... все мы его вышиваем. Комсомольцы... Весь колхоз! Взгляните: каждая пядь поднятой земли — новый узор на нашем сюзане. Представьте, мама, какой будет Голодная степь через три-четыре года.

Вступает музыка. Музыка нарастает. Темнота.

Постепенно сцена светлеет.

ЭПИЛОГ

То же здание правления. Все крутом цветет, переливается яркими красками. С двух сторон, уходя вдаль, растянулись новые дома, окруженные молодыми садами. У правления — цветник. Хамробибп и Холписо, сидя перед зданием правления и напевая какую-то мелодию, выгаивают сюзана (до конца картины оно скрыто кустами или стеблями цветов от глаз зрителей).

Холнисо. Помните, как не хотели мы отпускать наших детей в Голодную степь? Старший сын мой — муж вашей дочери, тогда еще жених, — как он уговаривал вас? А теперь...

Хамробпби (*с чувством*). Пусть вечным праздником будет жизнь людей, преобразивших эту землю!

Холнисо. Да будет так! И у старшего сына — широкая дорога, и у младшего сына широкая дорога! В институт его приняли.

Хамробибби. Учиться будет: на кондуктора!

Холнисо: Не на кондуктора, а на конструктора.

Хамробибби. Тоже хорошо...

Вбегает взволнованный Аман; он повзрослел.

Аман. Мама! Тетушка! Они уезжают...

Холнисо (*испугано*). О чем ты говоришь? Куда они **УПРСКЛ ЮТ?**

Хамробибби. Опять уезжают? Это все ваш сын! Чего им не хватает в Голодной степи? Зачем отсюда уезжать?

Амап (*прерывая*). Тетушка! Уезжают ^{че}Салтанат и [—]Хашим. (*Посмотрев на дорогу.*) Сюда они идут...

22 А, Каххар, т. 1.

Входят Кузыев, Салтанат, Дехкапбай и Хафиза.

Кузыев. Да, тетушка, уезжаем мы с Салтанат...
(Поет.) «Молодым везде у нас дорога...

Входят Адылов и Маплоп.

Старикам везде у нас почет...»

Мавлон (*добродушно*). Э! Кто это старик! Проживи половину моих лет п... называй меня стариком...

Хамробби (*Салтанат*). Куда же вы едете?

Дехканбай. Завидуем мы им... Хафиза и я...

Холнисо. Я уже поняла! (*Хамробби*.) Вы то же сейчас поймете, но после меня. Позже... Знаете, куда они едут...

Аман (*торжественно*). На строительство канала. И я бы мог поехать, если бы не институт...

Адылов. Ничего, Аман. По каналу пароходы будут плыть, а над каналом — твои самолеты.

Хамробби. Слова-то какие: пароходы! Самолеты!

Холнисо. И где? В песках...

Хамробибп. Аллах не смог бы этого сделать! А люди могут...

Адылов. Советские люди — строители коммунизма, борцы за мир...

Входит Рахимджан.

Холнисо. Пусть те, кто хотят войны, сгорят на медленном огне...

Хамробби. Зачем же на медленном? Чем быстрее они сгорят, тем лучше будет людям!

Рахимджан. Не возражаю. (*Подходит к старую хам.*) Заканчиваете сюзане?

Холнисо. Закончили. Вот... последний стежок.

Хамробиби. Всем колхозом вышивали...

Аман (*Адылову*). Вы отвезете его в Москву, да?

Адылов. Да, в родную Москву.

Подъем сюзане.

Рахимджан. Пусть расскажет наше сюзане о цветущей стране...

Хафиза. О том, как исчезают рогожные заплаты на шелковом сюзане узбекской земли...

Адылов. Об обновленных людях на обновленной земле...

Холнисо. О наших детях..»

Дехканбай. О наших матерях..,

Аман. О наших мечтах...

* Салтанат. Как в строчках на бумаге, пусть прочтут в этих узорах слова беспредельной благодарности родной партии...

Хамробибби. Слова вечной любви...

Кузыев. Слова нерушимой верности...

Адылов. Слова боевой клятвы строителей коммунизма!

Музыка,

ЗАНАВЕС

1950

БОЛЬНЫЕ ЗУБЫ

Комедия в четырех действиях,
семи картинах, с эпилогом

Перевод А. КЕСЛЕРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Н а с и б а — школьница.

Р о х и л я — ее мать.

П у л а т д ж а н Д о м л а — директор школы.

В е р а

Н а з и р а | ~"ПоДРУП" Насибы, школьницы.

М а р а с у л ь Х у з у р д ж а н о в — зубной врач.

Ф а т и м а - его мать.

З у х р а — тетка Марасуля, школьная сторожиха.

А х а д ж а н З а р г а р о в — сосед Марасуля, работает в райиспол-
коме.

О к и л а }

Х у м о р х о н) -женыЗаргарова.

Р и з а м а т — дядя Хуморхон.

Действие происходит в небольшом районном центре Узбекистана
в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

**Зубоврачебный кабинет в собственном доме Марасуля Хузурджанова. Угол дома с вывеской: «Зубной врач. Вход за углом». Устроившись в кресле для пациентов, Марасуль лениво машет рукой, прогоняя назойливую муху.
Входит Заргаров.**

Заргаров (*взглянув на часы*). Что-то долго она не появляется, а Марасуль?

Марасуль. Кто?

Заргаров. Женушка..

Марасуль. Хуморхон?

Заргаров. Окила!.. Окила, а не Хуморхон!

Марасуль. А.. Если успела к утреннему автобусу, в три должна появиться.

Пауза.

Заргаров. Гм... Рассердилась?..

Марасуль. Если муж женится, думаешь, жене радость?

Заргаров. Как бы не подняла крик. Скомпрометирует...

Марасуль. Все плачет, плачет...

Заргаров. Плачет?.. Слава аллаху! Скандала не будет... Спрашивала, кто... жена?

Марасуль. Я ответил, что ее зовут Хуморхон.

Заргаров. Стало быть, обойдется честь по чести, а? К ней, понимаешь, надо как-то подойти... Заботливо.

Успокоить. Утихомирить... а уж там и меня звать... Буду у себя.

Из дверей, ведущих во внутренние комнаты, выходит Ф а т и м а,

Ф а т и м а. Сынок, Марасуль, мальчик... (*Заргарову.*) Здравствуйте!.. Беда, сынок, беда, Марасуль... так и не увижу тебя женатым, мальчик мой... Если нет бумаги из загса,— мулла не венчает. Будто бы аллах не велел!

Заргаров. «Мулла не венчает»!.. Слова-то какие! Вы меня скомпрометируете!

Марасуль (*взглянув в приемную*). Тише... (*Заргарову.*) Еще одну милость, Ахаджан-ака! Будьте милосердны! Походатайствуйте!

Заргаров. Свихнулся! У муллы благословения испрашивать!

Марасуль. У загса! У загса!.. Словечко!.. Единственное! (*Берет трубку телефона.*) Двадцать-один-двенадцать... Загс? Будет говорить товарищ Заргаров!.. Заргаров!.. (*Передает трубку Заргарову.*) Заведующий!..

Заргаров (*в трубку*). Кхм... Салам... Вы что-то возитесь с оформлением брака Марасуля Хузурджапова... Бюрократизм... Как — несовершеннолетняя?

Ф а т и м а. Ей полных восемнадцать. Полных!

Марасуль. Совершеннолетняя! Вы сами подтвердите, что она совершеннолетняя!

Заргаров. Совершеннолетняя! Ей полных восемнадцать... Вы сами подтвердите, что она... Кхм!.. Я подтверждаю!.. Учится в девятом? И на здоровье! Когда я учился в четвертом, мне было двадцать!.. Ответственность?.. У меня шея крепкая — валите! Был бы Заргаров, а ответственность будет!

Марасуль (*касаясь его плеча*). На душе пир, а ваши слова будто лакомые куски, Ахаджан-ака!

Заргаров (*в трубку*). Слушайте! Еще и двух месяцев не прошло, как я назначен на эту должность, а вы уже игнорируете мои советы! Я пока еще не подорвал свой безупречный авторитет и никому другому не дам подрывать! Регистрируйте и поздравляйте! (*Бросает трубку.*)

Ф а т и м а. Да продлит аллах дни вашей жизни! У большого человека и сила большая!

Марасуль. Бегите в школу, мамаша, зовите Насибу. Буду ковать железо, пока горячо!

Фатима. Спешу! Спешу!..

Заргаров. Я знать не знаю, ведать не ведаю! Помните! У меня авторитет!

Фатима. Помню! Помню! (*Уходит.*)

Из врсмпой входит Ризамат, грудь у него увешана всевозможными значками.

Заргаров. Ризамат! Что с тобой?

Ризамат. Зубы!..

Заргаров. Болят?.. А голова?

Ризамат. Угу!..

Заргаров. Будешь так водку глушить, тебе не зубы, тебе голову вырвать придется, с корнем!

Ризамат. Бросил! Все!

Заргаров. Смотри. (*Оглядел значки.*) Как же ты позабыл... крышку от чайника? А? (*Уходит.*)

Ризамат. Обманули! Зубной врач Марасуль Хузурджанов и зубной техник Ризки Ходжаев! Обманули!

Марасуль. Кого?.. Вас?.. Мы?

Ризамат. Берите, мошенники, сколько просите, но... Золото обещали, а поставили ржавую зеленую подкову! Укусить вас такими зубами — околете!

Марасуль. Тише. Садитесь. Рот откройте. Потерпите...

Ризамат. Погибаю!

Марасуль. Пошире!.. Бррр!.. Не нужно было водку пить...

Ризамат. Скончался бы! Умер!.. Погиб!.. (*Жалобно.*) Отравили...

Марасуль (*осматривает зубы*). Потерпите... Да... Конечно... У вас миокардиодистрофия!

Ризамат. Кто?

Марасуль. Миокардиодистрофия.

Ризамат. Э-эх!.. Знал бы, что им против нее не устоять, — обошелся бы!..

Марасуль. Давно пора! Водка — яд!

Ризамат. Без зубов твоих обошелся бы!.. Спасите!.. Укушу!

Марасуль. Бегите к Ризки Ходжаеву. В поликлинику!.. Ему я позвоню... Еще не поздно! Если не будете пить по дороге...

Ризамат. До поликлиники близко... Попробую! (*Уходит.*)

Марасуль (*звонит по телефону*). Одпнадцатъ-во-семнадцатъ... Ризки? Ах ты, горе мое! Договорились ведь — хотя бы половину золота ставить-*

В дверях Окпла.

Окисление!.. В том-то и дело — родственник товарища Заргарова! Послал к тебе... Исправляй! Сказал, что из-за водки схватил мпокардиодистрофию! Да!.. (*Вешает трубку. Увидев вошедшую Окилу.*) О-о!.. Добро пожаловать, добро пожаловать, Окила-апа!.. Как доехали?..

Окила. Благодарю... Где же Ахаджан-бей! С молодой женой не до старой?

Марасуль. Потерпите... Спокойнее... (*Берет трубку телефона.*) Двадцать-пять-пятнадцать... Ахаджан-ака? Окила-апа... (*Кладет трубку, вздохнул.*) Кому и когда был выгоден скандал, Окплахон-апа? Прогодаете! Бывают слова звонкие, как серебро, но молчание оценивают, как золото.

Окила. Бывает и золото не дороже меди. Как он оценил семнадцать лет жизни, которые день за днем, час за часом я провела в заботах о нем? Задумался бы хоть о детях — их ведь у него трое! Уронила бы я семнадцать лет назад в землю хоть одну косточку — был бы у меня теперь зеленый шатер над головой и спелые плоды... (*Плачет.*)

Марасуль. Прогодаете! Прогодаете, Окила-апа... Спокойнее...

Входит Заргаров. Окпла встает.

Заргаров. А-а... Здравствуй... (*Пауза.*) Как дети?

Окила (*утирает слезы*). Здоровы... Еще не позабыли детей?

Заргаров. Ну, что ты говоришь! Присядь. Успокойся. Чему быть — того не миновать. Если хочешь, — воля твоя, делай как знаешь, — кричи на всю улицу, па весь город. У тебя трое детей... Если же поймешь, примиришься.

Марасуль. Смирение — золото!

Заргаров. Умно! Рано ли, поздно ли — заблудший конь в конюшню вернется!

Хуморхон, возвращающаяся из магазина, остановилась у окна, уронила покупки.

Хуморхон. Ах! Помогите же мне!.. Марасуль-ака!..

Заргаров (*упал в кресло*). Ох!.. Ох... Помогите же мне! Рви! Скорее!

Марасуль (*подбирая щипцы*). Потерпите... Спокойнее...

Хуморхон (*у окна*). Что с вами, Ахаджан-ака?!

Окила пристально смотрит на Хуморхон.

Марасуль (*к Хуморхон*). Удаление зубов — зрелище непрятное! Ступайте, ступайте!

Хуморхон. Вы причиняете ему боль! Осторожнее!.. (*Уходит.*)

Окила смотрит ей вслед.

Заргаров (*достает из бумажника деньги, протягивает Окиле*). Купишь детям что-нибудь такое...

Окила. Ребятишки покоя не дают — все папа да папа... Где он?.. Как-нибудь приехали бы...

Заргаров. Как-нибудь приеду... Ребятишек поцелуй!

Окила уходит.

Марасуль. Рискуете головой, Ахаджан-ака. Грянет гром — тут вам и райком, тут и прокурор, и фельетон. И такое переплетение личного и общественного произойдет, что....

Заргаров. Раскаркался!

Марасуль. Была бы у вас Хуморхон возлюбленной или еще так как-нибудь, без бюрократизма,— понимаю. Так нет — расписались!..

Заргаров. Попался... Как-то она, Хуморхон, пришла, плачет... Ребенок, говорит, будет, понимаешь? Испугался. А у страха глаза велики; мне и показалось, что живот у нее большой... Обманула она меня. Понимаешь? Пораскинул умом и решил: хорошо иметь жену покультурнее. Если бы Окила училась в свое время, цены ей не было бы! Отстала... не работала над собой.

Марасуль. Она грамотная, по-моему...

Заргаров. Была!.. Училась то ли в седьмом, то ли в шестом классе, когда я женился на ней. Большой дом — большая забота, дети. Какая тут учеба? Бросила... У меня тот же дом, те же дети, а я как будто успеваю все! Эх, были бы три тысячи, услал бы я Хуморхон куда подальше, с чужих глаз долой, пока все успокоится.

Входит Фатима.

Фатима. Урокп у Наспбы, мальчик мои... Сказала ей, чтобы после уроков прпшла.

Марасуль. Есть у вас деньги, мамаша? Еще три тысячи Ахаджану-ака.

Фатима. Какие у меня деньги, сыюок?

Марасуль *(тихо)*. Сами знаете — человек нужный, мамаша...

Фатима *(шепотом)*. Без возврата все! *(Из-под кушака достает пачку денег, торопливо отсчитывает.)* Две тысячи! Довольно!

Голос Наспбы: «Девочки... я вас догоню».

Входит Наспба, она в школьной форме.

Насиб а. Здравствуйте...

Марасуль. Ай-ай-яй! Что же не переоделись?

Фатима. Голубушка пришла, принцесса моя!

Насиб а кладет портфель на стул.

Заргаров *(присматриваясь)* Кхм... Только не тащи ты ее в загс в школьной форме... П себя и меня подведешь.

Марасуль. Как можно!

Заргаров. Росточком мала.

Фатима. У нас туфли на высоких каблуках!

Заргаров. Ладно... Чему быть — того не миновать, а я ничего знать не знаю и ведать не ведаю! Пора! Дела... *(Уходит.)*

Фатима. Радость моя, пойдем, пойдем, голубушка моя...

Фатима и Насиб а уходят во внутренние комнаты. Марасуль, мурлыча какую-то песенку, приводит в порядок инструменты. По* являюся Фатима и в новом наряде Насиб а. В туфлях на непривычно высоких каблуках она ступает с опаской.

Марасуль. Ну, пошли, пошли! Пора!

Насиб а. Снова в загс?

Фатима. Сам Ахаджан-ака им приказал! С богомЦ

Насиб а берет портфель.

Марасуль. Теперь портфель долой! *(Берет у Насиб а портфель, отбрасывает.)*

Фатима. С богом!.. К возвращению вашему такой пир приготовлю!

Марасуль и Насиб а уходят. Фатима, молитвенно сложив руки, благословляет их.

КАРТРИНА ВТОРАЯ

Скромная комната в домике Рохпил Аскеровой. Рохпля втроеженно следит за Марасулем, который крупно шагает из угла в угол.

Марасуль. В жизни не видал такого упрямства. Все люди как люди — от обезьяны произошли, а заведующий загсом — определенно от ишака.

Рохиля. Что вы говорите, Марасуль.

Марасуль. Нет — что он говорит! (*Передразнивает.*) «Не могу сочетать вас законным браком — это незаконно». Я ему человечно объясняю: «Вам же звонил товарищ Заргаров», — а он: «Даже сам господь бог не в силах изменить дату рождения человека. Невеста несовершеннолетняя».

Рохпля. Господи, что же делать? Уж если сам товарищ Заргаров не может...

Марасуль. «Товарищ Заргаров не может»? Вот. (*Торжественно достает какую-то бумагу.*) Мы ему покажем. Мы всем покажем...

Рохиля. Покажите мне.

Марасуль (*читает*). «Да станет известно досточтимому Нпшанбаю, которого мы почитаем как младшего брата, что подателем сего является Марасуль Хузурджанов, которого мы лелеем как младшего брата, и просим мы произвести через вашу книгу регистрации бракосочетание его с избранной им подругой жизни Насибакон Аскеровой и выдать ему на руки документы, оформленные по всем правилам закона, в целях совместного прохождения ими дальнейшего жизненного пути. Заргаров». Вот! (*Бережно складывает и прячет бумагу.*) Поедем в кишлак к товарищу Нишанбаю и вернемся мужем и женой.

Рохиля. Когда же это будет?

Марасуль (*торжественно*). От полного счастья нас отделяют три часа. (*Обыкновенным голосом.*) До кишлака ехать не больше часа, час — назад и еще час на оформление.

Рохиля. С богом и поезжайте.

Марасуль. Что же, я один поеду жениться? Почему до сих пор нет Насибы?

Рохиля. Прямо не знаю, что подумать, Сказала — на минуточку сбегаю в школу...

Марасуль. Ох, эта школа. Вы напомнили ей, что никому нельзя говорить о свадьбе?

Рохия. Будьте покойны, Марасуль.

Марасуль (*взглянул на часы*). Как только вернется Насиба, одевайте ее. Я пойду за машиной. (*Уходит.*)

Рохия (*открывает гардеробу достает наряды дочери*). Слава аллаху, что послал мне радость увидеть свадьбу дочери. И какую свадьбу. Богатую, красивую. Милая моя доченька, большое счастье постучалось в твою дверь. За всю жизнь у твоей матери не было столько нарядов, сколько у тебя — невесты.

Входит Насиба, она в школьной форме, которая выглядит особенно скромной на фоне ярких туалетов, разложенных Рохией по комнате.

А, ты вернулась, ненаглядная моя. Одевайся скорее. Марасуль сейчас преподат за тобой на машине.

Насиба не двигается.

Что с тобой? Что случилось?

Насиба (*тихо*). Я не могла... Пулатджан Домла спросил меня: и я... (*Взволнованно.*) Мамочка, дорогая моя мамочка, не надо этого делать! Пусть будет, как вы хотите, но потом, после окончания школы...

Рохия (*изумленно*). Ты... ты все рассказала директору?

Насиба. Я обещала... я дала слово... Я хочу кончить школу. (*Уходит в другую комнату.*)

Рохия (*ей вслед*). Судьба идет тебе навстречу, а ты... Ты неблагодарная. Учится можно всегда, а птица счастья только раз в жизни опускается на плечо девушки. Одевайся скорее. (*Идет за Насибой с нарядами. Дальнейший разговор происходит за сценой.*) Вот это надень. Или лучше это. Глупенькая моя, тебе надо плакать от радости, а не от горя.

Стук в дверь. Рохия выходит из второй комнаты.

Вот и Марасуль. Сейчас, сейчас мы будем готовы.

Голос Пулатд/кана Домлы за дверью: «Можно к вам, Рохия-ханум?»

Кто это?

Голос Пулатдсапа Домлы за дверью: «Пулатджаи Домла».

Рохил я (*испуганным шепотом*). Директор... (*Громко.*) Сейчас, сейчас. (*Заметалась по комнате, убирая разложенные наряды. Бросилась в другую комнату.*) Доченька, скорее переодевайся обратно. Это не Марасуль. Это, это...

Голос Пулатджана Домлы за дверью: «Можно?»

Рохил я. Пожалуйста, уважаемый директор, пожалуйста, Пулатджап Домла.

Входит Пулатджан Домла.

Пулатджан Домла. Салам алейкум.

Рохил я. Салам, салам. Проходите, иожалуйста, садитесь. (*Предлагает гостю стул, на котором лежит яркое платье.*) Ах, извините. (*Прячет платье.*) Садитесь, пожалуйста.

Пулатджан Домла. Спасибо. (*Садится.*) Как себя чувствуете?

Рохил я. Благодарю вас — хорошо.

Пулатджан Домла. Н-да.

Рохил я. Н-да.

Молчание.

Пулатджан Домла. Слышал я, собираетесь играть свадьбу?

Рохил я. И в мыслях такого не было.

Пулатджан Домла. Значит, «и в мыслях не было»?

Рохил я. Да! Совсем забыла — из одного хорошего дома присылали сваху...

Входит Н а с и б а. Она снова одета в школьную форму.

Насиба, доченька, поставь, самовар... Да, вот еще. (*Идет за Насибой, шепчет.*) Придет Марасуль, предупреди... (*Возвращается к Пулатджану Домле.*) Все учить надо, все учить — молодая еще, совсем глупенькая...

Пулатджан Домла. Что же хорошего в том доме?

Рохил я. Все хорошо. Обстановка, коровы, куры, гуси и сам хозяин...

Пулатджан Домла (*перебивая*). Тоже хорош

^{гусь} РОХИЛ Я. Он не гусь. Он доктор. Зубной врач

Пулатджан Домла. Откуда же такое богатство?

Можно подумать, он вытаскивает изо рта у людей пе больные зубы, а жемчужины.

Рохия. Он доктор расторопный, ловкий, а больных зубов много... Такое счастье привалило моей сиротке. Она ведь без отца выросла. *(Всплакнула.)*

Пулатджан Домла. Каждая мать хочет сзоим детям счастья. Разве Наспба нищая?

Рохия. Жалко упустить образованного жениха.

Пулатджан Домла. Образованного, говорите? Что-то его образование сильно смахивает на невежество.

Рохия. Что вы, уважаемый директор! Он такой ученый!

Пулатджан Домла. П считает, что его учености хватит на двоих и незачем Насибе учиться дальше?

Рохия. Ах, ничего я не знаю. Я просто хочу дитю своему счастья.

Пулатджан Домла. В старые времена девушка нередко становилась третьей ИЛИ четвертой женой седобородого ишана. А ее родители искренне желали ей счастья.

Рохия. Но ведь Наспба любит своего жениха.

Пулатджан Домла. Неправда. Ее сердечко еще молчит. Я беседовал с ней.

Насиба вносит самовар.

Рохия. Прошу вас, уважаемый Пулатджан Домла.

Рохлия расставляет ва столе угощение. Пулатджан Домла прошелся по комнате, подошел к тумбочке, над которой в вазе величаво и нежно цветут розы.

Пулатджан Домла. Один бутон засох. Жаль..., *(Глядя на Насибу.)* Девять лет мы, учителя, отдавали ей не только свои знания, но и тепло собственного сердца... Да, Рохия-ханум, жаль бутон — ведь мог распуститься чудесной розой... *(Садится. Берет пиалу с чаем.)*

Рохия. Уважаемый директор, ведь вы для Насибы как родной отец. Я все собиралась к вам посоветоваться. А пока что решила — пусть они обручатся, жаль упускать хорошего жениха, и свахи отстанут — отбою от них нет... Ну, а свадьбу будем играть, когда Насиба школу окончит. *(Насибе.)* А ты, глупая, ничего не поняла, бог знает что наговорила, расстроила уважаемого директора. Обручение это, а не свадьба. Извинись скорее...

Н а с п б а . Простите меня, Пулатджан Домла, все я спутала, оказывается.

П у л а т ж а и Д о м л а . Ну, что Насиба спутала свадьбу с ооручением — не беда. Вот если вы, Рохиля-ханум, спутаете - будет хуже. Я тоже хочу для Иасибы счастья. Настоящего счастья... Благодарю за угощение. Мне пора... Всего хорошего.

Н а с и б а . До свидания.

Пулатджан Домла уходит. Рохиля провожает его, затем возвращается.

Р о х и л я (*причитает*). И за что меня судьба бьет! Растила тебя без отца... Собственного счастья не видела, думала под старость на твое порадоваться. Куда там! Тебе школа дороже дома, учителя роднее матери. Не дал мне аллах сына и забрал мужа... Мечтала я зятя иметь... Надеялась, что мужская рука поддержит меня в старости и бросит горсть земли, когда сойду я в могилу... Сама от счастья бежишь и меня последней в жизни радости лишаешь. (*Плачет.*)

Н а с и б а (*плачет*). Не говорите так, мамочка...

Входит М а р а с у л ь .

М а р у с у л ь . Что такое? Что случилось?

Р о х и л я . Она... Она.., Ой, не могу! (*Плачет.*)

Н а с п б а . Пулатджан Домла приходил насчет нашей свадьбы.

М а р а с у л ь . Откуда он узнал?

Р о х и л я . Она... Она все рассказала...

М а р а с у л ь (*Насибе*). Вы?

Н а с и б а . Я не могла иначе...

М а р а с у л ь . А он что?

Н а с и б а . Он очень огорчен. Он боится, что я не кончу школу. Он...

М а р а с у л ь (*перебивая*). Только и всего? Как жаль, что я не встретился с ним. Он бы сразу успокоился. Ведь я всю жизнь посвятил науке. Да что там жпзнъ. Я и после смерти... Я уже завещал свой скелет университету. Его будут изучать студенты. Разве у человека с таким скелетом может быть необразованная жена? Товарищ Заргаров сватал мне свою сестру. Родную! Отказался. Не желает учиться, не хочет расти над собой.

Р о х и л я . Слышишь?

Н а с и б а. П я окончу школу?

М а р а с у л ь (*презрительно*), «Школу»?! Университет! Аспирантуру! Докторантуру! Я вас академиком сделаю!

Р о х и л я. Слышишь?

Н а с И б а (*ошеломлена*). Академиком?

М а р а с у л ь (*убежденно*). Вам нужен такой наставник, как я... Я протягиваю вам руку не как мужчина — как ваш научный руководитель. Эта рука приведет вас на самый верхний этаж Московского университета... Скорее в загс!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дом Марасуля Хузурджанопа. Терраса, за ней комната. Середина мая. Молодые фруктовые деревья окружили дом, и кажется, что они любят его богатой отделкой.

Н а с и б а. Еду, еду! Через три часа поезд, а через три дня...

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины.
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...

Н а з и р а. «Парит»! Это орел, а не банный веник. Вот что значит не ходить в школу!

В е р а *(мягко)*. «Парит».

Н а с и б а. Ну и пусть «парит». А я скоро буду на Кавказе. *(Мечтательно.)* Казбек... Арарат...

В е р а *(мягко)*. Ты же едешь в Кисловодск.

Н а с и б а. Да. А что?

Н а з и р а *(взрываясь)*. А то! Где Кисловодск, а где Казбек с Араратом. Все, все позабыла. Будто никогда не учила географии.

Н а с и б а. Ты просто завидуешь. Я увижу все это сама, а ты только в книжках читала.

Н а з и р а. Завидую? Я тебе завидую?

В е р а. Не горячись, Назира. *(Пасибе.)* Конечно, увидеть все это самой очень интересно. Только ведь экзамены сдавать тоже нужно тебе самой.

Н а с п б а (*легко*). Экзамены? Сдам осенью. Так сказал мой Марасуль-ака.

Н а з и р а. Сначала отдых — потом работа! Нет, я больше не могу! Пойдем, Вера. Пусть попробует повторить это на комсомольском собрании.

Н а с н б а (*испуганно*). Не уходите! Вера, Налира!

Вера. Назира права. Ехать на курорт, когда на носу экзамены... Я понимаю — была бы ты больна...

Н а с п б а. Да! Я совсем забыла! Мне необходимо на курорт. Так и в справке написано.

Н а з и р а. В какой справке?

Н а с и б а. В медицинской. Из поликлиники. Мой Марасуль-ака отнес ее в школу.

Н а з и р а. Ах, бедная Наспба! Она так тяжело больна, что даже забыла о своем недуге...

Вера. Ты была в поликлинике?

Н а с и б а. Нет. Мой Марасуль-ака приложил ухо вот сюда... нет, сюда, послушал и вот так покачал головой.

Н а з и р а. Так, значит, головой покачал Марасуль-ака, а справку выдала поликлиника? Эх, Наспба, Насиба... Знаешь, как тебе надо лечиться?

Н а с и б а. Как?

Н а з и р а. Готовиться к экзаменам.

Вера. А мы поможем.

Н а с и б а. Да вы не беспокойтесь. Я непременно сдам. Осенью. В вечерней школе. Иначе нельзя — ведь моего Марасуля-ака вызывают на работу в Москву.

Н а з и р а. Да, и я слышала, будто в Москве не хватает зубных врачей.

Н а с и б а. Смейся, смейся. А мы переедем. И я буду учиться в Московском университете на тридцатом этаже.

Н а з и р а. И слушать лекции, сидя на шпиле!

Н а с и б а. Что?

Вера (*Насибе*). Ты опять напутала — в университете двадцать шесть этажей.

Н а з и р а. Высоко залетела!

Н а с и б а. Ну и пусть! Все равно буду учиться на самом верхнем этаже, стану кандидатом, а потом доктором наук. (*С шутливой важностью*). Профессор-доктор Насибохон Каримовна Аскерова, ах, нет — Хузурджанова! (*Назире.*) **А ты завидуешь, завидуешь! (Затекает веселую возню и одерживает верх над Назирой.) Не стану, да? Не стану?**

Н а з и р а. Сдаюсь, сдаюсь. Станешь!

Н а с и б а. То-то...

Девушки поднимаются с пола, приводят себя в порядок. Вера запевает: «Давно, друзья веселые, простились мы со школою...» — и все увлеченно подхватывают «Школьный вальс».

Н а с и б а. Школа... Девять лет... Подруги... Не знаю. Иногда кажется, что я чужая всем. И так тоскливо сжимается сердце... А в вечерней школе учатся взрослые женщины... И я взрослая. У меня — муж...

Вера. Ты от всех утаила. Знай школа вовремя... По крайней мере па год следовало отложить свадьбу.

Н а с н б а (*задумчиво*). Конечно, можно было подождать.

Вера. Как же это получилось?

Н а с и б а (*откровенно*). Мама все твердила: «Хочу увидеть твое счастье». А потом — сам товарищ Заргаров вмешался... И мой Марасуль-ака каждый день встречал меня с цветами, когда я шла из школы. И в ясный день и в непогоду...

Н а з и р а. И тебе стало жалко, что он размокнет под дождем?

Н а с и б а (*задетая*). Подожди, вот нагрянет к тебе любовь.

Вера (*тихо*). Ты любишь его?

Н а з и р а. Повременила бы со своей любовью. Небось ие съела бы ее моль.

Н а с и б а (*задумчиво*). Люблю? Конечно, люблю. (*Тряхнула головой, отгоняя печальные мысли.*) Смотрите — этот дом, эти деревья, эти вещи — все, все мое! Если человек отдаст тебе все свое достояние, всего себя, если этот человек твой муж,— как же не любить его?

Голос Фатимы за сценой: «У-у, чтоб тебе провалиться. Оставишь ты их в покое пли пет?»

Н а з и р а. Кто это?

И а с и б а. Свекровь.

Вера. Ты очень изменилась, Насиба.

Входит Ф а т и м а. Ома в парандже, но без чачваиа. В каждой руке" у нее по бидону для молока.

ф а т и м а. Невестушка, где вы (*Увидела гостей.*) Салам! Салам! Как хорошо — невестушка с гостями. И я с вами немного посижу. Устала. Можно?

Вера. Конечно, мы очень рады.

Назира. Пожалуйста.

Фатима. А вы ие стесняйтесь меня, старую. Не люблю, когда свекровь вмешивается в беседу молодых. Да и забот много. Наседкам надо подсыпать.

Насиба. Я подсыплю, мама. *(Выбегает.)*

Фатима. Нет-нет. У вас гости. Я все сама сделаю. Да. Натерпелась я в молодости от свекрови и, когда родился мой Марасуль, поклялась не вмешиваться в дела невестки. Не нагружать ее делами.

Возвращается Насиба.

Невестушка, а под рябенькую подложили?

Насиба. Подложила.

Фатима. И Чернушка сама не своя ходит — ко-ко-ко да ко-ко-ко. *(Изображает вхохлушую курицу.)* Тоже на яйца просится.

Насиба снова идет к двери.

Посидите вы с гостями...

Насиба уходит.

Да, дала я, значит, обет беречь невестушку, и бог сжался надо мной — послал мне Насибу.

Возвращается Насиба.

Насиба. Все сделала, мама...

Фатима. Вот спасибо, вот спасибо. Отдыхайте. Да, чуть не забыла... На лбу у коровушки лишай выступил. Говорят, ножом поскоблить да керосином потереть — отойдет. У вас, невестушка, глаза молодые, да и руки твердые.

Назира давтся от смеха, Вера отчаянно толкает ее в бок и закрывает от Фатимы.

Насиба. Доктору, мамочка, покажем. Ветеринару.

Фатима. Что вы, невестушка! Вот если, не дай бог, коровушка околевать станет — тогда уж все равно, можно и доктору. А так — ни-ни. Залечат...

Встревоженно загоготали гуси.

Ну что за мальчишка этот Аскад. Чтоб тебе никогда не вырасти.

Насиба, опережая засуетившуюся Фатиму, бежит за калитку. Голос Насибы за сценой: «Вот я тебя сейчас крапивой».

Фатима. Невестушка, он в ту калитку горкнул, так и вьется, так и вьется, комар приставучий.

Назира было открыла рот, по Вера толкнула ее в бок — молчи, мол.

Вера. Тетушка Фатима, нельзя Насибе ехать сейчас па курорт — у иее экзамены. Отговорите сына.

Фатима. Что вы — я поклялась аллаху не вмешиваться в дела молодых. И потом, в нашем государстве все свободны. Как я могу... (*Уходит,*)

Назира. Слыхала?

Вера. Н-да.

Гудок подъехавшей машины. Входят Наспба и Марасуль.

Марасуль. А, девушки, салам, салам. (*Насибе.*) Хотел купить вам одну вещь — оказывается, истратил все деньги. (*Шутливо.*) Придется взять у вас займы.

Насибба (*важно*). Сколько?

Марасуль (*небрежно*). Пустяк. Полторы тысячи.

Бросив гордый взгляд на подруг, Насибба выходит.

Ну-с, что новенького, девушки?

Вера. Экзамены у пас скоро.

Назира. А Насибба уезжает — тоже новость.

Марасуль. Я вас серьезно спрашиваю.

Назира. И мы серьезно спрашиваем.

Вера. Нас послала комсомольская организация.

Назира. Почему вы увозите Насиббу?

Марасуль. Ей необходимо на курорт. Я отнес справку в школу.

Назира. Разве Насибба больна?

Марасуль. У нее миокардиодистрофия.

Вера. Это серьезная болезнь?

Марасуль. Болезнь с таким названием не может быть легкой.

Назира. Ав чем она заключается?

Марасуль. Это очень коварная штука. Вначале человек почти ничего не чувствует... Не говорите с Насиббой. Она не знает о своем недуге.

Появляется Наспба. В руках у нее пачка денег. Торжествующе поглядев на подруг, она с удовольствием пересчитывает их и отдает мужу.

Насибба. Вот.

Марасуль. Спасибо. Цель поездки — лечение. Цель лечения — вернуться к учению. Так и передайте в школе. Наспба сдаст все экзамены на пятерку. Осенью. Я даю это обещание вашему комсомольскому коллективу от имени нашего семенного коллектива. Я скоро вернусь. (*Девушкам.*) Не прощаюсь.

Назира. Мы сейчас уходим.

Наспба. А провожать нас?

Вера. Мы придем на вокзал.

Назира. Может быть.

Марасуль. Так я вас подвезу.

Наспба (*жеманно ласкаясь*). Марасуль-ака, можно я немножечко посижу за рулем. Ну чуть-чуть...

Марасуль (*девушкам*). Вот видите, чему у меня Наспба учится. (*Насибе.*) Ну, хорошо. Только до большой улицы.

Все уходит. Шум мотора, гудок машины, гоготание гусей. Звоит телефон. Появляется Фатима с ведром в руках, снимает трубку.

Фатима (*у телефона*). Слушаю... Нет его дома. А вы кто будете? А-а. В каком же магазине вы директором, сын мой? В школе? А-а... Да, уезжают... Что?.. Ай-яй-яй, а еще ученый человек! Насибба, слава алаху, свободна. Что хочет, то и делает.

На улице гогочут гуси.

Некогда мне с вами разговаривать. (*Кладет трубку, спешит к калитке.*) Вот я тебя! (*Замахивается палкой и едва не ударяет входящую в калитку Хуморхон.*)

Хуморхон. Ой! Что вы, тетушка?

Фатима. Спасения от этого Аскада нет. За гусями гоняется. Норовит верхом сесть. Чтоб тебе на ежа усесться, проклятый!

Хуморхон. Можно позвонить? Мой бестолковый муж не может приказать как следует — вот и чинят наш телефон кое-как. Опять испортился.

Фатима. Можно, можно. Позвони. (*Уходит в дом.*)

Хуморхон (*по телефону*). Двадцать четыре семьдесят четыре... Привет. Это я... Как ктв? Хуморхон! Мой у себя? Ах, нет его? Спасибо... Двадцать три восемьдесят девять... Говорит жена Заргарова. Ушел? Куда ушел? Не сказал?.. Спасибо. (*Резко опускает трубку на рычаг.*)

Вбегает Н а с п б а.

Н а с и б а (*дурачась*). Ду-ду-ду! Е-ду! Радиатор, карбюратор, аккумулятор! Здравствуйте, Хуморхоы-апа.

Голос Фатимы из комнаты: «Невестушка, пора корову доить, а мне помолиться время». П а с и б а вприпрыжку убегает с ведром. Хуморхоп идет к калитке, звонит телефон. Появляется Ф а т и м а, сппмает трубку.

Ф а т и м а. Слушаю... Сейчас, сейчас. (*Хуморхоп.*) Ваш муж. (*Расстилает молитвенный коврик, начинает молиться.*)

Хуморхоп (*по телефону*). Ахаджан-ака, где вас носит? По всем телефонам звонила... Что-о?.. Как это — нет! Когда все знают, что я на курорт еду. Не смейте без путевки и домой приходить!.. И слышать не хочу. (*В сердцах кладет трубку. Уходит.*)

Фатима молится. Слышен гудок машины, входит Марасуль. В руках у него сверток. Заметив молящуюся мать, Марасуль на цыпочках идет в дом.

Ф а т и м а (*склонясь в земном поклоне*). Постой.

Марасуль останавливается. Не меняя набожной позы, Фатима ведет с ним разговор, продолжая бить поклоны и шептать молитвы.

Постой, говорю. Что это?

М а р а с у л ь. Китайский халат.

Ф а т и м а. Покажи.

Марасуль разворачивает сверток.

Учился, учился, а ума не набрался. Зачем тебе эти тряпки?

М а р а с у л ь. Я...

Ф а т и м а. Молчи! (*Шепчет молитвы.*) Говори.

М а р а с у л ь. Я хотел порадовать вашу невестку.

Ф а т и м а. Эх ты. Мою невестку надо радовать золотом. (*Проводит руками по лицу, заканчивая молитву.*) Браслеты, кольца, часы... Ей радость — мне покой... Золото, что солнце — и черный день озарит.

М а р а с у л ь. Но ведь его не прилгут обратно... Молодые женщины любят такие вещи... Вот и Хуморхон...

Ф а т и м а. Хуморхон? Ей и сбудем. Да не вздумай говорить настоящую цену. Хоть десятку наживи... Из школы звонили.

М а р а с у л ь. Что?

Ф а т и м а. Все то же.

М а р а с у л ь. Не нажить бы беды...

Ф а т и м а. Эх ты, тряпка. Свободная она женщина? Свободная. Хочет — учится, хочет — на базаре торгует; так всем п говори. Не для того я тебя женгла, чтобы па невестку работать. Пора ей за хозяйство браться, и уче- ность тут ни к чему. Я без учености, слава аллаху, про- жила и сына в люди вывела.

М а р а с у л ь (*раздумывал*). Чего уж и говорить. Вер- но... с одной стороны. А с другой — школа, комсомол...

Ф а т и м а. Проездите вы месяца два, никак не мень- ше, а за два месяца много в арыке воды утечет, все за- будется!

Входит П а с и б а.

Н а с и б а. Мама, куда девать молоко?

Ф а т и м а. Сама им займусь. (*Уходит.*)

Н а с и б а (*Марасулю*). Купили да? Покажите.

М а р а с у л ь (*протягивая ей халат*). Но... мне не осо- бенно нравится.

Н а с и б а. Сейчас надену, примерю, да?

М а р а с у л ь. Вам тоже не понравится.

Н а с и б а уходит в дом, за ней — М а р а с у л ь. Появляются воз- бужденные З а р г а р о в, Х у м о р х о н, вслед за ними — Р и з а - м а т.

З а р г а р о в (*Ризамату*). Так что же ты до сих пор молчал?

Х у м о р х о н. Заргаров не может достать путевку! Дяде это и в голову не приходило!

З а р г а р о в. Ну хорошо, как ты сказал?

Р и з а м а т. Председатель артели «Инобат» Рахимов Малик.

Заргаров снимает трубку телефона.

З а р г а р о в (*по телефону*). Артель «Инобат»... Что?.. Занято?.. (*Кладет трубку*.) Он так и сказал тебе, что по- лучил путевку?

Р и з а м а т. Не он мне сказал, а я его спросил.*
П р и я т е л и м ы...

З а р г а р о в. Так он получил путевку?

Р и з а м а т. Да, говорит, вчера получил.

З а р г а р о в (*по телефону*). Артель «Инобат»... (*Со- лидным басом*.) Председателя мне... А-а, привет... Зарга- ров., Благодарю. Ну, как идут дела?

Хуморхон. Короче! Короче!

Заргаров. Вы понимаете, я оказался в очень затруднительном положении! Тяжело заболела спутница моей жизни.

Хуморхоп. Что еще за «спутница жизни»? Жена заболела!

Заргаров. Да, жена... Я слышал, что вы получили путовку в Кисловодск. Так вот, не смогли бы вы уступить ее пам? А для вас я бы достал на следующий месяц. Как вы смотрите на это?.. Посылать человека? Благодарю! *(Кладет трубку.)*

Хуморхон. Есть, да?

Заргаров. Ризамат, беги за путевкой!

Ризамат уходит.

Неприятно одалживаться у таких людей, как этот — председатель артели... Да! Недолго и авторитет потерять...

Хуморхон. Есть что терять! Путевку и то не смогли достать без моего дяди! Авторитет! Был бы авторитет, не ходил бы родной дядя жены в завхозах!

Заргаров. Душенька, ты же знаешь, можно устроить и на другую работу! Только ведь он... до чего дошел: хлеба накрошит, водки нальет и хлебает. Ложкой! Всякие есть — рюмками пьют, стаканами, а этот — ложкой!

Хуморхон. Хватит, хватит! Мне нужны деньги!

Входят Марасуль и Насиба.

Насиба. Идите-ка сюда, Хуморхоп-апа, я вам одну вещь покажу! *(Вместе с Хуморхоном уходит.)*

Марасуль. Добро пожаловать, Ахаджан-ака... Чем могу служить?

Заргаров. С путевкой дело улажено, теперь... *(Замылся.)* Придется у тебя еще одолжить тыщонки три, братец.

Марасуль. Пожалуйста, какой может быть разговор! Появляется Фатима в парандже, с бидоном в руках, направляется к калитке.

Мамаша, есть у вас деньги?

Фатима *(быстро взглянув на Заргарова)*, Нет, денег нет!

Марасуль. Поищите как следует. Ахаджану-ака срочно понадобились три тысячи.

фатима. А меньше никак нельзя? Меньше брать — легче отдавать... *(Пауза. Помедлив, со вздохом достает*

деньги.) Вот пате-ка пересчитайте. (Недовольно бурча, уходит.)

Заргаров (прячет деньги в карман). Спасибо! Ну и мамаша — легче у самого себя зуб вырвать, чем у нее деньги. Так я за билетом.

Марасуль. Я как раз собирался отвезти машину в гараж. Идемте, подвезу.

Входят Насйба и Хуморхон в халате.

Ах!.. Как вам идет, Хуморхон!

Насйба. А мне разве не шел?

Марасуль. Шел, но не подходил. Великоват!

Хуморхон (Заргарову). Да говорите же!

Заргаров. Хорош, хорош.

Хуморхон (Насйбе). Сестрица, голубушка, уступите мне его...

Марасуль. Для вас ей не жалко и десяти халатов. **(Моргает Насйбе.)**

Насйба. Ладно, берите..

Хуморхон (Заргарову). Есть у вас деньги?

Заргаров. Конечно. **(Марасулю.)** После сочтемся-

Марасуль. Пожалуйста, пожалуйста... **(Про себя,)** Опять прогорел...

Входит Ризамат.

Ризамат. Вот она! Путевка!

Хуморхон (обрадованно). Ах!

Заргаров. Хорошо. **(Уходит вместе с Марасулем.)**

Хуморхон. Идемте, дядя! Помогите мне собраться⁴.

Уходят. Появляется Рохля. Она в парандже, по без чачвана. Насйба незаметно подходит к ней сзади и обнимает: от неожиданности Рохля пугается.

Насйба. Мы едем, мамочка, едем!

Рохля. Счастливой и благополучной дороги, доченька моя!

Насйба. Кавказ!.. Пушкин... Лермонтов... Ах, все равно вы ничего не поймете! **(Кружит мать в танце.)**

Рохля. Ах, ах! Ну что ты делаешь, голова закружилась, упаду. **(Любуется нарядами дочери.)** Очень красиво! Носи себе на здоровье! Помню, поженились мы, и твой покойный отец подарил мне медное колечко!.. Как я радовалась!.. Дочурка моя ненаглядная! Нет на свете большего счастья, чем богатство! Оно приходит один раз

в жизни. Уцепись за него покрепче! Почитай своего мужа! Почитай свекровь! Ходишь ли ты по утрам к ней на поклон?

Н а с и б а. Вот еще?

Р о х и л я. Не говори так, не говори, доченька! Послушалась ты меня — и вот какой стала! Богатой!

Во двор входит З у х р а.

З у х р а. Здравствуйте!

Насба бросается к ней, обнимает.

Р о х и л я. Зухра-биби! Здравствуйте, дорогая моя! Давно приехали?

З у х р а. Вчера только. Со свадьбой вас, говорят, можно поздравить?.. Поздравляю, доченька.

Н а с и б а. Спасибо.

Р о х и л я. Уж так жалели, что вас не было. Да вышло все неожиданно-негаданно, многих и пригласить не успели. Ну, как вы съездили? Насмотрелись, иаверное, чудес. Помолодели. Поправились! Дом отдыха, видать, впрок пошел.

Н а с и б а (*весело*). А мы на курорт уезжаем.

З у х р а. Слышала...

Р о х и л я. Так рада, так рада, доченька моя, что и сказать нельзя!

Н а с и б а. Одиннадцать тысяч берем с собой!

З у х р а. Хорошо, когда деньги человеку подвластны, плохо, когда он им... Начнут деньги трепать человека, как ветер осенний лист!

Н а с и б а. Кого же они треплют?

З у х р а. Тебя, например! На курорт уносят.

Р о х и л я. Разве это плохо?

З у х р а. Сначала оторвали от школы, теперь уносят бог знает куда...

Р о х и л я. Голубушка моя, Зухра-биби, многие девушки учатся только до замужества.

З у х р а. Лекарь тот, кто сам болезнь перенес, говорит в старину... А вы... Сами горькую долю, темноту пережили и такое говорить не стыдитесь.

Н а с и б а (*упрямо, матери*). Буду учиться, буду!

Р о х и л я. Хорошо, хорошо, будешь.

Зухра. Все в школе, от мала до велика, огорчились..,

Входит Марасуль.

Марасуль. Ба, кого я вижу! Добро пожаловать, дорогая тетушка! *(Насибе.)* А где мамаша?

Насиба. Сейчас придет, наверное.

Марасуль. Пора уже... Надо заранее поесть плову, спокойненько попить чаю п, не торопясь, тронуться в путь,

Наспба. Mamочка, все к плову уже приготовлено, растопите очаг!

Рохпл \searrow . Иду, иду, доченька! *(Марасулю.)* Все возьмем — быстренько сделаем. *(Уходит.)*

Насиба. Я сейчас приесяу рис... *(Уходит в дом.)*

Зухра. Эх, племянничек! Женился на несовершеннолетней, теперь на курорт ее увозишь, отрываешь от учебы!

Марасуль *(раздраженно)*. Единственный, кто еще не совал своего носа в это дело, школьная сторожиха! *(Собирается уходить.)*

Зухра. Постой-ка!

Насиба выносит из дома рис и проходит на кухню.

Я хоть и сторожиха...

Марасуль. Насибахон! *(Хочет идти за ней.)*

Зухра. Постой, тебе говорю!

Голос Рохилп за сценой: «Зухра-бибп! Идите скорее!»

Марасуль. Мамаши нет дома, помогите им. И поведи своп оставьте! Рассержусь не на шутку.

Зухра. Только запомни: если не дашь ей доучиться, ты мне не племянник, так и знай!

Марасуль. Ладно, ладно, идите!

Зухра уходит. Входит Насиба.

Насиба. Марасуль-ака... Вы не рассердитесь? Халат я буду сама носить. *(Ласкается.)* Пусть она вернет, его!

Марасуль. Во-первых, я там, в магазине, не рассматривал, что он бракованный, во-вторых, мне совершенно не нравится расцветка. Я вам куплю новый, другой... Дайте вашу ручку. *(Достает золотые часы.)*

Насиба. Но ведь у меня уже есть золотые часики!

Марасуль. Для того, чтобы считать золотые минуты нашей жизни, и тысячи золотых часов мало!

Наспба. Спасибо...

Марасуль. Да, чуть но забыл: как только вернемся

с курорта, обменяем нашу «Победу» на «Волгу». Я уже договорился.

Н а с и б а (*радостно*). Ах!..

Насиба обнимает Марасуля. Он хочет поцеловать ее, и в эту минуту на улице раздается свисток милиционера. Вбегает Фатима с бидонами в руках, один из них с грохотом падает и катится.

Зухра (*выглянула, удивленная*). Что случилось?

М а р а с у л ь. Мамаша, тетя приехала.

Ф а т и м а (*увидев Зухру*). А-а, накопец-то! Чего же на свадьбу не поспела? Сынок, бедняжка, послал тебе телеграмму, целых пять рублей и еще сорок копеек даром пропали.

Из кухни выходит **Р о х и л я**.

Р о х и л я. Насиба, сколько рису положить?

Ф а т и м а (*увидев Рохилю, выпускает из рук второй бидон*). Ах, бог мой, ведь сваха моя пришла! Ах, голубушка моя! Здравствуйте, сватьяшка! В добром ли вы здравии?.. И как вам не стыдно, невестушка, заставляете сватьяшку, мою голубушку, трудиться?

Н а с и б а **выхватывает у матери половник и уходит.**

Вот сюда садитесь, вот сюда, дорогая сватьяшка!

На улице снова милицейский свисток.

Вы подумайте! Милиция! Не разрешает молоко продавать. На базар велит. А сам на базар не идет.

М а р а с у л ь (*Зухре*). Почему все-таки не приехали на свадьбу? А еще родная тетя!

Ф а т и м а. Она хуже чужого дяди.

Н а с и б а **вносит зеленый лук и редиску.**

Н а с и б а. Марасуль-ака, вы, кажется, любите резать лук...

М а р а с у л ь. Я больше люблю пробовать.

Н а с и б а (*Рохиле*). Тогда вы, мамочка...

Ф а т и м а. Нет, нет, давайте мне, невестушка!

М а р а с у л ь. Я шучу. Дайте только нож поострее.

Н а с и б а (*сядась рядом с Зухрой*). Как я соскучилась по вас, тетушка!..

М а р а с у л ь (*беспокойно*). Насибохон, вам надо побыть у котла, идите-ка!

Н а с п б а уходит.

М а р а с у л ь (*режет лук*). Дом отдыха никуда бы не делся, а свадьба племянника бывает раз в жизни.

Зухра. Слышала я про твою свадьбу, слышала... хорошо, что меня не было. Не охотница я до старых обрядов.

М а р а с у л ь. А что же в нашей свадьбе старообрядного? Вино, водка, артисты...

Зухра (*в тон Марасулю, перечисляет*). **Мулла, венчание** по корану...

М а р а с у л ь. Ах, ото... Это ради мамы.

Зухра. Видать, твоей мамаше захотелось старины, как беременной женщине кислого?

Фатима. Эй ты, богохульница! Что же худого, если сын оправдывает благословение и надежды матери и близкую смерть ее скрашивает?

Зухра. Ты только о себе и думаешь! О своей загробной жизни! Пусть все пойдет прахом, лишь бы тебе была загробная жизнь! Однако не больно ты туда торопишься...

Фатима. Сама торопись.

Входит Хуморхон и раскланивается с Рохлей и Зухрой.

(С ненавистью глядя на Зухру.) Пожалуйста, Хуморхон, заходите.

Хуморхон (*Фатиме*). Тетушка, можно, я оставлю свои вещи у вас?

Фатима. Можно, можно.

Хуморхон (*громко, в сторону калитки*). **Дядя, сундук** из спальни тащите сюда!

Голос Рпзамата за сценой: «Ладно. Только подождать придется — такое дело заправки требует...»

Фатима. Садитесь, Хуморхон.

Появляется Н а с и б а с кувшином и полоскательницей для умывания, подходит к Фатиме.

Нет, нет! Начинайте со сватьюшки, невестушка, ибо угодить матери значит угодить богу.

Зухра. Помнится, не очень ты хотела угодить матери, когда она сосватала тебя за старика Шарифа, — топить бросилась. Еле спасли.

Фатима. Молчала бы уж при молодых-то!

Н а с и б а (*поставив перед Зухрой полоскательницу*). Помойте руки, тетушка.

< > у х р а. У меня йоги целы, пойду сама помою.

Н а с и о а (*сливая па руки Хуморхон*). Не всякое материнское желание нужно исполнять.

Х у м о р х о и. Разве есть кто на свете дороже матери? Вот Заргаров... он мне в отцы годится, а я за него замуж вышла... Так моя покойная матушка хотела.

Марасуль удивленно посмотрел на Хуморхон. Посмотрела на нее л у х о д я щ а я п а к у х н ю Н а с и б а.

Ф а т и м а. И правильно сделали!

Н а с и б а в н о с и т б л о д о с д ы м я щ и м я с я п л о в о м.

М а р а с у л ь. Ну-с, прошу, прошу!

З у х р а (*к Хуморхон, с иронией*). Еще бы неправильно! Дом полная чаша, всего вдоволь, как сыр в масле кагаются!

Х у м о р х о н (*взглянув на Марасуля*). Скучно...

З у х р а (*уже серьезно*). Учитесь. Вы еще молоды. Жить в такое время и не учиться!

Ф а т и м а. А тебе-то какая забота!

Х у м о р х о н. Ну, знаний мне хватает.

М а р а с у л ь. Хуморхон в институте училась. Да не в одном, а в трех, пет, даже в четырех. В четырех институтах кончить по курсу — все равно что в одном кончить четыре. Так что у нее высшее образование.

З у х р а. Отчего же не работаете? В наше-то время! Ведь даже кошка, которая не ловит мышей, и та мозолит глаза.

Ф а т и м а. А тебе-то что!

Х у м о р х о н. Сердце у меня больное...

З у х р а. А-а-а... Ну, тогда нечего жаловаться: Заргаров как раз вам пара!

Х у м о р х о н (*выходит из себя*). Какая он мне пара!..

Ф а т и м а. Эй, Зухра! Да ешь ты спокойно, ради бога!

Р о х и л я. Кушайте, Зухра-биби!

З у х р а. Ну, а если бы вага Заргаров был грузчиком, слонялся бы по базарам с веревкой за плечами? Вышли бы вы за него замуж?

Х у м о р х о н. Вы что? Считаете меня дурой?

З у х р а. Не сердитесь... Вы сами сказали: надо, дескать, матерям во всем угодать.

М а р а с у л ь. Довольно, тетушка, хватит!

Ф а т и м а. Что ты ко всем пристаешь?

Хуморхон (*вскакивает*). Сами вы... глупая женщина, а поучать беретесь...

Р о х и л я. Не надо говорить так, доченька, все-таки она постарше вас.

Хуморхон. А что толку? На старости лет стала школьной сторожихой.

Н а с и б а (*возмущенно*). Хуморхон-апа!

З у х р а. Да, я сторожиха! Каждый служит народу, как может. А вы... вы тулька мадама! (*После паузы.*) Прицепились к мужу, как клещ к коровьему уху... Плохая профессия!

Насиба фыркает. Фатима и Марасуль переглянулись.

М а р а с у л ь. Тетушка наша и по-русски умеет говорить... (*Передразнивая ее.*) «Тулька мадама»!

З у х р а. Может быть, и не умею я выговаривать правильно. (*Неожиданно, страстно.*) Зато душа у меня правильная! А вот ты не похож на человека, знающего русский язык.

Р о х п л я. Да успокойтесь вы, Зухра-биби, кушайте!

З у х р а. Я только что пообедала.

Ф а т и м а (*выходя из себя*). Хотя бы для приличия поешь! Ну что за сумасшедшая женщина!

З у х р а. Дайте-ка мне ложку, Насибахон.

Ф а т п м а. Господи, форсит-то!

Н а с и б а (*протягивает Зухре ложку*). Натё, тетенька!

М а р а с у л ь (*со смехом*). Ну, а мы станем есть, как едали наши отцы и деды! (*Берет плов рукой и, смеясь, приглашает остальных*)

З у х р а. Твой отец верхом на верблюде мотался с базара на базар, а ты на «Победе» разъезжаешь...

Ф а т и м а (*вне себя от ярости*). Ты всегда налетаешь, как ветер, и переворачиваешь весь дом!

З у х р а. Если ваш дом не проветривать,— плесенью покроется, гнить начнет...

М а р а с у л ь (*вскакивая с места*). Хоть бы перед нашим отъездом попрдержала язык!

Ф а т п м а. Лучше бы вовсе не приходила проведать нас!

З у х р а. Не тебя я пришла проведать. (*Показывая на Насибу.*) Ее вот. Вот этого воробышка. Крылышки не успели окрепнуть, а уже пытается лететь в жизнь...

Рох и л я. Да что пы, бог с вами, Зухра-бибн, почему же она воробышек, моя доченька...

Зухра поднимается. Хопет сказать Марасулю еще что-то, но, промолчав, направляется к калитке.

Н а с и б а. Тетушка! *(Бежит за ней.)*

Ф а т и м а *(обращается к Марасулю, но говорит для Пасибы)*. Ты ведь сам знаешь, на нее иногда находит. В такую минуту лучше не связываться с ней. *(Рохиле.)* Она с детства такая, странная немного, временами заговаривается...

Входит Заргаров.

З а р г а р о в. Чего вы расселись? Пора ведь на вокзал! *(Увидев плов.)* А, плов? Вот ваш билет, Хуморхон, держите.

Н а с и б а. Садитесь, Ахаджан-ака... Я сейчас... *(Уходит.)*

Хуморхон *(капризно)*. Пятое купе! А у их — шестое!

М а р а с у л ь. Не беда, устроимся как-нибудь.

Насиба приносит воду и поливает Заргаропу на руки.

З а р г а р о в *(Марасулю)*. Поручаю жену тебе... *(С возжелением запускает руку в плов.)*

Появляется Ризамат. Он тащит огромный сундук. Все, кроме Марасуля и Заргарова, бросаются ему помогать.

М а р а с у л ь *(сидит, ковыряя в зубах)*. Чутьочку поднимите, Ризамат-ака!

З а р г а р о в *(с трудом проглотив плов)*. Нет, нет, чутьочку опустите.

С помощью жепщи Ризамат наконец вносит сундук в комнату.
Звонит телефон.

М а р а с у л ь *(в трубку)*. Доктор Марасуль Хузурджанов!.. Что?.. Да ведь я же представил справку из поликлиники! В дирекцию. Одну минутку... *(Прикрыв рукой трубку, Заргарову.)* Ахаджан-ака!..

З а р г а р о в. Кто? ^

М а р а с у л ь. Заведующий отделом народного ооразования. Когда же это кончится! Скажите ему пару слов!

Заргаров подходит к телефону, держа в руках чашу с пловом.

С вами будет говорить товарищ Заргаров. *(Передает трубку Заргарову.)*

Заргаров *(в трубку)*. Привет... Что же вы все беспокоите доктора?.. А?.. Что?.. Ну, конечно, он даст ей образование. *(Смеется.)* Я тоже дам Хуморхон образование... Но полагается же личный секретарь такому ответственному лицу, как я! Илн, по-твоему, не полагается?.. Оставь эти разговоры! Я тебе говорю!.. *(Кладет трубку рядом с телефоном и снова принимается за плов.)*

Из комнаты появляются Хуморхон и Ризамат.

Хуморхон. Идпте, да идпте же быстрее!

Хуморхон уходит. Ризамат не может пройти равнодушно мимо плова: он оглядывается по сторонам, вытаскивает из кармана четвертинку водки, наливает в ппалу, выпивает залпом и торопливо закусывает двумя-тремя горсточкамп плова. Хуморхон кричит за сценой: «Да дядя же!»

Ризамат *(с полным ртом)*. Бегу!.. *(Уходит, еще раз запустив пятерню в плов.)*

Заргаров *(берет трубку и продолжает разговор)*. Все? Я спрашиваю, коичпл ты меня учить политграмоте? Ну, так слушан: ты политику изучал по книгам, я ее прошел всю, вдоль п поперек, на практической работе, рано тебе меня учпть! Не болтай много!.. Сейчас же позвонп директору школы. Пусть он разъяснит своим комсомольцам п пусть не подрывает авторитет советского зубного врача! *(В сердцах вешает трубку.)*

Марасуль. Вот это я понимаю! Таким и должен быть ответственный работник! Смелым! Строгим! Вот так и должен осаживать всякого, кто игнорирует его указания!

Заргаров. А чего мне бояться!.. Что кресло отберут? Эка важность, подумаешь! Пойду обратно в свою артель. Да и не по душе мне, сказать правду, теперешняя работа. Новый председатель оказался человеком с крутым характером. Не дает мне самостоятельно действовать. *(Зовет жену.)* Хуморхон! *(Уходит.)*

Из комнаты выходит Фатима.

Фатима. Марасуль! Невестушка! Да где же вы все? Сватьяшка...

Из комнаты выходят Рохиля п Насиба.

Подите сюда! Послушай меня, сын мой, Марасуль. Жена у тебя молодая, глаза у нее разбегаются. Увидит на дру-

гих паряды да украшения — позавидует. Так я говорю, сватьяшка?

Рохил я. Да продлит аллах вашу жизнь! Все-то вы понимать и чувствовать можете.

Фатима. Говорят, в тех краях очень дешевый жемчуг. Вот и хочу, чтобы вся шея певестушкп была в жемчугах!

Рохп ля. Расцелуй свою свекровь, дочь моя!

Паспа оросплась, целует **Фатиму;** входят **Заргаров, Хуморхои и Ризамат,** несущий в каждой руке по чемодану.

Хуморхои. Можно, кажется, и отправляться... (*Фатиме.*) Вещи свои вручаю вам, а вас — богу. Пошли, дядя!

Насиба. Ну, давайте прощаться...

Фатима. Аминь!

Рохил я (*Насибе*). Счастье само искало и нашло тебя, а сколько людей ищут его и не находят, дочь моя! Да хранит вас господь! Счастливого пути! Пишите!

Все уходят. Слышны прощальные возгласы, гул отъехавшей машины. Гогочут гусп.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова дом Марасуля. Прошел год с небольшим, но многое изменилось в этом доме. **Н а с и б а**, все еще нарядная, капает лؤلую. **Марасуль** похрапывает на супе.

Н а с и б а (*напевая*).

Баю-баюшки-баю —

Вот я песенку спою.

Ну, усни, мой ягненок, ну, успокойся, мой голубочек.

Ребенок плачет, и **Марасуль** просыпается.

Марасуль. Покоя нет. Замолчит он у тебя наконец? Да возьми на руки! (*Зевнул.*) Завари чай.

Н а с и б а уходит с ребенком на руках. **Марасуль** снова задремал. Входит **Хуморхон**. Улыбаясь, она щекочет палочкой нос **Марасуля**.

Ты!.. (*Меняя тон.*) Ах, это ты..

Хуморхон. Скучно. Поедемте куда-нибудь. Что машину жалеете?

Марасуль (*ему лень двигаться*). А твой муж?

Хуморхон. Когда вам нужно, вы о муже забываете. Вставайте.

Марасуль. Отстань. Какой был плов в чайхане! Кажется... объелся.

Н а с и б а вносит чай.

Налей.

Голос Фатимы за сценой: «Невестушка, тесто подошло. Невестушка!»

(Раздрао/сенио.) Ответь же! Оглохла?

Н а с и б а. Сейчас иду. (Укладывает ребенка.)

М а р а с у л ь. Возьми с собой. Не слышали его здесь!

Хуморхон. Дайте-ка, сестрица, я его убаюкаю.

М а р а с у л ь. Нет, нет. Пусть забирает.

П а с и б а уносит ребенка.

Надоел этот рев — сил нет.

Волпращается Н а с и б а. В одной руке ребенок, в другой — таз с тестом.

Хуморхон. Не помочь ли вам, сестрица?

М а р а с у л ь (поспешно). Сама справится.

П а с и б а молча уходит.

Хуморхон (покачав головой). Какой она стала... общипанной.

М а р а с у л ь. Досталось ей. Роды были тяжелые, намучилась.

Хуморхон. Не одна она — все мучаются... Просто порода такая.

М а р а с у л ь (берет руку Хуморхон). Вот это порода!

Марасуль притягивает Хуморхон к себе, пытается поцеловать. Входит Заргаров. Марасуль делает вид, что осматривает зубы Хуморхон.

Заргаров. Марасуль! (Жене.) И ты здесь...

М а р а с у л ь (будто только заметил). Ах, это вы. Одну минуточку. (К Хуморхон.) Сделайте горячий компресс. За зубами надо следить.

Держась за щеку, Хуморхон уходит.

Заргаров. Что с ней?

М а р а с у л ь (значительно). Миокардиодистрофия. Вы же следили за ее зубами.

Заргаров. Когда я женился, коренные уже были испорчены. (Садится.) Налей-ка... (Берет пиалу, морщится.)

М а р а с у л ь. Тоже зубы?

Заргаров. Сердце. Сердце болит. Будто его тысяча мышей грызет.

Марасуль. Ну, беда невелика. Нужно вам кота проглотить — живого, конечно...

Заргаров. Тебе хорошо смеяться. Окпла бунтует!

Марасуль. Как так?

Заргаров. А так. Третьего дня послал ей деньги, давно не посылал, закружился, дела, а тут послал.

Марасуль. Ну и что?

Заргаров. Вернула! Говорит — подачек ей не надо, подаст в суд и будет получать алименты. По закону. Каково?

Марасуль. Что-то пе верптся. Не похоже на пее...

Заргаров. На прежнюю Окилу пе похоже. С тех пор как она пошла работать...

Марасуль. А зачем позволили? Сами виноваты.

Заргаров. Чудак ты. Разве она у мепя спрашивала... Будь другом, съезди к ней, уговори как-нибудь, умасли. Ты это умеешь... с женщинами...

Марасуль. Со своей женой не знаю, что делать, а тут еще ваши... Нет, Ахаджан-ака, поезжайте сами. Женщины на ласку падки. Приласкайте — она замурлыкает эдакой кошечкой... мышп п перестанут грызть ваше сердце.

Заргаров. Хорошо — приласкаю, а если рассержусь? Знаешь ведь мой характер? Весь дом переверну. Нет уж! как друга прошу, ты ее, это самое, приласкай! У тебя лучше получается.

Марасуль *(со вздохом)*. Радио.

Входит Хуморхон. На голове у нее корзина.

Хуморхон *(дурачась)*. Кому лепешки, слобные лепешки, с пылу, с жару?

Марасуль и Заргаров, смеясь, угощаются.

Да, чуть не забыла: кто-то звонил вам, Ахаджан-ака.

Заргаров *(подавился лепешкой)*. Кто звонил?

Хуморхон *(пожала плечами)*. Я не спросила.

Насиба с ребенком на руках проходит в комнату.

Куда лепешки, Насибахон?

Голос Насибы из комнаты: «Сюда». Хуморхон уходит.

Заргаров. Не из райкома ли звонили? Как ты думаешь? Не дай бог, Окила уже затеяла что-нибудь...

Марасуль. Ну, ну. Уж и душа в пятки...

Входит Хуморхои, и одновременно раздается телефонный звонок. Марасуль снимает трубку.

(По телефону.) Слушаю... (Смотрит на Заргарова.) Он здесь. Кто говорит?

Заргаров (испуганно). Кто?

Марасуль. Что?

Заргаров. Что?

Марасуль. А-а, это вы, тетушка!

Заргаров. Что б она сдохла, твоя тетушка!

Марасуль. Передаю трубку.

Заргаров (по телефону). Это вы звонили ко мне домой?.. Ну, слушаю... Кто? Заведующий клубом? Давай-те... (Меняя тон.) Привет!.. Спасибо... Да, да, Зухра-халум говорила мне. Надеюсь, с ней у вас дела лучше пошли? Она комсомолкам пе уступит... Хорошо. Прибуду ровно в шесть. (Кладет трубку.)

Марасуль. Чего ему надо?

Заргаров. Просили сделать доклад о советской семье, а я и забыл совсем.

Хуморхоп. Доклад? Зачем же вы согласились? Секретарь ваш еще в больнице. Кто же напишет?

Заргаров. А ведь верно! Как я об этом не подумал... Придется самому. (К Хуморхон.) Принесите-ка мой цитатник, он где-то под кроватью лежит.

Хуморхон уходит.

Марасуль. Что это такое — цитатник?

Заргаров. Альбом с вырезками, для докладов. Секретарю своему приказал: иайдет что подходящее в газетах или журналах — сейчас вырежет и наклеит. Ценная штука!

Марасуль. Сказали бы, что доклад ие готов, и дело с концом!

Заргаров. Садовая голова ты! Какой же я руководящий работник, если пе знаю, что такое советская семья. В райкоме все удивятся и скажут: что же готовиться-то? А тут еще Окила! Момент скользкий!

Марасуль. Да, это верно.

Хуморхон вносит громадных размеров альбом.

Заргаров. Вот где мое спасение! Секретарь у меня на любую тему доклад мпгом строчпт. П у нас получится. А ну-ка, Марасуль, берн карандаш п бумагу!

Марасуль (*протягивая Хуморхон бумагу и карандаш*). У вас почерк лучше, Хуморхон!

Хуморхон (*устраиваясь поудобнее, чтобы писать, взглянув на часы*). Вы сказали, в шесть? Успеем?

Заргаров. Вполне. Общая часть доклада, формулировки, цифры есть. (*Листает альбом.*) Вот они! Что же касается фактов... (*Марасулю.*) У тебя есть семья, у меня есть семья, вот и факты.

Марасуль. Правильно!

Заргаров. Пишите! Заглавие: «Советская семья!» Восклицательный знак! Многоточие!

Хуморхон. Ведь это заглавие. Зачем же восклицательный знак, да еще с многоточием?

Заргаров. Ладно, поставьте... что-нибудь. Ну-с, с чего же начнем?

Хуморхон. Раз доклад о семье, то сначала следует сказать о женщинах.

Заргаров. Верно! (*Листает альбом.*)

Хуморхон (*думая вслух, записывает*). «Женщина, бесправная в прошлом, теперь наравне с мужчиной...»

Заргаров. Верно, но... зачеркните! Надо писать торжественно.

Хуморхон. А это не торжественно разве?

Заргаров (*быстро и беспокойно перелистывая альбом*). Сейчас, сейчас... А, вот, нашел! Пишите! (*С пафосом.*) «Товарищи! До Великой Октябрьской социалистической революции...»

Марасуль. Голос вам еще понадобится, берите тоном ниже, ака.

Заргаров. Совершенно верно! (*Немного понизив голос, но все же с пафосом докладчика.*) «...Женщины были совершенно неправы...» Вот теперь папишите, что вы хотели сказать, а именно: «Они были рабынями своих мужей. Теперь женщины обрели равные с мужчинами права и пользуются полной свободой». Гм-м... А не лучше ли вырезать весь этот кусок до сих пор и целиком приклеить, а? Водится в этом доме клей?

Марасуль (*кричит*). Насиба! Где-то там был клей, найди и принеси его сюда! Ножницы тоже...

Голос Н а с и б ы за сценой: «Сейчас».

З а р г а р о в. Н-ну-с, теперь что будем писать? (*Перелистывая альбом.*) Ага, вот тут имеется высказывание Чернышевского, вырежьте его и приклейте туда же! Кстати, а где теперь работает товарищ Чернышевский? (*Задумавшись.*) Вот поди же ты, вертится па кончике языка, а никак вспомнить не могу! Ну ладно, вспомню потом. Н-иу-с, дальше что мы напишем?

Марасуль п Заргаров спдят и думают. Насиба приносит клей и ножницы, видпо, что она запята стиркой.

Н а с и б а. Вот... (*Улооюив ребенка в люльку, Марасулю.*) Платок у вас чистый?

Марасуль машет ей рукой, дескать, не мешай нам думать и отдает ей грязный платок, затем молча протягивает ногу и показывает на носки. Насиба начинает стаскивать с его ног носки.

Голос Ф а т п м ы за сценой: «Невестушка-а!»

Н а с и б а. Иду...

М а р а с у л ь. Пишите! «Тысячи и десятки тысяч наших женщин и девушек...»

Насиба собирается уходить, но ребенок начинает плакать.

Да убери ты его отсюда! Не видишь, люди работают!

Н а с и б а берет ребенка и уходит.

Вот что еще надо добавить: «Для воспитания здорового и сильного подрастающего поколения...»

Входит Ф а т и м а с бидоном в руках, она спотыкается, бидоны с шумом падают. Все вздрагивают. Фатима собирает свои бидоны п выходит на улицу.

З а р г а р о в. Гм-м... времени осталось в обрез...

Х у м о р х о и. Послушайте. Что вам, впервые, что ли? Скажите что-нибудь, и дело с концом! Стоит мучиться, писать, вырезать, наклеивать!

М а р а с у л ь. Верно! В таких случаях достаточно несколько заковыристых фраз, вот вам и доклад!

З а р г а р о в. Верно-то верно! Но хочется, чтобы люди цитировали меня: «Так сказал товарищ Заргаров!», «Так говорил Ахаджан-ака!»

М а р а с у л ь. Ну и черт с ними, пускай не цитируют, беда большая!

З а р г а р о в. Ладно, уговорили! Это верно. Была бы канва, а там и слова сами найдутся, только успевай

говорить! Идемте, Хуморхон, достаньте мой новый костюм и соломенную шляпу.

Хуморхон. Вот какой вы! Я должна вам даже пуговицы застегивать. Эксплуататор! *(Уходит.)*

Заргаров *(уходя, Марасулю)*. На то и жена, чтоб застегивать мужу пуговицы! *(Уходит.)*

Появляется Насиба с ребенком, ребенок плачет.

Марасуль. Эй, послушай, дадут мне наконец покой в этом доме?

Насиба. Но ведь ребенку нездоровится!

Марасуль. Оттого и нездоровится, что плачет, успокой его — и болеть перестанет!

Насиба. Что вы за человек!

Марасуль. Ого, у тебя, кажется, отрастает язык? *(Уходит.)*

Входит Фатима.

Фатима. Невестушка-а! *(Ставит пустой бидон перед собой.)* Не дала мне продавщица два бидона молока, чтоб она сдохла молодой! Молока ей девать некуда, а больше одного бидона не дает. Идем, тебе отпустит... Идем же!

Насиба. Нет, мамаша, я... не пойду!

Фатима. Да ведь всего-то пройти два шага. Бери с собой ребенка — отпустят без очереди.

Насиба *(решительно)*. Нет, мамаша, не пойду я!

Фатима. Да я же не прошу тебя ходить каждый день, только сегодня!

Насиба. Довольно, мамаша! Не стану я покупать в колхозном ларьке молоко, которое вы потом перепродать пойдете.

Фатима. Ну что ж, сиди, а я, старая, пойду! *(Плаксиво.)* Горькая моя судьбина: вырастила сына, женила на свою седую голову. *(Надевает паранджу и, схватив бидон, уходит.)*

С улицы слышен ее голос: «Поглядите, люди добрые! Замучила меня сноха, замучила до смерти!»

Насиба *(укачивая ребенка)*. «Небо спит, звезды спят, спи и ты, малышка». *(С трудом сдерживает слезы.)* «Небо спит... звезды спят...» *(Горько плачет.)*

Входит Зухра.

З у х р а. Насиба...

Насиба подпимает голову п, увидев Зухру, старается сдержать слезы, но обда переполняет ее сердце, и, плача, она бросается в объятия Зухры.

Что случилось, моя голубушка? Скажи мне...

Насиба. Что теперь говорить... Нечего... Предупреждали меня подружки мои... Тогда мне казалось — завидуют. Говорили, предупреждали меня п учителя мои! Куда я попала? Среди каких людей живу? И ради этого бросила я школу, друг!..

З у х р а. Заблудившегося медведь загрызет, одинокого волк ^ает, говорят. Опомпилась ты, это уже хорошо!

Насиба. Лучше умереть, чем так жить!

З у х р а. Что ты! Все это не так страшно. Ты споткнулась только, не упала же! Поднимешься и пойдешь рядом со своими подружками в ногу. Все зависит от тебя самой. Прав твоих никто не отнимал. Слова твои найдут слушателей, рука твоя найдет руки друзей. Вот нам было трудно в твоем возрасте! *(Задумчиво.)* Наши стоны не доходили даже до ушей родителей. *(Неожиданно, страстно.)* Не плачь, слезами никто ничего не добивался. Идем!

Насиба. Куда?

З у х р а. В клуб. Ахаджан-ака, товарищ Заргаров, делает доклад о советской семье. Послушаем, что он скажет.

Н а с п б а. Надо мужа спросить... Вы скажите ему...

Появляется Марасуль.

Марасуль. Ба! Да никак моя тетушка пришла! Добро пожаловать. И не видно вас, и не слышно... и не заходите...

Насиба роняет платок. Марасуль быстро поднимает его п отдает ей.

Ваш платочек, ханум...

З у х р а. Насиба со мной в клуб пойдет...

Марасуль. Вот это чудесно, вот это замечательно... *(Берет ребенка на руки.)* Идите одевайтесь!

Насиба, удивленная и обрадованная, уходит.

Не любит она никуда ходить, что ты скажешь! Вот уже целый год не могу из дома ее вытащить!.. Идем хоть в кино, говорю, а она в ответ: «Пойти в кино - чего же тут интересного». Черт знает, что обо мне могут подумывать люди..,

Зухра. Да, можно подумать многое! Можно, например, подумать, что ты бай, можно подумать, что ты феодал...

Марасуль. Но-о!..

Зухра. Сходи п ты на доклад. Может быть, услышишь полезные для себя слова.

Марасуль. Да я со всей душой!..

Входят Заргаров и Хуморхон.

Заргаров. А-а, здравствуйте, Зухра-ханум, здравствуйте. *(Берет со стола бумаги и кладет в портфель.)* Вы за мной? Спасибо, спасибо... Ну, пошла!

Зухра *(Марасулю)*. Где же Наснба?

Марасуль. Вы идите, мы догоним.

Зухра *(к Хуморхон)*. А разве вы не пойдете?

Хуморхон. Что-то с сердцем плохо...

Зухра. Вот потому и советую вам сходить: увидите здоровых людей, свежим воздухом подышите, как рукой все снимет, верно говорю!

Заргаров и Зухра уходят. Слышен гудок и шум отъезжающей машины. Вбегает Пасиба.

Наснба. Уже уехали?

Марасуль. Да.

Насиба. Идемте, Хуморхон-апа, со мной в клуб.

Хуморхон. О, дорогая моя! С меня хватит и того, что дома слушаю Ахаджан-ака!

Марасуль *(передавая Насибе ребенка)*. Держи!
И нечего тебе там делать!

Насиба. Да вы сами ведь сказали!

Марасуль *(разгневанно)*. Сказал так, а теперь говорю иначе.

Насиба. Что же тут такого, если раз в год схожу?..

Марасуль *(кричит)*. Не пойдешь!

Насиба. В гости зовут вас одного, про кино, про театр и вовсе забыла... И в парк меня не водите.

Марасуль. А чего я буду водить тебя в парк? При свете прожекторов любоваться тобой, что ли? *(Уходит в дом.)*

Хуморхон. Не следует перечить мужу, голубушка. Берите с меня пример! *(Уходит.)*

Насиба одна, несколько мгновений она стоит задумавшись, затем решительно выходит на улицу.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сцена клуба. За столом президиума Зухра, Пулатджан Домла. На трибуне Заргаров.

З а р г а р о в (*отпив чай, продолжает*). ...Сотни тысяч наших женщин и девушек учатся в начальных, средних и высших школах!

Рнзамат паполпаят пиалу чаем и с подобострастием ставит ее на трибуну.

Благодарю. И наряду с этим, товарищи, многие из них выполняют свой священный долг по обеспечению человечества будущим поколением.

Г о л о с. Товарищ Заргаров, короче!..

г а р о в (*не поняв реплики*). Громче не могу, товарищи, я и так напрягаю свой голос до высшего предела! Товарищи! Еще великий демократ Чернышевский писал: «Хотя природа и создала женщин талантливыми, хотя природа дала им глубокий ум и сознание, но тем не менее общество не признает этот их ум и их сознание, разрушает их, душит их!» (*Со страстью*.) Вот как было в прошлом, товарищи! На этом я кончаю.

П у л а т ж а и Д о м л а. Вопросы к докладчику будут?

Зухра. Можно мне задать вопрос? В прошлом все это было так... А разве нет и теперь среди нас людей, которые не признают ума и таланта женщин?

З а р г а р о в (*с пафосом*). Конечно, нет! Потому что не может быть у нас таких, товарищи!

П у л а т д ж а н Д о м л а. К сожалению, они еще есть. И даже иногда среди ответственных работников.

З а р г а р о в. Не понимаю...

Зухра. Что же тут непонятного?

З а р г а р о в. Товарищи! У нас нет, конечно, и не может быть личностей, которые... Мы не допустим этого! Мы никому не позволим!

В е р а (*из зала*). Иногда допускаем!

З а р г а р о в (*в том о/се тоне*). Но это нетипично. Мы должны равняться не на отсталые семьи, а на передовые, товарищи! Могу привести в пример хотя бы одну семью. Есть у меня сосед, доктор Хузурджанов. Я не ошибусь, если скажу, что эта семья полностью отвечает тем высоким требованиям, которые предъявляет нам сегодняшний день! Особенности этой семьи состоят в том, что...

Назпра. Неправда!

Заргаров. Послушайте, если вам хочется высказаться, выходите на трибуну и говорите перед пародом! Если вы, конечно, записаны в прениях...

Назира. И выйду. Можно мне, Пулатджан Домла?

Пулатжан Домла. Пожалуйста.

Заргаров. Порядка на собрании нет!..

Пулатжан Домла. Почему? Порядок есть: вас слушали и вы послушайте.

Назпра поднимается на сцену.

Назпра. Хузурджанов оторвал Насибу от школы, превратил ее в прислугу!

На сцену выбегает Наспба.

Насиба. Назира! Не надо!

Заргаров (*Насибе*). Вы?

На сцену вбегает Вера.

Вера. Это вашими руками Хузурджанов оторвал Насибу от школы!

Насиба. Вера!

Назира. Это вы дали ему веревку, которой он связал Насибу по рукам и ногам!

Заргаров. Что вы тарыхтите, как пустая арба! Неверно информпруете... А еще комсомолки... Нехорошо! (*Тонем докладчика.*) Товарищи, жена товарища Хузурджанова готовится поступить в университет и, я уверен, поступит!

Вера. Ложь!

Заргаров (*гневно*). У нее тоже есть язык! Пусть сама скажет. (*Многозначительно покашливает.*)

Назира. Скажи, Наспба! Скажи!

Насиба стоит неподвижно, опустив голову.

Пулатжан Домла. Так ли это?

Насиба. Неправда! Простите меня, Пулатджан Домла... Я... я вас обманула тогда... (*Не в силах сдерживать слезы, убегает. За ней — Вера и Назира.*)

Заргаров (*вытирал со лба пот*). Выходит, Хузурджанов дал мне неверные сведения!.. Проверим, выясним... (*Записывает.*)

Из зала в президиум передают записку.

Пулатджан Домла. Поступил вопрос.

Загаров. Правильно, вопросы должны задаваться именно и письменном виде!

Пулатджан Домла. «Как докладчик, товарищ Заргаров, объясняет свою вторичную женитьбу на некоей Хуморхон, когда у него есть жена Окила Шамсиева и трое детей?.. И что об этом говорил Чернышевский?»

Заргаров (*в замешательстве*). Клевета! На днях будет ровно пять лет с того дня, как я развелся с Окилой!

Пулатджан Домла (*показывая бумагу*). Тут написано, что вашему младшему сыну два года!

Заргаров (*все в том о/се тоне*). Ну и что же! Рождение этого ребенка несколько... задержалось.

Зухра. Похоже, что это наследственное. Сами вы тоже, впрямую, были зачаты во времена Худоярхана, а на свет появились только теперь! Дайте мне слово, Пулатджан Домла!

Пулатджан Домла. Пожалуйста, Зухра-ханум.

Зухра. Товарищи! По-моему, докладчик интереснее доклада. Так что даром времени мы не потеряли. Своими собственными глазами увидели Худоярхана, и не в кино, а живого. Правда, у него не сорок жен, а две...

Заргаров (*огорошенный*). Зухра-ханум!

Зухра (*продолжая*). ...Правда, он ходит в шляпе, носит портфель, выступает с докладами. Правда, ему, бедненькому, трудно — надо обманывать общественность и обходить советские законы. Но он ведь не простой Худоярхан, а современный. Здесь помянули и другого Худоярхана в шляпе, брата Заргарова, Марасуля Хузурджанова...

Заргаров (*стучит кулаком по столу*). Зухра-ха-

Зухра (*не обращая внимания*). Товарищи!..

Заргаров (*с угрозой*). Я с вами поговорю в другом месте. Будете отвечать за оскорбление... (*Уходит.*)

Зухра (*вслед*). Эй, шляпа!

Риза мая, подхватив забытую Заргаровым шляпу, бежит за шши.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Столовая в доме Заріарова. Хуморхой аеред зеркалом.
Входит Марасуль.

Марасуль. Ахаджан-ака еще не вернулся?

Хуморхой. Нет. Что с вами?

Марасуль. У моей женушки, оказывается, не только язык — и ноги появились, ушла в клуб!

Хуморхой. Вы же запретили ей?

Марасуль. Ушла.

Хуморхой. Наверное, приглядела себе кого-нибудь. Мужчина становится львом, когда заводятся деньги. Женщина — львицей, когда заводятся любовник.

Марасуль. Не болтай!

Пау.а.

Хуморхой. Вы опять собираетесь к Окиле?

Марасуль. Да!.. Боюсь, у нее в доме скоро порог развалится — так часто я его обиваю. Вам с Заргаровым счастье, мне и Окиле — неприятности. Очень уж бессовестно вы поступили! Жалко бедную Окплу!

Хуморхой. Вам? Окилу? А Насибу не жалко? Ведь у нее тоже есть соперница. Вспомните, чего вы только не делали, пока я не стала ее соперницей? На курорте кто давал Насибу снотворное и потом меня на руках носил? Кто целовал мои колени? Кто ронял слезы на мои туфли? Кто из нас бессовестный?

Марасуль. А кто тебе сказал, что муж, обманывающий жену, не будет обмалывать любовницу?

Раздается стук п дверь.

Х у м о р х о и. Войдите!

Входит О к и л а.

М а р а с у л ь. А-а, заходите, Окилахоп-апа... Как кста-ти вы приехали, я собирался к вам завтра.

Х у м о р х о п. Садитесь...

О к и л а. Где ж ваш муж?

Х у м о р х о и (*с издевкой*). Наш муж? На собрании...

М а р а с у л ь. Он скоро вернется.

О к и л а. Я решила сама вручить ему вот эту по-вестку.

Х у м о р х о п (*берет повестку, читает*). «Народный суд третьего участка...»

О к и л а (*к Хуморхой*). Отдаю его целиком вам.

Х у м о р х о п. Зачем же... Нам бы обеим хватило... та-кую сокровища.

М а р а с у л ь. Обижаться не стоит, апа.

О к и л а. А чего мне обижаться! Семнадцать лет про-жила я с Заргаровым и ничего, кроме пеленок, кухни и корыта, не видела. Сама виновата. Терпела. Мне обидно другое: пе перевелись у пас еще самки, и позорят они высокое имя женщины.

М а р а с у л ь (*растерянно*). Э-э-э-э!..

Х у м о р х о и (*кивая на Марасуля*). Пусть вот он ска-жет... Я не заставляла жениться на мне!

О к и л а (*с насмешкой*). Конечно! Вас заставили... деньги и положепие!

Х у м о р х о и. Ах, какая вы некультурная женщипа! Деревенщина!..

О к и л а. Вот пе зпала! Оказывается, ваши делишки и есть культура...

Х у м о р х о и. Ну и язык! Иди-ка, милая, отсюда вме-сте со своим мужем. Забирай его и уходи! (*В окно*.) Дядя!

О к и л а. Теперь он мне не нужен...

Х у м о р х о п. А кто слезы лил в три ручья?

О к и л а. Это было полтора года назад. Боялась, что мои дети окажутся на улице, но пет. Остались они сиро-тами при живом отце, но на улице не очутились. Нашла я свою тропу. И привела она мепя на завод. Так-то. Не бойтесь, бить вас не стану. Руки у мепя рабочие п долж-ны чистыми быть.

Х у м о р х о н. А все-таки я лучше тебя! Поэтому он...
О к и л а. Какая собака не подберет кость, валяющуюся на улице! *(Уходит.)*

М а р а с у л ь *(вслед)*. Окилахон-апа, можно вас па минутку... *(Выходит.)*

Х у м о р х о н. Чтоб ты сдохла!..

Возвращается М а р а с у л ь, платком вытирая лицо.

М а р а с у л ь. Напрасно поругались с ней. Накануне суда. Это не шутки... В ее руках...

Х у м о р х о н. Еслп даже небо держится на ее руках, пусть валптся на голову Ахаджан-ака. Его авторптет выдержит и небо!

В окне появляется Ф а т п м а.

Ф а т п м а. Что ты за мужчина!.. Как ты можешь сидеть спокойно, когда твоя молодая женушка по собраниям бегаёт? Вырядилась и упорхнула. До каких пор мне учить тебя! И когда ты ума наберешься!..

М а р а с у л ь. Сейчас... *(Уходит.)*

Бледный, сам не свой, входит Заргаров п опускается в кресло.

Х у м о р х о н. Что с вамп? Где ваша шляпа?

Р и з а м а т входит, словно на похороны, со шляпой в вытянутой руке.

З а р г а р о в *(вырвав из его рук шляпу)*. Иди позови Марасуля.

Р и з а м а г уходит.

Я предчувствовал... Не надо было мне идти...

Х у м о р х о н. Что случилось? Окила? Скандал устроила?

З а р г а р о в. Что? Разве она приехала?

Х у м о р х о п. Да, вам повестку принесла. *(С иронией.)* Хочет отдать вас мне целиком.

З а р г а р о в *(берет повестку и с ужасом смотрит на нее)*. Я всем сказал, что с Окилой разошелся пять лет назад... Если выяснится, что я без развода женился на вас... *(Вдруг.)* Дорогуша! Момент критический. На женском вопросе не один ответственный мужчина погорел. Спасайте меня!

Х у м о р х о н. А что я должна делать?

З а р г а р о в. Одно ваше слово, и я спасен! Только одно слово! Если вы скажете: «Я не жена Заргарова, а любовница»,— все будет в порядке. Нет закопа, запрещающего женатым иметь любовницу! *(Становится на колени.)*

Х у м о р х о н. Мне стыдно! Я из хорошей семьи. В нашем роду не было распутных жеигцпп!

З а р г а] о в. Свет очей моих!

Х у м о р х о п. Да что вы так боитесь? Конец вам, что ли, приходит?

З а р г а р о в. Авторитету конец. А он не только мне — н вам самой нужен.

Х у м о р х о н. Что он мне, ваш авторитет? Единственный дядя до сих пор завхозом!

З а р г а р о в. Но ведь он немного выпивает...

Х у м о р х о н. Чепуха! Занимал бы он большой пост, никто не посмел бы близко к нему подойти, а издали не разберешь, кто пьяный, кто пет.

З а р г а р о в. Хорошо, я его устрою.

Х у м о р х о и *(подумав)*. Его надо женить.

З а р г а р о в. Хорошо, хорошо! Я сам думал. Женим... Этот дом отдадим ему, а сами выстроим новый!

Входит Марасуль. Хуморхои уходит.

Марасуль. Что я слышал! Какое счастье, что на собрании не было еще Окилы!.. Что же случилось?

Заргаров. Беда случилась! Несчастье случилось! *(Передразнивает.)* «Что случилось?» Во всем ты виноват, ты! Зачем тебе надо было затевать все это, когда женский вопрос натянут, как тетива!.. Все газеты о нем пишут...

Марасуль *(удивленно)*. Что же я сделал такого?

Заргаров. Он еще спрашивает!.. Если уж не терпелось ей учиться, падо было устроить ее в какую-нибудь школу, родила бы второго ребенка, сама броспла бы.

Марасуль *(поблднев)*. Да что же случилось? При чем тут это?

Заргаров. Весь пожар загорелся именно из-за Наспбы! Выскочила ее подруга и запела так, выскочила твоя тетушка, запела этак! А потом все вместе запели — хором, смешали меня с тобой, а тебя со мной. Знаешь, как дрожжи. Положат пх кусочек, а тесто из корыта лезет.

М а р а с у л ь. А Наспба? Она что сказала?

Заргаров. Она! Я было заступился за тебя, **так** обвинила меня во лжи.

Марасуль. Так, так!.. *(Засучивает рукава и собирается уходить.)*

Заргаров. Куда!.. Сдпп уж! *(Опускает ему рукава.)*

Входит Н а с п С а.

Н а с и б а. Ваша мать сказала, что я вам срочно нужна?

Заргаров делает Марасулю знаки,— мол, не вздумай сейчас обидеть ее.

М а р а с у л ь *(насупившись, угрюмо)*. Да...

Марасуль подходит к пей, замахивается, но Заргаров удерживает его. На шум выбегает Х у м о р х о н.

З а р г а р о в. Гм... Так-то вы относитесь ко мне, да, Насибакон? Вы обпжепы иа Марасуля — надо было сказать мне. Или вы п на меня обижены?

Н а с и б а. Споткнувшемуся человеку нечего обижаться на камень.

З а р г а р о в. Камнем меня называете, глядишь, кирпичом или еще как назовете, а я, как-никак, помогал вашему счастью. У вас прекрасный дом...

Н а с и б а. И коровье счастье! Корове действительно только и нужно — теплый хлев да сытая жвачка!

З а р г а р о в. Дом — не только стены, дом — это семья!

Х у м о р х о н. Вы не чья-пибудь жена. Жена доктора Хузурджапова!

Н а с и б а. У меня есть свое имя, имя, с любовью и надеждой данное мне отцом и матерью!

М а р а с у л ь *(угрооюающе)*. Ах так!..

Н а с и б а. Да, так!

М а р а с у л ь *(вновь замахивается, и вновь его удерживает Заргаров)*. Я тебе покажу!

Н а с и б а. Нет, Марасуль, больше вы не посмеете бить меня! Бьют тех, кто боится. Я не боюсь вас. *(Уходит.)*

Х у м о р х о н. Ах, бедняжка Марасуль-ака!

З а р г а р о в. Дурак! Разве теперь можно бить жену, а?

Х у м о р х о н. Такую жену убить мало!

Звонит телефон.

З а р г а р о в *(испуганно)*. Марасуль, бери трубку! *(Про себя.)* О господи, пронеси! *(Ища защиты.)* Хуморхон! Душа моя!

Ма расу л*, (в трубку). Слушаю... Что?.. Ил райкома? (Кладет трубку на стол и знаком приглашает Заргарова к телефону. Тот подходит к телефону так, словно трубка может укусить его.)

Заргаров (в трубку, пытаясь говорить бодро). Слушаю!.. Благодарю... Хорошо... (Вдруг весь съеживается и, уронив трубку, опускается в кресло. После паузы.) Марасуль!

Марасуль (безнадежно). А!

Заргаров. Что же это?

Марасуль. Это еще цветы, фрукты потом будут!

Заргаров. Хуморхоп, душа моя!.. Сиаси!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Во дворе дома Марасуля Хузурджапова. Назира, Вера, Пулатджай Домла пришли навестить Насибу. На руках Насибы ребенок.

Пулатджан Домла (приоткрыв лицо ребенка). Хорошо спит, сладко! Дай-ка мне. А то больших учу, а маленьких, наверное, держать разучился.

Девушки тихо пересмеиваются. Насиба передает ему ребенка.

Не разучился. Ну-ну, рассказывай дальше.

Насиба (продолжает). В тот день, после собрания, он был сам не свой. А теперь будто шелковый. Целый год не выпускал меня на улицу... а на этой неделе я уже два раза побывала в районо. Сам сходил в школу, принес справку, что я училась в девятом классе.

Пулатджан Домла. Значит, действует критика! С улицы входит Фатима с бидонами в руках. Увидев гостей, незаметно прячет бидопы за угол и спешит к ним.

Фатима. Ах, дорогие мои, мои желанные!.. Добро пожаловать, дорогой директор! Добро пожаловать... Когда же наконец начнутся занятия в школе, дорогой учитель? Ждет не дождется бедная моя деточка! Читает беспрестанно, все, поди, книги перечитала...

Пулатджан Домла. Ну, так и быть, я вас оорадую... (Роется в кармане.)

Фатима. Марасуль говорит, что наймет учителя, чтоб она дома училась.

Пулатджан Домла. Зачем же. (Насибе.) Я договорился с дирекцией вечерней школы, тебя приняли

в десятый. Вот. (*Передает ей бумагу,*) Будешь учиться и одновременно сдавать экзамены за девятый. Я помогу тебе. И вот они помогут...

Н а з и р а. Конечно!

В е р а. Обязательно!

Ф а т и м а. Ах, не дай бог, потеряет бумажку!

Н а с п б а. Спасибо, Пулатджан Домла!

П у л а т д ж а н Д о м л а (*взглянув на часы*). Ну, я пойду. Пора.

Ф а т и м а. Ах, нет, нет, оставайтесь, я плов приготовлю.

П у л а т д ж а н Д о м л а уходит, **Ф а т и м а** идет в дом.

Н а с п б а (*радостно*). Теперь я всего па один год отстану от вас!

Все (*запевают*).

Давно друзья веселые,

Простились мы со школою...

В е р а (*показывая на ребенка*). Девочки, тихо!

Н а з и р а. Все равно глазенки открыты. И нам пора идти.

В е р а. Да, да...

Н а с п б а. Уже? Ну, спасибо, что пришли... (*Провождает их.*) У меня просьба к вам, девочки: зайдите по пути к тетушке Зухре, передайте ей, что все у Насибы хорошо. Пусть успокоится.

Н а з и р а. Ладно, ладно, передадим!

Н а с и б а, проводив их, остается одна. **В х о д и т Р о х и л я.**

Р о х и л я. Не пора ли купать ребенка, доченька? Приснула она?

Н а с и б а. Ах, мамочка, радость-то какая! Меня приняли! В десятый! Это Пулатджан Домла постарался.

Р о х и л я. Да продлятся дни его жизни!

Обе уходят. Появляется **М а р а с у л ь** и опускается на супу. **В х о д и т Ф а т и м а.**

Ф а т и м а. А, ты. Пришел... Принести тебе поесть?

М а р а с у л ь. Ничего в горло не идет. Ахаджаи-ака сняли с работы и исключили из партии.

Ф а т и м а. Ах ты, господи боже мой!..

М а р а с у л ь. Уф!.. Стоит счастьем повернуться к тебе спиной, пошло и поехало!

Ф а т и м а. Моли бога!.. И не кручинься-то больно.

Ахаджан из тех, кто из воды сухим выходит... Вот увидишь. (*Тихо.*) Учитель Насибы был. Принес какую-то бумажку!

М а Д а с у л ь. Какую еще бумажку?

Ф а т и м а. Видно, с учебкой-то у нее ладится! (*Со слезами.*) Несчастливая я женщина... Тебя для нее вырастила, теперь ее ребенка должна растить.

Входит Заргаров.

З а р г а р о в (*упавшим голосом*). Марасуль, друг мой, еду. Теперь вся падежда на друзей в области. Прощаться пришел.

М а р а с у л ь. Желаю удачи...

Ф а т и м а. Положитесь на бога.

Заргаров уходит, входит Н а с и б а.

Поддай мужу поесть, невестушка! (*Уходит.*)

М а р а с у л ь. Куда ты ходила?

Н а с и б а. Никуда.

М а р а с у л ь. Кто приходил?

Н а с и б а. Пулатджан Домла, девушки...

М а р а с у л ь. Так, так...

Н а с и б а (*радостно*). Буду в десятом учиться! Пулатджан Домла с дирекцией уже договорился и выписку из приказа принес! Вот!

М а р а с у л ь (*читает приказ*). Гм... хорошо. Только вот что беспокоит меня: что же будет с твоим ребенком?

Н а с и б а. Всегда вы так: «Твой ребенок да твой ребенок»! Он и ваш. Не с собой же из дома я его принесла!

М а р а с у л ь. Я хочу только сказать, чтобы ты не рассчитывала на мою мать! Хватит и того, что она меня вырастила для тебя!

Н а с и б а (*поражена*). Можно... и в ясли отдать.

М а р а с у л ь. Единственного ребенка — в ясли?

Н а с и б а. А чем же плохо? Я и сама выросла в яслях, в детском саду!

М а р а с у л ь. Я своего ребенка не отдам!

Н а с и б а (*растерянно*). Хорошо, моя мать будет нянчить. Утром стану относить к ней, а вечером забирать...

М а р а с у л ь. Это — дело другое. (*Вдруг.*) Ну, хорошо. Ребенка ты будешь относить к матери, а меня куда отнесешь? Кто за мной будет ухаживать?

Н а с и б а. Я сама буду... Со всем справлюсь. И с учебкой и с домашними делами. 393

М а р а с у л ь (*после паузы*). Послушай-ка: зачем тебе учиться? Чтобы потом работать? А для чего тебе работать? Думаешь, я тебя не сумею прокормить?

Н а с п б а. Почему вы меня должны «кормить»? Я ведь не кошка...

М а р а с у л ь (*гневно*). Мы разговариваем! Мы — муж и жена. А твоим языком говорит чужой человек!

Н а с и б а. А что же я сказала?

М а р а с у л ь (*передразнивает*). «Почему вы меня должны кормить!.. Я ведь не кошка!» Это — слова его... Пулатджаиа Домлы! Такая философская мудрость от пего!

Н а с и б а. Это моп слова, хотя, может быть, и не я их придумала. Я не хочу быть кошкой. Я человек, и у меня человеческие желания.

М а р а с у л ь. Ну, допустим, твое желание исполнилось, ты стала учтться, и на работу поступила. Какой же оклад вы согласны получать?

Н а с п б а (*глядя ему в лицо*). А за какой будущий оклад пы согласились бы отпустить меня учиться?

М а р а с у л ь (*не найдя, что ответить, рвет бумагу*). С будущего года!

Н а с и б а. Ах! (*Собирает обрывки и прижимает кгру* ди.*) Тогда, накануне свадьбы, вы щедро дарили мне цветы и обещания. А теперь... вот это — ваш подарок.

М а р а с у л ь (*выходя из себя*). Я хочу отдохнуть после работы! (*Кричит.*) Оставишь ты меня в покое ИЛИ пет?

Н а с п б а. Не кричите на меня!

Вбегают Р о х и л я и Ф а т и м а.

Р о х и л я. Что такое? Что вы опять?

Ф а т и м а. С ума сошел? На улице слышно?!

Н а с и б а. Опять на попятную идете? Вчера одно говорили — сегодня другое. Это бесчестно!

М а р а с у л ь. Я — бесчестный, я тиран, я изверг! (*Широким жестом показывает на дом и двор.*) Любая бы пошла за такого изверга!

Н а с и б а. Ну и пусть идет!

М а р а с у л ь (*кричит*). И прекрасно!

Р о х и л я. Послушайте, зятек, вы опять за свое? Посмотреть на вас — никто не поверит, что вы на жену так кричите.

М а р а с у л ь. Не пушу я ее в школу, и баста! Пусть

поступает в университет, пожалуйста! Сам помогу! Но пусть готовится дома!

И а с и о а. Довольно! Мне надоели ваши пустые обещания! Слепой только раз в жизни теряет свою палку.

М а] а с у л ь. Надоело, так иди на все четыре стороны!

И а с и б а. Л, вот как! Ну вот, мамочка, вы довольны? Увидели счастье дочери!

Р о х и л я и П а с и б а уходят в дом.

Ф а т и м а. Слушай, ты, полоумный! Ведь у нее ребенок! Она отберет себе половину долга, отрежет!

М а р а с у л ь. Уф!.. И с одной-то женой не совладаешь. Как это покойный отец управлялся с восемью!

Ф а т и м а. О, сын мой, в те времена с плеток мужей кровь капала! В те благословенные времена паранджа была!

Появляется Р о х п л я с р о б е ш е о м и у з л о м Д р у к а х.

Люди добрые!.. Как ты смеешь разлучать меня с моей сватьяшкой?..

Р о х и л я. Своими собственными руками посадила свое дитя в золоченую клетку! Говорили добрые люди, да не верила я им...

Входят П а с и б а с д в у м я с в я з к а м и к н и г.

Н а с и б а. Идемте, мама!

Ф а т и м а (*преградив им обеим дорогу*). Люди добрые! Как ты смеешь разлучать меня с моей невестушкой!..

Появляется З у х р а.

Помогите, люди добрые!

З у х р а (*поражена*). Что случилось?

Р о х и л я. Что может еще случиться... Случилось то, что вы предсказывали!

Ф а т и м а (*раскланивается с Зухрой*). Опять повздорили, помири ты их, ради бога! Из-за пустяка... (*Уходит*.)

З у х р а (*вслед ей*). Мразь!

М а р а с у л ь (*Рохиле, с упреком*). Нет того, чтоб поругать нас обоих, помирить, вы сразу за узлы!..

Р о х и л я (*Зухре*). Все я поняла. Хотела выдать свою дочь замуж, пока жива, о себе думала, а что будет после свадьбы с моей Насибой — и в голову не пришло.

Когда наступает последний день в жизни матери, она во всем прощает свое дитя. У меня другая судьба — мне надо заслужить прощенье дочери.

Зухра. Вот теперь, я вижу, вы взялись за ум!

Марасуль (*угрожающе*). Тетушка!.. Вы лучше не вмешивайтесь в наши семенные дела! Семейный вопрос — политический вопрос! В то время когда Советская власть принимает все меры к укреплению семьи... вы ответите за это!

Зухра. Советская власть укрепляет советскую семью!

Марасуль. Не руками ли таких вот малограмотных активисток, как вы? (*Преграждает дорогу Рохиле и Насибе.*)

Зухра. А сам-то ты грамотный? Одним глазом глядишь в рот людям, а другим — в их карман. Где же ты еще взял глаза, чтобы выучиться грамоте?

Марасуль (*Насибе*). Не надейся получить от меня деньги. Не разживешься!

Насиба. И не надо!

Зухра. Надо! Ничего, закон растрясет твои карманы!

Марасуль. По закону будет получать? Ну так я поступлю на работу, где будут платить не больше ста рублей!

Зухра. До чего же ты... скользкий!

Марасуль (*Насибе*). Смотри! Одумаешься, вернешься, а в этом доме окажется другая женщина!

Насиба. И не подумаю возвращаться! Всю жизнь буду жалеть о днях, загубленных в этом доме. Идемте, мама! (*Уходит.*)

Рохиле. Недаром они прошли, эти годы! Глаза наши раскрылись. Увидели, что такое счастье и что такое несчастье. Всем матерям скажу: неоперившийся воробышек, рвущийся в полет, непременно попадет в пасть змеи! Буду всем твердить — не пускайте его!

Рохиле и Зухра направляются к калитке.

Марасуль (*кричит*). Всего, чего хотели, добились, тетушка!

Зухра. Нет еще! Не всего. Я еще в долгу перед тобой!

Уходят.

ЗАНАВЕС

ЭПИЛОГ

Столовая в доме Заргарова. Абсолютно пустая комната. На полу пара старых калош и клочки газет. Входит Заргаров с чемоданом в руках. Замирает от удивления. Трет глаза, будто не верит им. Наконец, убедившись, что это не сон, опускается на чемодан. Входит М а р а с у л ь.

М а р а с у л ь. Салам! С приездом!

З а р г а р о в. Салам...

М а р а с у л ь. Я на улице окликнул вас,— не услышали.

З а р г а р о в (*показывая на комнату*). Что это?

М а р а с у л ь. Ваша Хуморхон... Вчера... Покинула... Не горюйте, теперь все жены покидают мужей! И Насиба тоже...

З а р г а р о в. Куда она переехала? К дяде?

М а р а с у л ь. К мужу.

З а р г а р о в (*вскочив с места*). Что?

М а р а с у л ь. Да, вы не убивайтесь, если голова цела, тибетейка всегда найдется,.. Скажите лучше, с чем приехали.

Заргаров жестом отвечает — конец.

Ах, ах! А вы бы сказали: нельзя же так — взять и с корнем. Я, мол, полечусь, исправлюсь...

З а р г а р о в. Чего только не говорил.

М а р а с у л ь. Да... Трудно стало жить на свете, Ахаджап-ака!

З а р г а р о в. Тебе-то что! Выгонят из одной щели, а ты свой зубодерный инструмент в руки — да в другую, и будешь жить. А мне вот... Трудно!

М а р а с у л ь. Кажется, Ахаджан-ака, меня тоже вырвали... с корнем. Вместе с моим зубодерным инструментом. Из поликлиники уволили — за незаконную частную практику. Мало! Обязали за все время налоги уплатить. Вас-то теперь нет. Пришлось дом продать... Не япага, что дальше будет.

З а р г а р о в. Ах, если бы все это было во сие... Проснуться и начать жить. Уж я бы знал, как... Оказывается, у меня па плечах не голова — тыква, обросшая шерстью. Тыква!

З А Н А В Е С

1954

«ГОЛОС ИЗ ГРОБА»

Фарс в трех действиях, семи картинах

Перевод Копстаитии СИМОНОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нусрат Сухсуров — взяточник. По совместительству заведующий маленьким, но удобным для его основной профессии учреждением.

Нетайхон — жена взяточника. Женщина, не вникающая в то, во что не надо вникать.

Кары-ака — последняя профессия — мулла

Юсуф — собутыльник и сослуживец Сухсурова. На данном этапе скорей овца, чем волк.

Шабарат — брат еще одного, лично неизвестного нам взяточника.

Ходжар — по мнению одних — племянница, по мнению других — приемная дочь, а на самом деле — прислуга за всех в доме Сухсурова.

Абпдджан — сводный брат Нетайхон, человек из другой пьесы.

Наврузов — капитан милиции.

Старик, свидетели.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Перед открытием занавеса на авансцену выходит Представитель автора,

Представитель автора. Конечно, вор есть вор. Я не оправдываю вора. Но, все-таки, обыкновенный вор — это еще полбеды по сравнению с взяточником. Вор ночью преграждает вам путь, залезает вам в карман, забирает ваши депежки и убегает. Только его и видели! А взяточник? Взяточник среди бела дня, сидя у себя в кабинете, преграждает вам путь, забирается к вам в карман, отбирает ваши деньги и не убегает — ничуть не бывало! А, наоборот, вас же еще и делает соучастником своего преступления! Взяточник ворует ваши собственные права и, украв их у вас, снова перепродает их опять-таки вам! Конституция дала вам право на труд. Взяточник ворует у вас это право и вам же его продает; он задерживает вас у двери, в которую вы хотите войти, и требует взятку! Конституция дала вам право на учебу. Взяточник ворует у вас это право и вам же продает его! Он задерживает вас у входа в вуз и требует взятку! Вы, не жалея сил, трудитесь до седьмого пота, а взяточник преспокойно ворует у вас плоды вашего труда. Если вы мне не верите, пожалуйста, посмотрите собственными глазами на портрет одного моего знакомого взяточника! Предупреждаю — это будет не водевиль шутка, какие уж тут шутки со взяточниками! И не какая-нибудь там нежная лирическая комедия, а, наобо*

рот, самая что ни на есть грубая! Взятчики так* насоплили нам, что нежничать с ними не приходится. Не знаю, как кто, а я считаю, что, имея дело с этими людьми, уж лучше пересолить, чем недосолить.

Занавес открывается. Парадная комната в доме Нусрата Сухсурова, двор которого по забору граничит с двором мечети. Комната эта, если б выбросить из нее все то великолепное барахло, которым она сейчас забита, вполне могла бы служить просторной спальней в детском саду, кроватей, эдак, на двадцать. Одна дверь компаты выходит в глубь двора, а другая — в сторону улицы. В углу комнаты большая черная круглая железная печка. На диване — халат и чалма. Видно, что в комнате всю ночь шло пьянство. На столе — пустые бутылки из-под коньяка, остатки ужина. Накануне все напилось до бессознательного состояния. Нусрат Сухсуров, видимо, полз к дивану, но так и не добрался до него; Юсуф свалился на пол, обнимая ногу Сухсурова; Кары, как уперся ночью челюстью в стол, так и застыл во сне, словно кот, подстерегающий мышь. Сухсуров храпит на высоких нотах, Юсуф берет ноты пониже и пореже.

Поют петухи. Из внутренних комнат выходит Нетайхон с растрепанными волосами, в нижней сорочке, в накинутом на плечи халате. Посмотрев на Сухсурова и убедившись, что он крепко спит, подходит к Кары.

Нетайхон (*тряся его за плечи, сильным шепотом*)*
Кары-ака! Кары-ака!

Кары (*спросонок*). Слава аллаху!

Нетайхон. Вставайте.

Кары (*намереваясь обнять ее*). О аллах, благодарю тебя за доставленное мне благодеяние!

Нетайхон (*спохватившись*). Обещали зайти, и я всю ночь, как дура, не смыкала глаз!

Кары. Аллах зачет это тебе. (*Обнимает ее и тянет в соседнюю комнату. Из мечети слышится азан — утренний призыв на молитву.*)

Нетайхон (*с досадой*). Ну вот! (*Показывает на мужа.*) Сейчас он проснется! У него привычка, как только услышит азан, сейчас же просыпается, чтобы опохмелиться! Пустите меня!

Кары, опасливо посмотрев на Сухсурова и накинув халат и чалму, выходит на улицу. Нетайхон, проводив его, выглядывает в калитку на улицу, кого-то видит там и бегом возвращается в гостиную.

Нетайхон (*будит мужа*). Нусрат-ака! Нусрат-ака, вставайте!

Сухсуров (*всхрипнув еще сильнее и вдруг проснув-*

шись от собственного храпа). Почему я остался здесь лежать? Почему не разбудила?

Нетайхон. Да разве вас добудишься! Вставайте, опять кто-то ходит вокруг нашего двора. По-моему, он фотографирует!

Сухсуров (*глядя в окно*). Этот дом съест меня!

Нетайхои. И зачем только вы отправляли меня на курорт! Вернулась и за три дня снова разрушила себе все нервы! Все время мимо дувала идут какие-то незнакомые люди и пялят глаза на наш дом! Даже когда позавчера на той стороне был пожар, то я видела, как пожарный льет воду на огонь — туда, а сам во все глаза смотрит на наш дом — сюда! И доктор — шел к соседям, а смотрел на наш дом! И когда туда шел и когда обратно! Даже керосинщик, когда ехал и кричал в трубу: «Керосин!» — наставлял свою трубу прямо на наш дом!

Сухсуров. Если бы знать заранее, что выйдут такие законы, нечего было его и строить!

Нетайхон. А вы переведите его на мое имя!

Сухсуров. Вернулась из санатория такой же дурой, какой уехала! Я хоть получаю зарплату сто десять рублей! А ты? Если спросят: «Откуда столько денег нашла?» Что ответишь? Цыпляют, что ли, высиживала и на базаре продавала?

Стук в калитку.

Нетайхон (*с испугом*). Вот он! Тот самый!

Сухсуров (*вскакивает, кричит в окно*). **Ходжар!**
Ходжар!

Входит Ходжар.

Сухсуров. Глухая, что ли? Открой калитку!

Нетайхон. Не надо!

Сухсуров. Погляди, если посторонний, не открывай.

Ходжар идет к калитке, муж и жена с нетерпением ждут.

Ходжар (*вернувшись*). Шабарат-ака!

Сухсуров (*к Нетайхон*). Нашла кого бояться! (*К Ходо/сар*.) Скажи ему, если есть дело, пусть завтра, в понедельник, приходит на службу.

Ходжар уходит.

Нетайхон. Издалека не узнала его!.. Чтоб ему провалиться, чего он лезет в такую рань!

Нетайхои уходит.

Сухсуров (*будит Юсуфа*). Юсуф, вставай! Голова трещит! Сбегай в магазин!

Юсуф (*встает*). Ой, голова!

Сухсуров. В каждый впсок словно по железному костылю забпто!

Юсуф (*сливает остатки коньяка со есех рюмок в одну*). Сейчас выдернем! (*Собирается вылить*.)

Сухсуров. Это мне! (*Выхватывает рюмку*.) А ты сбегай в магазин! (*Приготовился вылить*.)

10 суф (*с завистью*). Ладно! Там п закуска внутри — муха!

Сухсуров брезгливо отодвигает рюмку. Юсуф тут же выпивает ее.

Сухсуров. Зачем выпил, раз там муха?

Юсуф. Не выпьешь — до магазина не дойдешь!

Сухсуров. Иди скорей, голова лопаается! Я никого из вас вчера не обпдел?

Юсуф. Вы пьяный очень добрый, Нусрат-ака. Вы мне пьяный нравитесь даже больше, чем трезвый.

Сухсуров (*растроганно*). Иди, иди. (*Дождавшись, когда Юсуф выйдет, кричит в дверь*.) Нетайхон, позови Кары-ака!

Голос Нетайхон. «Сейчас! Ходжар! Эй, Ходжар!»

Голос Ходжар: «Что?»

Голос Нетайхон: «Сбегай, позови дядю Кары!»

Юсуф входит, потягивая из горлышка бутылки коньяк.

Сухсуров (*восхищенно*). Быстро!

Юсуф. А я вчера привязал одну нераскупоренную к собачьей будке.

Сухсуров. А осталась всего половина?

Юсуф. Значит, хороший коньяк нельзя доверять и собаке! (*Оба пьют*.) Там Шабарат сидит у калитки.

Сухсуров. Все еще сидит?

Юсуф. Не могу видеть этого парня. Как взгляну на него, так словно в тюрьму сел. И так она по ночам снится, а тут еще он на глаза лезет...

Сухсуров. Замолчи! Не каркай!

Юсуф. Нет, я... я хочу сказать, что, пока дело Шаджалила не замнется, лучше бы вы временно перевели меня на какую-нибудь другую работу...

Сухсуров. Уже испугался? Я привык работать с

мужчинами. Мпс зайцы не пужпы. Считан, что тебя уже пет около меня. И не временно, а навсегда.

10 с у ф (*вытаскивая из кармана деньги*). А если я уже раскаиваюсь в своих словах?

Сух суров (*не отрывал глаз от денег*). Раскаиваешься? (*Громко.*) Это что у тебя в руках? Да еще в такое время, когда вышли такие законы? (*Вырывает деньги.*) Не пачкай ими руки. Убирайся!

10 с у ф. Я могу прибавить...

Сух суров (*кричит*). Когда? Убирайся!

Юс уф, псугаппо озираясь, выходит.
Входят Н с т а и х о и и Кар ы.

Нетайхон. Что с ним случилось?

Сухсуров. Ничего. Выпил лишнего.

Кары. Слава аллаху!

Сухсуров. Садитесь... Есть дело, требующее совета. Этот наш дом мне просто в зубах навяз. Один знающий человек говорит так, другой — эдак! А в общем, после выхода новых законов никто еще толком не знает, как их обойти! Шаджалплу тоже особенно доверять не приходится. Надо искать выход...

Кары (*тотчас*). Продать.

Сухсуров. А я-то считал, что обратился за советом к умному человеку. Кому продать? Кто его сейчас возьмет? Видно, у вас только и хватает ума, что твердить: «Слава аллаху!» Но этого на данном этапе мало.

Долгая пауза.

Нетайхон. А что же делать?

Сухсуров (*вдруг*). Нашел!

Нетайхон. Что нашел?

Сухсуров. Ты помиришься со своим младшим братом, вот что!

Нетайхон. С каким младшим братом? С Абидом? Да провались он! Столько лет ссорились, а теперь вдруг мириться?!

Сухсуров. Знаешь, есть поговорка: «Когда в горле рыба кость, спасибо кошке, если она ее когтями вытащит!»

Нетайхон. Что же вы собираетесь делать?

Сухсуров. Ты напишешь Абиджану ласковое письмо. Начнешь с того, что кто старое помянет, тому глаз

воп! И что родство остается родством, и ты не можешь спокойно умереть, не увидев его. Твой Абиджан — сердо-больной человек — прпедет! А уж здесь мы его к полу обеими ногами приклеим. Приоденем нашу Ходжар да и подкинем ее Абиджану. А потом переведем дом па них обоих. Вот п будет шито-крыто!

Нетайхон. А его потом не спросят, на какие ты деньги это постропл?

Сухсуров. Его не спросят. Он инвалид войны! С клюшкой ХОДИТ!

Кары (*в сторону*). Эх, обидно! Не дезертируй я тогда с военной службы, был бы сейчас в зятях и с домом!

Нетайхон. Правда, он уже много лет живет без жены, но возьмет ли он в жены старую деву?

Сухсуров. А она еще не такая старая! Зови ее!

Нетайхон, Вы что? Еще и ее согласия спрашивать будете?

Сухсуров. А как же! А то еще выскочит на улицу да завопит на весь квартал: «Меня силком замуж выдают!» Сейчас не то время! И всяких корреспондентов слишком много развелось! Иди, зови!

Навстречу Нетайхон появляется Юсуф с дубиной в руках. Завидев его, Нетайхон с воплем убегает. Все застывают. Юсуф, пошатываясь, приближается к Сухсурову.

Сухсуров (*заикаясь*). Ю-ю-юсуфджан...

Юсуф (*неожиданно отдает палку Сухсурову и нагибает голову*). Бейте, Нусрат-ака!

Сухсуров (*несколько придя в себя*). Юсуф!..

Юсуф (*плача навзрыд*). Не успокойсь, пока не побьете! Если уволите меня с работы, зачем мне моя глупая голова? Отдаю ее вам! Своими руками отдаю!

Сухсуров (*успокоенно*). Ладно, раз она моя, положи ее пока на диван! И пусть она с моего разрешения поспит! Идем!

Оба уходят. Из дома слышится пьяное бормотание Юсуфа.

Кары (*к Нетайхон*). Ваш младший брат, очевидно, недостойный человек?

Нетайхон. Да, мы с ним поругались...

Кары. Так чего же хорошего вам ждать от его приезда! Получит дом в свое владение да и откажется вас признавать!

Сухсуроп возвращается с Ходжар.

С у х с у р о в. Садись!

Н е т а й х о н. Замуж пойдешь, если выдадим? Или будешь до ста лет нам тут глаза мозолить?

Х о д ж а р. За кого? Кто он?

Н е т а й х о и *(хохочет)*. Смотри, какая разборчивая! За мужчину! Мало тебе этого?

С у х с у р о в. За моего шурина. За сводного брата Нетайхон.

К а р ы *(легонько подтолкнув Ходоисар, тихо)*. Имей в виду — у него одна нога хромая. Вот такая! *(Идет по сцене прихрамывая.)*

С у х с у р о в *(заметив это)*. Эй, Кары, что с вами?

К а р ы *(переходя с прихрамывания на приплясывание)*. А это мы на свадьбе будем танцевать!

С у х с у р о в. Лет ему сорок. Или немного больше. Или немного меньше. Подойдет? *(К Нетайхон.)* Молчание — знак согласия! Иди пиши письмо!

Ходжар продолжает молчать.

Н е т а й х о н *(обращаясь к ней)*. Вставай!

Обе выходят.

К а р ы. А вам известно, что это за человек, ваш Абиджан?

С у х с у р о в. Он работает механиком в одном из мирзачульских колхозов.

К а р ы *(после молчания)*. А кроме этого? Честный ли человек? Подходящий ли для вашей цели?

С у х с у р о в. Эх, Кары, если б всегда заранее знать, где и что у тебя зачешется.

К а р ы *(недовольно)*. Если вы так в себе уверены, то нечего и советоваться. Сами потом расхлебывайте!

Кары выходит. Входит Ходжар.

Х о д ж а р. Вас спрашивает Шабарат-ака.

С у х с у р о в. Ладно, пусть заходит.

Х о д ж а р выходит. Входит Ш а б а р а т.

Ш а б а р а т. Салам!

С у х с у р о в. Сказал же я — приходи завтра на службу.

Ш а б а р а т. Не хватает терпения ждать до завтра.

Сухсуров. Что хочешь сказать?

Шабарат. Я ичера носил передачу Шаджалилу-ака. Он передал мне костюм и просил прислать ему ватник. Это не значит, что дело его дрянь?

Сухсуров. Может быть, п так.

Шабарат. Я очень расстроился: ну что ж, пусть мои старпгап брат ест из тюремного котла, раз у него такая судьба! Но боюсь, как бы и вас не заделп! Как нп говори, а он был у вас в подчинении, так сказать, у одной кормушки **стояли...** (*Исподтишка наблюдает за Сухсуровым.*)

Сухсуров (*поняв намек*). Да, это верно. Стояли у одной кормушки, но при этом каждый жевал собственными зубами п глотал собственной глоткой! И у каждого будет своя могила, и за душой каждого придет свой ангел-хранитель!

Шабарат. Так-то оно так, но если дело раздуется, не соединятся ли и ваши могилы?..

Сухсуров (*смеясь*). Значит: «Или помощи вытащить твоего брата, или он сам тебя за ноги потянет!» Так тебя понимать?

Шабарат (*уклончиво*). Зачем так говорить, Нусрат-ака! Мой брат никогда этого не сделает!

Сухсуров. А если сделает, то он до моих ног и рукой не достанет!

Шабарат. Разве я об этом, Нусрат-ака!..

Сухсуров. А если достанет и я упаду, то упаду прямо на него. Это он знает, твой старший брат. И пока идет следствие, я ему нужен! И потом из тюрьмы, чтобы сократить срок, тоже попытается шарить в моем кармане. И если выйдет из тюрьмы вовремя, и если выйдет досрочно, все равно за работой придет ко мне! Понял меня?

Шабарат. Поэтому и пришел к вам. Брат просил, чтобы вы указали ему путь.

Сухсуров (*неожиданно*). Путь? Не жалея денег и,.. бери адвоката! Вот и весь цуть!

Шабарат. Вы, Нусрат-ака, говорите со мной не по-свойски.

Сухсуров. А я служу на государственной службе. У меня нет времени говорить с тобой по-свойски.

Шабарат, А когда у вас будет время? Сегодня девятое, **какого числа прийти?** (*Сухсуров, разглаживая волосы, делает пальцами оюет «две», но Шабарат не понимает знака.*) Значит, одиннадцатого прийти?

Сухсуров (*вскипал от его тупости*). Две! Понял?

Щабарат (*не сразу, но понимает. Изумленно*). Две тысячи? Новыми депьгами?

Сухсуров. А разве у тебя еще сохранились старые деньги?

Щабарат. И это дело стоит две тысячи?

Сухсуров. Вот именно. Поэтому я и сказал тебе: «Берн адвоката!»

Щабарат (*уныло*). Да, видно, в камень высох тот хлеб, который вы с моим братом разламывали пополам!

Сухсуров. Не болтан лишнего, мне из этих двух ничего не достается. Просто хочу сделать тебе добро. Возьму у тебя — отдам другому. Двадцать пять лет грозит твоему брату! А тот человек сведет па пять лет. Ладно, пусть пока на пять лет! Потом найдем другого человека, чтобы сделал из пяти — два.

Щабарат (*протягивает деньги*). Спасибо. Пусть поможет вам аллах!

Сухсуров (*приподняв на кровати ватное одеяло*). Клади! Передам ему для начала. А мне магарыч, ладно уж, потом дашь! А теперь помни, если кому заикнешься об мне — знаешь про новый закон? Тому, кто дал взятку, — тоже 15 лет!..

Щабарат. Знаю, как же не знать! (*Нерешительно*). Так за сколько же всего вы сторговались с тем человеком?

Сухсуров. Дурак! Разве в таких делах можно торговаться?

Щабарат. Хорошо, Нусрат-ака, да спасете вы моего брата и да спасет вас аллах! (*Собирается уйти*.)

Сухсуров. Подожди! Не забудь везде говорить, что твоего брата посадили из-за моей жестокости. Пусть его жена идет с плачем прямо в учреждение! Пусть погромче проклинает меня там! Не жалеет слез.

Щабарат *выходит, рассыпаясь в благодарностях, Сухсуров запирает за ним дверь.*

Сухсуров (*беря пачку денег щипцами, задумчиво*). Да, некстати вышел этот закон. Ладно, на этот раз возьму, а потом раз навсегда забью затычкой свою утробу. (*Бросает деньги в печку и открывает дверь*.)

Нетайхон (*входит с письмом*). Написала.

Сухсуров (*пробегая письмо глазами*). Не так глупо! (*Заклеивает конверт*.) Я сам снесу его на почту.

Нетайхон. Отправьте лучше заказным!

Сухсуров. Заказным или не заказным — только бы он приехал. Мы огородем этот дом одним твоим оратором лучше, чем тремя заборами!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Двор Сухсурова. Длинный праздничный стол человек на двадцать. Нетайхон оглядывает стол. Автомобильный гудок. Входит Ходжар с тяжелым ящиком в руках.

Кары (*помогая ей нести ящик, тихо*). В лице у твоего жениха нет благообразия, Ходжархон! Ты права, что еще не дала своего согласия...

Вдвоем проносят ящик к кухне, возвращаются обратно и начинают таскать еще ящики, мешки, бумажные пакеты.

Кары. Когда брак не по душе человеку, он и аллаху не по душе... При наличии государственной власти женщины и девушки у нас свободны... Если будут тебя заставлять, обратись к общественности...

Нетанхон. Ходжархон, идите приоденьтесь, миленькая!

Ходжар (*удивленно*). А как? У меня другого платья нет...

Нетайхон. Ладно уж, наденьте мое желтое платье! Идемте, миленькая, приоденемся.

Обе уходят в дом.

Ведя барана, входит Юсуф. Он пьян.

Кары. Добро пожаловать!

Собирается взять за веревку барана,

Юсуф. Отойдите! Я передам его лично в руки Нусрат-ака. Пусть Нусрат-ака знает, что он обошелся мне в Девяносто восемь рублей!

Кары (*берет за веревку барана*). Я сам ему все это скажу и передам, что этот баран — ваш дар!

Юсуф. Не согласен! (*Сам тащит барана в глубь двора.*)

Нетайхон выходит, неумело принаряженная и от этого подурневшая.

К а р ы (*глядя, на декольте Петайхон*). Если придут люди из учреждения, то не следовало бы открывать перед посторонними неразрешенные аллахом части тела...

Н е т а и х о и. А что мне до этих людей из учреждения! Я нарядилась, чтобы поправиться своему брату.

Ш а б а р а т въезжает на мотоцикле.

Ш а б а р а т. Нусрат-ака дома?

К а р ы. Он дома, по у него нет времени для разговоров с вами. Приехал Абидджан, видите, уже стол накрыт!

Н е т а и х о п (*приветливо*). Заходите... Заходите! Как вы обрадовали меня! Я как раз мечтала о таком мотоцикле для Абидджапа. Как это хорошо вышло! Спасибо!

Ш а б а р а т (*не зная, что и говорить*). У меня дело к Нусрат-ака...

Н е т а и х о н. Ничего, не смущайтесь! А если вы уж так смущаетесь, то я сама передам его Абидджану. Ах, какой красивый!

С у х с у р о в (*войдя, посмотрев на часы*). Уже полседьмого, почему людей нет? Что они там — умерли, что ли?

Н е т а и х о н. Шабарат-ака привез подарок Абидджану.

С у х с у р о в. Вот это спасибо! Вот это подарок так подарок! (*Всхлипывает.*) Оказывается, ты самый истинный мой друг! Нетайхон, пойдн узнай-ка об Абидджане! (*Нетайхон выходит.*) Мотоцикл, конечно, хорошая вещь, но прежде чем он начнет ездить на твоём мотоцикле, я думаю послать нашего Абидджана на курорт. Нужный человек не должен болеть, нужный человек должен лечиться, как бы дорого это нам ни стоило...

Ш а б а р а т (*вздыхнув*). Сколько?

С у х с у р о в. Это зависит от твоего благородства... Я дам ему сто пятьдесят. Если и ты тоже...

Ш а б а р а т. Но ведь я уже...

С у х с у р о в. Впрочем, это не обязательно...

Ш а б а р а т. Что-то я плохо вас понимаю...

С у х с у р о в. А чего ты не понимаешь? До сих пор мне и лизнуть ничего не дал!

Кары выводит мотоцикл.

Ш а б а р а т. Мало вам мотоцикла?

С у х с у р о в. Я у тебя не просил мотоцикл. Ты сам пришел и подарил его!

Ш а б а р а т. Послушайте! Нусрат-ака, так можно и с мертвого саван содрать!

С у х с у р о в. Саван сдирает тот, кому я передал твои деньги! А за что ругаешь меня? За то, что сделал мне небольшой подарок?

Ш а б а р а т. Скажите мне, кто он, этот человек, я сам с ним поговорю! Почему дело не двигается?

С у х с у р о в. А я советовал тебе: «Возьми адвоката!» П сейчас не поздно — берп! А с меня хватит, я в ваши дела больше не вмешиваюсь.

Ш а б а р а т. Ого, столько денег дал вам, а теперь они пойдут прахом?

С у х с у р о в. А разве мои труды не пойдут прахом, если ничего не выйдет?

Ш а б а р а т (*гневно*). Спасибо за ваши труды, Нусрат-ака! А те деньги, что я дал, пусть станут поперек горла и тому человеку и вам!

Ш а б а р а т уходит.

Сухсуров спокойно осматривает стол, очевидно, распределяя места для гостей.

С у х с у р о в (*в сторону дома*). Эй, так никто из учреждения и не явился! Нетайхон, пу-ка позвони еще раз.

Голос Нетайхон: «Сейчас!» **Входят Ю с у ф и Кары.**

Ю с у ф. Кары-ака, сколько, по-вашему, стоит баран, которого я привел?

Кары (*иронически*). Не знаю. Знаю только одно, что вы с этим бараном стоите друг друга!

С у х с у р о в. Так это ты приволок барана? Вот спасибо! (*Всхлипывает.*) Вот кто, оказывается, истинный мой друг!

Входит Нетайхон.

Нетайхон. В учреждении никого уже нет!

С у х с у р о в. Наверное, они все в пути...

Х о д ж а р выходит из дома разнаряженная п помолодевшая.

С у х с у р о в. Ого!.. Как говорится: под богатым седлом и ишак — лошадь!

Нетайхон. Не слазьте ее, Нусрат-ака!

Входит Лбп д джа и.

Сухсуров. Рассаживайтесь! Кто должен прийти, пусть придет, ждать их ис будем...

Все садятся.

Нетайхон. Прикатите мотоцикл. *(Кары подкатывает мотоцикл.)* Абпдджап, примите от пас этот скромный подарок!

Абидджап *(не ожидавший такого подарка)*. Что вы! Нет, пет! Да что же это такое?

Нетайхон. Но отталкивайте мою руку, братец! Что такое один мотоцикл при пашей любви к вам!

Абидджан. Да ведь мотоцикл стоит денег.

Сухсуров. А что такое деньгп? Земля, по которой вы ступаете, для нас на вес золота!

Нетайхон. С вашей больной ногой вам будет очень хорошо ездить на этом мотоцикле!

Все садятся. Нетайхон усаживает Ходжар около Абидджана и сама садится рядом с ней.

Сухсуров. Наполняйте.

Юсуф *(наливает коньяк всем сидящим)*. Сейчас!

Сухсуров *(быстро пробегает глазами написанный кем-то конспект)*. Бокалы полны? Товарищи, в результате Великой Отечественной войны мы добились великой победы. Однако я лично, хотя и был вдохновлен патриотическим долгом, но не смог внести в эту великую победу... *(пугается)* свою долю... свою долю! Меня на период Отечественной войны против моей воли воткнули в торговую систему...

Абидджан *(смеясь)*. Вас воткнули или вы сами так воткнулись, что вас до конца войны так оттуда и не выткнули?

Сухсуров *(не отвлекаясь, продолжает читать)*. Товарищи, я переполнен сейчас большим счастьем, так как сегодня я имею честь принимать у своего скромного стархана великого героя Великой Отечественной войны.*

Абидджан. А нельзя чуточку пониже тоном?

Сухсуров *(по-прежнему не отвлекаясь)*. Здесь сидит дорогой герой войны, дорогой мой друг, дорогой наш брат, дорогой Абидджан. *(Отложив, наконец, бумагу,)* Предлагаю отлить из этих бокалов по одному глотку под

ноги нашего дорогого гостя Абпджана, а все остальное выпить!

Все отливают пз рюмок понемногу под ноги Абпджана п пьют.
Юсуф незаметно для других осушает сразу две рюмки.

Нетайхон. Кары-ака, давайте шашлык!

Кары. Сейчас!

Кары приносит шашлык.

Сухсуров. Пусть снова наполнятся бокалы! Слово...

Юсуф. Мне!

Сухсуров. Подожди... *(Взглянув на бутылку, стоящую перед Юсуфом.)* Только сели, а уже полбутылки нету!

Юсуф. Верхние полбутылки ничего не значат! Все дело в нижней половине! *(Абиддо/сану.)* Кто не пьет до дна, тому не видать блаженства, как своих ушей! Пейте до дна! Слово мне!

Сухсуров. Пристал! Ладно, даю слово бывшему работнику нашего учреждения Юсуфджану!

Юсуф. Что такое? Я уже бывший? Тогда я молчу! *(Выпивает рюмку коньяка и садится.)*

Сухсуров. Ладно, говори!

Юсуф. С меня достаточно! *(Отодвигает стул от стола и, приговаривая: «Достаточно, достаточно, достаточно!» — пьет рюмку за рюмкой.)*

Сухсуров *(не обращая внимания на Юсуфа)*. Хо-джархон, ну-ка, скажи теперь что-нибудь сама...

Ходжар пугается.

Слово розе нашего двора, дорогой нашей названной доченьке Ходжархон!

Ходжар с непривычки оглушенно молчит.

Нетайхон *(шепотом, обращаясь к Ходо/сар)*. Встань с места. *(Суеет ей в руку рюмку.)* Держи. *(Громко.)* Послушаем Ходжархон! *(Обращаясь к ней, тихо.)* Говори: «Добро пожаловать!»

Ходжар *(обращаясь к Нетайхон)*. Добро пожаловать!

Нетайхон. Да не мне, а Абидджану!

Абидджан *(поняв состояние Ходо/сар)*. Спасибо, спасибо! *(Чокается с ней.)*

Нетайхон заставляет Ходжар выпить рюмку "до дна.

Сухсуров (*к Нетайхон*), Позвони еще раз в учреждение! Поиздыхалп они, что ли, там?

Нетайхоп выходит.

Ну-ка, да наполнятся бокалы!

Входит Нетайхон.

Нетайхон. В учреждении никого нет!

Сухсуров. Ну, если теперь кто-нибудь и придет, уже никого не впустим! (*Абидджану.*) Все наше учреждение уже направлялось сюда с подарками, чтобы вас приветствовать, да, наверное, их всех посадили на машины и послали на хлопок.

Абидджан (*удивленно*). У вас уже хлопок раскрывлся? А у нас еще не цветет.

Сухсуров (*не смущаясь*). Наш район передовой! Вашу рюмку!

Абидджан. Достаточно, Нусрат-ака, я и так уже навеселе.

Сухсуров. Еще одну.

Хождар вдруг смеется.

Нетайхон. Что ты?

Сухсуров. В чем дело?

Ходжар. Абидджан-ака двоится в моих глазах!..

Нетайхон. Пусть они прогуляются по саду. Ходжархон, миленькая, покажите Абидджану деревья, которые вы посадили. Соберите ему цветов!

Абидджан (*к Ходжар*). Оказывается, вы еще и садовница... Ну что ж, пойдемте! (*Оба выходят в садик.*)

Сухсуров (*Нетайхон*). Зачем ты их спровадила?

Нетайхон. А что им здесь делать? В укромном уголке он скорее на нее клюнет!

Нетайхон и Сухсуров наблюдают за ними сквозь щель в калитке.

Кары уходит, очень недовольный оборотом событий.

Нетайхон. Ну как, похоже, что он клюнул?

Сухсуров. А почему бы ему не клюнуть! Что он, слепой, чтобы не клюнуть? Что он, мертвый, чтобы не клюнуть?

Юсуф вдруг просыпается, сливает коньяк из трех рюмок в один стакан и сокрушенно ударяет себя стаканом по лбу.

Юсуф. Докатился! «Бывшим» стал! Все, что в мою руку попадает, потом в его застревает! Вонзает все свои

тридцать два зуба мне в душу да еще позывает «бывшим»!

Сухсуров. Эй, осел! Если я тебя временно уволил за пьянство, так я же сказал тебе, что опять приму. Чего тебе еще надо?

Юсуф (*испугавшись*). А я о чем говорю?

Сухсуров (манит к себе пальцем). Иди сюда!

Юсуф (*боясь подойти*). А ну-ка, попробуйте ударить, рука заболит!

Сухсуров. Иди сюда... (*Наливает коньяк.*) Цып-цып-цып! Я собираюсь послать Абпдджана на курорт. Здоровье этого человека тебе еще нужнее, чем мне! Достань ему денег на путевые расходы, а об остальном я сам позабочусь. Иди!

Юсуф, обрадованный, что его не побили, сует в карманы две бутылки копяку п уходит, бормоча: «Все па мои деньги... Все на мои деньги...»

Нетаихон (*неожиданно*). Возвращаются!

Вместе с Сухсуровым уходит в дом.
Входят ХоджарсЛбидджаном.

Абидджан (продолжая говорить). А я думал, что вы родственница Нусрат-ака.

Ходжар. Нет, они меня взяли из детдома, вот уже тринадцать лет.

Абидджан. Тринадцать лет? И вы все тринадцать лет все время у них?

Ходжар. Нет, я один раз выезжала на хлопок. (*Сладко вспоминая.*) Девушек было много... мы песни пели... Я еще в канаву упала...

Нетаихон (*из окна*). И чего они там тянут!..

Сухсуров (*из окна*). Я вижу, братец у тебя — самая настоящая рохля!

Абидджан. А какое у вас образование?

Ходжар. В детдоме я закончила три класса. А после этого дядя Кары обучал меня по арабскому хафтияку: «Раббикумо туказубон...» А начало-то я и забыла! (*Совершенно серьезно.*) А если это прочитать сорок тысяч раз, а потом дунуть на веревку, то она превратится в змею!

Абидджан. Вот как? Да ведь змей на свете и так много! Ну ладно, значит, как змей размножить, вас тут научили! А чему-нибудь еще вы хотели бы учиться?

Ходжар. Нет. Я для этого не поеду. У меня ум не развит.

Абиджан. А откуда вы знаете, что у вас ум не развит. Сами решили?

Ходжар. Нет, Нетаихон так говорит. И Нусрат-ака тоже так говорит.

Абиджан берет Ходжар за руку.

Нетаихон *(из окна)*. Сейчас клонет!

Сухсуров *(из окна)*. Да обними же ты ее, ну!

Абиджан. А у самой Нетаихон, думаешь, ум развит?

Ходжар. Наверно, развит. У нее чуть не каждый вечер голова болит. Но как только дядя Кары подует на нее с молитвой, так сразу все проходит.

Абиджан. А вы не слушайте их речей, Ходжархон! Вы очень хорошая девушка и учтись сможете не хуже их, а даже лучше. Просто вы зачали у них в этом доме. Я вас увезу и устрою в школу для взрослых. Поедете со мной?

Ходжар. А разве вы не насовсем сюда приехали?

Абиджан. Нет, я здесь только в отпуску. Хочу деньков пять-шесть походить по городу да и вернусь обратно.

Ходжар. А мне говорили совсем другое!

Абиджан. А я знаю, что вам говорили. Вас хотят выдать за меня замуж, да?

Ходжар. Да, они говорили...

Абиджан. А что вы сами скажете?

Ходжар *(потупившись)*. Раньше я боялась, хотела отказаться.

Абиджан. А теперь? Поедете со мной в Мирзачуль?

Ходжар. Нет! Не поедем! Нетаихон-апа сказала, что они переписут этот дом на нас.

Абиджан. Да. Они мне об этом говорили... *(Взял ее за обе руки.)*

Нетаихон *(из окна)*. Ой, клонул!

Сухсуров *(из окна)*. Обнимай скорей! Дом наш!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В доме Сухсурова. Вечер. Сухсуров, Нетайхон и Ходжар.

Нетайхон. Абнд все еще говорит тебе, что увезет тебя в Мирзачуль?

Ходжар молчит.

Сухсуров. Если он скажет, что увезет тебя, поедешь?

Ходжар молчит.

Нетайхон. Эх, башка!.. Жена всю жизнь должна поворачивать мужа в нужную сторону! Если сразу не повернешь, то потом над твоей судьбой даже обезьяны будут смеяться.

Сухсуров. А если он, пожив с тобой, бросит тебя, то здесь ты в своем доме! А если он отвезет тебя в Мирзачуль и бросит, что там будешь делать? Скажи ему: «Ну куда мы поедем, зачем такой дом бросим? Если хотите на мне жениться, оставайтесь здесь». Так и скажи! Поняла?

Ходжар *(вздыхает)*. Разве я вас просила, чтобы вы меня замуж отдавали?

Нетайхон. Не спорь! Чтоб тебе слохнуть! Ишь как она заговорила!

С улицы входит Абидджан.

Сухсуров. Где это вы пропадаете? Ходжархон, доченька, несите обед!

Л б и д д ж а и. Не беспокойтесь, Ходжархон, я сыт.

С у х с у р о в. Я сегодня кое-куда заходил, говорил о вашей работе. Если завтра утром сходите туда часов в девять... Можно сразу и оформиться...

А б и д д ж а н *(смеясь)*. А зачем? У меня в Мирзачуле неплохая работа!

Н е т а й х о н. Ах, братец, не говори так! Если будет жена, будет дом, да и работа наклевывается тут же под боком, чего еще нужно человеку?

С у х с у р о в. Откровенно вам скажу, мы ведь тоже в этом заинтересованы. Не хочется состариться и остаться одинокими. Завтра утром прямиком и идите. В приемной не останавливайтесь, на секретаря не смотрите, прямо подходите к двери кабинета и стучите в нее своей клюшкой.

А б и д д ж а н. Ну, а если вдруг скажут: «Может, ты с :-)-ой целью и прихватил с войны свою клюшку, чтобы ею в двери стучать?» Тогда что?

Н е т а й х о н. Так не скажут!

С у х с у р о в. Не имеют нрава!

А б и д д ж а н *(помолчав, к Ходжар)*. В кино не пойдете?

Ходжар смотрит на Нетайхон.

Н е т а й х о н. Идите! Идите, миленькая, приоденьтесь! Пойдемте, я вам волосы заплету.

А б и д д ж а н. Вы одевайтесь не торопясь, а я пока схожу за билетами,

Нетайхон и Ходжар выходят.

С у х с у р о в *(подмигивая Абидджану)*. Будьте смелее!

Л б и д д ж а и выходит.

Входит Ш а б а р а т,

Ш а б а р а т. Здравствуйте!

С у х с у р о в. Чего пришел?

Ш а б а р а т. Простите, Нусрат-ака, что я тогда со зла немного огорчил вас. *(Повышает голос.)* Я принес вам то, что вы просили для Абидджана-ака.

С у х с у р о в. Ну и молодчина.

Шабарат (*громким голосом*). Вот оно, сто пятьдесят рублей.

Сухсуров. Принес сто пятьдесят, а шуму поднял на целую тысячу.

Шабарат (*все так оке громко*). Если этого мало, то я еще принесу.

Сухсуров. Ладно, положи под одеяло!

Шабарат. Ну что ж, под одеяло, так под одеяло... (*Кладет деньги под одеяло.*)

Сухсуров. Иди, иди! Обо всем, о чем не договорили, потом, в другой раз договорим, меня что-то знобит. (*Выставив Шабарата за дверь, запирает ее на ключ и щипцами берет деньги из-под одеяла. В дверь стучат.*) Я же сказал тебе, что меня знобит, чего толчешься!? (*Бросает деньги в печку.*) С ума сошел, что ли? (*Подходит и открывает дверь.*)

Входят Наврузов, Шабарат, свидетели, Абидджан.

Наврузов. Салам!

Сухсуров. Салам!

Наврузов (*показывая на Абидджана*). Это что за человек?

Сухсуров. Мой шурин...

Абидджан. Я уже сказал вам, что я его шурин!

Наврузов (*показывает удостоверение*). Капитан милиции Наврузов. А это свидетели.

Сухсуров (*Абидджану*). Что вы такое натворили?

Абидджан (*с удивлением*). Ничего не натворил...

Наврузов. Мы не им, мы вами интересуемся.

Сухсуров. Вот как?

Наврузов. Вы, используя свое служебное положение, сейчас взяли у Шабарата Шарихимова взятку в сто пятьдесят рублей.

Абидджан (*удивленно*). Взятку?

Сухсуров. Какую взятку?

Абидджан. Да ведь я только что вышел отсюда!

Сухсуров (*Шабарату*). Эй, послушай, как тебя зовут? Ты, говорят, приходил ко мне со взяткой? Так почему же ты мне ее не дал?

Шабарат. Как не дал?

Сухсуров. Если ты вот сейчас, только что, ничего не боясь, дал мне взятку, значит, ты и раньше носил мне взятки?

Шабарат. А как же?

Сухсуров. И ты не откажешься потом от своих слов?

Шабарат. А зачем мне от них отказываться?

Сухсуров *(ко всем)*. Вы слышали? *(Шабарату)*. Так почему же ты раньше об этом не заявлял?

Шабарат стоит, не зная, что ответить.

Наврузов. Почему вы молчите?

Абиджан. Но произошло ли здесь какого-нибудь недоразумения?

Сухсуров. Нет здесь нет никакого недоразумения! Но зато есть подоплека: этот негодяй хочет подорвать авторитет человека, находящегося на государственной службе!

Наврузов. Вы и раньше давали взятки Сухсурову?

Шабарат *(запутавшись)*. Да. То есть — нет. Можно считать, что нет... Но сейчас я дал. Я дал сто пятьдесят рублей. Он мне сказал: «Дай мне денег, я пошлю шурина на курорт».

Абиджан. Да разве я собирался на курорт?

Наврузов. Вы об этом ничего не знаете?

Абиджан. Впервые слышу!

Сухсуров. Вы слышали? Этот негодяй возводит клевету не только на меня, государственного служащего, но и на героя Отечественной войны, на инвалида! Если бы Абиджан и нуждался в курорте, само государство послало бы его туда!

Наврузов *(протягивая бумагу)*. Постановление на производство обыска. Прочтите и распишитесь!

Сухсуров. Пожалуйста! *(Расписывается)*. Если слово честного советского служащего не стоит ни гроша рядом с клеветой мошенника, пожалуйста! *(Сбрасывает с себя пиджак, ботинки, собирается снять брюки)*.

Наврузов *(останавливая его)*. В этом нет необходимости!

Сухсуров *(подтягивает брюки, выворачивает карманы)*. Пожалуйста!

Шабарат *(показывая под одеяло)*. Деньги здесь!

Сухсуров. Пожалуйста! *(Подходит, хватая одно за другим одеяла и швыряет их на Шабарата)*.

Наврузов. Тише! Не утруждайте себя!

Входит Петайхоп, следом за ней разпаряженная Ходжар.

Пета и х о п. Что случилось? (*Увидев происходящее, в ужасе обнимает сундук.*) **Караул!**

Абпдджан. Не поднимайте шума, здесь никому пет дела до вашего сундука!

Нетайхон (*несколько успокоившись*). А зачем опп пришли? (*Снова в ужасе.*) За домом пришли? (*Обращаясь к Абидджану.*) Сколько раз я тебе говорила — переведи свой дом на мое имя. Пропади он пропадом этот твой дом!

Навруров. А вы кто будете?

Нетайхон. Я старшая сестра вот этого инвалида!

Навруров. Разрешите осмотреть и другие комнаты?

Нетайхон (*преграждая ему путь*). А чего вам там смотреть?

Сухсуров. Ладно, веди их. Пусть осмотрят! Да не останется у них и тени подозрения!

Нетайхон, Навруров и свидетели проходят в следующую комнату.

Сухсуров (*Шабарату*). Негодяй!

Абидджан. Из-за чего он оклеветал вас?

Сухсуров. Из-за чего? Из-за собственной глупости! Его старший брат арестован, так он считает, что я мог этого не допустить! Он не хочет понять, что его брат арестован за преступление! И теперь кляузники из моего учреждения действуют этим дураком, как кочергой!

Абидджан. И много в вашем учреждении таких кляузников?

Сухсуров. На государственной службе всех не ублажишь! Кому нравлюсь я, не нравится моя работа, кому нравится моя работа — не нравлюсь я...

Абидджан. Но все-таки так упрямо уверять, что ты давал деньги, которых ты не давал...

Сухсуров. Если бы он их дал, они были бы в этом доме!

Голос Нетайхон: «Помогите! Это деньги Ходжар! Ходжар! Ходж ар!»

Абпдджан (*выходя из комнаты на ее голос*). Сестра, не орите!

Сухсуров (*быстро Шабарату*). Дурак, плохо знаешь меня! Я кошка, меня сам пророк погладил! Если меня с неба свалишь, все равно я на ноги упаду! Скажи: «Я ошибся», — тогда не буду расписываться в протоколе, в ты останешься невредимым!

Голос Иетайхом: «Не трогайте! Это деньги» Ходжар! Ходжар!
Ходжар!»

Входят Наирузов с коробкой, за пим цепляющаяся за него
Петайхои, сойдетел» и Ходжар.

Нетайхон. Это деньги Ходжар! *(Обращаясь к Ходжар.)* Да возьми же у него свои деньги!

Наврузов. Сейчас посмотрим... *(Сличает номера денег в коробке с записью на бумаге.)* Номера не подходят, значит *(обращаясь к Ходо/сар)*, это действительно ваши деньги?

Ходжар, удивленная, припимает коробку. Нетайхон быстро выхватывает из ее рук коробку, » обе уходят в другую комнату.

Сухсуров. Ну как, нашлись деньги, данные мне как взятка?

Наврузов. Пока нет. *(Оглядываясь.)* Кажется, мы не посмотрели еще в печке?

Сухсуров. Пожалуйста! Можете влезть на крышу и заодно посмотреть еще и в дымоходе!

Наврузов *(заглядывает в печку. После долгой паузы)*. Нет!

Сухсуров. Ну, как же нам теперь быть? Говорят, в таких случаях какой-то акт пишется...

Наврузов. Не акт, а протокол. *(Садится и пишет протокол.)*

Сухсуров. Я прошу привлечь к ответственности клеветника. Так, в законе кое-что сказано про людей, клеветующих на работников государственных учреждений.

Наврузов *(передавая Сухсурову протокол)*. Распишитесь!

Сухсуров берет ручку и смотрит на Шабарата.

Шабарат *(подумав, Наврузову)*. Я ошибся простите...

Наврузов. Вы хотите сказать, что не давали этому человеку взятки?

Шабарат. Можно считать, что нет...

Наврузов *(посмотрев на него)*. Вот как? *(Пишет повестки Сухсурову и Абиджану.)* Завтра к десяти часам придете в управление и спросите меня. *(Шабарату.)* Ну, пошли!

Шабарат. Да я же...

Сухсуров *(Шабарату)*. Иди, иди, я сам выручу тебя!

Наврузов. Пошли. (К Сухсурову.) Извините за беспокойство!

Сухсуров. Пожалуйста, пожалуйста! Заходите, если будет желание...

Наврузов. Если будет, приду!

Наврузов с Шабаратом выходят, за ними и свидетели.
Сухсуров хохочет, обнимая печку.

Абидджан (задумчиво). Странно, очень странно!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Двор Сухсурова.

Сухсуров, Нетайхон, Абидджан

Нетайхон. Чтобы он себе голову сломил, этот Шабарат!

Сухсуров. Дело не в Шабарате. Этот дурень только кочерга в руках кляузников!

Абидджан. А что оспаривают у вас эти кляузники?

Сухсуров. А вы что, с неба упали? Что оспаривают? Мое место оспаривают! Мое положенпе оспаривают?

Абидджан. Если скажу вам сейчас правду, не обидетесь?

Сухсуров. Хоть с утра до вечера! Я — раб правды!

Абидджан (смеясь). Какую получаете зарплату?

Сухсуров. Сто десять...

Абидджан. А если б кто другой получал сто десять в месяц и построил бы такой вот дом, что бы вы на это сказали?

Нетайхон (торопливо). Да ведь мы все это по займам выиграли!

Сухсуров. Я бы ничего дурного не подумал, купил бы барана и пошел бы на новоселье!

Нетайхон. А что делать, если такое счастье? Один выигрыш придет, а другой уже следом бежит. Была новая «Победа», а недавно по лотерее еще «Волгу» выиграли!

Абидджан. Вот так! У вас есть и «Волга»? Не видел.

Сухсуров. Старая... ходит плохо.

Нетайхон. Ой, зачем вы так говорите. Из-за этих

кляузников никак не можем поставить здесь гараж, держим машину на другом нашем дворе.

Сухсуров. Не мели ерунду! (К Абидджану.) Машина старая, нужен большой ремонт, вот и подбросил пока на двор к ее тетке. (Толкает ногой Нетайхон.)

Нетайхон (не зная, что говорить). По займам выиграли...

Абидджап. Выигрыш — вещь хорошая. Но говорят, что есть такие люди, которые покупают чужие выигрыши по двойной цене...

Сухсуров (язвительно). Может быть, вы таким деликатным поворотом разговора хотите намекнуть мне: дескать, кое-какие взятки, видимо, все же берешь.

Нетайхои. Да что он, сдурел, что ли?

Абидджан. Ах, Нусрат-ака, вы, наверное, все-таки не знаете, что такое в моих глазах взятка и какая тварь взяточник! Если б знали, наверное, никогда бы не сказали того, что сказали!

Сухсуров. Да, слышал, слышал, что есть на свете такие бессовестные люди...

Абидджан. Бессовестных людей на свете пет. Совесть есть у каждого. Только один ее слушает, а другой ей приказывает.

Сухсуров. Что приказывает?

Абидджан. Молчать приказывает. Спать приказывает. Притворяться мертвой приказывает!

Звонит телефон.

Нетайхон. Ходжар, иди к телефону!

Ходжар (из комнаты). Да! Сейчас... Нусрат-ака, вас...

Сухсуров. Давай его сюда! Наверное, из учреждения! Нет мне покоя! (Ходжар приносит телефон. Сухсуров берет трубку.) Я! Что? Когда? Где? Не плачь, сейчас приду! (Кладет трубку.) Жена Юсуфа. Говорит, Юсуфа в милицию отвели. Прямо из бани взяли.

Нетайхон. Прямо из бани? Неужели так велика его вина?

Сухсуров. Пойду узнаю, успокою его жену, а вы здесь пока посидите, поговорите. (Тихо к Нетайхон.) Этот твой — совсем бестолковый. Осади-ка его, пока не поздно]

Сухсуров выходит.

Нетайхон. Что тебе плохого сделал Нуерат-ака? Сидишь у него в доме, так хоть соблюдай приличия.

Абидджан. А что я такого ему сказал?

Нетайхон. Разве удобно говорить о взятках, когда только что вышел такой закон?

Абидджан. А почему неудобно? Если б Нустрат-ака был взяточник — тогда другое дело!

Нетайхон. Да, я вижу, ты все такой же, как был. Если змея тебя укусит, то сама раньше тебя подохнет!

Нетайхон раздраженно встает и уходит в комнату.

Входит Ходжар.

Ходжар (глядя вслед Нетайхон). Что случилось, Абиджан-ака?

Абиджан. Голова у нее заболела... *(Ходжар направляется к дувалу.) Куда вы?*

Ходжар. Раз у нее болит голова, я позову дядю Кары. *(Через дувал).* Дядя Кары! Дядя Кары!

Абиджан *(смеясь)*. Идите лучше сюда, садитесь!

Из-за дувала показывается голова незаметно подслушивающего

Кары.

Абиджан. Ваш дядя Кары давно здесь живет?

Ходжар. Уже два года.

Абиджан. Он не родственник вашему Нусрату-ака?

Ходжар. Нет.

Абиджан. А семья у него есть?

Ходжар. Нет. Он отрекся от мирской жизни,

Абиджан. Кто это вам сказал?

Ходжар. Нетайхон-апа сказала!

Абиджан. А его келья где?

Ходжар. С той стороны дома, прямо за стеной.

Абиджан. А этот Кары с вами о чем-нибудь говорил?

Ходжар. Говорил... Говорил про вас: «Не выходи за этого парня, потому что у него в лице нет благообразия». *(Часть дувала валится, и Кары внезапно летит кубарем.)*

Ой, дядя Кары свалился!

Абиджан. Ай, Кары-ака, каждый день лазаете через этот дувал и до сих пор не научились!

Кары. Воля аллаха...

Кое-как с трудом поднимается.

Вбегает Нетайхон.

Нетайхоп. Что случилось?

Лбидджан. Да вот, свалился с забора по воле алаха...

Кары растирает погу.

Нетайхои. Ой, вы ногу расшибли! Идите прилягте в комнате, я вам компресс приложу. (*Обращаясь к Ходоисар.*) Иди постели там па диване! (*Ходо/сар уходит.*) Кары-ака, осторожнее! (*Абидджуану.*) Хоть бы дал ему свою клошку!

Лбидджан. Бери, пожалуйста! Я думал, что с такой клошкой, как ты, ему удобнее!

Нетайхои уходит п дом, поддерживая опирающегося па клошку Кары.

Абидджап. У этих дело на мази: если Кары ушибает погу, то сестра моя приложит ему компресс, а если у нее заболит голова, то он подует на нее с подходящей молитвой...

Сухсуров (*входит*). Дурак! Осел!

Абидджан. Ну что там?

Сухсуров. А что может быть с таким дураком после непробудной пьянки? Не зря я па время снял его с работы! Нетайхон где?

Абидджан. В доме. Кары-ака расшиб себе ногу, и она прикладывает ему компресс.

Сухсуров (не то серьезно, не то двусмысленно). Вот так... Совсем стали как брат-сестра... Болезненная! То и дело голова болит. Каждый год сидит на курортах — и не помогает! А у Кары дыхание легкое, чуть подует на нее с молитвой и сразу — здорова!

Сухсуров уходит в дом.

Абидджан (*один*). Или слепой или вдвойне жулик! (*В сторону дома.*) **Ходжархон!**

Голос Ходжар: «Я слушаю!»

Абидджан. Вынесите мою клошку!

Голос Ходжар: «Сейчас».
Ходжар выносит клошку.

Абидджан. Я снял в гостинице номер и буду жить там.

Ходжар. Ой, а я что буду делать?

Абидджан. Потом я вас вывезу!

А б и д ж а н уходит.

Из гостиной выходят Сухсуров и Потапхот.

Нетайхон. Чего торчишь, как столб?

Ходжар. Абпдджан-ака ушел, сказал, что в;тл по-мер в гостпнице.

Сухсуров. Чего ты болтаешь?

Нетайхон. Ничего удивительного! (К Ходжар.) Что уши развесила? Иди, занимайся своей работой!

Ходжар уходит. Из дома выходит Кары.

Сухсуров. Почему встали?

Кары. Когда благочестивый шейх Даззориддип приласкал замерзшего скорпiona, сказав, что это «божья тварь», скорпион воткнул свое жало в благочестивую руку! (К Нетайхон.) П ваш брат — увы! — из рода этих жо божьих тварей. (Сухсурову, пророческим тоном.) У этого безбожника только одна цель — всадить жало в благочестиво протянутую вамп руку.

Сухсуров (деловито). То есть?

Кары. Он вчера пришел в мечеть и сказал о вас вслух перед несколькими правоверными, что вы находитесь в распутной связи со своей воспитанницей. А меня, недостойного, обвинил (всхлипывает), будто бы моя келья служит тайным местом ваших прелюбодеяний!..

Нетайхон (с подозрением). Ох, боюсь, как бы этого и вправду не было!

Сухсуров. Ты что, с ума спятила?

Нетайхон. Молчите! Я знаю вас! Вы — развратник! (Всхлипывает.) Это вы со мной солоней соли, а с чужими, наверное, — слаще меда бываете!

Сухсуров. Не расстраивайся, а то опять голова заболит...

Кары. Обмануть такого ангела, как вы, созданного на утешение нам аллахом, и стать на путь прелюбодеяния! Да кто же способен на такую черную неблагодарность!

Нетайхон. Молчите, вы, сводник, давший ему свою келью! Сейчас я все узнаю! (Бегом устремляется на кухню.)

Сухсуров. Он действительно так сказал?

Кары. Клянусь аллахом!

В кухне что-то гремит. Ходжар с растрепанными волосами, в разорванном платье пробегает на улицу. Входит задохнувшаяся

Нетайхон.

Сухсуров. Ну что ты делаешь из-за какого-то вранья!

Нетайхон. Молчите! Если бы она была не виновата, она бы не убежала! *(Плачет.)* Я, дура, мучаюсь, веду дом, хозяйство, а вы! О наследнике заботитесь! *(Вдруг.)* Сейчас же переведите дом на мое имя! Все три дома переведите!

Сухсуров. Хорошо.

Нетайхон. И машины переведите на мое имя! И отдайте ключ от сундука!

Кары. Но это же все клевета.

Нетайхон. Убирайся прочь, сводник!

Сухсуров. Неужели ты не веришь даже Кары-ака?

Нетайхон. Поклянитесь!

Сухсуров *(от всей души)*. Да разразит меня аллах! Чтоб мне умереть на этом месте!

Нетайхон *(несколько успокоившись)*. Даже если и так, а Ходжар все равно пусть проваливает! Сейчас я ее пайду! *(Выбегает на улицу.)*

Сухсуров. И в самом деле, пусть проваливает! Пусть Абид забирает ее с собой.

Кары. О нет! Только не это! Отдать ему Ходжар — это не выход! Как бы далеко теперь не уполз этот скорпион, он все равно вонзит в вас свое жало!

Сухсуров. Так что же тогда делать?

Кары. Надо посадить Абида в тюрьму.

Сухсуров. Как?

Кары. А вот это бремя я уже приму на себя. И донесу его до цели! Слава аллаху!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Двор Сухсукова. Утро. Тишина. Нетайхон выносит из комнаты телефон.

Нетайхон *(в трубку)*. А что вам сказали в милиции? Ах, как я рада! Только будьте теперь тверды, Нусрат-ака, не давайте пощады Шабарату! Если хотите кушать с друзьями плов по этому случаю, то лучше сегодня организуйте его в чайхане: у меня болит голова. А я лягу отдохнуть и буду ждать вас! *(Кладет трубку, запирает ворота, подходит к забору и по-перепелиному вызывает Кары: «Ва-ак! Ва-ак!»)*

Голос Кары: «Пытпылдык! Пытпылдык!» Кары появляется на дувале: «Слава аллаху!»

Нетайхон. Мои Нусрат-ака звонил по телефону. У него все хорошо, и он будет вместе с друзьями кушать плов в чайхане.

Кары. Это хорошо! И мы в честь такой большой радости тоже доставим себе немного удовольствия. (*Спрыгнув с дувала, тянет ее к дому,*)

Нетайхон. Ой, боюсь...

Оба входят в дом, но почти сразу же раздается стук в ворота.
Голос Абидджана: «Сестра!»

Голос Нетанхон: «Ох, умереть мне на месте! Ведь это Абиджан». Нетайхон выскакивает во двор.

Провались ты! (*В окно,*) Бросьте мне мой халат! Уходите! Бегите!

Голос Абидджана: «Эй, сестра!»

Кары в растерянности бросает ей свой халат. Нетайхон, накинув на плечи халат, идет к воротам. Кары, накинув на себя халат Нетайхон, выскакивает из окна и бежит к дувалу. Нетайхон, увидев свой халат на Кары, бежит вслед за ним и стаскивает свой халат с карабкающегося на дувал Кары. Кары сначала ничего не понимает, потом оба впопыхах надевают свои халаты. Кары снова карабкается на дувал, но от волнения не может перелезть.
В ворота стучат.

Нетайхон (*в сторону ворот*). Сейчас. (*Помогает Кары сзади.*) Сколько раз я говорила своему Нусрат-ака: сделай здесь калитку. Провались такой муж!

Кары (*его кавуши падают. Из-за забора слышен его голос*). Ой, мой нос!

Нетайхон идет и открывает калитку на улицу.

Входит Абиджан.

Абиджан. Только что встали?

Нетайхон. Нет. Но со вчерашнего дня в ушах такой шум, что не сразу тебя услышала... Почему не пришел к завтраку?

Абиджан. В милицию вызывали.

Нетайхон. Кстати, Нусрат-ака звонил. Шабарата так посрамили, что он не знал, куда деться! Таких клеветников расстреливать надо.

Абиджан. А где Ходжар?

Н с т а й х о п (*растерянно*). Ходжар... пошла тебя звать.

А б и д д ж а п (*удивленно*). Зачем же? Я ведь ооещал ей, что сам приду.

П е т а и х о п. Ах, так... Ну тогда, значит, пошла за хлебом. Придет...

П е и а й х о н уходит в дом.

А б и д д ж а п ходит взад и вперед и вдруг видит у дувала пару кавуш.

Н е т а й х о н (*выходит с дастарханом и замечает, что Абидджан смотрит на кавуши*). Это мои кавуши... Заказала, чтобы одеть на праздник, а сшили не на меня, а неизвестно на кого! (*Снимает туфли и нацепляет кавуши*.)

А б и д д ж а н. А вы в другой раз, когда будете заказывать себе кавуши, не меряйте их на чужую ногу.

Н е т а й х о н (*шлепая кавушами, идет к столу*). Садись, завтракай! (*Абидджан садится*.) Я тут подумала. Ладно, раз хочешь уезжать, увози ее с собой в Мирзачуль, хоть завтра!

А б и д д ж а н (*усмехнувшись*). Вчера дарили мне свой дом, а сегодня говорите: «Уезжай поскорей»?

Н е т а й х о н. Почему? Если хочешь взять дом — бери! Хоть сейчас перепишем его на твое имя.

А б и д д ж а н. И отдадите совсем, навсегда? И что я захочу, то и могу сделать с ним?

Н е т а й х о н. Конечно. Воля твоя, хочешь — сноси, хочешь — поджигай!

А б и д д ж а н. А если я отдам его под детский сад?

Н е т а й х о н. Хоть бы уж сказал «иродам»!

А б и д д ж а н. А зачем же продавать то, что досталось без труда? Ведь вы же выиграли этот дом по займам!

Н е т а й х о н (*резко*). Ну чего ты ко мне пристал? Вот уж именно — сводный брат! Родной бы так не пристал!

А б и д д ж а н. А я к вам не приставал. Это вы меня вызвали! Это вы хотели всучить мне для вида ваш дом и превратить меня с моей клюшкой в ширму для вашей, выигранной по займам, жизни!

Н е т а й х о н. Как тебе не стыдно говорить такие вещи? (*Плачет*.)

А б и д д ж а н. Не плачьте. Если вам слишком сильно жмут ноги ваши кавуши, то скиньте их!

Нетайхон (*поняв намек*). Не твое дело! И вообще — **проваливай!** (*Снимает кавуши и переобувается в туфли,*)

Абидджан. Ладно! Прпдет Ходжар, и я уйду.

Нетайхон. Иди, на улице жди!

Абидджан. Пойду, если вы скажете, куда она ушла?

Нетайхон (*с раздражением*). Не знаю, я ей не сторож!

Нетайхон сердито уходит в дом. Там внутри что-то громыхает. В калитку входит Кары. На нем чьи-то чужие, не по размеру, спадающие с ног кавуши. Нос с кровоподтеком.

Кары. Салам! Да пребудет над вами милость аллаха!

Абидджан (*хмуро*). Салам!

Кары. Что, никого нет?

Абидджан (*подняв с земли кавуши и передавая их в руки Кары*). Недавно прилетал какой-то ангел. Кавуши оставил здесь, а самого-то не видно!

Кары. Не пойму вас, о ком говорите? (*Заложив кавуши за спину, оттуда, из-за спины, тихонько отбрасывает их в сторону дувала мечети*).

Абидджан. И вечно вы получаете какие-то увечья, Кары-ака, что с вашим носом?

Кары. Дверью прищемило немного. Слава аллаху!

Абидджан. А вы не суйте свой нос в каждую встречную дверь.

Кары. Ваш покорный слуга хотел обратиться к вам по одному вопросу. Хотя мы вероучители и толкователи шарпата, но, слава аллаху, мы готовы служить нашему правительству.

Абидджан. Это понятно. А что дальше?

Кары. Слава аллаху, в нашу эпоху твердо установились справедливость и правосудие. Однако, к сожалению, взятки все еще то здесь, то там подрывают устои справедливости. И я решил кое о чем намекнуть вам в связи с этим.

Абидджан. А нельзя ли попроще? Вы хотите мне рассказать о каком-нибудь взяточнике?

Кары. Да, слава аллаху!

Абидджан. А о ком именно?

Кары. Хотя мне, недостойному, известно, что Нусрат-ака ваш родственник, но если даже над моей головой

будет сверкать священная сабля пророка, все равно я не отвращу своего лица от истины!

А б И д д ж а Н. Так, а что дальше?

Кары. Нусрат-ака так умело высасывает из людей взятки, как из яйца желток и белок через булавочный укол. Скорлупа целая, а внутри — пусто.

А б и д д ж а н (*удивленно*). А у вас есть доказательства?!

Кары. Клянусь кораном!

А б и д д ж а н. А почему вы все это вдруг говорите мне?

Кары. Сам аллах вложил эти слова в мою душу.

А б и д д ж а н. А почему же аллах не вложил в вашу душу мысль пойти и сообщить это туда, в его учреждение?

К а р ы. А потому, что еще неизвестно, порадует ли мой приход государственное учреждение?

А б и д д ж а н. Допустим так. Но раз вы знаете, что Сухсуров бесчестный человек, почему не порвете с ним близкие отношения?

Кары. Потому что на мне лежит бремя не покидать правоверных и не отказывать им в утешении, как бы грешны они ни были!

А б и д д ж а н. Нет! Все равно не верю! Нусрат-ака взятки не берет!

Кары. Если сомневаетесь, можете сами проверить, дав ему взятку.

А б и д д ж а н. Под каким предлогом?

Кары (*задумавшись*). Как вы знаете, Нусрат-ака, оклеветав, засадил в тюрьму Юсуфа. Жена Юсуфа приходила к нему с воплями, но Нусрат-ака алчен до денег; женщина давала ему только сто рублей, и он не взял, сказав, что этого мало! Несчастливая пришла ко мне и сказала: «Умолите его взять эти деньги!» И сколько я ни отказывался, она оставила мне деньги и ушла. Если вы сделаете это вместо меня, то вы и утешите бедную женщину и заодно убедитесь в нравах Нусрата-ака. А это, быть может, позволит вам остановить его на пути порока,— он ведь все же муж вашей сестры.

А б и д д ж а н. И вы думаете, что он возьмет взятку из моих рук?

Кары (*доставая деньги*). Он смотрит в руку, а не в лицо того, кто дает ему деньги?

Абпдджан (*берет деньги*). Хорошо, Кары-ака, по-пробую дать.

Кары. Если мы оба предупредим его: вы от взяток, а я от прелюбодеяний, то, быть может, он возвратится на путь истины...

Абидджан. А при чем тут прелюбодеяния?

Кары. Я говорю о Ходжар.

Абпдджан. А что случилось с Ходжар?

Кары. А разве вам неизвестно? Ваша Нетайхон выгнала ее!

Абпдджан. За что?

Кары. Оказывается, Нусрат-ака прелюбодействовал с ней.

Абидджан (*вскакивает с места*). Ложь!

Кары. Слава аллаху, если это ложь! Но то, что Нетайхон еще вчера выгнала ее,— это правда!

Абидджан. Вчера? Куда же она пошла?

Кары. Людские пути известны только аллаху.

Абиджав поспешно уходит.

Нетайхон (*из окна*). Что вы там устроили?

Кары. Подлил в него немного керосину.

Нетайхон (*хихикнув*). А когда поднесете спичку?

Кары. Если будет угодно аллаху, завтра!

ЗАНАВЕС

КАРТРИНА ШЕСТАЯ

Кабинет капитана Наврузова в управлении милиции. Абидджап ходит в волнении взад-вперед. Входит Наврузов.

Наврузов. Ходжар нашлась!

Абиджан *(взволнованно)*. Где она? Где ночевала?

Наврузов *(с напускной серьезностью)*. Вот тут-то и загвоздка. Есть у них в махалле один непутевый парень, в его доме и осталась...

Абиджан. О нет! Ходжар не такая девушка... Товарищ капитан, бросьте шутки!

Наврузов *(еле сдерживая смех)*. Милиция шуток не признает, товарищ Ибрагимов! *(Стук в дверь.)* Войдите!

Старик *(заглядывая)*. Можно?

Наврузов. Входите, отец! *(Абиддоюану.)* Вот этот человек и есть тот самый непутевый парень!

Абидджап успокаивается и горячо здоровается со Стариком. Тот в недоумении.

Наврузов. Садитесь, отец! Вы один пришли?

Старик. Один. У старухи моей времени нет — занята...

Наврузов. Нет, я... спрашиваю про Ходжархон... Разве вам не сказали, что нам нужно была Ходжар?

Старик *(язвительно)*. Ах, вот как вам теперь понадобилась Ходжар? Когда несчастная девушка страдала в доме Сухсурова, никто из вас не справлялся, как она живет...

Наврузов. Правильно, но...

Старик. Когда бедняжка стояла и плакала на улице, никто из милиции не спросил, почему ты, девушка, плачешь...

Наврузов. Правильно, но...

Старик. А теперь, когда я ее приголубил, она вдруг и тебе понадобилась!

Наврузов (*смеясь*). Ваши упреки справедливы, отец, но если мы своевременно не спросили у бедной девушки, как она живет, то ведь и вы, живя с ней в одной махалле, даже на одной улице, тоже не спросили ее об этом? Или спрашивали?

Старик (*сердито*). Я считал, что эта девушка племянница Сухсурова.

Наврузов. Вот как? А если и я тоже так думал?

Старик. А если ты думаешь не больше, чем я, за что же тогда правительство нацепило тебе на плечи эти погоны?

Наврузов. Ладно, будем считать, что вы положили меня на обе лопатки, но ведь и вы, хотя на ваших плечах нет погон, тоже не чужой человек для милиции? Вы служили в рабоче-крестьянской милиции в двадцать третьем году, когда меня и на свете не было!

Старик. Не подлизывайся. Все равно Ходжар не приведу к тебе. Что хотел сказать ей, говори мне. У меня было две дочки, стало три. Я двух дочек выдал замуж и этой найду жениха, как сабля, чтоб стал зятем в моем доме!

Абидджан. Эх, отец!

Наврузов. Не рано ли вы стали искать женихов? У нее у самой уже есть жених, как сабля! Вот!

Старик (*пренебрежительно Абидджану*). Ты? Девушку, как розу, оставил желтеть у чужих дверей, а теперь, потеряв ее, сидишь и плачешь в милиции! Разве это — жених, как сабля! Не сабля ты, а тупой нож! Пила без ручки! (*Решительно.*) Нет, не отдам!

Наврузов. Ходжар любит этого человека. Они уже дали друг другу обещание.

Старик (*взглянув на Абидджана, после длительного раздумья*). Как твое имя?

Абидджан. Абидджан.

Старик. А паспорт у тебя есть?

Наврузов. Есть, все есть!

Старик. Через загс проходил?

Абидджан. Мы только собирались.

Старик. Сначала пройди через загс, а после будем с тобой разговаривать.

Наврузов. Что же он один пойдет в загс?

Старик (*подумав*). Верно. Я пойду спрошу ее. Если из ее собственных уст услышу то же самое, что из ваших, то приведу. А если не услышу, то и не подите.

Старик уходит.

Наврузов. Теперь успокоились?

Абиджан. Спасибо, товарищ капитан!

Наврузов. Ладно... Это хорошо, что вы взяли деньги у Кары. На данном этапе, как он говорит, так и нужно делать! Мы уже сейчас приставим человека следить за ним... Думаю, что все затеяно с ведома самого Сухсурова. Вы давно знаете Кары?

Абиджан. Никогда раньше не видел.

Наврузов. Ну если так, то мы эту крысу знаем лучше вас! В сорок втором году дезертировал с военной службы и был осужден на десять лет; после отбытия наказания семь лет чем только не занимался: и спекуляцией, и знахарством, и мясником работал, мясо рубил! И коран наизусть читал. Теперь два года как устроился в мечети имамом.

Абиджан. Неплохое местечко себе подобрал!

Наврузов (*задумчиво*). Значит, они не знают, что Юсуф посажен только на пять суток?

Абиджан. Разве только на пять суток?

Наврузов. Завтра кончается срок, и мы обязаны его выпустить.

Абиджан. Тогда весь наш план рухнет: ведь Юсуф, как только выйдет, сразу пойдет к Сухсурову.

Наврузов. Верно, но приговор суда тоже нельзя нарушать. (*Придя к какому-то решению, берет телефонную трубку.*) Дежурный! Я капитан Наврузов! Пришлите сюда Юсуфа Зиямова! (*Кладет трубку.*) Хотя и освободим, но сделаем так, что он не пойдет к Сухсурову.

В дверь, стесняясь, входит Юсуф. Все его лицо в синяках.

Абиджан. Салам!

Наврузов. Садитесь. Завтра выходите на свободу.

10 с у ф. Лучше б мне умереть, чем в таком виде выходить на свободу! (*Умоляюще,*) Только не пишите ничего товарищу Сухсурову!

А б и д д ж а н. А что с вамп случилось?

Ю с у ф. В бане заблудился.

А б п д д ж а н. Да, чего только с пьяных глаз не бывает!

Ю с у ф. Пошел за шайкой п попал в женское отделение! (*Смеется.*) Все голехонькпе! (*С горечью.*) Так били меня шайками, что сознание потерял! Открываю глаза — лежу среди пьяных.

Н а в р у з о в. Да, в вырезвители. А куда же еще было нам девать человека, заблудившегося в женской бане?

Ю с у ф (*Наврұзову*). Пусть только Сухсуров ничего не знает. Пусть не пишут! (*Абидджану.*) Скажите им!

Н а в р у з о в. Мы-то можем пока ие писать, по вы ведь сами не вытерпите: как выйдете, так и побежите прямо к Сухсурову.

Ю с у ф. Не пойду. Пока опять не стану на человека похож, буду лежать и говорить, что я болен.

А б и д д ж а н. Неужели вы так боитесь Сухсурова?

Ю с у ф. Я его не боюсь, но... Сейчас денег нет. А если я, после того, как подмочил себя в этой бане, не отнесу ему что-нибудь, он совсем с работы выгонит!

Абидджан (*переглянувшись с Наврұзовым*). **Значит...** иногда даете ему?

Юсуф (*искоса взглянув на Наврұзова*). До выхода нового закона давал...

Н а в р у з о в. Эх вы! Сухсуров честит вас последним мошенником и вором, а вы все еще заботитесь о его репутации!

Юсуф (*возмущенно*). Что? Он у меня все, что увидит, изо рта вырывает, и я же еще стал вором и мошенником! Он, который, даже, если ангел придет за его душой, и с ангела взятку потребует! (*Всхлипнув.*) Все, что заработаю,— тащу ему, а сам с семьей только шкуру с овцы жую!

Н а в р у з о в. А вы не сгоряча все это говорите?

Юсуф. Мне горячиться поздно! Дайте бумаги — напишу!

Н а в р у з о в. Ладно... Скажите дежурному, чтобы он вам дал ручку и бумаги.

Юсуф. Пусть дает бумаги побольше! Если начну пи-

сать про все проделки Сухсурова, по толщине второй коран получится!

10 с у ф выходит.

Пауза.

А б и д д ж а н. Неужели так трудно поймать такого, в общем, наивного взяточника, как Сухсуров?

Наврүзов. Эх, товарищ Ибрагимов, легче поймать двадцать прожженных воров, чем одного наивного взяточника. Разные рефлексы: обкраденный вором кричит: «Ка-раул, держите вора!» А давший взятку молчит как могила! И если не закинете удочку да не подцепите, да не потянете как следует, то и пе скажет ни слова! А иной простофиля пройдет мимо взяточника и не заметит. А другой — сам заметит, но уклонится от разоблачения: «Эх, по судам еще я не таскался!» А третий, словно собака, стоит рядом, слизывает масло, капающее ему в рот с локтей взяточника, да еще приговаривает: «Спасибо доброму человеку!» И взятку не взяткой зовет, а благодарностью!

А б и д д ж а н. Действительно, таких удобных условий ни у какого вора нет. Им есть чему позавидовать!

Входит Старик, за ним Х о д ж а р.

Старик. Заходи, доченька, заходи. Ты этого парня знаешь?

Х о д ж а р (плача). Абидджан-ака!

Старик. Эх, доченька... (Абидджану.) Ничего, пусть поплачет...

Наврүзов (чтобы отвлечь внимание Старика). Как вы себя чувствуете, отец?

Старик. А вы?

Наврүзов. Отец!

Старик (не слушая его). Смотри, как плачет от радости.

Наврүзов. Милый отец, слушайте, что я вам скажу... (Берет его за руку и пытается отвести в сторону.)

Старик (не обращая на него внимания, растроганно). Почему девушки так красиво плачут, когда они плачут от радости? (Рассеянно садится на место Наврүзова. Наврүзов что-то шепчет ему на ухо.) Ладно, сам вижу, что уже не нужен им! (Снова подходит к Абиддоюану и Ходотсар.) Только смотрите больше друг друга не теряйте! Прощайте!

А б и д д ж а и. Спасибо, отец!

ляя

Наврузов (*Старику*), Я провожу вас. Хочу еще посоветоваться с вами о вашей махалле. Там еще не всюду порядок!

Старик. Это хорошо!

Наврузов. Что хорошо?

Старик. Хорошо, что советуешься — не думаешь, что там, где увидели издали твои погоны, там сразу уже и порядок!

Оба выходят.

Абидджан. Что случилось?

Ходжар. Нетайхон-апа меня била,

Абидджан. За что?

Ходжар. Она сказала: «Ты испорченная».

Абидджан. Она сказала: «Ты испорченная»? А вы не сказали ей: «Была бы испорченная, была бы на вас, как две капли воды, похожа!»?

Ходжар (*с признательностью*). Абидджан-ака..«я знала, что вы ей не поверите!...

Абидджан. Все, что знаете, расскажите капитану Наврузову!

Ходжар. Ой, да как же?

Абидджан. А что?

Ходжар. Ведь сказано: «Тому дому, где один день вкушал соль, кланяйся потом сорок дней».

Абидджан. Кто это сказал?

Ходжар (*подумав*). Аллах.

Абидджан. Это вам аллах сказал, а вот Нусрату-ака он почему-то не сказал: «Эта девушка, как себя помнит, работает на вас; хоть бы одно платье ей сшили, чтобы не таскала обносков после Нетайхон!»

Молчание.

Абидджан. Что, хотите вернуться туда, где вкушали соль.

Ходжар (*покачив головой*). Нет...

Абидджан. А что будете делать?

Ходжар. Не знаю. (*После длительного молчания*.) Вы же сами мне говорили: «Поезжай со мной в Мирзачуль».

Абидджан (*улыбнувшись*). Если не будете от меня требовать, чтобы я переписал на себя их дом, я и сейчас вам повторяю: «Поезжайте со мной в Мирзачуль!» Не

надо нам ии их дома, ии их соли! Иди, может быть, вам все лн> надо?

Х о д ж а р (*тихо*). Нет, не надо!..

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В доме Сухсурова.

Сухсуров, Нетайхон, Кары,

Кары. Что, так и не вернулась?

Нетайхон. Не пришла, окаянная!

Кары. Наверно, подала жалобу в какую-нибудь канцелярию. Чего у нас слишком много, так это канцелярий, внимающих жалобам!

Нетайхон (*вспылив*). А на что она будет жаловаться?

Сухсуров. А на то, что ты ее била!

Нетайхон. Ну и что, что била... Я так ее била, что, если порядочная, не пойдет свои синяки показывать!

Сухсуров. Больше всего боюсь — не сделала бы эта дрянь чего-нибудь над собой!

Нетайхон. А нам-то что?

Сухсуров (*вспылив*). Из-под следствия нам тогда не вылезти, вот что! Надо поскорей сообщить в милицию, что она пропала.

Кары (*подняв указательный палец*). Не забудьте такой добродетели, как терпение! По-моему, она сама вернется, а если не вернется, ее найдет ваш Абиджан. Когда он услышал от меня, что Ходжар ушла, то его ноги выскочили за ворота на три шага раньше головы.

Сухсуров. А зачем вы сказали об этом Абиду?

Кары. А я вообще воздерживаюсь от лжи. Слава аллаху!

Молчание.

Сухсуров. Как наши дела? Абид пошел на это?

Кары. Деньги я ему вручил.

Сухсуров. Боюсь, что сейчас ему не до этого.

Кары. Наоборот! Он, наверняка, с этими деньгами направился в милицию.

Сухсуров. Это было бы замечательно.

Нетайхон. Что вы там замышляете?

Сухсуров. Вызвав сюда твоего братца, мы сами

положили камень себе на голову; теперь помолись аллаху, чтобы он снял с нас этот камень.

Нетайхон. А достаточно ли только молитвы?

Кары. Аллах сказал: «От меня благодать, а деяние — от вас!» Мы уже действуем!

Сухсуров. Если Абид придет и следом за собой приведет людей из милиции, сейчас же идите в свою келью.

Кары. По-моему, я еще никогда не опаздывал, Нусрат-ака! Слава аллаху!

Входит Ходжар.

Кары. Не говорил ли я вам?

Сухсуров. А... доченька, заходи...

Нетайхон. Где тебя черти носили?

Кары. Скажите лучше, слава аллаху! Повинную голову и меч не сечет.

Нетайхон. Ну, говори же!

Сухсуров. Оставь ее, разве не видишь, что она раскаивается...

Нетайхон. Ага, вам ее жалко! *(Обращаясь к Ходжар.)* Чтоб тебе провалиться вместе с твоим любовником! *(Хочет ударить ее.)*

Ходжар *(схватив ее за руку).* Не прикасайтесь ко мне. Хватит!..

Все поражены.

Кары. Спаси нас, аллах!

Входит Абидджан.

Абидджан. Салам!

Нетайхон демонстративно выходит.

Сухсуров. А... достопочтенный Абидджан, милости просим!

Кары *(Сухсурову).* Иду на молитву. Задержался с вами...

Кары выходит.

Абидджан. Мы едем, Нусрат-ака, и пришли извиниться и проститься.

Сухсуров. Неужели уезжаете? И нас здесь оставляете? И ты, Ходжархон, уезжаешь? *(Со слезами в гла-*

зах.) Л мы так привыкли! Особенно Нотанхоп. Не знаю, выдержит ли она?..

А б и д д ж а н (*насмешливо*). Да, ей, наверное, придется трудно.

Сухсуров. Твоя сестра, обучая Ходжархон уму-разуму, иногда горячилась, по я надеюсь, вы простите ее. Будьте счастливы! (*Плачет.*) На свадьбу-то хоть нас пригласите?

А б и д д ж а н. Если будете иметь к тому времени желание... (*Обращаясь к Ходжар.*) Собирайте свои пожитки! Это, по-моему, у вас много времени не займет.

Ходжар выходит. Сухсуров плачет.

А б и д д ж а н. Нусрат-ака, я хотел поговорить с вами о Юсуфе.

Сухсуров. О каком Юсуфе?

Абидджан. О вашем служащем. Он, оказывается, сидит.

Сухсуров. А... этот пьяница... А что с ним делать? Я ведь не халиф, чтоб решать, как мне вздумается. Я на государственной службе...

Абидджан. Жена его пришла ко мне с плачем!

Сухсуров. Даже к вам приходила? Была и у меня, но я ее прогнал.

Абидджан. Но ведь есть какие-то пути, чтобы помочь ей!

Сухсуров. Эти пути идут не через меня. На этих путях стоит соответствующий человек...

Абидджан. Вот об этом-то соответствующем человеке я и говорю!

Сухсуров. Что такое взятка и что такое взяточник, вы, кажется, знаете лучше меня! И посредником быть тоже преступно! Это вы знаете?

Абидджан. Знаю.

Сухсуров (*обидчиво*). И, зная об этом, все-таки толкаете меня на преступление?

Абидджан. Но ведь только вы и можете помочь этому бедняге.

^ Сухсуров (*смягчившись*). Юсуф, действительно, бедняга, и тот, кто хочет помочь бедняку... (*Рассмеявшись.*) Ведь, чтобы потушить пожар, не брезгают и мутной водой. Ладно, родство есть родство, так и быть, для вас окуну руку в эту мутную воду!

Абидджан. Сиаспбо... *(Передает ему деньги.)* Жена Юсуфа дала.

Сухсуров. Да пропади она пропадом! Для вас, не для нее делаю! Сами положите под одеяло. Не люблю касаться руками таких денег!

Абидджан *(кладет деньги под одеяло)*. Что так возитесь Ходжар? Пойду посмотрю!

Абидджан выходит из дома.

Сухсуров *(запирает за ним дверь)*. Глупец! Если я теперь не отдам тебя самого в руки приведенным тобою милиционерам, значит, я уже ничего не стою! *(Достает щипцами деньги из-под одеяла и бросает их в печку)*.

Ходжар *(в окно)*. Где Абидджан-ака? Дверь закрыта...

Сухсуров. Плохо потянула, дверь открыта... *(Сам себе.)* Не увидела ли?.. *(Идет, открывает дверь.)*

Входят Наврузов, Абидджан, Старик, два свидетеля и Ходжар. Свидетели поражены богатством обстановки.

Первый свидетель. Прямо-таки дворец Худоярхана!

Второй свидетель. Скажите лучше — бухарского эмира!

Наврузов. Салам!

Сухсуров. Салам! Еще что-нибудь случилось?

Наврузов. У вас много врагов, то и дело заводят на вас кляузы!

Сухсуров. Раз я на государственной службе, значит, у меня должны быть и враги! Надеюсь, вы не думаете, что классовая борьба окончена!

Наврузов. Мы старые знакомые, полагаю, что нет В7?кды предъявлять удостоверение.

Сухсуров. Никакой...

Наврузов. Это свидетели. Вы через своего шурина Абидджана Ибрагимова сейчас получили взятку в сумме трехсот рублей, чтобы замять дело Юсуфа Зиямова. Ознакомьтесь с постановлением и распишитесь.

Сухсуров *(берет постановление, Абиддоюану)*. Что же это получается?

Абидджан. Ничего особенного! Как вы выражаетесь, «мутная вода».

С у х с у р о в. Вы дали мне взятку?

А б и д д ж а п. Я дал, а вы взяли!

С у х с у р о в. Знал, что мои враги в учреждении прибрали вас к рукам и натравливают на меня, но не думал, что вы пойдете на такую низость. Негодяй!

А б и д д ж а п. Пусть это слово пока побудет в вашей глотке. Оно еще понадобится вам для самокритики!

Н а в р у з о в. Расписывайтесь!

С у х с у р о в (*дрожащим голосом*). Такова уж моя участь: кому сделаешь добро, тот платит злом... (*Расписавшись на постановлении, передает Наврузову.*) Пожалуйста, обыскивайте! Но предупреждаю — на этот раз не прощу! Пусть жена обидится, пусть из-за ее брата хоть до развода дойдет, все равно не прощу ему! Быстрее делайте обыск и пишите протокол!

Н а в р у з о в. Куда он положил ваши деньги?

А б и д д ж а н. Под одеяла. (*Поднимает одеяла.*) Денег нет.

Наврузов тоже подходит и смотрит.

Х о д ж а р. Абидджан-ака, посмотрите в печке!

С у х с у р о в (*спокойно*). Посмотрите! Посмотрите! Уже один раз смотрели!

Абидджан быстро подходит к печке, глубоко засовывает туда руку и что-то крепко схватывает. Сухсуров застывает, как столб.

А б и д д ж а н. Товарищ капитан, держу! Ходжархон, скорей проведите капитана в келью Кары!

Все удивлены.

Н а в р у з о в. Крепко держите?

А б и д д ж а н. Крепко!

Н а в р у з о в. Не отпускайте! (*Свидетелям.*) Пошли!

Голос Кары: «Ой, ой, моя рука! Ой!»

Наврузов, Ходжар, Старик и свидетели выходят. Входит Нетайхон, увидев происходящее, всплескивает руками.

Голос Кары: «Ой, рука... рука сломается!»

Н е т а й х о н. Это вы, Кары-ака? (*Абидджану.*) Что случилось?

Абпдджан. Готовьтесь прикладывать компресс к руке вашего Кары-ака.

За стеной, в келье, шумный говор.

Голос Наврузова: «Товарищ Ибрагимов, отпустите!»

Ходжар. Абидджан-ака, отпустите!

Абидджан освобождает внутри печки руку Кары.

Нетайхон (*Абидджуау*). Что случилось? Теперь что же, заберут наш дом? Абпдджан, неужели заберут наш дом? И сделают из него детсад? Неужели я не поживу здесь хотя бы до своей смерти!

Абидджан. «До своей смерти»? А вы думаете, что сейчас живая? У вас и у вашего мужа только челюсти шевелятся, когда вы жуete нечестно заработанное! Других признаков жизни у вас с ним не осталось! Нет, вы с ним давно уже умерли, только как следует похоронить вас все никак не соберемся! Все еще нет-нет да и услышим, как доносится ваш голос из гроба!

Входит Наврузов с фотоаппаратом в руках, за ним Кары с деньгами в руках. Ходжар, Старик и два свидетеля.

Наврузов приступает к сличению номеров денег.

Старик (*Абидджуау*). Печка-то, оказывается, настоящий тайник! Прямо через стену. Раз — и ничего нету!

Сухсуров (задыхаясь от злости, обращается к Кары). Что случилось? Почему опоздали?

Наврузов. А об этом лучше меня спросите. Вчера у Кары-ака погас свет. И только сейчас пришел монтер, наладил. Не так ли? -

Кары (*кивнул*). Да... Вот оно что! Теперь понятно!

Наврузов. Понятно? Только жаль, что немножко **поздно дошло, да?** (*Делает снимки печи.*)

Кары (*поспешно*). Я скажу вам все. Я вообще держиваюсь от лжи, когда имею дело с государственной властью. Несколько минут назад гражданин Сухсуров вызвал вашего покорного слугу и сказал: «Я брошу в печку некоторую сумму денег и прошу, чтобы они лежали у вас на временном хранении!»

Сухсуров (*вытирает глаза*). Никогда и никаких денег в печку я не кидал. Это он сам прячет в печке деньги, которые стащил у себя в духовной канцелярии!

Кары (*выйдя из себя*). Клевета! Нет, это он каждый рад бросает сюда в печку свои взятки!

А б и д д ж а н. А вы подбираете их? И какая же часть вам достается?

К а р ы. Ничего мне не достается. Он по собственной воле жертвует один рубль из десяти па украшение мечети! Шантан проклятый!

С у х с у р о в. Сам шайтан! Дармоед!

К а р ы. Скряга! Взяточник!

Н а в р у з о в. Ну, пошли! Там доругаетесь!

С у х с у р о в. Дезертир! Уголовник! Святого из себя корчишь!

К а р ы. Вор! Мошенник! А еще на государственной службе!

Н е т а й х о н. Ой, что же я теперь буду делать?

А б и д д ж а н. Что вам теперь делать? Догрызете то, что осталось на вашу долю от мужа, а если заболит голова...

Х о д ж а р. Ой, если голова заболит... Неужели они в тюрьму будут ходить, чтобы подули с молитвой...

Опускается внутренний занавес.

Представитель автора. Ну, как вам понравилась эта история? Может быть, некоторым кажется, что я немножко пересолил? Несколько друзей уже говорили мне это. Но у меня упрямый характер, и я еще раз повторю то, с чего начал.

Есть случаи, когда лучше пересолить, чем недосолить! Лишь бы, действительно, поскорей загнать в могилу этих людишек и больше не слышать их голоса из гроба!

К О Н Е Ц

1963

МИЛЫЕ МОИ МАТУШКИ

Комедия в трех действиях, шести картинах

Перевод А. НАУМОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К а р и в л ж а н — молодой врач.
У м и л а — молодой врач, его невеста.
Б у с т а н — мать Каримджана.
А ш у р а л и е в — отец Умиды.
Ш а к а р — мать Умиды.
Т у т и н и с о - соседка Бустан.
Х а й р и — дочь Тутинисо.
Д ж а м а л — председатель колхоза.
П о ч т а л ь о н, с а в и т а р.

Действие происходит в наши дни.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Укромный уголок в парке аэропорта. Низенький столик. Три кресла. Слышен гул самолетов. Голос диктора: «Объявляется посадка па самолет, следующий по маршруту 672 рейсом 67. Пассажиров просят пройти на посадку через выход номер 3».

Ашуралиев и Шакар.

Ашуралиев (*сердито запикивает за пазуху бумаги*). Я вам кто — муж или шляпа какая-нибудь?

Шакар. Ой, отец, да не сыпьте вы соль па рану...

Ашуралиев. Отец, отец!.. Ну, я отец — так чего ж вы действуете через мою голову?

Шакар. Ну, что я такого сделала через вашу голову?..

Ашуралиев. Умида полюбила Каримджана — ну, ладно, я на это ничего не скажу, от любви не уйдешь. Однако вы меня об этом моменте почему-то не информировали. Расписались они в ЗАГСе, ну, ладно, я и на это ничего не скажу, известно (*философски*) — единственное лекарство от любви — это ЗАГС... Но что это такое — мой зять, так сказать, новый кусочек моего сердца! — уезжает в свой кишлак, даже в мой дом не заявившись! Даже моих дверей не повидав!..

Шакар. Что ж вы носили обиду в себе, а? Вот бы и высказались, чем выступать по бумажке!.. Дочка-то уж Целую неделю дома...

Ашуралиев. Я бы и высказался... Только собрался, как уже дочку сюда привели.

Шакар. Ничего, еще много разговоров будет, вот и скажете свое слово кстати.

Амуралиев. И скажу!.. Ох, до чего ппть хочется. Пойду горло промочу. (*Уходит.*)

Входит Умида.

Умида. Самолет сейчас прпбудет, мамочка.

Шакар. О-ох!.. Раз уж сплелись ваши с Каримджаном судьбы, пусть ваша любовь крепнет, что я еще скажу?.. Но как же это так, доченька, сама подумай: кишлачные девушки в город уезжают, а ты в кишлак едешь, а?..

Умида. Ну, мамочка, я же вам сказала: мы обязаны поехать на работу по распределению и отработать там два года... И нас обоих в один район отправили! Нам туда только явиться надо, об остальном Каримджан еще зимой с рапсом договорился... Поработаем год-два, а там видно будет... (*Взглянув на часы.*) Ой, самолет уже прибыл! (*Смотрит в сторону.*) **Вон Каримджан!**

Выбегает и возвращается с Каримджаном.

Каримджан. Здравствуйте, мама...

Шакар (*целует его в лоб*). Дай бог счастья...

Каримджан. Как папа, здоров?..

Шакар. Спасибо, здоров. Он сейчас придет. Каримджан, ну, как же так, даже в дом не зашли...

Каримджан. Умидахон вам уже, наверное, сказала. Мы решили поскорее сдать документы, устроиться, на работе определиться... А там уже будем в гости ездить.

Шакар (*в сердцах*). Одна-единственная дочка... Моя жизнь, з'е сегодня и завтра... Я ее вскормила, я ее вырастила... Вы оба такие красивые, ходили бы под ручку по городским проспектам! А Умидахоп девочкой ни разу и за иглу не взялась, ни одной пиалы не вымыла, только училась, только училась! У ней и от гребешка мозоли будут!

Умида. Ну, мама — что это, вы меня хвалите или хаете? Я в общежитии и полы мыла, и окна...

Шакар (*не слушая*). Мы в свое время учиться не могли и жизнь свою получше не устроили. А вы теперь люди ученые, с высшим образованием! И должны жить в достатке. Были б вы в городе, я бы и постирала, и погладила...

Каримджан. Ну, что вы, мама...

Шакар. Нет, нет, вы сами доктор, вам касаться домашней работы тоже никак нельзя! А то есть такие жены:

мужа и стирать заставляют, и чуть ли брови себе не выщипывать. Ошг бы рады мужа и рожать заставить... Что это отец задержался?.. Мы ведь с ним уже наметили, как свадьбу устроить... В городе свадьбы сейчас так неинтересно празднуют!

К а р и м д ж а н. Что касается свадьбы — это все, как вы хотите.

Входит Агауралиев с бумагами в руках.

А ш у р а л и е в. Приветствую и поздравляю. Поздравляю и... и приветствую.

К а р и м д ж а н. Здравствуйте, отец.

А ш у р а л и е в (*становится, несколько отступив, по стойке «смирно» и взволнованно читает*). Приветствую и поздравляю. Поздравляю с получением высшего образования и вступлением на благородное поприще верного служения... э-э... народу в должности врачей и... э-э... выражаю уверенность в том, что вы достигнете высоких показателей и станете маяками... э-э... маяками труда.

К а р и м д ж а н. Спасибо.

А ш у р а л и е в. Одновременно поздравляю вас с принятием па себя семейных обязательств и выражаю уверенность, что вы их выполните и перевыполните... э-э... с честью.

К а р и м д ж а н. Спасибо.

Ш а к а р. Послушайте, отец, Каримджан, оказывается, еще своей матери не сообщил.

А ш у р а л и е в (*вздрыгнув*). Как это — не сообщил?

К а р и м д ж а н. Да, это правда. Я Умиде о матери тоже только недавно сказал...

А ш у р а л и е в (*взволнованно*). Почему же вы не информировали вашу матушку? А если она для вас наметила другую девушку?..

К а р и м д ж а н. Да нет...

Ш а к а р. А раз нет, почему ж вы ей не написали?!

К а р и м д ж а н. Каждый раз, как я приезжал, она мне говорила: «Женю тебя на такой девушке, женю тебя на эдакой девушке...»

Ш а к а р. На какой это девушке?

К а р и м д ж а н. Вы поймите, мама у меня немножко отсталая... Я ей потому и не написал, чтоб она за полгода вперед плакать не начала.

Ш а к а р. Какие же ей все-таки девушки нравятся?

К а р и м д ж а н. Да что там говорить, зайдет речь о девушках — она об их косах только и твердит...

Ш а к а р. Ну, если так — слава богу. Волос у Умиды достаточно. А то есть девушки — так они к голове целый килограмм овечьей шерсти прицепляют.

А шу р а л п е в. Однако это нехорошо, что вы свою матушку заранее не информировали. Начала б опа плакать за полгода вперед, глядишь, сейчас бы уже п выплакалась, а теперь вы перед ней явитесь, как снег среди лета... Хорошо — она вас добром встретит, а если прогонит? Возьмет обоих да и прогонит!

К а р и м д ж а н. Я уж об этом по дороге думал. Оно и вправду может неловко получиться, если мы к ней одни явимся... Хорошо бы — вы с папп поехали. Там уж она из уважения к вам, если не к нам...

Ш а к а р. Ну, как же это так...

К а р п м д ж а н. Я что хочу сказать... уговорить бы маму без слез, без скандала...

П л а к а р. Да уж, не дело то, что с плачем и скандалом начинается!

К а р п м д ж а н. Тут надо учесть... пережитки... Они в душе у матушки глубокие корни пустили.

А шу р а л п е в. Эти самые корни надо было своевременно вырвать.

К а р и м д ж а н *(с сожалением)*. Когда же? Сперва я маленький был, потом учился, учился — шестнадцать лет учился! Некогда было голову от кпиг поднять. Нелегко мне было, знаете, корни выдирать.

У м и д а. А что — теперь разве легче?

К а р и м д ж а н. Теперь я не один — вы со мной... и вот, мама.

А шу р а л п е в. Гм-м... Вы, два человека с высшим образованием, неужели вы не сможете по-хорошему взять в руки одну неграмотную старуху?

К а р и м д ж а н. Не такая уж она неграмотная, моя мама, она читать умеет, в годы войны в колхозе работала... Даже медалью ее наградили... Ну, а вы с нами поедете, мама?

Ш а к а р *(подумав, с сомнением)*. Хорошо ли это будет — мы, все четверо, перед вашей матушкой выстроимся?

К а р п м д ж а п. А почему пет?

А шу р а л п е в. Ну, как сказать — почему... Вот яв-

ляемся мы вчетвером, а ваша матушка в гнев опрокинет на нас целый воз лишних слов — что мы ей ответим? Она нам говорит: «Не хочу я вашей дочери!» — а мы, что, скажем: «Нет, примите»?

У м и д а (*содрогнулась*). Неужели она может так сказать?

К а р и м д ж а п. Ну, не совсем так...

А г а у р а л и е в. Кто знает, всего можно ожидать. Нет, вы поезжайте сначала сами, о том, что в ЗАГСе зарегистрировались, сразу не говорите, подготовьте сперва. Захочется ей поплакать — пусть выплачется, захочется пошуметь — пусть пошумит, пусть выложит все, на что способна. А после того как выговорится, она, конечно, поделает о лишних словах...

У м и д а. Неужели она скажет такое, о чем потом жалеть придется?..

К а р и м д ж а п. Не скажет...

А ш у р а л и е в. Лучше, если она выскажется и пожалует. Вот тогда мы и явимся и разговор заведем. Когда все уже поостынет. Ну, что скажете?

К а р и м д ж а н. Совет хороший.

А ш у р а л и е в. Вот и поезжайте. А мы следом явимся.

Ш а к а р (*подумав*). Отец... Каримджан, как-то неудобно Умиде без свадьбы, без ничего в ваш дом войти!..

У м и д а. Ах, мамочка, оставьте вы эти формальности.

А ш у р а л и е в. Ладно, ладно. Но вы, Каримджан, постарайтесь вашу матушку по-хорошему уговорить, хоть бы она и очень разошлась. А то, смотрите, ежа только задень,— когда он выпустит иглы, его уже в руки не возьмешь...

Ш а к а р. Да, Каримджан, а как зовут вашу матушку?

К а р и м д ж а н. Бустан. Бустан Эрматова.

Ш а к а р. Имя хорошее. Ну, значит, договорились.

К а р и м д ж а н (*протягивает бумагу*). Вот наш адрес, не забыть бы.

Все выходят, прощаясь. Шакар и Ашуралиев возвращаются.

Ш а к а р. Ох, не подумав, они поехали, отец. Лучше бы Каримджан письмом мать уговорил... Лишь бы все добром кончилось: а то, о-ох, боюсь, нехороший она чело-

век! Кто это в наше время невесту по косам выбирает?!

Ашуралиев. Насчет кос — верно. Но разве мать может быть плохой? Мать же! Плохая она или нет, а вырастила не вора, не бандита... В конце концов она просто немного отстала... и по-своему желает Каримджану счастья.

Шакар. Я не говорю, что она плохая! А что, если она решит мою дочь на старинный лад невесткой сделать, а? Косы — веник, руки вместо кочерги! Ни за что не стерплю, чтобы мою дочь превратили в кишлачную невестку! Заберу ее!

Ашуралиев. Вот это да! Что же дальше будет? Ваша сватья говорит «косы», вы говорите «кишлачная»...

Пролетает самолет.

Вот наша девочка и полетела в жизнь... Да будет счастливым твой полет, дочка!

Шакар. А-а, какой ужас, я забыла ей сказать, чтоб косынку на плечи скинула — а то кос не видно!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Улица... Ворота дома Каримджана. Когда входят Умида и Каримджан, Бустан с шумом выгаливает из дома Джамалата. Каримджан и Умида останавливаются. Каримджан прячет чемодан в траве и тянет Умиду в сторону.

Бустан. Все законы, которые ты знаешь, я тоже знаю! Права не имеешь! Не имеешь права!

Джамал. Да послушай ты, Бустан-буви, что это с тобой приключилось! Я же твоих прав не оспариваю.

Бустан. Ой, люди! Какое беззаконие! Я властям пожалуюсь. Ой, власти мои родимые!.. Ты погоди у меня, я с тобой в исполкоме буду разговаривать.

Буста Е убегает в дом.

Умида. Что это за женщина?

Каримджан (*растерянно*). Мама, моя мама.

Умида. А что случилось?

Каримджан. Сейчас узнаем...

Оба прячутся.

Выходит Бустан с медалью на груди.

Бустан. Я т-тебя сейчас в исполком поташу... (*Кричит.*) Тутинпсо-о! Эй, сватья-а! Сватья, тебе говорю!

Входит Тутинисо.

Тутинисо. Что? Что? (*Плюет себе за ворот.*) Что случилось? Пожар?

Бустан. Какой там пожар! Хуже! Видите ли, ему вздумалось мой дом в ясли превратить, люльки в моем доме решил повесить...

Джамал. Все равно этот дом на снос пойдет. Самый разгар работ, женщины заняты, прошу ее — все равно ведь не работаешь, хотя бы за детьми присмотри, всего четыре люльки и хотел подвесить! Так смотри, какую бучу подняла, можно подумать, наследство делит.

Бустан. Где Хайрихон?! Пусть ведет меня в исполком!

Тутинисо. Хайри на работе...

Бустан. Идите, позовите Хайри, сватьяшка, пусть с работы отпросится, пойдет со мной в исполком.

Джамал. Да ты меня послушай, чего тебе в исполкоме делать! Постановления уже приняты, подписи поставлены.

Бустан (*категорически*). Сказала нет, значит нет.

Джамал. С тобой говорить — что в пустой дом стучаться. Все, нечего мне с тобой время тратить, не сегодня-завтра Каримджан приедет.

Бустан. Дом на меня записан, ты Каримджана не вмешивай! Ты мне всегда был врагом! Если б ты, проклятый, тогда не написал вместо ордена медаль, я бы сейчас орденосцем была!

Джамал. Если б ты тогда со злости из колхоза не ушла, получила бы орден. А для тебя и медали жалко. (*Уходит.*)

Тутинисо. Сватья, возьмите себя в руки!

Бустан. Не возьму! Сейчас же в исполком пойду, все там кверху дном переверну.

Бустан и Тутинисо уходят. Входит почтальон.

Почтальон. Бустан Эрматова... Бустан-буви!

Голос Бустан: «Нету Бустан-буви. Переехала. Умерла».

Почтальон. Умерла? Аллах, помилуй! Поторопилась маленько — подожди она капельку, ушла бы с пенсией.

Входит Бустан.

Бустан. Ой, родненький, это тыт...

Получает письмо в пенсию, прячет деньги, вскрывает конверт.
Почтальон уходит.

«Здравствуйте...» Здравствуйте. «Дорогая матушка, как ваше здоровье, как живете?...» Слава богу, сынок. «Вот я и закончил учебу, еду на сосуд...» На сосуд! На какой это сосуд?! А-а, насовсем... «Шестого буду дома». Ой, какое сегодня число? Суббота — третье, базар — четвертое, понедельник — пятое. Спаси аллах, сегодня шестое! Сватья-а! Каримджан едет. Сейчас приедет.

Входит Тутпвпсо.

Тутинисо. Ой, правда?

Бустан. Что ж ты пораньше не написал, сынок!.. Вся молодежь теперь такая, все впритык делают. Как же теперь быть-то?.. Во дворе уберем.

Сцена поворачивается. Обе выходят во двор.

Тысяча благодарностей аллаху! Не зря я столько мучилась, не зря Каримджан столько трудился — кончилась учеба!.. И вам, сватьюшка, повезло. А свадьбу я пышную устраю, все выложу, что накопила, пускай и сынок задолжает, не беда!.. А то у меня врагов много.

Тутинпсо. Откуда у вас враги?

Бустан. Есть, есть. И у вас врагов ПОЛЕО... Созову гостей из семи махалля.

Тутинисо. Ну, немножко поубавьте.

Бустан. Ладно, из пяти махалля. На плов семь мешков риса велю пустить. Мукарраму-ханум приглашу, Халиму-ханум, Тамару-ханум... Всех привезу на машине! Каждую своими руками одарю. (Вдруг.) Дувал придется ломать, сватья, народ не поместится.

Тутинисо. Да, иначе не получится. Теперь все, кто свадьбы устраивает, дувалы ломают.

Бустан. Ох, чуюло мое сердце! Хорошо, что начала плов готовить, мясо и морковь зажарила. (Вынимает деньги.) Сватья, вы сходите на базарчик, купите дыню, конфеты... Нет, я сама пойду, а вы за Хайри сходите, пусть с работы отпросится.

Тутинисо. Ой, сватьюшка, неудобно. Все-таки девушка. Вернется с работы, сама зайдет.

Бустан. Оставьте эти отсталые разговоры. В наше

время парни и девушки за руку по улицам гуляют, в район ездят футбол смотреть. Ничего зорного нет.

Тут и и и со. Я п говорю. Другое дело, если б они встречались, хоть переписывались бы.

Б у с т а п. Это вы виноваты. У меня сын молчальник. Велели бы Хайри ему написать.

Т у т и и и с о. Почему это Ханри Каримджану писать должна! И между соловьями принято: самец запеваёт.

Б у с т а и. Каримджан у меня не певчий соловей, вот я сама и запеваю. Ну, ладно, на базарчик я сама схожу. Вы замесите тесто, лепешки испечем. Мука на кухне. *(Выходит.)*

Т у т и н и с о. Вообще-то хорошо, что Каримджан не певчий соловушка, а то привез бы оттуда какую-нибудь.

Т у т п и и с о выходит.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сцена поворачивается. Улица.. Каримджан и Умида выходят из своего укрытия. Умида берет свой чемодан и собирается уходить.

Каримджан. Куда вы?

Умида. Нет дыма без огня.

Каримджан. Какой дым? Оставьте вы эти загадки.

Умида. Ту? вся жизнь полна загадками... Кто такая Хайри?

Каримджан. Хайри? Соседская девчонка.

Умида. Ваша матушка называет соседку сватьей.

Каримджан. Ну и пусть называет.

Умида. Это у вас в кишлаке так принято — называть соседок сватьями?

Каримджан. Хайри — ой, Умидахоп, да я об этом понятия не имею!

Умида. Была, значит, все-таки причина, что вы своей матери не сообщили! А меня сюда на посмешище привезли?

Каримджан. Умида, ну что это с вами! Ну что мне сделать, чтоб вы поверили? Зайдем-ка в дом, выясним. Если это правда, плюньте мне в лицо!

Умида. Хорошо. Сдам направление раису — и уеду.

Сцена поворачивается. Умида сидит на чемодане.

Никак не могу понять, почему же вы все-таки матери не сообщили. Прокляла бы она вас, что ли?

Входит Туттинсо, руки в муке.

Туттинсо. Ой, Каримджан ирпехал...

Каримджан. Здравствуйте, тетушка, как живете?.. Сестренка моя, Хаирпхон, как, здорова?

Туттинсо (*обрадованно*). Спасибо. Матушка ваша на базарчик ушла. Псымоваше получил. (*Увидела Умиду*. *Растерянно*). Здравствуйте, как поживаете?..

Умида. Вы как поживаете?

Туттинсо выходит.

Каримджан. Умидахон, отдохните, я сейчас самовар поставлю. Поднимитесь-ка на тахту.

Умида. Не рано ли...

Каримджан. На душе у меня легко, все будет в порядке... Поднимайтесь смело! Уголь на кухне, наверное.

Умида. Дайте, я сама.

Забирает самовар и выходит. Входит Туттинсо. Растерянно смотрит ей вслед. Входит с покупками Бустан.

Каримджан. Здравствуйте, матушка...

Бустан (*обняв сына, плачет*). Сынок, дитя мое, наконец-то насовсем приехал... Кончилась учеба, да, кончилась? Не уедешь больше?

Каримджан. Не уеду больше, мама, врачом я вернулся. Все болезни теперь из кишлака прогоним!

Бустан. Прогони, сынок, все прогони, до единой... Туттинсо, поставьте самовар. Стелите дастархан.

Туттинсо. Самовар сам на кухню пошел. (*Насунившись, стелет дастархан.*)

Каримджан. Я вижу, в честь моего приезда вы и медаль надели.

Бустан. Да нет! Джамал проклятый хочет в нашем доме ясли устроить, вот я и решила идти скандалить в исполком!

Каримджан (*смеется*). Медаль, значит, чтоб скандалить?.. Что, правда, в нашем доме ясли хотят открыть?

Бустан. Ну да.

Каримджан. Не допустим.

Бустан. Не то что ясли. Совсем снести хотят.

К а р и м д ж а п. Ну, снестп-то — пускай сносят, другой дом дадут.

Б у с т а н. Не надо мне другого! В этом доме твой отец умер.

К а р и м д ж а п. Отец же в Белоруссии погиб, мама.

Б у с т а н. Все равно. В этом доме я извещение о его смерти прочитала.

Входит У м и д «1 с самоваром.

Это кто?

К а р и м д ж а н (*торопливо*). Гостья. Гостья.

Т у т и н и с о (*Вустан*). Что же это — гость в чужом доме самовары носит, что ли?.. Похоже, ваш соловей запел.

Б у с т а н. Не дай бог. Здравствуйте, гостья, откуда вы, куда направляетесь?

К а р и м д ж а н. Она тоже закончила учебу. Сюда и направляется... Врачом.

Б у с т а н. А вы какой доктор?

У м и д а. Детский... Детский врач, педиатр.

Б у с т а н. Если так, осмотрели бы своих сестреночек и братишек сначала, родителей своих осмотрели бы. Они где живут?

У м и д а. В городе...

Б у с т а н. Если они в городе, вы почему здесь?

К а р и м д ж а п. Она же на работу приехала.

Б у с т а н (*недоверчиво*). А ваши родители чем занимаются?

У м и д а. Папа лектор, мама в магазине работает...

Б у с т а н (*искоса взглянув на Каримджана*). В каком магазине?

У м и д а. В книжном.

Б у с т а н. Тутинисо, сватьяшка, вымойте рис, я плов заварю. Бедные родители нашей гостьи — наверно, подобрали ей хорошего жениха да и ждут не дождутся. Она поест плов и уедет... Приезжайте на свадьбу Каримджана, деточка. На свадьбе как раз нужна такая помощница, как вы. А невесту я нашла Каримджану, как цветочек — ее вот дочка, Хайрихон. Косы до колен, образованная, почти что доктор — в аптеке работает, всему кишлаку одна лекарства готовит... Ну, сватья, поторапливайтесь.

Обе выходят.

У м п да (*грустно*). Пока вы издалека речь заводили, ваша мать все высказала.

К а р и м д ж а н (*взволнованно*). Умида, чепуха все это. Я и не думаю. Ну, что мне сказать, что мне сделать, чтобы вы поверил!

У м и д а (*чуть не плача*). Да верю же я!

К а р и м д ж а н. Вижу, как вы верите! Ей-богу, сейчас как заору. На мать заору...

У м и д а. Не надо, я ей тогда еще хуже покажусь...

К а р и м д ж а н. Я понимаю, это все нелегко стерпеть, но, пожалуйста, не загорайтесь вы от того огня, что мать развела...

Умида. Ну, мы же с самого начала так договорились...

К а р и м д ж а н. Ну, раз так... (*Словно нашел выход*.) Знаете что, холодная вода успокаивает, умойтесь-ка вы.

Умида (*сквозь слезы*). Еще что сделать?

К а р и м д ж а н. Да нет, я серьезно. Ну, пожалуйста. Там и полотенце есть. Вот сюда пройдите...

Умида (*вздыхнув*). Начинаем жизнь с холодной воды. Что-то в конце будет? (*Выходит*.)

Входит Б у с т а н, неся на шумовке вареное мясо.

Б у с т а н. Отведай пока этого мяса... (*Обрадованно*.) Гостья ушла, да?

К а р и м д ж а н. Нет, умывается.

Бустан. Чего это она умывается, разве свою грязь в чужом доме оставляют?

К а р и м д ж а н. Она чудесная чистая девушка, мама.

Бустан. А мне все равно, мне ни грязи ее не надо, ни чистоты. Чистая девушка к постороннему мужчине не привязывается! И вообще, по ней видно, что она детей не способна иметь, боже нас упаси от этого!

К а р и м д ж а н. Как это вы можете, матушка, такие вещи о незнакомом человеке говорить! Ведь п она для кого-то любимое дитя. Скажи такое кто-нибудь обо мне — что бы вы ответили?

Бустан. На такое сам за себя ответишь. Что, не сможешь?.. И что я сказала? Пусть, говорю, ие умывается в чужом доме... Да и того не сказала... (*Вдруг*.) Ну-ка, взгляни на меня, чего это ты ее так облизываешь? Или между вами что-нибудь есть?

К а р и м д ж и н *(нерешительно)*. А если есть?

Б у с т а п. А если есть, ни на том, ни на этом свете тебя не прошу. *(Плачет.)* Я тебя своим молоком вскормила!.. Значит, так, да? Стал доктором, так и мать не нужна, и благословения материнского не надо? Так, да?

К а р и м д ж а н. Хорошо, эта вам не нравится, другая будет.

Б у с т а н. Мне и другая не нужна! Мне Хайрихон нужна.

К а р и м д ж а н. Мама, да ведь об этом и речи никогда не было.

Б у с т а н. Почему это не было!.. Мы с Тутинисо уже пять месяцев только об этом и говорим. Недавно Хайри уговорили. Мать ее все слезы выплакала. Да и я наплакалась. Измучились, пока уговорили.

К а р и м д ж а н. И что — Хайрихон сказала, что, пойдет за меня?

Б у с т а н. Разве девушка такие слова скажет? Она сказала: «Посмотрим». Но в душе-то она согласна!

К а р и м д ж а н. Ладно, в душу Хайри вы заглянули. А в мою заглянуть собираетесь?

Б у с т а н *(с угрозой)*. Что, Хайри тебе не нравится? Такая девушка!.. *(Всхлипывая.)* Такая красивая, как нарисованная. Косы — до колен. Готовит — пальчики оближешь. Гостей принимает еще лучше своей матери, И к тому же образованная! Одна всему кишлаку лекарства выдает! И не фасонит, старого и малого уважает, почитает. Если в махалле свадьба какая или праздник, всегда пойдет, поможет. *(Со слезами.)* Вся моя жизнь в труде прошла, если на старости невестка меня слушать не будет, так и помру, словно не жила...

К а р и м д ж а п. Матушка, и Умида вам послужить может.

Б у с т а н *(встревоженно)*. А?..

К а р и м д ж а н. Нет, я говорю, и такие девушки умеют послужить свекрови.

Б у с т а н. Этот твой доктор будет детские животы слушать или меня?

К а р и м д ж а н. Хайрихон тоже работает, сами же говорите, готовит лекарства всему кишлаку.

Б у с т а н. Да я Хайри на третий день после свадьбы заставлю работу бросить!

Каримджан. Ну да, бросит аптеку и будет готовить лекарства для вас одной! А она сама — знает об этом?

Бустан. Я раньше времени шум поднимать не люблю.

Входит Умида.

Что это, гостья, у вас дома вода, что ли, кончилась?

Умида. Нет, мама, есть вода. (*Заметив свою ошибку.*) Ой, извините...

Бустан. И не стыдно ни с того ни с сего меня мамой называть? (*Каримджану.*) Ты слышал, она меня так назвала?

Каримджан. Она же извинилась.

Входит Тутинисо.

Тутинисо. Сватья, принесемте плов.

Бустан. Принесите. Хотя нет, Хайри подождем... Или, ладно, ей оставим. Сама отложу. А то гостье ехать надо. Вы пока чай заварите.

Обе выходят.

Каримджан. Умида, я сейчас взорвусь.

Умида. Каримджан, милый, идите умойтесь, вода холодная, она так успокаивает!

Каримджан (*про себя*). Похоже, похолодней воды еще много понадобится.

Каримджан выходит. Входят Бустан с пловом, Тутинисо с чаем.

Бустан. Ну-ка, гостыюшка, присаживайтесь, ешьте быстрее, нас не ждите. Тутинисо, налейте чаю — в две пиалушки наливайте, быстрее остынет. Где это Каримджан?

Умида. Умывается.

Бустан. Боже милостивый, что это с вами!

Хайри (*в проеме стены*). Мама здесь?

Бустан. Козочка моя, иди сюда, детка.

Хайри входит.

Хайри. Здравствуйте.

Умида. Здравствуйте.

Бустап. Садитесь же, гостья.

Входит, выпряя лицо полотенцем, К а р п м л ж а н.

Х а й р и. Ой, Каримджан-ака, здравствуйте!

К а р и м д ж а п. Здравствуйте, Хайрихон, здравствуйте, сестренка.

Х а й р и. Закончили учебу?.. Поздравляю вас!

К а р и м д ж а п. Спасибо... вот Умидахон тоже.., И тоже доктор.

Х а й р и (*поняла, искренне*). Поздравляю. (*Обнимает Умиду*.) Как хорошо. Я тоже об этом мечтаю!

Б у с т а н. Ну-ка, поднимайтесь на тахту. Плов совсем остыл. Хайри, возьми воду, начни со свекрови.

Хайри берет кумган для обмывания рук, подмигивает Каримджа* ну и Умиде. Лица обоих явно проясняются. Бустан поднимается на тахту. Входит Д ж а м а л.

Д ж а м а л. Здравствуйте.

К а р и м д ж а н. Э-э, Джамал-ата...

Обнимаются, приветствуют друг друга.

Д ж а м а л (*внимательно смотрит на Умиду*). Здравствуйте, дочка... Молодец... Гм-м, хорошо, хорошо. Каримджана-то я знаю, ну а вы кем приехали?

К а р и м д ж а н. Она тоже доктор. Детский врач.

Д ж а м а л. Ну-ка, иди сюда. Это та самая девушка, о ком ты зимой говорил? Вижу, вижу, вы две половины одного яблока! О-о!.. Никому вас обоих не отдам. Мы тут новую больницу строим! Почти кончили уже.

К а р и м д ж а н. Вот оно как!.. Поднимайтесь на тахту, Джамал-ата... Направления наши — вам здесь отдать или в правление нести?

Д ж а м а л. Здесь давай.

Х а й р и. Каримджан-ака, будете руки мыть?

К а р и м д ж а н. Нет, дайте-ка мне ложку, сестренка.

Б у с т а н (*раздраженно*). Может, и вам ложку подать, сватья?

Д ж а м а л (*не поняв*). Чего шум подняла, ложек у тебя, что ли, не хватает?..

Все заняты пловом. Молчание.

К а р и м д ж а п. Джамал-ата, говорят, вы в нашем дворе хотите люльки повесить?

Бустан оживляется.

Д ж а м а л. А-а, эти женщины совсем расплодились, Под каждым талом по четыре люльки. Уже п талов не хватает. У вас тут прохладно, вот я и хотел пару люлек подвесить, так твоя мать мигом свою медаль выставила.

Б у с т а н. П правильно сделала. Видишь, ои сам тебя спросил!

У м п д а. А ясли вы не построили?

Д ж а м а л. А вот закончим больницу, три-четыре комнаты под ясли выделю.

У ми да *(улыбнувшись)*. Это вы ясли в больнице разместите?

Д ж а м а л. А что, дочка, все правильно, и расходов половина. Медсестры п за детьми присмотрят.

У ми д а. Экономия-то, конечно, большая. Только интересно, какие родители оставят своих здоровых детей в больнице? И какой врач вам это разрешит? Вы уж лучше такого больше встух не говорите, Джамал-ата, газеты узнают — разнесут вас в пух и прах. *(Смеется.)*

Д ж а м а л. Верно, дочка, верно, об этом я не подумал... Хозяйствуешь, крутишься — все хочешь одним камнем двух ворон подбить.

Б у с т а н. Да оставьте вы эту проклятую ложку, ешьте быстрее руками. *(В сторону.)* Чтоб ты сгинула, а не смеялась...

Эти слова слышали все. Каримджан меняется в лице.

Х а и р и *(кладет ложку, смотрит на Каримджана, на Умиду)*. Тетушка, не я^елайте зла чужому ребенку, у вас тоже сын есть. *(Встает с места.)* Извините, Умидахон, ко мне подруги должны прийти... Приходите и вы, у меня есть хорошие пластинки.

Х а й р Б выходит.

Неловкое молчание.

Д ж а м а л. Э-э, какая ты бутозерка. *(Каримджану.)* Она невеста-то твоя?

Каримджап кивает головой.

Разве человек может будущей невестке зла пожелать? *(Не в состоянии понять.)* Бустан, она же ведь доктор, ты понимаешь, что такое доктор? И не совестно тебе? Стыд и позор!

Бустан. Да что я такого сказала?.. Сказала только: «Ешьте быстрее».

Каримджан. Ладно, ладно, матушка. Так-то вы учите молодых уму-разуму...

Джамал. Ну, мне пора. Поговорим еще. Идем со мной, дочка, колхоз наш покажу.

Каримджан провожает их. Тупиписо по знаку Бустан убирает дастархап и выходит. На улде останавливается автомобиль.

Каримджап. Мама Умиды приехала.

Бустан. Еще и мама должна была приехать!..

Каримджан. Да, чтобы свою дочку забрать.

Входит Шакар.

Шакар. Гроза прошла?

Каримджан. Проходит.

Шакар. Слава богу.

Каримджан. А папа где?

Шакар. В правление зашел, сейчас явится.

Бустан поневоле сходит с тахты.

Бустан. Здравствуйте...

Шакар. Здравствуйте, как живете, Бустан-бувд?

Бустан. О-о! (Бросив взгляд на Каримджана.) Откуда вы мое имя знаете?

Шакар. Дорога-ая, кто же не знает медалистку Бустан-буви Нормативу!

Бустан. Не Норматову, а Эрматову...

Шакар. Какая разница. Главное — ваше имя. И медаль.

Бустан (*польщенная*). Как вас зовут?

Шакар. Шакар-буви Ашуралиева. Ношу фамилию своего старика.

Бустан. Ваша матушка дала вам хорошее имя... Ну, прошу к плову. Мы только что ели, он еще не остыл.

Шакар. Сказать по правде, я такая голодная — хоть прошлогодний плов дайте, и то съем.

Бустан. Веселая вы женщина!

Шакар. Ах, дорогая Бустан-буви, лучше уж быть веселой! А горе — будь оно проклято. И сам не огорчайся, и других не огорчай.

Бустан. Я вот никого не обижаю. А меня — все обижают.

Шакар. Ах, дорогая, почувствуешь запах паленого — огляди собственный халат. Ну, да вы не тратьте сил на пустяки — приехал Каримджан, вот и радуйтесь.

Бустан. Конечно, как же не радоваться... Вот и вы дочку дождались. Подыскали ей жениха?

Шакар. О, Бустан-бувп, вы же образованная женщина, разбираетесь, что к чему, книги читаете. Недаром там пишут о любви и верности. Хорошо, когда молодые сами себе пару находят.

Бустан. Вы для того и распустили дочке уздечку, чтоб она подходящую пару нашла?

Шакар. О-о... ну, а если я взнуздаю и не будет она с любимым человеком — вся ее жизнь прахом пойдет!

Каримджан. Л это и для вас горе...

Бустан (в сердцах, глянув на Каримдоюана). Ладно, это ваше дело, распускать свою дочь или нет, а я уздечку сына из рук не выпущу. Такого не бывает, чтобы родители детям зла пожелали!

Шакар. Правильно, не бывает. Те родители, что в старину своих девчушек старикам отдавали, тоже им не желали зла...

Бустан (разъясняя). Такие вещи в старые времена бывали.

Каримджан. И сейчас такие найдутся... Разве что немножко другого требуют. Только нынешняя молодежь не соглашается. Одни прямо говорят, ну, а другие... другие стариков жалеют, вот и стараются им объяснить...

Бустан. Мне объяснять нечего, сама понимаю. С какими трудами я тебя вырастила, воспитала... Если я тебя теперь на желанной девушке не женю, — все, так и уйду из жизни, ничего не получив!

Каримджан. Матушка, да кто с моей женой жизнь-то проживет — я или вы?

Бустан. Я тебе найду, а ты проживешь.

Шакар (Каримджану). Ну и ну.

Каримджан (еле сдерживается). Матушка, вы меня выкормили, вырастили... ну... я вас на руках носить готов! Все мое — ваше... Всел! Но сердце-то вы мне оставьте.

Бустан. Знаю я этих сердечных: сперва сердце, душа, «мамочка», а потом все заботы на голову свекрови, вся работа ей на шею. Да еще если б только это!.. А то — плач, скандалы, собрание, суд... Только детей жалко.

Ш а к а р. Бустап-буви, таких семей в вашем кишлаке, может, одна и найдется.

Б у с т а н. Одна!.. С ними вот две будет.

Т у т и и с о с опухшпмп от слез глазами выходит из кухни, идет в сторону своего дома.

Б у с т а н. Тутинисо, подождите, поговорить надо.

Обе выходят.

Ш а к а р. Ну и ну. Не думала, что ваша матушка до такой степени... *(Встает.)* Не могу я больше. Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте. Меня в это дело не путайте. Вон, может, отец поговорит. Он человек терпеливый. Сейчас подойдет... Пойду позову!

К а р и м д ж а н *(вне себя)*. Ну, что это такое! Мама уж все границы... Нет, ей-богу сейчас взорвусь, все выложу.

Ш а к а р. Э, Каримджан, накричите на свою мать, так моя дочь ей покажется в сто раз хуже.

Ш а к а р выходит, входит радостная У м и д а.

К а р и м д ж а н. Ну, посмотрели колхоз?

У м и д а. **Посмотрела. *(Поднимает чемодан.)***

К а р и м д ж а н *(подавленно)*. Уезжаете?

У м и д а. Нет, теперь уж не уеду. Хоть бы и вы заодно с матушкой меня гнали.

Входит Б у с т а п.

Б у с т а н. Господи, уйдет эта девушка по-хорошему или нет?

К а р и м д ж а н *(нервно)*. Куда она уйдет, сейчас ее отец придет.

Б у с т а н. Так еще и папочка явится на мою голову!.. *(Решительно.)* Хорошо, пусть идет. Пусть. Я ему в лицо скажу про все штучки его дочери. Пускай идет!

К а р и м д ж а н *(мягко)*. Мама, неужели вы и при нем меня срамить будете?

Б у с т а н. А когда ты меня от срама умирать заставляешь, это ничего, да? Это можно?.. *(Вдруг.)* Женишься на ней? Ладно, женись, только знай: я твою жену в мартышку превращу! Я так сделаю, что она места в доме не найдет где ступить, будет у меня, как лягушка, прыгать.

К а р и м д ж а н. Это вы так — невестку-врача?

Б у с т а п. Одной семье одного врача хватит. Если у тебя два топора — знай, второго ты у соседей не отберешь.

К а р п м д ж а н. А Джамал-ата что сказал?..

Б у с т а н. И Джамала твоего, как лягушку, прыгать заставлю.

К а р и м д ж а н. Ладно, матушка, мы все будем прыгать, а вы будете хлопать в ладоши.

Входят Шакар п Ашуралиев.

Здравствуйте, папа. Входпте, пожалуйста.

А ш у р а л и е в (*Бустан*). Приветствую и поздравляю.

Б у с т а н. Эй, послушайте, не желаю я вашу дочь себе в невестки! Оставьте вы меня в покое или нет?! Что это за насилие над чужим сыном?

А ш у р а л и е в. Ого... (*Отбрасывает бумаги.*) И это вы говорите теперь, когда они расписались в ЗАГСе?

Б у с т а н. А-а... (*Ей дурно.*)

Все растерялись. Каримджап ее поддерживает.

Б у с т а н (*придя в себя*). Ах, вот оно как?..

К а р и м д ж а н. Да, так получилось.

Б у с т а н. Это почему же ты мне не сказал?

К а р и м д ж а н. Матушка, если б вы мне дали сказать...

Ашуралиев (*хочет поднять свои шпиргалки, но не берет*). Эти двое полюбили друг друга, как Фархад и Ширин, как Тахир и Зухра, как Руслан и Людмила, как... Э-э, зачем вам становиться между ними, как ведьме? Вы... вы же замечательная женщина нашей страны, славная медалистка...

Ш а к а р (*слегка заискивая*). Она ошиблась. Ошибпться может каждый человек, даже орденосец...

Б у с т а н. Нет, ЗАГС не считается, главное — свадьба!

А ш у р а л и е в. Но мы-то согласны.

Б у с т а н. Нет! Заберите свою дочь.

К а р и м д ж а н. Мама...

А ш у р а л и е в (*выходит из себя*). Да вы что говорите! Опомнитесь!

Ш а к а р (*всхлипывая*). Да что же это такое! Разве моя дочка подкидыш какой-нибудь... (*Умиде, готовая раз-*

рыдаться в голос.) Лучше мне умереть бы, чем такие слова слышать!

Бустан. Заберите, говорю, а то весь кишлак сейчас соберу!

Шакар (*Умиде*). Я говорила, что так и будет! Это мне награда за твое воспитание!.. Пойдем отсюда.

Умида колеблется.

Ашуралиев. Пойдем, пойдем, дочка! Ты у меня не бездомная! А вы что за человек? Ни стыда, ни совести!

Оба они, схватив Умиду, тащат ее к двери.

Каримджан. Папа! Мама... (*Вне себя.*) Матушка, вы знаете, что вы делаете? Вместе с Умидой внука прогоняете! Она ребенка ждет!!

Бустан. А-а?! Ждет ребенка? Верни! Верни. Говорю, верни, пусть родит, потом убирается!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация та же, только часть дома разрушена. Слышен гул мотора.

Бустан-буви, нарядная, с медалью на груди, сидит на тахте, на* семи разостланных ватных одеялах; ей, видимо, скучно, она ложится, встает, опять ложится, снова встает, смотрится в зеркало, пытается разгладить свои морщины, слезает с тахты, подбирает валяющиеся клочки бумаги чтобы выбросить, по кидает их обратно, раскалывает несколько орехов и раскидывает скорлупу в разные стороны, снова взбирается па тахту и усаживается.

К а р и м д ж а н, усталый, возвращается с работы.

К а р и м д ж а н. Здравствуйте, мама. Когда же мы переедем, путаемся тут в ногах у строителей...

Б у с т а н. Я никуда не перееду. Пусть меня переедут. Трактором пусть переедут! Куда я уйду из дома, где умер твой отец? Вот здесь я читала извещение о его гибели.

К а р и м д ж а н. Где?

Б у с т а н. Точно вот здесь... нет, вон там.

К а р и м д ж а н (*отмечает это место*). Ладно... Не устали?

Б у с т а н (*слезливо*). Все хозяйство на мне. Когда же твоя явится и двор подметет. И не похоже, что в этом доме женщина живет... Со стыда сгораю перед соседями! Могла бы чуть пораньше с работы возвращаться. Можно подумать, дети только и ждали этого доктора, чтоб заболеть!

К а р и м д ж а н. Матушка, вы же сами работали, разве вы с работы раньше возвращались?

Б у с т а п . Я работала, чтоб тебя прокормить, а она кого кормит, тебя, что ли? Что ж ты — столько учился и сам себя прокормить не можешь? Меня можешь не кормить, мне своей пенсии хватает!

Каримджан берет в руки веник, чтобы подмести двор.

Эй, ты мужчина, не бери в руки веник, это дурная примета!

К а р и м д ж а н . Да я в общежитии не только подметал, я и полы мыл, и обед готовил!

Б у с т а н . Вот-вот... нынешняя учеба только женщинам на пользу. Садись сюда. Получил зарплату?

К а р и м д ж а н . Получил...

Б у с т а н . Давай сюда. *(Берет кошелек, кладет под подушку.)* Еще и не невестка, а уже сует руку в твой карман.

К а р и м д ж а н . Мама, зачем вы так говорите? Она лучше любой невестки за вами ухаживает. На самом почетном месте сидите.

Б у с т а н . Ты что, мне ее таким путем навязать хочешь, а? Пусть родит и убирается! Родит — и убирается!.. Купи мне ичиги...

К а р и м д ж а н . Ичиги же у вас новые, мама.

Б у с т а н . А что, если у меня будет две пары? За те деньги, что стоит пара туфель на гвоздиках, — три пары ичигов дают. Вон — выстроила четыре пары туфель!

Выносит четыре пары туфель и швыряет.

К а р и м д ж а н . Мама... Умида же молодая, потом она ведь доктор, на виду у всех... Вам же почет, если она будет хорошо одета.

Входит Умпда с фотоаппаратом, перекинутым через плечо, с тяжелым пакетом в руках. Каримджан быстро убирает туфли.

Б у с т а н . Зачем же вы тяжелое поднимаете, что за женщина! *(Каримджану.)* Да возьми у нее, чего рот разинул.

Обрадованный Каримджан торопливо забирает пакет, кладет его рядом с Бустап.

Умида. Здравствуйте, матушка... Муку дают...

Б у с т а н *(посмотрела муку).* Хорошо. *(Оглядела Умиду.)* Вот это я понимаю, но... *(не найдя, что сказать)* нечего волосы корзинкой носить, косы заплетите!

Карпмджав. Косы на работе мешают.
Бустан. Ну, пусть хоть дома косы носит.
Умида. Ладно, матушка, запомню...

Входит Джамал, очень взволнованный.

Джамал. Каримджан, эй, Карпмджаи, что вы за люди! Что вы там ирорабу наговорили?

Каримджан. Здравствуйте, заходите, пожалуйста, Умида (*прячет улыбку*). А что мы такое сказали?

Быстро и легко накрывает дастархан. Бустан обращает на это внимание и улыбается.

Джамал. Я за них боролся, с таким скандалом их у себя оставил, а они что творят! Это называется, вы мне помогаете?

Каримджан. А что ж мы другое можем делать, ата? Ваш прораб, похоже, еще меньше нашего в этом деле понимает. То здание, что вы строите, для больницы не годится...

Джамал. Чем это оно не годится?

Каримджан. Во-первых, не годится уже то, что чертежи вы сами изготовили! Вы же не архитектор. Вы можете чайхану спроектировать, ну коровник...

Джамал. Знаю, что я не архитектор, но твой архитектор на сто тысяч нацелился. Это по-старому миллион! Что ж я, больницу за миллион буду строить? Килограмм хлопка за копейки продаю. У меня деньги близнецами не рождаются.

Умида. Больницу для кишлака район должен строить.

Джамал. Район! Ха! В этом вопросе район уши хлопком заткнул! Понимаешь? Хлопком!

Каримджан. Это правильно, но надо у них затычки из ушей вытащить! Вам некогда — я сам буду хлопотать. Выколотим средства — больницу на холме в саду будем строить, там чудесный воздух.

Бустан. Правильно Каримджан говорит. Больницу еще дальше отсюда надо строить.

Джамал. Ладно, обещаете помочь — ничего, кроме спасибо, не скажу. А сейчас пусть строится. Пока нету коня, на ишаке поедем...

Умида. Нет, Джамал-ата, давайте уж сразу на коня сядем. Это здание пусть достраивается, подправим немножко — ясли будут. Вот вы сказали: «Под каждым та-

лом четыре люльки», — а я обошла и все эти «ясли» сфотографировала. (*Кладет перед ним фотографии.*) Видали такие ясли? Вой, смотрите, старуха спит, а чтоб детишки к арыку не уползли, она их за животики веревкой привязала! Хороши ясли?

Д ж а м а л (*побледнел*). Ты зачем такие вещи фотографируешь? Ты что, шпионка? Хочется тебе фотографировать, иди снимай правление, радиоузел, баню... Зачем недостатки выпскиваешь?

У м и д а. Я же не корреспондент, я врач. Была бы корреспондентом, засняла бы баню, радпоузел — и поехала восвояси. Вся тяжесть колхозного труда на женских плечах, так вы еще и детьми их по рукам и ногам связываете... Разве может женщина толком работать, если она за детей не спокойна?

Б у с т а п. Верно говорит.

Д ж а м а л (*горячится*). Какой колхоз не имеет временных недостатков?

К а р и м д ж а п (*смеется*). Джамал-ата, сколько лет, как колхоз организовали? Понятие «временные» какие-нибудь границы имеет?

Д ж а м а л (*побежден*). Ладно, построит район больницу — это здание яслям отдадим. Вопрос надо вынести на правление. Сама и выступишь. А фотокарточки мне отдай.

У м и д а. Э, нет, я их правлению покажу.

Д ж а м а л (*отнимает*). Отдай, говорю, не дай бог еще кто-нибудь увидит. Если решение будет, хватит тебе? (*Прячет снимки за пазуху.*) Ну, я пошел. Да, кстати, когда свадьба?

К а р и м д ж а и. Как мама скажет.

Д ж а м а л. Сам буду на свадьбе председателем! (*К Бустан.*) Бесценная у вас невестка!

Б у с т а н (*Джамалу*). Так-то так, зато не похоже, что она мне услуживать будет.

Д ж а м а л. Ас чего это она тебе должна служить? Ты что, колхоз, что ли?

Д ж а м а л выходит.

Б у с т а н. Какой обед собираетесь готовить?

У м и д а (*встревоженно*). Как скажете...

Б у с т а н (*подумала*). Лагман, только шнурком, а не резаный.

У м и д а. Хорошо.

Б у с т а н. Пойду погуляю. А то лопну от скуки.

Уходит.

К а р и м д ж а н. Умпдахон, уедем!

У м и д а. Куда-а?

К а р п м д ж а н. Куда глаза глядят!

У м и д а. А как ваш тяжелобольной?

К а р и м д ж а н. Немного лучше.

У м и д а. Куда же вы уедете от такого счастья — увидеть своего выздоравливающего больного. И кто будет людей лечить? Кто — больницу строить? И ясли?.. Сегодня одна женщина малыша принесла. Воспаление легких. Весь горит. А мать на меня смотрит — и словно молится, и вся надежда у нее на меня... Как же я ее обману?.. Ну, неудобно вам передо мной за свою мать, ну ничего. Не надо... Интересно, какая я буду свекровь?

К а р и м д ж а н (*задумчиво*). Говорят, в раю трон стоит. Для хорошей свекрови... Так он, говорят, до сих пор пустой! (*Улыбается*.) А может, он вас дожидается?

У м и д а. А вы каким свекром будете? Небось наследственность скажется?

Смеются.

Ох, а как быть с лагманом?

К а р п м д ж а н. Даже не знаю... Разное готовить приходилось, а лагман шнурком — ни разу! (*Подумав*.) Во всяком случае фарш должен быть. (*Быстро*.) Вы рубите мясо, а я тесто приготовлю.

Умида смеется.

Что? Не умеете мясо рубить?.. Что, никогда не видели? Мама от вас по секрету мясо рубила?.. Положим на досочку... во-от... и будем рубить ножами... во-от. И получится фарш.

Карпмджан насыпает в миску муку, Умида берется за мясо.

Х а й р и (*в пролом*). Извините...

К а р и м д ж а н. О-о, Хайрихон, заходите! Правду говорят: если больному суждено выздороветь, лекарь к нему сам явится.

У м и д а. Здравствуйте.

Х а й р и. Несколько дней пыталась застать вас одних,

да все ппкак пе получалось. А сейчас, смотрю, тетушка Бустап идет к базарчику — думаю, хоть неудобно, а зайду. Вы уж меня извиппте...

К а р и м д ж а п. Э, сейчас есть дело поважнее извинений. Лагмап шнурком готовить умеете?

Х а й р и. Уме'ю.

К а р и м д ж а п. Так научите Умиду.

Х а й р и. **С удовольствием!** *(Принимается за работу.)*

Мы с вашим Каримджапом росли вместе, как брат и сестра. А когда повзрослели, ни у него, ни у меня никаких... вот мукой клянусь... Верно, ведь, Каримджан-ака?

К а р и м д ж а н. Как в аптеке.

Х а й р и. Но вот уже пять месяцев тетушка Бустан все говорит и говорит, мама плачет, надоели они мне! Решила я от них отделаться и говорю однажды: «Ладно, мол, там видно будет!» Ну, они и ухватились за это. Лучше бы мне не говорить этих слов... *(Смотрит в землю.)* У меня ведь тоже... друг есть... Мы с ним еще год назад другу другу поклялись...

К а р и м д ж а н. Вы бы своей матери хоть намекнули об этом.

Х а й р и. Да я боюсь, она в обморок упадет! Моя мама ничем от вашей не отличается... Вот вы вдвоем постепенно берете тетушку Бустан в руки, а я одна... *(Плачет.)*

К а р и м д ж а н. Не огорчайтесь, Хайрихон, мы вам поможем. Общими усилиями уговорим вашу матушку! Выйдете замуж за любимого человека, учиться будете... А кто этот юноша, он чем занимается?

Х а й р и. Ой, ну Азимджан же...

К а р и м д ж а н. Как? Азимджан, наш учитель?.. А он обо всех этих разговорах знает?

Х а й р и. Я ему рассказала. Вот он смеялся! Он в воскресенье вас навестить собирается.

К а р и м д ж а н. Прекрасно! Будем рады.

Х а й р и. Ну, я пойду. Сейчас, наверно, тетушка Бустан вернется...

К а р и м д ж а н. А как же лагман?

Х а й р и. Сейчас, сейчас.

Забирает все продукты, идет на кухню.

У ми да. *(вслед, подражая свекрови).* Ах, какие косы!

Гаснет и зажигается свет. Улица. Дом Каримджана. Входят Бустан и Тутинисо.

Тутинисо (*плачет*). Вы меня опозорили, осрамили... Раз не можете взять сына в руки, чего болтать зря.

Бустан. Да наберитесь вы терпения, сватья. Ничего же еще не произошло.

Тутинисо (*плача*). Опа уже ребенка ждет, это называется ничего не произошло? Как теперь моя дочка будет жить в кпшлаке? Да я сама — что я теперь людям скажу?

Бустан. Не плачьте, не к добру это. Если все так и будет, на меня не меньше вашего позор падет. Я вам говорю, ничего еще не произошло. Во-первых, это еще вопрос, беременна Умпада или нет. Я тихонько прислушивалась к ее дыханию, когда она спала, — беременная женщина так не дышит! Каримджан это нарочно сказал, чтобы меня сломить...

Тутинисо (*обрадованно*). Ей-богу, я вам не верю...

Бустан. Да что там ребенок, я не верю, что они и в ЗАГСе расписались. После ЗАГСа так не бывает.

Тутинисо. А что, они не спят вместе?

Бустан. Да вы что? Разве я позволю? Каримджан внизу, а Умида на айване, рядом со мной.

Тутинисо. Да откуда вы знаете...

Бустан. Я всю ночь сторожу, оба и не шелохнутся.

Тутинисо. Ну, разве так, чего ж вы ее не отправили? Пусть себе едет в свой город!

Бустан. Эй, сватьяшка, всего-то пума у вас! Ну, уедет она к себе в город, а Каримджана я что, стреножу, что ли? После того как она устроилась на работу, вздумала в гостинице жить. Но я не согласилась, не-ет, дудки. В гостинице ей, конечно, отдельную комнату дадут, и Каримджан, чуть вечер, к ней и поскачет потихоньку, не углядишь. Нет, пусть лучше оба при мне будут... А она, хоть в невестки и не годится, а девушка порядочная, это видно.

Тутинисо. Вот, вам самим уже она нравится, я знаю.

Бустан. Э, не говорите так, сватьяшка. Наоборот, я изо дня в день Каримджана от нее отваживаю. Но это надо потихонечку делать, исподволь. Если горячее сердце холодной водой облить, оно разорваться может. (*По секрету.*) Я ей велела сейчас лагмап шнурком приготовить.

А она, ясное дело, не умеет — вот я ей покажу! Так распишу ее при Каримджаие, так распишу... Вы, немного погодя, подойдите к пролому, а как я скажу: «Вай, чтоб сломались твои руки», — сразу и заходите. Сами увидите!

Хочет положить под язык нас. Наса пет.

Я схожу па базарчик за насом.

Б у с т а п у х о д и т .

И з д о м а в ы х о д и т К а р и м д ж а п .

К а р и м д ж а н . Здравствуйте, тетушка... Вы, тетушки, не обижайтесь, пожалуйста, вы тут, оказывается, договорились по-своему, а вышло иначе...

Т у т и н и с о (*плачет*). Да согласись только моя дочка, тыща женихов готовых... Во всем ваша мать виновата! Опа все говорила и говорила, ну я и решила себе: «Дочка у меня не доучилась, выйдет за вас — будет дальше учиться».

К а р и м д ж а п . Да матушка вовсе не собиралась разрешить Хайри дальше учиться! Наоборот, она думала после свадьбы ее с работы забрать, чтобы Хайри дома сидела и ей прислуживала...

Т у т и н и с о (*ошеломленно*). А... вон как... Что ж, моя девочка сиротка, что ли, как скажут «бросай работу», так она и бросит, чтоб вашей матери прислуживать?!

К а р и м д ж а н . Можете у матушки у самой спросить.

Т у т и н и с о . Как это, все работают, а моя дочка будет дома сидеть! Я не училась и не работала — вот кем стала! Если б я в свое время чему научилась, так и дочку доучить могла бы... (*Плачет.*) Отец ее, покойный, не дал мне ни работать, ни учиться... Ни мне пользы, ни дочери! Вот — плету кантики для тубетеек, а сколько на этом заработать можно? И на кантики теперь спросу нет совсем... (*Плачет.*)

К а р и м д ж а н . Конечно, тетушка, ваша дочка — не сирота. Хочет она учиться — значит, будет учиться!

Т у т и н и с о . Хочет — не то слово. Как придет с работы — головы от книги не поднимает... Весь дом книгами завален! Она больше ничего и знать не желает.

К а р и м д ж а н . Значит, добьется своего... Только я вам, тетушка, одну вещь сказать хочу: у нее любимый юноша есть...

Т у т и н и с о . Вай, моя дочь не из таких девушек!

Карпмджан. А что в этом плохого? Вес честь честью, юноша он достойный, что ж тут не по вас?

Тутинисо. Нет, конечно, но... а вам кто сказал?

Каримджан. Она сама сказала.

Тутинисо (*царапает лицо ногтями*). Вай, стыд какой!.. Срам! Так прямо вам и сказала?!

Каримджан. Не мне. Умиде она сказала.

Тутинисо. Кто же он? Какой юноша?

Карпмджан. Да онп еще до всех этих разговоров сговорились. Больше года уже...

Тутинисо. Ах ты тихоня! Пусть только явится, я ей покажу. Ай, тихоня! Нет, лучше я сейчас сама в аптеку пойду!

Тутинисо уходит.

Гаснет и зажигается свет. Двор.

Входит Бустан.

Бустан. Ну, э-эй, где лагман шнурком?

Карпмджан. Пришли, матушка?.. Лагман готов. Невестка ваша показала все свое искусство. Теперь в мире самые лучшие мастера по мучным блюдам — это китайцы. А у вашей невестки была подружка — китаянка, вот она ее и учила готовить лагман шнурком.

Бустан (*грубо*). Китайцы, говорят, лягушек кушают.

Каримджан (*торопливо*). Лягушек тоже едят в тесте. Может, вы перед обедом холодной водой умоетесь, она успокаивает человека...

Бустан. Пусть лагман принесет.

Каримджан (*на кухню*). Умидахон, несите обед, у нас уже слюнки текут.

Голос Умиды: «Сейчас...»

Входит с тревогой на лице, вносит еду, ставит на столик. Берет воду для омывания рук.

Бу ст; & R (моет руки, с сомнением смотря на блюдо).

Гм...

Каримджан (*пробует*). О-ох... Что это вы положили в фарш, Умидахон?

Уми да (*поддельваясь под китайский акцент*). Череп-па-ха шпм-пан-зе.

Бустан. А это дозволено нашей верой?

К а р и м д ж а н . Черепаху шимпанзе делают из рогов джейрана. Вы же знаете, на джейранов падишахи охотились.

Б у с т а н (*ковыряет пальцем в пище*). Не буду есть! В лагмап шнурком фарш не кладут...

К а р п м д ж а н . А по-китайски — кладут.

Входит санитар.

С а н и т а р . Каримджан-ака, с Астанаулом плохо.

К а р и м д ж а н . Иду!

У м и д а . И я с вами.

Все трое уходят. Бустаи-буви пробует лагман.

Б у с т а н . Ах, этот Китай, чтоб ему пусто было... *{Ест с аппетитом.}* Проклятый Кптай...

Входит Тутинисо.

Т у т и п и с о . Хайри! Эй, Хайри!

Б у с т а н . Заходите, Тутиписо, заходите.

Т у т и н и с о . Хайрп тут не была?

Б у с т а н . Нет! Идите сюда, сватья, лагман шнурком по-китайски вы, наверпо, в жизни не ели.

Тутиписо уничтожающе смотрит на Бустан, которая с удовольствием ест. Входит Хайри.

Т у т и н и с о . Ты что эдесь делаешь, проклятая! Чтоб ноги твоей в этом доме не было!

Б у с т а н (*Тутинисо*). Не получилось на этот раз, завтра другой обед закажу! Тогда увидите.

Т у т и н и с о (*приближаясь*). Бустан-буви, никогда не думала, что вы такая. *(Направляется к пролому в стене.)*

Б у с т а н (*вслед*). Что вы за нетерпеливая женщина, Тутинисо, сказала же, завтра закажу другое блюдо!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Те же декорации, но дом снесен полностью. Осталась только часть дувала и кухни. Площадка перед зданием будущих яслей открыта. На краю тахты сидит, задумавшись, Бустан-буви.

Вдали радпо поет о любви.

Тутинисо (*в комбинезоне, несет ведро с известкой*). Вап, Бустан-буви, что вы здесь еще делаете? Сегодня же ваши сваты должны приехать — о свадьбе советовать! Неужели опять все расстроите?... Измучили вы бедного Каримджана, дайте волю молодым...

Бустан. А вы своей дочке волю уже дали! Посмотрю-ка я на ее женишка! Я вижу, он вас в маляра превратил...

Тутинисо. Вы сперва думайте, потом говорите. Какой я маляр, я в яслях работаю... Днем работаю, вечером учусь. Санитаркой буду... Дальше стану учиться — сестрой могу стать! Умидахон сказала.

Бустан (*пренебрежительно*). Это вы-то сестрой можете стать?

Тутинисо (*гордо*). Да, и буду ходить вместе с докторами. Уколы делать! И вам укол сделаю...

Бустан. Я в вашем уколе не нуждаюсь. У меня сын доктор. Захочу — и невестку из докторов возьму!

Тутинисо. Ай, молодец! Так чего ж вы здесь сидите? Ступайте и берите!

Входит Каримджан.

Каримджан. И вы здесь, тетушка!.. Рабочий день же кончился. Идите переоденьтесь... Подождите — постелите, пожалуйста, курпачи.

Тутинисо стелет курпачи на тахте, забирает ведро и уходит. Ах, матушка, тысячу раз спасибо вашей догадливости! (*Вьет себя по лбу.*) А я, зеленая башка, об этом и забыл:

какой же совет о свадьбе без участия отца? *(На деревце, около которого им была сделана отметка, вешает портрет отца.)* Он во главе совета должен быть. Спасибо, что не помнили...

Б у с т а п. Когда сваты приезжают?

К а р и м д ж а п. Сейчас... Они сюда придут, я соседей предупредил.

Б у с т а н. Когда заговорят о свадьбе, будешь мне в рот смотреть.

К а р и м д ж а н. Хорошо, мама, мы оба будем вам в рот смотреть. Мы и так от пего глаза ие отрывали. Шагу без вас ие ступили...

Б у с т а в и К а р и м д ж а н выходят. Входит Ш а к а р а Л ш у р а л и е в. Он вынимает бумаги, привезенные тайком от жены.

Ш а к а р *(увидела бумаги)*. Опять по бумажке!

Л ш у р а л и е в. Да нет... тут только три странички. Я не буду читать, лишь бы их за пазухой чувствовать.

Ш а к а р. Неужели двух слов не найдете, чтобы сказать о свадьбе собственной дочери? *(Отбирает бумаги, прячет в свою сумку.)*

А ш у р а л и е в. Сказал же, не буду читать... Не верите, очки заберите.

Входит Д ж а м а л.

Д ж а м а л *(всматриваясь в лицо Ашуралиева)*. Вы — лектор?

А ш у р а л и е в. Лектор Ашуралиев.

Д ж а м а л *(шутливо)*. То-то я смотрю... Если приехали с путевкой, давайте, подпишу. *(Шакар.)* Вы не обижайтесь. Мне тут как-то сказали — лектор из района приехал. Ну, я все дела бросил, в клуб побежал. Смотрю — вот он, на трибуне стоит, головы не поднимая, и бубнит, а все сидят, как убаюканные... Прямо по лекция, а мертвый час! Господи боже, и откуда вы такие слова снотворные берете!.. В старику уличные рассказчики своими небылицами про святых людей плакать заставляли, а теперь сущие факты так излагают, что людей смех берет...

А ш у р а л и е в. Справедливая критика, товарищ председатель. Но я... *(Доверительно)* по правде говоря, я и сам не знаю, как на этой работе очутился. Хоть и привыкаешь читать чужие слова, но своими-то они не становятся...

Д ж а м а л. Да вы разве не свой текст читаете?

А ш у р а л и е в. Никак нет!

Д ж а м а л (*смеется*). Вы, значит, как петух, опившийся сурьмы: шею тянет, клюв раскрывает, а голоса нет!

А ш у р а л и е в. А голоса нет.

Д ж а м а л. Нелегко это вам приходится... А слушателям вашим и того трудней! Может, вам другую работу найти.

Ш а к а р. Вот бы хорошо было!

А ш у р а л и е в. Какую, к примеру?

Д ж а м а л. Ну, к примеру... вон, сельпо большой книжный магаппп открывает. Можио заведующим.

А ш у р а л и е в. Извините, по книжному делу специалист товарищ Ашуралиева.

Д ж а м а л. А вы... а ваша профессия?

А ш у р а л и е в. Руководящий работник. Мелкий руководящий работник.

Д ж а м а л. Ну, что ж, у нас и руководящая работа найдется! У нас вон клуб есть, радиоузел, баня. Над ними всеми один руководитель нужен.

А ш у р а л п е в. Многовато сразу три объекта...

Д ж а м а л. На радиоузле ребята энергичные, в бане работа и так идет, народ сам моется, там только идейное руководство требуется. Остается клуб, ну, там надо и руководить и работать... Подумайте!

Входит К а р и м д ж а н.

К а р и м д ж а н. Здравствуйте! А я только собрался за вами идти!

Входит Б у с т а н.

Б у с т а н. Здравствуйте...

А ш у р а л п е в (*думает о бумагах в сумке*). Какживаете?..

Находит удобный момент и выкладывает свои бумаги.

Б у с т а н. Хорошо доехали?

А ш у р а л п е в. На сто процентов.

Д ж а м а л. Салют, что ли, заказать? Наконец-то все собрались. И чего это здесь? Почему не дома?

К а р и м д ж а н (*показывает на портрет*). Мама здесь читала извещение о гибели отца, вот мы и решили: во главе свадебного совета пусть отец будет.

Д /к а м а л (*тронут*). Спасибо тебе, сынок!

Ш а к а р. Умницы.

К а р и м д ж а н. Это мамина мысль.

Д ж а м а л. Йе, неужели из тебя выходят такие тонкие мысли?

Б у с т а н. Это только ты мной пренебрегаешь!

А ш у р а л и е в. Светлая память о нем сохранится в наших сердцах!

Д ж а м а л. Ну ладно, я тороплюсь, давайте о свадьбе говорить. Я, значит, специально одного барана откорхмпл. Килограммов сто риса дам. Ну, и еще там, по-колхозному... (*Каримджану.*) Вы оба в колхозе на виду... Свадьба большая будет. И новоселье заодно справим!

А ш у р а л и е в. В тезисах сказано, что нельзя устраивать большие свадьбы.

Д ж а м а л. А мы свадьбу по вашим тезисам проводить не будем! Так где хотите свадьбу-то делать? Послушайте вы меня, давайте в клубе. Сейчас многие так делают. Хорошо получается. (*Вустан.*) Ты же видела.

Б у с т а н (*слезливо*). И что тебе стоило этот дом не ломать?

Д ж а м а л. Ну, а если б я его не сломал, ты что — людей сюда позвала бы, что ли? Не стыдно тебе?

К а р и м д ж а н. Мама, мы увеличим фотографию отца и поставим в клубе...

Д ж а м а л. А вы что скажете?

А ш у р а л и е в. В клубе — это хорошо, и трибуна есть.

Д ж а м а л. Да вы что — и в день свадьбы лекцию читать собираетесь? Уберем трибуну!.. Ну, хорошо. Теперь давайте день назначим. Мы с Каримджаном следующий выходной наметили. Что скажете?

Все одобрительно кивают.

Значит, решено. Аминь.

Б у с т а н. Подожди еще «аминь» говорить. Любое дело сначала обговор любит. Умидахон хорошая, не скажу что плохая... Но, говорят, удача благословенным сопутствует! Если она будет дома сидеть и мне служить...

Шакар кривит губы.

Д ж а м а л (*рассердился*). Послушай, что это ты все твердишь «мне служить» да «мне служить»! Почему это

Умидахон тебе одной служить обязана? Она в государственной школе училась, на деньги народа, пусть теиорь народу и служит! Поняла? А если ты требуешь, чтоб она после свадьбы работу бросила да сидела дома, за тобой ухаживала — так я этот вопрос на колхозном собрании подниму! Поведу тебя на собрание — сама всем и скажешь...

Бустан (*испугалась*). Я такого не говорила и не скажу.

Джамал (*по-прежнему*). Ну-ка, как тебе надо служить? Каримджан, бери бумагу да записывай, потом повесим ей вместо медали. Ну, говори! Пока мать совершает пятикратную молитву, Умида должна подавать воду для омовения... Так, что ли?

Бустан. Слава богу, я не молюсь...

Шакар (*торжествующе*). И в самом деле... на бедную девочку уже фартук нацепила.

Джамал. А, теперь и вы. Что особенного, если она и надела фартук? Умидахон — доктор, но умение готовить еще никакой женщине не помешало... Вы сами — разве дома не готовите? Или одни консервы едите?

Ашуралиев. Ох, председатель, и не говорите. Как раз консервы всю жизнь и едим. Не дом, а товарный вагон. В коммунизм в теплушке едем!

Шакар (*толкает мужа в бок, негромко*). Что вы за муж, сор из избы выносите!..

Ашуралиев (*продолжая о наболевшем*). Кипяток — и тот из чайханы носим!.. Ей-богу правда!

Джамал. Ну, все? Аминь. Слава аллаху, аминь. Я пошел.

Каримджан. Подождите!

Свatzям преподносят подарки, на Джамала одевают чапан.

Бустан (*плачет*). Несчастная... Если б можно было — сгинула бы, в Мекку ушла!

Каримджан. В Мекку бы ушли — и меня оставили?

Бустан. Я у тебя царства не просила, трона не требовала, всего-навсего и сказала — пусть твоя жена дома посидит и мне послужит!..

Каримджан. Матушка, вы только о себе и твердите. Испокон веку матери наперед о детях думали, а вы обо мне и забыли!..

Н а к а р (*вдруг*). Почему ото моя дочь должна вам служить, вы что, принцесса?

Б у с т а н. Да, принцесса. В своем доме я принцесса!

Ш а к а р. Значит, ваш дом никогда не будет домом Умиды?

А ш у р а л и е в. А в тезисах об этом — ничего...

Ш а к а р. Если вам дорог ваш сын, так мне моя дочка дорога! Я ее тоже не легко растила! Что, у меня меньше молока было?!

Б у с т а н. Может, и не меньше. А мужчина есть мужчина. Он выше женщины!

Входит Туттинисо.

Т у т и н и с о (*задорно*). Эй, Бустан-буви, что это вы так принижаете женщин? Не так уж мы с вами унижены!

Б у с т а н. Вы помолчите, вас никто не спрашивает.

Ш а к а р (*вдруг*). Ладно, если уж служить, пусть они один день оба вам служат, а другой день — мне.

К а р и м д ж а н. Все, умнее ничего не скажешь, на этом кончаем дискуссию.

Б у с т а н. Вай, это почему ты, мужчина, должен женщине служить! Пусть бы себе сына родила и взяла невестку!

А ш у р а л и е в (*про себя*). Она что, на меня намекает?

Б у с т а н. Надо было себе сына родить!

К а р и м д ж а н. Мама!..

Т у т и н и с о. Ай, Бустан-буви, неужели вы такая бесовестная женщина!

Б у с т а н. А-а... Я бесовестная! А вы давно ли совестливая стали? Скажите, с какого числа, будем знать!

Т у т и н и с о. Стыдитесь!

Б у с т а н. Это вы стыдитесь. Я еще на базаре кантиками не торговала.

К а р и м д ж а н. Мама...

Т у т и н и с о (*бледнеет*). Вы меня прошлым не попрекайте, Бустан-буви, я... (*горько*) я это не от хорошей жизни делала...

Б у с т а н. От хорошей или нет, а торговали!

Т у т и н и с о. Торговала... не отказываюсь... (*Вдруг*) А вы никогда не ошибались?

Б у с т а н (*горделиво*). А в чем я ошибалась?

Т у т и н и с о (*мстительно*). А кто хотел закабалить сначала мою дочь Хайри, кто теперь хочет закабалить Умпдахон, кто этот злодеи, феодал?

Б у с т а н (*встает, грозно*). Кто феодал? Кто злодей? Вон из моего дома!

К а р и м д ж а н. Мама!!

Т у т и н и с о. Злодейка! Феодалка!

Тутинисо уходит.

Б у с т а Б (*вслед*). Торговка!

Ш а к а р. Думайте, когда говорите, сватья! Разве дочь — не дптя? Разве вы своей матери не были дороги?

Б у с т а н. Я не говорила, что дочь не дитя. А свет в доме — испокон веков сын, а не дочь.

Ашуралпев (*запихивая бумаги в карман*). Значит, когда вы родились — ваша мать не обрадовалась? Что же это вас назвали «Бустан» — цветник? Надо было вас называть «Гуристан» — кладбище!

Ш а к а р (*мужу*). Ну вот, все испортили! Теперь придется прощения просить! «Я ошибся, извините...»

А ш у р а л п е в (*Шакар*). Я ошибся? Извините.

Б у с т а н (*задыхаясь*). Ах, так... Я еще не успела их дочь в невестки взять, а они уже меня в могилу толкают! Знать не хочу такого родича! Помогите!! Людп-и!

Входят Джамалп Хайри.

Людп-и! Помогите!!

Д ж а м а л. Что еще случилось? Ведь помолвка уже была!

Б у с т а н. Насилие над чужим сыном! Прошло то время! Людп! П

А ш у р а л и е в. Да вы просто гнездо феодализма!

Швыряет подарки.

Б у с т а н. Теперь, на старости лет, меня феодалом сделали? Помогите, люди!!

Д ж а м а л. Да послушай ты! Чего ты орешь, как ишак на пожаре! Ори не ори — все равно Каримджан на Умиде женится! Чего зря надрываться?

К а р и м д ж а н. Матушка, по-моему, вы сказали все, что хотели, и еще сверх того — и свои слова сказали, и чужие повторили. А теперь меня послушайте. Вы говорите, все от бога... Не знаю уж, от бога иди от кого дру-

того, но паша судьба с Умидой — одна, и что нам суждено, того вы у нас не отнимете.

Б у с т а н. Ах, вот как!..

К а р и м д ж а н. Да, так.

Б у с т а н. Ну, раз так (*произнося как проклятие*), пусть она тебе даст жизни. Пусть... Но уходи туда, откуда ее привел. В моем доме вам нет места-а!

К а р и м д ж а н. Новый дом весь ваш, мы с Умидой себе угол найдем.

Б у с т а н. Можете там жить, я отсюда все равно не уеду. (*Джамалу.*) Мой дом мне обратно отстрой!

Д ж а м а л. Ладно, отстрою. Если б я знал, так не сносил бы, ленточкой огородил, в музей превратил бы!

Снимает дареный чапан, накидывает на Бустан и уходит.

Б у с т а н. Людп-иП Помогите! Сына украли-и!!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лунная ночь. Площадка перед новым зданием яслей. Обессиленная Бустан, шатаясь, входит и садится с краю. Вбегает Каримджан.

К а р и м д ж а н (*встревоженно*). Куда она могла уйти в полночь? Не имела она такой привычки.

Входит Умида.

У м и д а. Не волнуйтесь, может, ей просто не спалось, она и гуляет где-нибудь. (*По сторонам.*) Мама! Мама-а!

К а р и м д ж а н. Вы не зовите. (*По сторонам.*) Ы! Мама-а! Мама-а-а!

У м и д а. Каримджаи, повторите подробнее, что Ойджамал сказала? Может, она в старый дом пошла?

К а р и м д ж а и. Да нет же старого дома!

У м и д а. Дома нет, но место-то осталось. Я схожу, посмотрю.

У м и д а выходит.

К а р и м д ж а п (*про себя*). Да... думадд, поедем в кишлак, сделаем то, сделаем это, жизнь будет в сплошных радостях. А в кишлаке у врача, кроме болезней, еще

и вон какие заботы... Правду говорят: пока старое поборешь — состаришься...

Входит Умида.

Умида. Нет ее, все обыскала... Разбудила Хайри.

Входит Хаири.

Хайри. Ужас какой! Я ее вечером видела. Она говорила, что уйдет из кишлака, но я не подумала, что всерьез... успокаивала ее.

Каримджан (*озабоченно*). Вот оно что...

Умида (*успокаивающе*). Ну, куда она пойдет ночью...

Все трое расходятся в разные стороны. Слышны их голоса: «Мама!

Мама! Тетушка!»

Входит Тутинисо. Ищет дочку.

Тутинисо. Ханрпхон! Хайрихон! (*Про себя.*) Может, Азимджан приехал? Никогда такого не было.

Видит кого-то, приближающегося издали, пугается, отступает. Входит, как привидение, Бустан, явно не в себе, доходит до цветника и падает. Тутинисо невольпо к ней подходит.

Бустан-бувп!.. Что это с вами? Что это вы здесь бродите? Откуда шли?

Бустан (*всхлинув*). Испугалась я, испугалась...

Тутинисо. Чего испугались?

Бустан. Воды... Я ходила к реке...

Тутинисо. Да что вы там делали ночью, у реки?

Бустан плачет.

Чего вам там надо было, а? Да говорите же вы, язык в реке оставили, что ли?

Бустан. Искандер Двурогий поведал свое горе воде... вот и я... я тоже хотела... поведать... испугалась... Вода заговорила — иди ко мне, ты такая одинокая, бездомная... Испугалась я...

Тутинисо. Так вы же сами себя и одинокой и бездомной сделали! Меня, свою ближайшую соседку, из дома выгнали, сватью и свата обидели, прогнали, от сына и невестки отвернулись... Ну, и что вы сказали, когда вода вас позвала?

Бустан (*кладет голову на плечо Тутинисо, ее бьет дрожь*). Я сказала... я сказала: нет, у меня есть сын!

Т у т и м п с о. Иу и молодец. Вот вы и в себя приходите. У вас такой сын, такая невестка, а вы... Уже сколько людей все переживают, всем неудобно... Бедный Карпмджан прямо высох. Вот утром ясли откроют, митинг будет. Весь кишлак поднимет на руки вашего сына и невестку, все им аплодировать будут, а вы что же, будете сидеть, как чужая?

Б у с т а н *(смотрит на здание яслей, на деревья, на цветник, наконец, на скульптурную фигуру под покрывалом)*. Что это такое? Я здесь извещение читала, что это поставили? *(Хочет заглянуть под покрывало.)*

Т у т и н и с о. Подождите, Бустап-буви. Раз накрыто, значит, нельзя смотреть.

Б у с т а н. А почему нельзя? Наверно, голая какая-нибудь?

Т у т и н и с о. Не знаю, не видела, днем стояла тумба, вечером, смотрю, верх появился. Да ну, что вы, не поставят тут голую женщину!

Б у с т а н. Ой, вы что, не видели ворота в парк? С одной стороны стоит женщина с тарелкой, с другой — с мячом, и обе голые! *(Умоляюще.)* Тутинисо, голубушка, позвольте хоть кусочек посмотреть...

Т у т и н и с о. Будет утром митинг, тогда не кусочек — все увидите... Да нет, Бустан-буви, не может быть,

Б у с т а н. Что не может быть?

Т у т и н и с о. Да неужели наш председатель додумается до такого, он вон сколько хорошего в колхозе сделал.

Б у с т а н. Э, Тутинисо, при чем тут председатель? Про ясли-то ему Каримджан сказал!

Т у т и н и с о. Ну, раз так, разве ваши сын и невестка согласятся, чтоб тут голую женщину поставили?

Б у с т а н. Они-то не согласятся, а вот Джамал про*клятый, говорят, любит такие дела.

Т у т и н и с о. Ну, хватит, Бустан-буви, пошли, я вао провожу. Хороший у вас сын, и с невесткой повезло. Пошли.

Б у с т а н *(не знает, что сказать)*. А вы? Вам тоже повезло. Говорят, Азимджан будущую жену на учебу готов отправить... *(По секрету.)* Другой человек, глядишь, заставил бы Хайри дома сидеть.

Радио: «Внимание, внимание. Говорит колхозная радиостанция. Товарищи колхозники, будьте соседей. Будьте ваших соседей».

Бустан. Ах ты, господи, не дай бог, война!

Тутинисо. Тппун вам на язык!

Радио: «У микрофона наш председатель Джамал-ата. Слушайте!»
Джамал (по радио): «Товарищи колхозники! Ивините, что парушил ваш сои. (Печально.) Несколько часов тому назад мать нашего уважаемого доктора Каримджана...»

Бустан. Ой...

Джамал (продолжает): «..То есть свекровь нашей уважаемой невестки доктора Умидахон, Бустан-буви Эрматова, исчезла».

Бустан. Ой...

Джамал (продолжает): «Бустан-буви ночевала в доме колхозницы Ойджамал. Во сне она встала и ушла. С ней такое бывает. Каждый, кто упндит Бустан-буви, должен крепко схватить ее и немедленно привести в правленпе».

Тутинисо (тянет Бустан). Пошли!

Бустан. Подождите...

Тутинисо. Пошли, говорю, не то поташу.

Бустан. Председатель же колхозникам сказал, вы тут причем? Чего это вы меня тащите, вы же не колхозница?

Тутинисо. Я работаю в яслях, значит, колхозница!

Пока они препираются, вбегает Хаири. Увидев их, бежит обратно.

Хайрп, где тебя носит!

Бустан. Не пойду! Не пойду! Что я ему скажу?

Тутинисо. То же, что мне сказали.

Бустан (умоляюще). Голубушка Тутинисо, пусть это останется между нами! Ну, дорогая! Ведь это чужому нельзя сказать.

Радио: «Внимание, внимание. Товарищи колхозники, Бустан-буви Эрматова нашлась. Бустан-буви нашлась».

Бустан. Ну вот, нашлась я.

Входят Каримджан, Ашуралиев, Шакар. Молчание. Бустан смотрит в землю. Входит Джамал. Тутинисо ему пересказывает.

Каримджан. Мама, мама, ну что вы натворили!

Бустан. Джамал же сказал по радио — это я во сне...

Джамал. Ты где была, бесовестная?

Бустан. Я?

Джамал. Да, ты. Ты что у реки делала?

Бустап хмуро смотрит па Туппиисо.

Ладно, у Искандера рога были, вот он реке горе и поведал... А у тебя какое горе? Сын — доктор, невестка — доктор, такая пара — весь кишлак не нарадуется — об этом, что ли, ты реке сказать хотела? Так ты лучше людям скажи! Пойдем, скажешь по радио, люди еще уснуть не успели...

Ашуралиев. Пожалуйста, я буду сопровождать.

Ш а к а р (мужу). Да замолчите вы.

Входит Умида.

Д ж а м а л (показывая на Умиду, Бустап). Скажи, что ты одинокая, бездомная, скажи.

Бустан (плачет). Хватит!.. Нашлась я, чего ты еще хочешь? Что было, то прошло... А на это (показывает на скульптуру) я никак не согласна! На этом месте я читала извещение, чтоб моль съела твою совесть!

Д ж а м а л, А что я такого сделал на этом месте?

Бустап. Небось сам знаешь, раз прикрыл. Убери! Убери, не открывая! Нечего детей развращать...

Джа мал. Да ты хоть знаешь, что это такое? (Сдерживает покрывало. Под ним — скульптура ребенка, тянущегося к солнцу.)

Бустан. Ой... какой хорошенький! (Обнимая Умиду.) Дай бог и тебе... Мне па радость... Э, Джамал > неужели из тебя выходят такие топкие мысли?

Джамал. Это только ты мной пренебрегаешь... (Поворачивается к Каримджану и Умиде.) Дети мои, вот матушка ваша и впрямь нашлась... Это вы ей помогли найти!

Умида. Матушка, да мы вас никогда и не теряли. Это вы сами... (Обрывает себя, улыбается.)

Ашуралиев. Теперь держитесь, яе потеряйтесь снова!

ЗАНАВЕС

1966

- Ливан* — терраса. *Лка* — старший брат, в разговоре обычно уважительное обращение к старшему. *Амиш* — сельский староста. *Лка* — мать. *Апа* — старшая сестра; уважительное обращение к женщине.
- Лския* — острога, остроумная шутка, сказанная экспромтом. *Лта* — отец. *Афлотун* — Платон.
- Бешик-той* — праздник по случаю того, что младенца впервые укладывают в колыбель.
- Гуджа* — каша пз джугары. *Гузар* — оживленное, бойкое место на дорогах, перекрестках.
- Джугара* — сорго, кормовая культура; в прошлом в Туркестане — хлеб бедняков. *Додхо* — один из высших чипов в Бухарском ханстве, в обязанности которого входил прием прошений на имя эмира. *Дувал* — глинобитный забор.
- Ёогор* — памятник, предмет, являющийся памятью, сувенир, реликвия.
- Ичиги* — сапожки без твердого задника п каблука с мягкой подошвой.
- Кавуши* — кожаные калоши. *Казий* — судья, судивший по законам шариата. *Казы* — колбаса пз сырой конины, выдержанная в течение нескольких месяцев. *Кадакчи* — маете}), скрепляющий разбитую фарфоровую или стеклянную посуду. /*Сары* — чтец корана. *Кукнар* — мак, употребляемый как наркотик. *Кумган* — медный кувшин с ручкой. *Курпача* — узкое ватное одеяло для сидения.
- Махалля* — квартал города. *Минбаши* — тысяцкий, волостной правитель. *Мирза* — писарь, господин.
- Улем* — богослов, высшее духовное лицо. *Усма* — растение, содержащее вещество, употребляемое для окрашивания бровей.
- Сай* — долина речки. *Сим* — старое название Ферганы. *Суна* — глиняное возвышение в саду или во дворе. *Суфи* — суфий, праведник.
- Райхон* — базилик.
- Табиб* — лекарь. *Танап* — мера площади, различная в разных районах: от 1/6 ДО 7г гектара. *Тандыр* — небольшая глиняная печь для выпечки лепешек. *Таньга* — бухарская серебряная монета стоимостью в 15 копеек.
- Чачван* — покрывало для лица, сплетенное из черных конских волос. *Чилёсин* — религиозный обряд, совершаемый в доме, где есть тяжелобольной, — сорокакратное повторение молитвы «ссип». *Чиммат* — сетка из конских волос, которой женщины закрывали лицо.
- Эликбаши* — пятидесятник, кишлачный староста. *Эффенди* ~ ~ тоо подии.
- Ходжа* — потомок одного из четырех халифов.
- Я итак* — колючее растение, используется как топливо. *Яхтак* — длинная, до колеи, рубаха с открытым воротом.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Прозрение слепых. <i>Перевел М. Никитин</i>	5	Одно из двух. <i>Перевела П. Аргунова</i>	140
Мастон. <i>Перевела Г. Хантемирова</i>	21	Жены. <i>Перевел И. Ииссен</i>	142
Городской сад. <i>Перевела Т. Калягина</i>	29	История одной телеграммы. <i>Перевела И. Аргунова</i>	159
Неудача Баки-Мирзы. <i>Перевел М. Никитин</i>	31	Речь. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	164
• Боры. <i>Перевела И. Боролина</i>	41	Кроватька. <i>Перевел М. Никитин</i>	167
вольная. <i>Перевела И. Боралипа</i>	45	Картина. <i>Перевел А. Садовский</i>	173
Гранат. <i>Перевел А. Садовский</i>	47	Говорит Ганишер. <i>Перевела П. Аргунова</i>	184
Знамение. <i>Перевела П. Аргунова</i>	53	Тысяча одна жизнь. <i>Перевел А. Рахими</i>	189
Два сапога — пара. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	61	Мертвые слова. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	196
Человек искусства. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	64	Траур на свадьбе. <i>Перевел Г. Каменский</i>	199
Националисты. <i>Перевела Т. Иалкина</i>	67	Пкота. <i>Перевела П. Аргунова</i>	203
Учитель словесности. <i>Перевел А. Наумов</i>	71	Соображение по поводу... <i>Перевел Л. Ленч</i>	205
Бывают же огорчения... <i>Перевела Н. Аргунова</i>	78	Голос из бутылки. <i>Перевела П. Аргунова</i>	208
Свадьба. <i>Перевела П. Аргунова</i>	77	Клевета. <i>Перевела П. Аргунова</i>	211
Джанфиган. <i>Перевела Т. Иалкина</i>	81	Страх. <i>Перевел А. Рахими</i>	217
Годы-. <i>Перевела Г. Хантемирова</i>	88	Кувшины. <i>Перевел Л. Ленч</i>	226
Этакий упрямец. <i>Перевела П. Аргунова</i>	90	Хвостатые люди. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	231
Дружки. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	95	Махалля. <i>Перевел А. Наумов</i>	238
Диспут на том свете. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	99	Потухший вулкан. <i>Перевела П. Аргунова</i>	244
Бек. <i>Перевела П. Аргунова</i>	103	Сияющие вершины. <i>Перевела Д. Рашиви</i>	248
Девушки. <i>Перевела Т. Иалкина</i>	108	Большевики. <i>Перевела Г. Хантемирова</i>	258
Нажми на спусковой крючок. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	112	ПЬЕСЫ	
Барон фон Ринг. <i>Перевела Н. Аргунова</i>	118	Шелковое сюзане. <i>Перевели Ю. Герман и Б. Реет</i>	267
Синий конвент. <i>Перевел А. Садовский</i>	118	Больные вубы. <i>Перевел А. Неслер</i>	341
Старый Асроркул. <i>Перевел И. Ииссен</i>	123	«Голос из гроба». <i>Перевел К. Симонов</i>	399
Хи-хи... <i>Перевела Н. Аргунова</i>	137	Милые мои матушки. <i>Перевел А. Наумов</i>	449
		Пояснительный словарь	494

АБДУЛЛА КАХХАР

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В 3-х ТОМАХ

Том I

РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ

Перевод с узбекского

Редактор П. ЗАЛЕНСКАЯ
Художественный редактор И. ЦЫГАНОВ
Технический редактор М. МЫРКАСЫПОВ
Корректор Л. КАЗАКОВА
Сдано в набор 31.X—71 г. Подписано к печати 11Д—1972 г. Формат 84X108¹/₃₂. Печ. л. 15,5, Усл. печ. 26,04. Уч.-пзд. л. 24,05+0,11 (1 вкл.) Тираж 15 000. Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма.
Ташкент, Навои, 30. Договор № 133—69.

Набрано и отмастрировано на Киевской полиграфкомбинате Государственного комитета по печати при Совете Министров УССР
Киев, улица Довженко, 3<

Отпечатано на Ташкентском полиграфкомбинате Государственного комитета по печати при Совете Министров УзССР
Улица, Навои, 30.
Бумага № 1. Заказ М 1747.
Цена 1 р. 21 к,

Уз

КЗО

Каххар, Абдулла.

Избранные произведения. В 3-х т. (Редколлегия: С. Бородин и др. Сост. канд. филол. наук Н. В. Владимирова). Т. I. Т. Изд. литры и искусства им. Г. Гуляма, 1972.

Т. I. Рассказы и пьесы. 496 с.

Уз *
0

Индекс 7—3—3